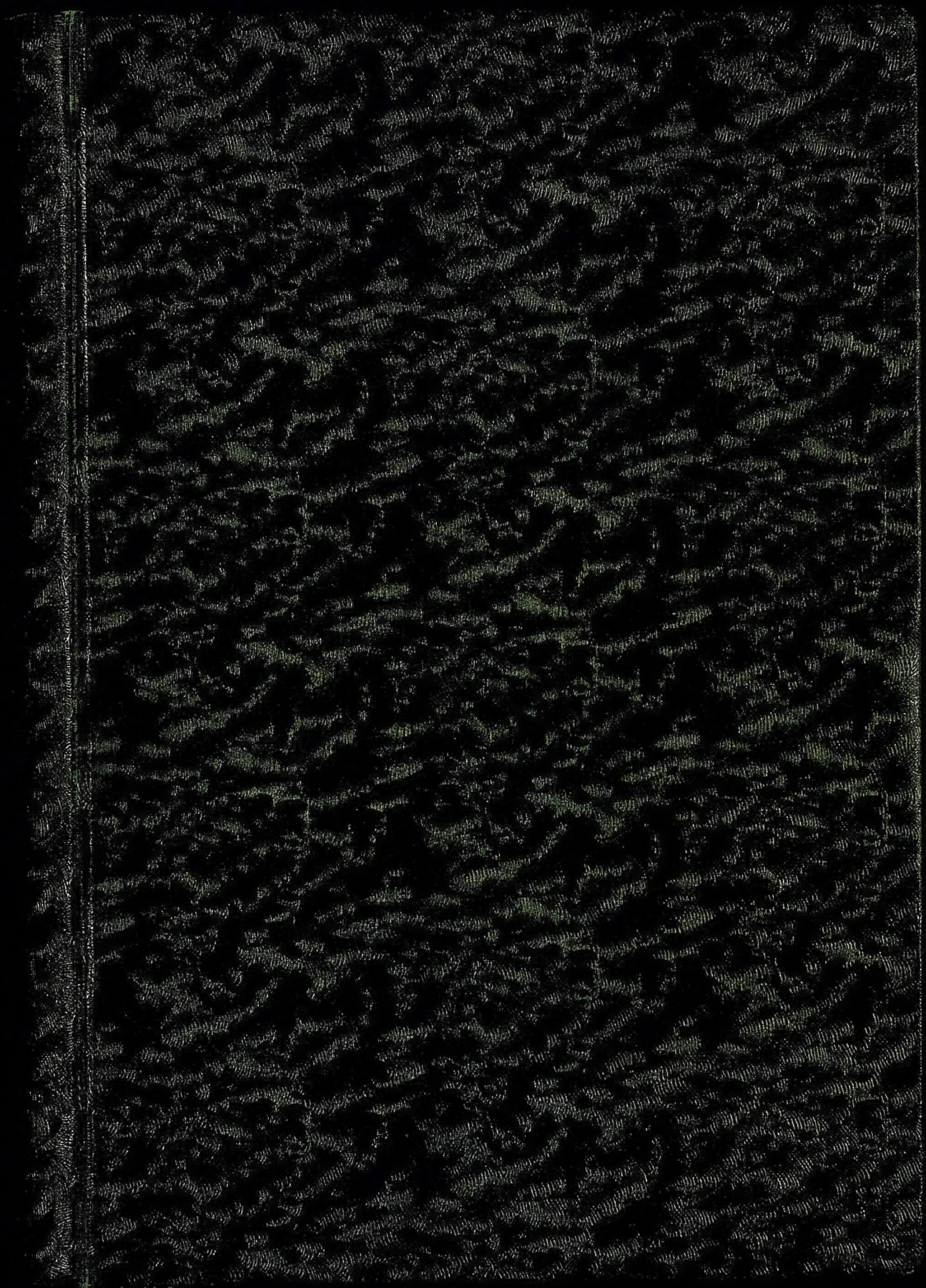

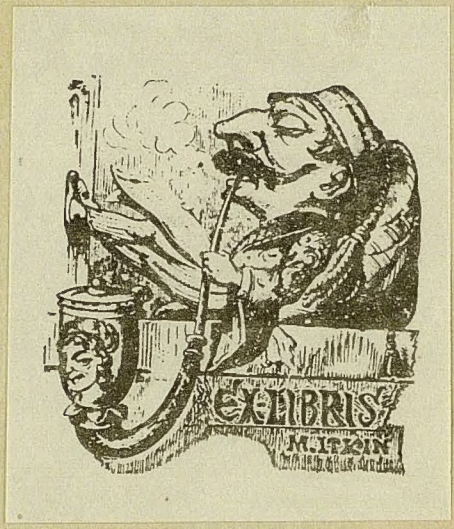
EX LIBRIS
M. ITKIN

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
„НЕДРА“

В. ВЕРЕСАЕВ

ПУШКИН В ЖИЗНИ

ВЫПУСК I

3-ье ИЗДАНИЕ

МОСКВА—1928

925.424.1.

ИЗ КНИГ
М. Б. ИТКИНА

В. ВЕРЕСАЕВ

ПУШКИН В ЖИЗНИ

(СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ СВОД ПОДЛИННЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ СОВРЕМЕННИКОВ)

ВЫПУСК I

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

Издательство «НЕДРА»
МОСКВА—1928

Отпечатано
в 16-й типографии
„Мосполиграф“
Москва, Трехпр., 9
в колич. 4.000 экз.
Главлит А 1444

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга эта возникла случайно. Меня давно интересовала своеобразная личность Пушкина. «Ясный», «гармонический» Пушкин, гениальный «гуляка праздный», такой как будто понятный в своей нехитрой гармоничности и благодушной беспечности,—в действительности представляет из себя одно из самых загадочных явлений русской литературы. Он куда труднее понимаем, куда сложнее, чем даже Толстой, Достоевский или Гоголь. Меня особенно интересовал он, как живой человек, во всех подробностях и мелочах его живых проявлений. В течение ряда лет я делал для себя из первоисточников выписки, касавшиеся характера Пушкина, его настроений, привычек, наружности и пр. По мере накопления выписок я приводил их в систематический порядок.

И вот однажды, пересматривая накопившиеся выписки, я неожиданно увидел, что передо мной—оригинальнейшая и увлекательнейшая книга, в которой Пушкин встает совершенно, как живой. Поистине живой Пушкин, во всех сменах его настроений, во всех противоречиях сложного его характера,—во всех мелочах его быта, его наружность, одежда, окружавшая его обстановка. Весь он,—такой, каким бывал, «когда не требовал поэта к священной жертве Аполлон»; не ретушированный, благонравный и вдохновенный Пушкин его биографов,—а «дитя ничтожное мира», грешный, увлекающийся, часто действительно ничтожный, иногда прямо пошлый,—и все-таки в общем итоге невыразимо привлекательный и чарующий человек. Живой человек, а не иконописный лик «поэта».

Незаменимое достоинство лежащего передо мною материала—что я тут совершенно не завишу от исследователя, не вынужден смотреть на Пушкина его глазами, руководствоваться цитатами, которые ему заблагорассудится привести. Передо мною—возможно полное собрание отзывов о Пушкине, и на их основании я имею возможность делать свои самостоятельные выводы. Отзывы эти были разбросаны по разнообразнейшим журналам,

газетам, книгам, часто очень трудно доступным; всякий, желавший составить себе самостоятельное представление о Пушкине, должен был проделывать долгую и кропотливую работу по собиранию материалов. Здесь эти материалы лежат перед читателем собранные, распределенные в систематическом порядке.

Прежде всего передо мною встал вопрос: какие сведения вводить в эту книгу,—все ли, до нас дошедшие, или только критически проверенные? Ведь вот, и у самого Хлестакова мы находим воспоминания о Пушкине. Вы помните? «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему:—Ну, что, брат Пушкин?—Да так, брат,—отвечает бывало,—так как-то все... Большой оригинал!» Таких вспоминателей о Пушкине,—по-просту сказать, вралей, в действительности, может быть, никогда даже и не видевших Пушкина,—в пушкинской литературе немало.

* * *

Дальше идет целая категория вспоминателей, стоявших в несомненной близости к Пушкину или к близким ему лицам,—и тем не менее очень мало достоверных. Большое сомнение внушают, напр., немногочисленные сведения, сообщенные о поэте его отцом Сергеем Львовичем, вроде, напр., утверждения, что Пушкин, поступая в лицей, говорил по-английски, или что он в зрелом возрасте выучился испанскому языку. Некоторые подозрения вызывают и воспоминания о Пушкине его брата Льва, относящиеся как раз к тому времени, когда братья жили врозь. Чудовищно-недобросовестны воспоминания Л. Н. Павлищева, сына сестры поэта, Ольги Сергеевны. Он заставляет Пушкина произносить суконным языком длиннейшие и глупейшие, явно им выдуманные речи. Мало того: даже приводимые им, якобы подлинные письма матери его и письма к ней сплошь им фальсифицированы. Это обнаружилось, когда Павлищев, после издания своей книги, неосторожно продал подлинники писем Академии Наук и они были напечатаны в издании Академии «Пушкин и его современники». Не внушают решительно никакого доверия и пресловутые «Записки А. О. Смирновой», изданные «Северным Вестником». Они настолько «обработаны» ее дочерью Ольгою Николаевною Смирновой, что нет никакой возможности отделить краткие сообщения матери от пространных измышлений дочери,—фальсификаторши, нужно сознаться, весьма умной и талантливой, не впример Л. Павлищеву. Большую, напротив, ценность представляют подлинные записи А. О. Смирновой, опубликованные в «Русском Архиве» и некоторых других изданиях.

Далее идут показания случайных знакомцев Пушкина, воспоминания о мимолетных встречах с ним,—сообщения весьма различного достоинства и различной степени достоверности. Здесь мы, однако, встречаем такие ценные заметки, как воспоминания И. С. Тургенева или И. А. Гончарова. Рассказы «ста-

рожилов», записанные любителями через несколько десятков лет после вспоминаемых происшествий,—материал, в большинстве случаев, весьма сомнительного качества.

Более или менее достоверный материал прежде всего, конечно, представляют показания самого Пушкина в его письмах и автобиографических заметках. Однако, с полным доверием принимать нельзя и их. В письмах, напр., к ревнивой своей жене Пушкин явно старается изображать свое поведение и свой образ жизни в слишком уж образцовом виде. Большого доверия заслуживают, в общем, воспоминания близких к Пушкину И. П. Липранди, И. И. Пущина, А. П. Керн, П. А. и П. П. Вяземских, П. В. Нащокина, П. А. Плетнева. Полезным противовесом к односторонне-хвалебным воспоминаниям друзей являются такие враждебные к Пушкину воспоминания, как воспоминания барона (впоследствии графа) М. А. Корфа, С. Д. Комовского, Кс. А. Полевого, А. В. Никитенка, А. Н. Вульфа, А. П. Араповой и др. Особое место занимают сведения, сообщаемые П. В. Анненковым («Материалы для биографии Пушкина» и «Пушкин в Александровскую эпоху») и П. И. Бартеневым («Пушкин в Южной России» и многочисленные заметки в издававшемся им «Русском Архиве»). Ни Анненков, ни Бартенев лично Пушкина не знали. Но они были знакомы со многими из ближайших друзей Пушкина и с большою тщательностью собирали у них по горячим следам все, что те могли сообщить о Пушкине. Сведения, сообщаемые Анненковым и Бартеневым, вполне носят поэтому характер первоисточников.

Какие же сведения о Пушкине допустимо приводить в предлагаемой мною читателю книге? Ограничиваться только строго проверенными сведениями, откидывая всё, сколько-нибудь возбуждающее сомнение? Но то была бы совсем другая книга, и она носила бы слишком суб'ективный характер . М. К. Лемке, напр., (*Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.* Изд. 2. СПБ. 1909. Стр. 491) считает «безусловно соответствующим истине» рассказ чиновника Третьего Отделения А. А. Ивановского о разговоре его с Пушкиным в 1828 г. Мне же кажется совершенно невероятным, чтобы Пушкин мог так разговаривать с Ивановским. В этой книге мне хотелось собрать более или менее все, что сообщалось о личности Пушкина, устраняя лишь явно невероятные, явно выдуманные сообщения, как напр. рассказ Ципринуса (О. А. Пржецлавского) об отношениях между Пушкиным и Мицкевичем (*Русс. Арх.*, 1872 стр. 1906—1907) или сообщение Льва Пушкина, будто в Кишиневе на обедах генерала Орлова прислуга обносила Пушкина блюдами,—сообщение, энергично опровергаемое Липранди [1]). Исходя из

---

[1]) Лев Пушкин рассказывает: «На обедах военная прислуга его обыкновенно обносила, за что он очень смешно и весело негодовал на Кишинев» (Л. М а й к о в, 8). Совершенно невероятно, чтобы самолюбивый и раздра-

этих соображений, я позволял себе,—правда, с большою осторожностью, пользоваться даже такими книгами, как «Воспоминания» Л. Павлищева или «Записки» А. О. Смирновой. В распоряжении авторов были несомненно подлинные материалы, касавшиеся Пушкина, и можно,—с некоторым, по крайней мере, вероятием,—предположить, что Павлищев не выдумал того или другого эпизода из детства Пушкина, сообщаемого им со слов своей матери, и что у Пушкина, действительно, могла быть привычка, отмечаемая Смирновою,—выходить из комнаты, заканчивая речь громким смехом,—привычка, отмеченная и И. С. Тургеневым. Я счел, далее, возможным включить часто цитируемые выдержки из дневника поэта Теплякова, приводимые А. Греном. Выдержки, конечно, не подлинные: таким бездарным языком Тепляков не мог писать; Пушкин в 1821 году не мог показывать Теплякову писем поэта Языкова. Но не исключена возможность, что приводимые сведения были сообщены Тепляковым Грену в устной форме, или что Грен их только прочел в дневнике Теплякова и цитировал на память: для выдумки сообщаемые сведения слишком уж мелки. То же и относительно воспоминаний г-жи Францовой. Приводимые этою наивною дамою яко-бы подлинные стихи Пушкина,—конечно, грубая подделка. Но на этом основании мы не можем утверждать с полною уверенностью, что и сообщаемые ею семейные предания о Пушкине тоже сплошь выдуманы.

Многие сведения, приводимые в этой книге, конечно, недостоверны и носят все признаки слухов, сплетен, легенды. Но ведь живой человек характерен не только подлинными событиями своей жизни,—он не менее характерен и теми легендами, которые вокруг него создаются, теми слухами и сплетнями, к которым он подает повод. Нет дыма без огня, и у каждого огня бывает свой дым. О Диккенсе будут рассказыать не то, что о Бодлэре, и пушкинская легенда будет сильно разниться от толстовской.

В этой книге перед нами живой Пушкин, но, конечно, окутанный дымом легенд и слухов. До какой степени, однако, интересно сопоставление разного рода сообщений даже сомнительного качества, показывает хотя бы, напр., история путешествия Пушкина из Одессы в Михайловское в августе 1824 года (см. конец шестой главы этой книги). Сообщения явно не совпадают друг с другом, явно друг другу противоречат, и однако всякий,

---

жительный Пушкин мог «весело» негодовать на такое с собою обращение. Источник, из которого, все перепутав, почерпнул Лев Пушкин свое сообщение, вполне очевиден. Путешествие в Арзрум, гл. II: «Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня отобедать; по несчастью, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Чорт побери тифлисского гастронома».

я думаю, согласится, что в сумме они дают нечто весьма интересное и весьма для Пушкина характерное.

Повторяю: критическое отсеивание материала противоречило бы самой задачей этой книги. Я, напротив, старался быть возможно *менее* строгим и стремился дать в предлагаемой сводке возможно всё, дошедшее до нас о Пушкине, кроме лишь явно выдуманного.

Само собой разумеется, книга эта даже в отдаленной мере не сможет заменить настоящей биографии Пушкина. Но я был бы рад, если бы она сделала излишними те многочисленные писания, которые до сих пор сходят за биографические статьи о Пушкине: надергает человек интересных цитат из Липранди, Пущина, Керн, Анненкова, Бартенева, разведет их водою собственного пустословия—и биографическая статья готова.

Еще одно: вполне сознательно я не привожу ни одного *поэтического* показания Пушкина, хотя бы носящего явно-автобиографический характер: у всякого поэта, а у Пушкина в особенности, Dichtung сильно разнится от Wahrheit, и поэтическое произведение никогда не бывает голым дневником поэта.

* * *

Большие трудности представляло распределение собранного материала в хронологическом порядке там, где точных дат в источниках не давалось. В ряде случаев помещение такой-то выдержки именно в таком месте обусловливалось целым рядом соображений, сопоставлений и справок, приводить которые я считаю излишним. Нередко, однако, помещение выдержки именно в данном месте являлось несколько произвольным. Но я старался при этом не вводить читателя в заблуждение. В начале подобной выдержки в скобках приведены те годы, на протяжении которых могло произойти описываемое событие. Иногда из самого текста читатель может усмотреть, в какой мере точно можно отнести цитату к тому времени, к которому отношу ее я. Кн. Вяземский, напр., рассказывает, как однажды Пушкин, *во время пребывания его на юге России*, поехал на любовное свидание и, увлекшись карточной игрой, забыл о свидании. Я отнес это к одесскому периоду жизни Пушкина, но, конечно, с тою же вероятностью это могло произойти и в кишиневский период. Рассказы старожилов тех мест, где Пушкин бывал по нескольку раз в своей жизни, я, опять таки с некоторою долею произвольности, относил к тому времени, когда Пушкин всего дольше прожил в этой местности (если, конечно, не было прямого противусвидетельства в самом источнике). Так, напр., большинство сообщений о проживании Пушкина в Михайловском и Тригорском отнесено к 1824—1826 гг. Общие замечания о характере Пушкина, его привычках, наружности и т. п., если не было в источниках указания на точную дату, когда было

высказано суждение, и если не было других каких-либо противупоказаний, я относил либо к тому времени, когда данное лицо всего чаще и интимнее встречалось с Пушкиным (напр. у Алексея Вульфа), либо к тому времени, когда оно видело Пушкина в последний раз. Супруги Нащокины, напр., в последний раз виделись с Пушкиным в мае 1836 года,—к этому времени и отнесена общая характеристика, даваемая ими Пушкину.

* * *

Источники, на которые приходится ссылаться часто, привожу в сокращенном написании. Вот их полные заглавия:

Аммосов, А.—Последние дни жизни и кончина Ал. С. Пушкина. Изд. Исакова, СПБ. 1863.

Анненков, П. В.—Материалы для биографии Пушкина. 2 изд. СПБ. 1873.

Анненков, П. В.—Пушкин в Александровскую эпоху. СПБ. 1874.

Бартенев, П. И.—Пушкин в южной России. Изд. 2. М. 1914.

Батюшков, К. Н.—Сочинения, изд. П. Н. Батюшкова, СПБ. 1886.

Вигель, Ф. Ф.—Записки. Изд. «Русского Архива». М. 1891.

Кн. П. А. Вяземский.—Полн. собр. сочинений. Изд. графа С. Д. Шереметева. СПБ. 1878—1887.

Кн. П. П. Вяземский.—Собрание сочинений. СПБ. 1893.

Гастфрейнд, Н. А.—Документы госуд. и с.-петербургского главн. архивов мин. иностр. дел, относящиеся к службе Пушкина. СПБ. 1900.

Грот, Я. К.—Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2. СПБ. 1901.

Дела III Отдел.—Дела *III* Отделения об А. С. Пушкине. СПБ. 1906. Изд. И. Балашова.

Дуэль.—Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПБ. 1900.

Липранди, И. П.—Русский Архив 1866 г.

Майков, Л. Н.—«Пушкин». Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПБ. 1899.

Модзалевский, Б. Л.—Пушкин под тайным надзором. СПБ. 1922. Изд. «Парфенон».

Никитенко, А. В.—Записки и дневник. Изд. 2. СПБ. 1905.

Ост. Арх.—Остафьевский Архив князей Вяземских. Изд. графа С. Д. Шереметева. СПБ. 1899 и слл

Павлищев, Л. Н.—Воспоминания об А. С. Пушкине. М. 1890.

Переписка Пушкина.—Изд. Академии Наук. 1906.

Полевой Ксен. А.—Записки. СПБ. 1888.

П-н и его с-ки.—«Пушкин и его современники», изд. Академии Наук с 1903 г.

Рассказы о Пушкине.—Издание М. и С. Сабашниковых. М. 1925.

Рус. Арх.—журнал «Русский Архив», под ред. П. И. Бартенева.

Рус. Стар.—журнал «Русская Старина» под ред. М. И. Семевского.

Смирнова, А. О.—Записки. Изд. «Северного Вестника», 1893—1895.

Сологуб, В. А. Воспоминания гр. В. А. Сологуба. СПБ. Изд. Суворина. 1887.

Шляпкин, И. А.—Из неизданных бумаг Пушкина. СПБ. 1903.

Щеголев, П. Е.—Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 2. СПБ. 1917.

Яковлев, В. А.—Отзывы о Пушкине с юга России. Одесса. 1887.

Подстрочные примечания не подписанные принадлежат составителю. Ему же принадлежат в тексте заключенные в скобки слова и фразы, набранные курсивом,—об'ясняющие или исправляющие текст. Цитаты из источников, писаных на французском языке, приводятся в русском переводе. В скобках отмечается, что подлинник писан на французском или французско-русском языке (*фр.*, *фр.-рус.*). Цитаты из писем помечаются просто именами автора письма и адресата, напр.: «А. И. Тургенев—кн. П. А. Вяземскому, 12 марта 1819 г.».Это значит: Тургенев *в письме* к Вяземскому.—Цитаты из писем и заметок самого Пушкина приводятся без ссылок на определенное издание сочинений Пушкина: по дате письма или заметки всякий легко найдет их в любом имеющемся у него под руками издании Пушкина.

* * *

За указание на промахи и ошибки глубоко буду благодарен. Кто понимает, какая передо мною была трудная и новая работа, не станет слишком винить меня за них.

Горячая моя благодарность Мстиславу Александровичу Цявловскому за многообразную помощь, которую он мне оказывал в этой работе.

В. Вересаев.

Москва, 7 февраля 1926 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Многие читатели заявляли мне, что были бы очень желательны хотя бы краткие указания на степень достоверности тех или иных из сообщаемых данных о жизни Пушкина. В этом втором издании сообщения сомнительные отмечены впереди текста звездочкою. Разумеется, это еще не значит, что остальные сообщения вполне достоверны. Полная критическая проверка всех сообщаемых фактов была бы огромной работой, далеко выходящей за пределы задачи, преследуемой этою книгой.

Москва, 15 октября 1926 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Книга эта вызвала в печати целый ряд отзывов,—как отрицательных, так и одобрительных. Отвечать на большинство возражений не стоит. Некоторые можно отметить, лишь как курьез. Мне, напр., ставилось в упрек, что в книге Пушкин не отражается, к а к п о э т, что представление о нем получается неполное. Ну, конечно! По существу книга моя есть лишь сборник материалов, больше ничего. Материалом для суждения о Пушкине, как поэте, должны, естественно, служить его произведения,—не перепечатывать же мне было их в моей книге! Упрекали меня также, что не дана «социально-бытовая обстановка», не дана «эпоха» и т. п. Во сколько же томов должна бы была в таком случае разрастись моя книга! Конечно, и как поэт, и как продукт своей эпохи, Пушкин должен найти отображение в своей б и о г р а ф и и. Но книга моя—не биография Пушкина, считаю нужным повторить это еще раз. Она—только возможно-полное и возможно-об'ективное собрание материалов, касающихся непосредственно «Пушкина в жизни». Ничего, выходящего за намеченные пределы, от нее нельзя требовать.

Многих моих оппонентов коробит то якобы умаление личности Пушкина, которое должно получиться у читателей вследствие чтения моей книги. И все они дружно цитируют известное письмо Пушкина к Вяземскому по поводу уничтожения Т. Муром интимных записок Байрона:

«Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением. Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. Охота теперь видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могучего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. О н м а л, к а к м ы, м е р з о к, к а к м ы! Врете, подлецы: он и мал, и мерзок—не так как вы—иначе!»

Вот на этом необходимо остановиться подробно. Пушкин не один раз высказывал приведенную здесь мысль. Еще ярче и определеннее высказал он ее в стихотворении «Герой»:

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! Нет,
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

Высказываясь так, Пушкин был последователен. Но понимают ли мои оппоненты, к чему они сводят роль исследователя жизни великого человека, серьезно рекомендуя к руководству приведенную мысль Пушкина? Идеалом биографа делается Плутарх; печь великих людей становится легче, чем калачи или булки. Неверно, что Наполеон в Яффском госпитале пожимал руки чумным больным? Ну, что ж! «У т е ш ь с я... 29 с е н т. 1830 г. М о с к в а». В этот день Николай I посетил пораженную холерою Москву. И вот готов «герой»,—русский император Николай I! «Да будет проклят правды свет»!

«Врете, подлецы: он и мал, и мерзок—не так, как вы—иначе!». Так ли это, действительно? Можно ли класть резкую, принципиальную, качественно-разграничительную черту между «великим» человеком и обыкновенным? Нет спора, возможно, что одаренность в одной области накладывает своеобразный, необычный отпечаток и на некоторые другие области душевной жизни человека. Но совершенно неверно, будто весь строй души великого человека, во всех его проявлениях, носит какой-то величественный, несвойственный другим людям отпечаток.

Если Гораций, действительно, бежал с поля битвы при Филиппах, «нечестно брося щит»,—то бежал он, как самый обыкновенный трус, а не как особенный какой-то талантливый трус. Бэкон Веруламский торговал должностями и брал взятки, как самый ординарный взяточник, а не как взяточник, обогативший философию индуктивным методом. Во время революции 1848 года Шопенгауэр предоставил свою квартиру правительственному отряду для более удобного обстрела баррикад; Шопенгауэр был гениальный философ, но в данном случае он поступал просто, как богатый человек, как своекорыстный член своего класса, которому революция грозила нанести ущерб. И когда Пушкин делал «отеческие внушения» своим крепостным слугам, то действовал он тут не как-то по особенному, а как «дитя ничтожное мира», как типичный барин той эпохи, воспитанный в глубочайшем неуважении к личности крепостного раба.

Биограф или вспоминатель обычно подходит к великому человеку именно с стремлением об'яснить по особенному, во

что бы то ни стало оправдать или вовсе смазать темные его черты. Не понимают, что и вся-то красота живого человека в его жизненной полноте и правдивости, что самый великий человек—все-таки человек с плотью и кровью, со всеми его человеческими слабостями и пороками. Посмотрите, напр., как зевотно-скучен, мертвен и благочестиво-плосок Лев Толстой в большинстве биографий и воспоминаний,—благообразный учитель жизни, светящийся любовью к миру и к людям, непрерывно источающий возвышеннейшие моральные истины,—и как прекрасен он в жизни,—ошибающийся, падающий, путающий, непоследовательный, колючий, мальчишески-задорный, самоуверенный,—неисчерпаемый родник энергии, искания и жадной влюбленности в жизнь.

Или Пушкин.

Казалось бы, например: для мужчины дело элементарной порядочности, если он вступил в тайную связь с женщиной,—молчать об этом, не разглашать тайны. Пушкин же, после долгих домогательств добившись, наконец, благосклонности Анны Петровны Керн, спешит в циничнейшей форме похвалиться победой перед своим другом Соболевским. О, как знакомы эти враждебно-загорающиеся глаза почитателей-кумиропоклонников, это стремление так или так оправдать темные черты идола! Спешат возразить: «ничего такого в действительности не было,—Пушкин просто шутливо поддразнивал Соболевского!». Но ведь это же еще хуже,—пачкать имя женщины ложною похвальбою перед приятелем. Или вообще столь часто отмечаемый современниками цинизм Пушкина. Опять возражают: «он в этом отношении был только продуктом своей эпохи». Нет, именно и современников своих он поражал исключительным цинизмом. Однажды, весною 1829 г., за завтраком у Погодина, Пушкин держался так, что Мицкевич два раза принужден был сказать: «господа! Порядочные люди и наедине, и сами с собою не говорят о таких вещах!» Погодин по поводу этого завтрака замечает: «много было сального, которое не понравилось», С. Т. Аксаков пишет: «Пушкин держал себя ужасно гадко, отвратительно». Очень часто и другие современники Пушкина отмечают этот его бросающийся в глаза цинизм,—кн. Пав. Вяземский, А. П. Керн, Анна Ник. Вульф, Ал. Н. Вульф и др.

И тем не менее—Пушкин прекрасен. Прекрасен не потому, что всего указанного не было. Оно было. Было и много другого. Пушкин прекрасен потому, что, несмотря на все это, душа его отличалась глубоким благородством и изяществом. Был цинизм, была нередко мелкая мстительность, была угодливость; была детская неспособность отстаивать свое достоинство и полное неумение нести естественные последствия своих действий. И все-таки—исключительно-благородная красота его души пламенными языками то и дело прорывалась в жизни сквозь наносную грязь, ярким огнем пылала в его творчестве

и ослепительным светом вспыхнула в его смерти. Умирал он не как великий поэт, а как великий человек. Да, великая была душа. И только в смерти Пушкина чувствуешь, сколько возможностей таилось в этой душе.

И совсем нет надобности скрадывать темные и отталкивающие стороны в характере и поступках Пушкина из боязни, что «толпа» с удовольствием начнет говорить: «он мал, он мерзок, как мы!». Художник, рисуя прекраснейшее лицо, не боится самых глубоких теней,—от них только выпуклее и жизненнее станет портрет; и прекраснее станет лицо, если, конечно,—прекрасен оригинал. В этом же—всё. Подлинно-великий человек с честью выдержит самые «интимные» сообщения о себе. А не выдержит,—и не надо. И пускай мы знаем, что такой-то великий поэт или мыслитель был в жизни не великим человеком, а дрянцом и ничтожеством.

Коктебель. Июнь 1927 г.

I

ДЕТСТВО

(1799—1811)

(*Родился в Москве 26 мая по старому стилю, 6 июня по новому, 1799 года*).

¡Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скварцова, у жильца его моэора Сергия Львовича Пушкина родился сын Александр. Крещен июня 8-го дня. Восприемник граф Артемий Иванович Воронцов, кума мать означенного Сергия Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина.

ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ
в московской церкви Богоявления в Елохове.
Изв. Моск. Гор. Думы, 1880, вып. XXII, стр. 41.

Из найденного нами плана на владение Скворцова в 1799 году видно, что в сентябре 1799 г. владение Скворцова было застроено каменными и деревянными зданиями, из которых последние выходили на Немецкую улицу, а два каменные здания находились во дворе; одно из них было очень большое, а другое, в котором, вероятно, и жили Пушкины, имело в длину девять сажен. К нему приделана деревянная постройка, вероятно, сени, и, наконец, перед ним находится садик (с). За домом этим находился небольшой сад (ссс). В настоящее время (1880 г.) владение это принадлежит мещанину Ананьину. Все бывшие во времена Скворцова строения сгорели в 1812 г., но стены большого каменного дома уцелели доныне; после пожара дом этот обращен в сарай (см. рис. 1).

А. КОЛОСОВСКИЙ. *Моск. Ведом.*, 1880, № 262.

Во «дворе» Скворцова, в момент рождения Пушкина, как видно на плане, было два деревянных жилых строения по обе

стороны ворот. Помня, что родители Пушкина были средней руки помещики, имевшие и знакомство хорошее в Москве, можно с уверенностью предполагать, что Пушкины занимали большой флигель, по правую сторону от ворот. Предположение, что Пушкины жили в каменном флигеле, едва ли имеет основание по той причине, что это, как видно из плана, были каменные службы и амбары. Что флигели для жилья были деревянные, а службы и амбары каменные, об'ясняется тем, что

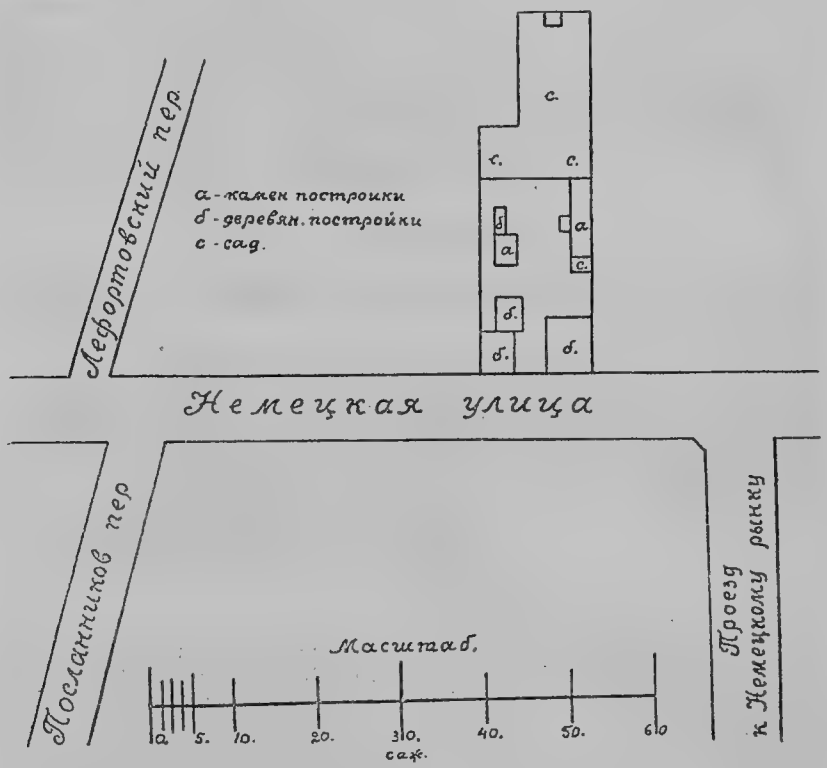

Рис. 1.

прежде здесь помещалась заграничная торговая контора Фириб Томус и Рованд. Очевидно, что для предохранения от пожаров, при неразвитости в то время страхового дела, строения эти были каменные.

Дом Скворцова находился на Немецкой улице, в 14 саженях от проезда на Немецкий рынок к часовне. Деревянных флигелей, бывших по обе стороны ворот, в настоящее время уже не существует. Правая сторона, где находился тот флигель, где родился Пушкин, находится впусте под двором, с левой же стороны выстроен каменный двухэтажный дом, весьма при-

личной и опрятной наружности. Задняя часть этого владения, как и при Пушкине, находится под сараем.

Н. П. БОЧАРОВ. Частные постройки в Москве. *Изв. Моск. Гор. Думы*, 1880, вып. XXII, 44, 51.

Мерою под тем двором Скворцова было: идучи в него длиннику по правую и левую стороны по 42 саж., поперечнику в переднем конце (на Немецкую улицу) 14 саж., в заднем 7 саж.

Н. П. БОЧАРОВ. Историч. сведения о доме, где родился Пушкин. *Изв. Моск. Гор. Думы*, 1881, вып. X, стр. 63.

Современному москвичу Елохово и Немецкая улица кажутся местностью, весьма отдаленною от центра. Ему может теперь показаться, что родители Пушкина были настолько бедны, что должны были, в видах экономии, остановиться в столь отдаленной части города. Между тем в то время эта местность, по чистоте и опрятности, составляла «шик» Москвы... В XVIII в. Немецкая слобода была долгое время для Москвы тем, чем с самого начала текущего столетия был для нее Кузнецкий Мост, когда немецкое влияние начало сменяться французским. Богатые вельможи и профессора университета любили также селиться в этой местности.

Н. П. БОЧАРОВ. *Изв. Моск. Гор. Думы*, 1880, вып. XXII, 52.

Родившись 26 мая, Пушкин, по общему обычаю, считался именинником в ближайший ко дню его рождения день того святого, именем которого он назван: 2 июня память Александра, архиепископа Константинопольского.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Русск. Арх.*, 1889, III, стр. 114.

Завтра твой ангел.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—Пушкину, 1 июня 1824 года. *Переп. Пушкина*, I, 113.

* Юсупов сад (*в Москве*) связывается с анекдотом из жизни Пушкина, когда он был еще годовым ребенком. Няня его встретилась на прогулке с государем Павлом Петровичем и не успела снять шапочку или картуз с дитяти. Государь подошел к няне, разбранил за нерасторопность и сам снял картуз с ребенка, что и заставило говорить Пушкина впоследствии, что сношения его со двором начались еще при императоре Павле [1]).

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин, в алекс. эпоху*, 28.

---

[1]) «Пушкин родился в Москве и до 1811 г. его возили оттуда только в подмосковное с. Захарово, а император Павел со дня рождения Пушкина в Москве не был». *П. А. Ефремов* (*Соч. Пушкина, изд. Суворина*, т. V, 1903 г. стр. 553). Ефремов прав: не имеется сведений, чтобы Павел был в Москве

По свидетельству сестры поэта, Пушкин был толстый, молчаливый и неповоротливый мальчик, которого нарочно заставляли гулять и бегать, и который лучше любил оставаться дома с бабушкой. Вот анекдот из первоначального его детства. Раз Надежда Осиповна (*мать его*) взяла его с собою гулять. Он не поспевал за нею, отстал и уселся отдыхать среди улицы; но, заметив, что из окошка на него смотрят и смеются, поднялся и сказал: «Ну, нечего скалить зубы»!—На седьмом году Пушкин сделался развязнее, и прежняя неповоротливость перешла даже в резвость и шаловливость.

П. И. БАРТЕНЕВ. Материалы для биогр. Пушкина. *Моск. Ведом.*, 1854, № 71.

В самом младенчестве он показал большое уважение к писателям. Не имея шести лет, он уже понимал, что Николай Михайлович Карамзин—не то, что другие. Одним вечером Ник. Мих. был у меня, сидел долго,—во все время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз. Ему был шестой год.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта). Биографическая заметка. Журнал «*Огонек*», 1927, № 7.

До семилетнего возраста Пушкин не предвещал ничего особенного; напротив, своею неповоротливостью, своею тучностью, робостью и отвращением к движению он приводил мать в отчаяние... Она не могла скрыть предпочтительной любви сперва к дочери, а потом к меньшому сыну... Надежда Осиповна заставляла его бегать и играть со сверстниками, трудом побеждая и леность его и молчаливость... Когда настойчивые требования быть поживее превосходили меру терпения ребенка, он убегал к бабушке, Марии Алексеевне Ганнибал, залезал в ее корзинку и долго смотрел на ее работу. В этом убежище уже никто не тревожил его. Мария Алексеевна была женщина замечательная, столько же по приключениям своей жизни, сколько по здравому смыслу и опытности. Она была первой наставницей Пушкина в русском языке. Барон Дельвиг еще в лицее приходил в восторг от ее письменного слога, от ее сильной, простой русской речи.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 10—11.

Раз Ольга Сергеевна (*сестра Пушкина*) нашалила что-то, прогневала мамашу, та по щеке ее и треснула. А она обиделась, да как? Мамаша приказывает ей прощенье просить, а она и не думает, не хочет. Ее в затрапезное платьице одели, за стол не

после рождения Пушкина. Однако сам Пушкин писал своей жене 22 апр. 1834 г.: «Видел я трех царей; первый (*Павел*) велел снять с меня картуз, и пожурил за меня мою няньку...» Высказывают предположение, что дело происходило в петербургском Юсуповом саду.

сажают, на хлеб, на воду—и запретили братцу к ней даже подходить и говорить. А она,—повешусь, говорит, а прощенья просить не стану! А Александр-то Сергеевич что же придумал: разыскал где-то гвоздик, да и вбивает в стенку. «Что это, спрашиваю, вы делаете, сударь?» «Да сестрица, говорит, повеситься собирается, так я ей гвоздик приготовить хочу». Да и засмеялся,—известно, понял, что она капризничает, да стращает нас только. Уж какой удалой да вострый был.

Д... Воспоминание из детства А. С. Пушкина (со слов бывшей помощницы няни у Пушкиных, записано в 60-х гг.). *Всеобщая Газета*, 1869, № 60. Ср. *там же*, № 62. Письмо в ред. Ф. Б. Миллера.

Отец Пушкина, Сергей Львович, был человек от природы добрый, но вспыльчивый. При малейшей жалобе гувернеров или гувернанток он сердился, выходил из себя, но гнев его проистекал из врожденного отвращения ко всему, что нарушало его спокойствие, и скоро проходил. Вообще С. Л. не любил заниматься серьезными делами по дому, воспитанию и хозяйству, предоставив все это супруге своей Надежде Осиповне. С другой стороны, С. Л-ч был душою общества, неистощим в каламбурах, остротах и тонких шутках. Он любил многолюдные собрания. Связи его были довольно обширны. Через Пушкиных он был в родстве со всею этою фамилией, а через Ганнибаловых с Ржевскими и их свойственниками, Бутурлиными, Черкасскими и проч. Он даже жил дом-об-дом с гр. Д. П. Бутурлиным, и гости последнего были его гостями. В числе посетителей его были: Карамзин, Батюшков, Дмитриев, и молодой Пушкин, который всегда внимательно прислушивался к их суждениям и разговорам, знал корифеев нашей словесности не по одним произведениям их, но и по живому слову. Дом С. Л-ча, как все избранные дома того времени, был открыт для французских эмигрантов: новое средство развлечения, которого все искали. Между этими эмигрантами отличалось лицо графа Ксавье де-Мэстра. Сам С. Л. был известен, как остряк и человек необыкновенно находчивый в разговорах. Владея в совершенстве французским языком, он писал на нем стихи так легко, как француз, и дорожил этою способностью. Чрезвычайно любезный в обществе, он торжествовал особенно в играх (jeux de societé), требующих беглости ума и остроты, и был необходимым человеком при устройстве праздников, собраний и особенно домашних театров, на которых он отличался искусством игры и декламации.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 6—8.

Мастерским чтением его комедий Мольера восхищались все, а остроты его ходили по рукам. В жизни практической он всегда

был наивен: поручив управление своим болдинским имением в нижегородской губернии своему крепостному человеку М. К-ву (*М. И. Калашникову*), С. Л. в это поместье не заглядывал, чем К-в и воспользовался, кончив тем, что сам разбогател. Так-же небрежно следил Л. С. за делами и Михайловского имения. Не имея ни малейшего понятия о сельском хозяйстве, он довольствовался присылаемыми из Михайловского двумя-тремя возами домашней замороженной птицы и масла, с прибавкой сотен двух-трех рублей ассигнациями, и не терпел занятий по хозяйству до такой степени, что, когда к нему прибыла из деревни депутация крестьян с весьма основательными жалобами на мошенника управляющего, прогнал ее, не расспросив, в чем дело.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ, 6.

Сергей Львович, из желания развязать себе руки вполне, передал все управление домом супруге своей Надежде Осиповне, которая не менее его обожала свет и веселое общество, а в управление домом внесла только свою вспыльчивость, да резкие, частые перехода от гнева и кропотливой взыскательности к полному равнодушию и апатии относительно всего происходящего вокруг. Это уж лежало в самой ее природе.

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в Алекс. эпоху*, 19.

Надежда Осиповна была необыкновенно хороша собою и в свете прозвали ее «прекрасною креолкой». По своему знанию французской литературы и светскости она совершенно сошлась со своим мужем. Надежда Осиповна очаровывала общество красотою, остроумием и веселостью. Укажу на следующую ее странность: она терпеть не могда заживаться на одном и том-же месте и любила менять квартиры; если переезжать было нельзя, то она превращала, не спрашивая С. Л-ча, кабинет его в гостинную, спальню в столовую и обратно, меняя обои, переставляя мебель и проч. По характеру своему она резко отличалась от С. Л-ча: никогда не выходя из себя, не возвышая голоса, она умела дуться по дням, месяцам и даже годам. Так, рассердясь за что-то на Александра Сергеевича, которому в детстве доставалось от нее гораздо больше, чем другим детям, она играла с ним в молчанку круглый год, проживая под одною кровлею; оттого дети, предпочитая взбалмошные выходки и острастки Сергея Львовича игре в молчанку Над. Осиповны, боялись ее несравненно более, чем отца.

Не могу не упомянуть кстати, со слов моей матери, о наказаниях, придуманных Над. Ос—ной для Александра Сергеевича, чтоб отучить его в детстве от двух привычек: тереть свои ладони одна о другую и терять носовые платки; для искоренения первой из этих привычек она завязала ему руки назад

на целый день, проморив голодом; для искоренения же второй—прибегала к следующему: «жалую тебя моим бессменным ад'ютантом»,—сказала она Пушкину, подавая ему курточку. На курточке красовался пришитый, в виде аксельбанта, носовой платок. Аксельбанты менялись в неделю два раза; при аксельбантах она заставляла его и к гостям выходить. В итоге получился требуемый результат,—А. Сер—ч перестал и ладони тереть и платки терять.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ со слов своей матери, сестры Пушкина. *Воспоминания*, 8—9.

Мария Алексеевна Ганнибал *(бабушка П-на)*, продавши свою деревню Кобрино, переехала в Москву, где Сер. Львович и Надежда Осиповна жили у Харитония в Огородниках, в доме графа Санти, а потом в том-же приходе в доме кн. Фед. Серг. Одоевского, и нанимала дом подле них, но жила всё вместе с ними, а в квартире ее жили одни ее люди. Мар. Алексеевна в 1806 г. купила с-цо Захарово.

А. Я. ПУШКИН. *Москвитянин*, 1852, № 23. Историч. материалы, стр. 24.

У Пушкина был еще кроме Льва брат *(Николай)*, который умер в малолетстве *(1807 г.)*. Пушкин вспоминал, что он перед смертью показал ему язык. Они прежде ссорились, играли; и, когда малютка заболел, Пушкину стало его жаль, он подошел к кроватке с участием, больной братец, чтобы подразнить его, показал ему язык и вскоре затем умер.

П. В. НАЩОКИН по записи П. И. Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, *36*.

Смерть Николая. Ранняя любовь.

ПУШКИН. *Программа автобиографич. записок.*

Пушкины постоянно жили в Москве, но на лето уезжали в деревню Захарьино *(Захарово)*, верстах в сорока от Москвы *(принадлежавшую бабушке Пушкина, Мар. Ал. Ганнибал)*. Здесь Пушкин проводил первое свое детство, до 1811 года. Старый дом, где они жили, срыт; уцелел флигель. Местоположение хорошее... Особенно заметить следует, что деревня богатая: в ней раздавались русские песни, устраивались праздники, хороводы, и, стало быть, Пушкин имел возможность принять народные впечатления.

С. П. ШЕВЫРЕВ. Воспоминания о Пушкине. *Л. Майков, 324.*

На 38 версте от Москвы, по Смоленской дороге, есть поворот из села Вязем, направо, в сельцо Захарово. Здесь провел

первые годы своего детства Пушкин... По бокам дома были в то время флигеля, и в одном из них помещались дети с гувернанткой, братья А. С—ча и он. Впоследствии флигеля, по ветхости, сломаны, а дом остался почти в таком же виде, в каком был при Ганнибаловых... Мы осмотрели небольшую березовую рощицу, находящуюся неподалеку от дома, почти у самых ворот. Посредине ее стоял прежде стол, со скамьями кругом. Здесь, в хорошие летние дни, Ганнибаловы обедывали и пили чай. Маленький Пушкин любил эту рощицу и даже, говорят, желал быть в ней похоронен. Он говорил об этом повару своей бабушки, к которому был особенно привязан, вероятно потому, что этот повар был человек словоохотливый и бойкий... Из рощицы мы пошли на берег пруда, где сохранилась еще огромная липа, около которой прежде была полукруглая скамейка. Говорят, что Пушкин часто сиживал на этой скамье и любил тут играть. От липы очень хороший вид на пруд, которого другой берег покрыт темным еловым лесом. Прежде вокруг липы стояло несколько берез, которые, как говорят, были все исписаны стихами Пушкина. От этих берез остались только гнилые пни.

Н. Б. (Н. В. БЕРГ). Сельцо Захарово. *Москвитянин*, 1851, № 9 и 10. Совр. изв. стр. 29—30.

Смирный был ребенок, тихий такой, что Господи! Все с книжками бывало... Нешто с братцами когда поиграют, а то нет, с крестьянскими не баловал... Тихие были, уважение были дети.

МАРЬЯ ФЕДОРОВНА, крестьянка с-ца Захарова, дочь Арины Родионовны, няни Пушкина. *Москвитянин*, 1851, № 9—10, стр. 31.

Вспоминая о своей деревенской жизни в Захарове, Пушкин рассказывал П. В. Нащокину следующий анекдот. В Захарове жила у них в доме одна дальняя родственница, молодая, помешанная девушка, помещавшаяся в особой комнате. Говорили и думали, что ее можно вылечить испугом. Раз ребенок Пушкин ушел в рощу, где любил гулять: расхаживал, воображал себя богатырем и палкою сбивал верхушки и головки растений. Возвращаясь домой, видит он на дворе свою сумасшедшую родственницу в белом платье, растрепанную, встревоженную.—«Братец, меня принимают за пожар!»—кричит она ему. Для испуга в ее комнату провели кишку пожарной трубы. Тотчас догадавшись, Пушкин начал уверять ее, что она напрасно так думает, что ее сочли не за пожар, а за цветок, что цветы также из трубы поливают.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Моск. Ведомости*, 1854, № 71, ср. *Рассказы о П-не, 35.*

В этом семействе перебывал легион иностранных гувернеров и гувернанток. Из них выбираю несносного, капризного самодура Русло да достойного его преемника Шеделя, в руках которых находилось обучение детей всем почти наукам. Из них Русло нанес оскорбление юному своему питомцу Александру Сергеевичу, расхохотавшись ему в глаза, когда ребенок написал стихотворную шутку «La Tolyade» в подражание «Генриаде». Изображая битву между карлами и карлицами, Пушкин прочел гувернеру начальное четырехстишие. Русло довел Пушкина до слез, осмеяв безжалостно всякое слово этого четырехстишия, и, имея сам претензию писать стихи не хуже Корнеля и Расина, рассудил, мало того, пожаловаться еще неумолимой Надежде Осиповне, обвиняя ребенка в лености и праздности. Разумеется, в глазах Надежды Осиповны дитя оказалось виноватым, а самодур правым, и она наказала сына, а самодуру за педагогический талант прибавила жалования. Оскорбленный ребенок разорвал и бросил в печку стихи свои, а Русло возненавидел со всем пылом африканской своей крови. Преемник Русло, Шедель, свободные от занятий с детьми досуги проводил в передней, играя с дворней в дурачки, за что, в конце концов, и получил отставку. Не могу ставить на одну доску с этими чудаками воспитателя детей, французского эмигранта, графа Монфора, человека образованного, гуманного.—Гувернантки были сноснее гувернеров. Но из них большая часть по образованию и уму стояла ниже всякой критики. Они были женщины добрые, искренно любившие своих питомцев.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ, 14—16.

Первые неприятности—гувернантки.

ПУШКИН. *Программа автобиографич. записок.*

Нащокин сказал, что первые стихи Пушкин написал на французском языке еще будучи 8 лет *(Приписка С. А. Соболевского*: поэму La Toliade).

П. И. БАРТЕНЕВ. Рассказы *о П-не*, 32.

Страсть к поэзии проявилась в нем с первыми понятиями: на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей. Вообще воспитание его мало заключало в себе русского. Он слышал один французский язык; гувернер его был француз, впрочем человек неглупый и образованный; библиотека его отца состояла из одних французских сочинений. Ребенок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другою. Пушкин был одарен па-

мятью неимоверною и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу.

Л. С. ПУШКИН (брат поэта). Биографическое известие об А. С. Пушкине. *Л. Майков, 4.*

Пушкин, забираясь в библиотеку отца, перечитывал французские комедии Мольера и под впечатлением такого чтения сам стал упражняться в писании подобных-же комедий, по-французски-же. Брат и сестра *(Ольга)* для представления этих комедий соорудили в детской сцену, при чем он был и автором пьес, и актером, а публику изображала она. В числе этих комедий была носившая звание «Escamoteur (похититель)», сильно не понравившаяся Ольге Сергеевне; она, в качестве публики, освистала этого «Похитителя», что и послужило дяде поводом к следующему четверостишию:

Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur
Est il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

(Скажи мне, почему «Похититель» освистан партером? Увы! потому, что бедный автор похитил его у Мольера).

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ (племянник Пушкина) со слов своей матери. *Л. Павлищев,* 17.

Известно, что первые пробы пера Пушкина были на французском языке, который, по общему в то время обычаю, господствовал в доме родителей его. Впоследствии Пушкин считал такого рода упражнения в чужом языке вредными для русской поэтической техники и советовал лицеисту одного из позднейших курсов (кн. А. В. Мещерскому), имевшему к ним слабость, не писать французских стихов.

Я. К. ГРОТ, 9.

В 1809 или 1910 г. Пушкины жили где-то за Разгуляем, у Елохова моста, нанимали там просторный и поместительный дом, чей именно, не могу сказать наверно, а думается мне, что Бутурлиных. Я туда ездила со своими старшими девочками на танцовальные уроки, которые они брали с Пушкиной девочкой; бывали тут и другие, кто,—не помню хорошенько. Пушкины жили весело и открыто, и всем домом заведывала больше старуха Ганнибал *(Мария Алексеевна, мать Надежды Осиповны, матери Пушкина)*, очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела дом вести, как следует, и она также больше занималась и детьми: принимала к ним мамзелей и учителей и сама учила. Старший внук ее Саша был

большой увалень и дикарь, кудрявый мальчик лет девяти или десяти, со смуглым личиком, не скажу, чтобы приглядным, но с очень живыми глазами, из которых искры так и сыпались. Иногда мы приедем, а он сидит в зале в углу, огорожен кругом стульями: что-нибудь накуролесил и за то оштрафован, а иногда и он с другими пустится в плясы, да так как очень он был неловок, то над ним кто-нибудь посмеется, вот он весь покраснеет, губу надует, уйдет в свой угол и во весь вечер его со стула никто тогда не стащит: значит, его за живое задели, и он обиделся; сидит одинешенек. Не раз про него говаривала Марья Алексеевна: «Не знаю, матушка, что выйдет из моего старшего внука: мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком; то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что его ничем и не уймешь; из одной крайности в другую бросается, нет у него средины. Бог знает, чем все это кончится, ежели он не переменится». Бабушка, как видно, больше других его любила, но журила порядком: «ведь экой шалун ты какой, помяни ты мое слово, не сносить тебе своей головы». Не знаю, каков он был потом, но тогда глядел рохлей и замарашкой, и за это ему тоже доставалось... На нем всегда было что-то и неопрятно, и сидело нескладно.

Е. П. ЯНЬКОВА. *Рассказы бабушки, записанные Д. Благово*. СПБ. 1885. Стр. 459—460.

Дядька Пушкина, Никита Козлов, был, помнится, при нём в Москве, где шаловливый и острый ребенок уже набирался ранних впечатлений, резвясь и бегая на колокольню Ивана Великого и знакомясь со всеми закоулками и окрестностями златоглавой столицы.

Н. В. СУШКОВ. *Раут. Литературный сборник в пользу Александринского детского приюта*. М. 1851, стр. 8.

Учился Пушкин небрежно и лениво; но зато рано пристрастился к чтению, любил читать Плутарховы биографии, Илиаду и Одиссею, в переводе Битобе, и забирался в библиотеку отца, которая состояла преимущественно из французских классиков, так что в последствии он был настоящим знатоком французской словесности и истории и усвоил себе тот прекрасный французский слог, которому в письмах его не могли надивиться природные французы.

О. С. ПАВЛИЩЕВА (сестра поэта) в передаче П. И. Бартенева. Род и детство Пушкина. *Отечеств. Записки*, 1853, ноябрь, II, стр. 18.

Очень рано Пушкин изучил языки французский и итальянский, которые отец его и дядя *(Вас. Львович)* знали прекрасно, так что писали стихи на этих языках.

КЕНИГ со слов Н. А. Мельгунова. *Очерки рус. литературы.* Пер. с нем. СПБ. 1862. Стр. 101. Ср. *А. Кирпичников, Очерки по ист. рус. лит.* II т., изд. 2. М. 1903. Стр. 171.

Когда наняли англичанку (мисс Бели) для Ольги Сергеевны, Пушкин учился по-английски, но плохо, а по-немецки и вовсе не учился. Была у них гувернантка немка, да и та почти никогда не говорила на своем родном языке. Вообще учение подвигалось медленно. Возлагая все свои надежды на память, молодой Пушкин повторял уроки за сестрой, когда ее спрашивали; ничего не знал, когда начинали экзамен с него; заливался слезами над четырьмя правилами арифметики, которую вообще плохо понимал. Особенно деление, говорят, стоило ему многих слез и трудов. Но с девятого года начала развиваться у него страсть к чтению, которая и не покидала его во всю жизнь.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы,* 12.

* (1810—1811). Подле самого Яузского моста, т.-е., не переезжая его к Головинскому дворцу, почти на самой Яузе, в каком-то полукирпичном и полудеревянном доме жил С. Л. Пушкин, отец поэта... Молодой Пушкин, как в эти дни мне казалось, был скромный ребенок; он очень понимал себя; но никогда не вмешивался в дела больших и почти вечно сиживал как-то в уголочке, а иногда стаивал, прижавшись к тому стулу, на котором угораздивался какой-нибудь добрый оратор или басенный эпиграмматист. И если у него вырывалось что-нибудь превыспренне-поэтическое, забавное для отрока, он не воздерживался от улыбки. Однажды, когда один поэт-моряк провозглашал торжественно свои стихи, и где как-то пришлось:

И этот кортик,
И этот чортик!

А. С. так громко захохотал, что Над. Ос. *(мать его)* сделала ему знак,—и он нас оставил.

В теплый майский вечер мы сидели в саду графа Бутурлина; молодой Пушкин тут же резвился, как дитя, с детьми. Известный граф П. упомянул о даре стихотворства в А. С—че. Графиня Бутурлина, чтоб как-нибудь не огорчить молодого поэта, может быть, нескромным словом о его пиитическом даре, обращалась с похвалою только к его полезным занятиям, но никак не хотела, чтоб он показывал нам свои стихи; за то множество живших у графини молодых девушек почти тут же

окружили Пушкина со своими альбомами и просили, чтоб он написал для них что-нибудь. Певец-дитя смешался. Некто NN, желая поправить это замешательство, прочел детский *катрен* поэта, и прочел по-своему, как заметили тогда, по образцу высокой речи на *о*. А. С. успел только сказать: «ah, mon Dieu!»— и выбежал. Я нашел его в огромной библиотеке графа; он разглядывал затылки сафьянных фолиантов и был очень недоволен собою. Я подошел к нему и что-то сказал о книгах. Он отвечал мне: «поверите ли, этот г. NN так меня озадачил, что я не понимаю даже и книжных затылков». Вошел граф с детьми. Пушкин присоединился к ним, но очень скоро ушел домой...

В детских летах Пушкин был не из рослых детей и все с теми же африканскими чертами физиономии, с какими был и взрослым; но волосы его в малолетстве были так кудрявы и так изящно завиты африканскою природою, что однажды мне И. И. Дмитриев сказал: «посмотрите, ведь это настоящий арабчик». Дитя рассмеялось и, оборотясь к нам, проговорило очень скоро и смело: «по крайней мере, отличусь тем, и не буду рябчик» [1]).

М. Н. МАКАРОВ. А. С. Пушкин в детстве. *Современник*, 1843, т. XXIX, стр. 377—383.

Знавшие дела семьи единогласно свидетельствуют, что когда, в 1811 году, пришло время молодому Пушкину ехать в Петербург для поступления в лицей, он покинул отеческий кров без малейшего сожаления, если исключим дружескую горесть по сестре, которую он всегда любил.

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в александр. эпоху*, 27.

Летом 1811 г. дядя Василий Львович повез его в Петербург. Еще и теперь некоторые помнят, как он, вместе с 12-летним племянником, посещал московского приятеля своего, тогдашнего министра юстиции И. И. Дмитриева; раз, собираясь читать стихи свои,—вероятно, в роде «Опасного Соседа»,—он велел племяннику выйти из комнаты; резвый, белокурый мальчик, уходя, говорил со смехом: «Зачем вы меня прогоняете, я все знаю, я все уже слышал» (сообщено одним очевидцем).

П. И. БАРТЕНЕВ. Материалы для биографии Пушкина. Гл. II. Отд. отт. из №№ 71—118 *Московских Ведомостей*. 1854, стр. 9.

(В августе 1811 года, в Петербурге, на приемных экзаменах в царскосельский лицей). Вошел чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям.—Я слышу: Александр Пуш-

[1]) Ив. Ив. Дмитриев был рябо.

кин! Выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, несколько сконфуженный... Не припомню, кто, только чуть ли не В. Л. Пушкин, привезший Александра, подозвал меня и познакомил с племянником. Я узнал от него, что он живет у дяди на Мойке, недалеко от нас. Мы положили часто видеться... При всякой возможности я отыскивал Пушкина, иногда с ним гулял в Летнем саду; эти свидания вошли в обычай, так что если несколько дней меня не видать, Василий Львович, бывало, мне пеняет. Часто, в его отсутствие, мы оставались с Анной Николаевной [1]). Она подчас нас, птенцов, приголубливала; случалось, что и прибранит, когда мы надоедим ей нашими ранновременными шутками. Именно замечательно, что она строго наблюдала, чтоб наши ласки не переходили границ, хотя и любила с нами побалагурить и пошалить, а про нас и говорить нечего: мы просто наслаждались непринужденностью и некоторою свободою в обращении с милою девушкой. С Пушкиным часто доходило до ссоры, иногда она требовала тут вмешательства и дяди. Из других товарищей видались мы иногда с Ломоносовым и Гурьевым. Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхали, все, что читал, помнил, но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать, как это очень часто бывает в те годы (каждому из нас было 12 лет) с скороспелками... Все научное он считал ни во что и как-будто желал доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и пр. Бывали столкновения очень неловкие... Случалось удивляться переходам в нем; видишь, бывало, его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же он внезапно оставляет занятия, входит в какой-нибудь припадок бешенства за то, что другой, ни на что лучшее неспособный, перебежал его или одним ударом уронил все кегли. Я был свидетелем такой сцены на Крестовском острову, куда возил нас иногда на ялике гулять Василий Львович. Незаметным образом прошло время до октября. Нам велено было с'езжаться в Царское Село.

И. И. ПУЩИН. Записки. *Л. Майков*, 44—46.

---

[1]) Ворожейкина, сожительница Василия Львовича. Фамилию ее установил Л. А. Виноградов по исповедным книгам московских церквей.

II

В ЛИЦЕЕ

(Октябрь 1811—июнь 1817)

Для лицея был отведен огромный четырехэтажный флигель царскосельского дворца. В нижнем этаже помещалось хозяйственное управление и квартиры инспектора, гувернеров и некоторых других чиновников; во втором—столовая, больница с аптекой и конференц-зала с канцелярией; в третьем—рекреационная зала, классы (два с кафедрами, один для занятия воспитанников после лекций), физический кабинет, комната для газет и журналов и библиотека, в арке, соединяющей лицей со дворцом через хоры придворной церкви; в верхнем—дортуары. Для них, на протяжении вдоль всего строения, во внутренних поперечных стенах прорублены были арки. Таким образом образовался коридор с лестницами на двух концах, в котором с обеих сторон перегородками отделены были комнаты: всего пятьдесят номеров. В каждой комнате—железная кровать, комод, конторка, зеркало, стул, стол для умывания, вместе и ночной. На конторке чернильница и подсвечник со щипцами. Во всех этажах и на лестницах было освещение ламповое: в двух средних этажах паркетные полы. В зале зеркала во всю стену, мебель штофная.

Прогулка три раза в день, во всякую погоду. Вечером в зале—мячик и беготня. Вставали мы по звонку в шесть часов. Одевались, шли на молитву в залу. Утреннюю и вечернюю молитву читали мы вслух по очереди. От 7 до 9 часов—класс; в 9—чай; прогулка—до 10; от 10 до 12—класс; от 12 до часу—прогулка; в час—обед; от 2 до 3—или чистописание, или рисование; от 3 до 5—класс; в 5 часов—чай; до 6—прогулка; потом—повторение уроков или вспомогательный класс. По средам и субботам—танцованье или фехтованье. Каждую субботу баня. В половине 9 часа—звонок к ужину. После ужина до 10 часов—рекреация. В 10—вечерняя молитва, сон. В коридоре на ночь

ставились ночники во всех арках. Дежурный дядька мерными шагами ходил по коридору.

Белье переменялось на теле два раза, а столовое и на постели раз в неделю.—Обед состоял из трех блюд (по праздникам из четырех). За ужином подавалось два. Кушанье было хорошо, но это не мешало нам иногда бросать пирожки Золотареву в бакенбарды. При утреннем чае—крупичатая белая булка, за вечерним—полбулки. В столовой по понедельникам выставлялась программа кушаний на всю неделю. Тут совершалась мена порциями по вкусу. Сначала давали по полустакану портеру за обедом. Потом эта английская система была уничтожена. Мы ограничивались отечественным квасом и чистою водою.—При нас было несколько дядек: они заведывали чисткой платья, сапог и прибирали в комнатах. У дядьки Леонтия Кемерского, польского шляхтича, явился уголок, где можно было найти конфеты, выпить чашку кофе или шоколаду (даже рюмку ликеру,—разумеется, контрабандой). Он иногда, по заказу именинника, за общим столом вместо казенного чая ставил сюрпризом кофе или шоколад вечером, со столбушками сухарей.

И. И. ПУЩИН. Записки. *Л. Майков*, 51—53.

Второй этаж служил классами для младшего курса, а третий для старшего.

И. Я. СЕЛЕЗНЕВ. *Историч. очерк имп. царскосельск. лицея*. СПБ, 1861, стр. 172.

Где именно жил Пушкин в лицее, где была его комната «№ 14» в лицейском общежитии,—установить в настоящее время невозможно: хотя известно, что комната эта была в четвертом этаже, с окном в лицейский сад, однако после перевода лицея в Петербург (в 1843 году) здание его было настолько перестроено, что найти эту комнату не представляется возможным. В настоящее время в бывшем здании лицея находятся квартиры чинов придворного ведомства; в четвертом этаже, где была комната Пушкина, теперь живет прислуга этих чинов.

И. Р. Дом Пушкина в Царском Селе. *Русские Ведом.*, 1910, № 232.

Вначале нам сделали прекрасные синие мундиры из тонкого сукна, и при них белые панталоны в обтяжку с ботфортами и треугольными шляпами, и сверх того для будней синие форменные сюртуки с красными воротниками. Но с 1812 г. все это стало постепенно отпадать. Сперва, вместо белых панталон с ботфортами, явились серые брюки; потом, вместо треугольных шляп—фуражки; наконец, вместо форменных синих сюртуков—серые статского покроя, чем особенно мы очень обижались,

потому что такая же форма была тогда и для малолетних придворных певчих вне службы. Впоследствии хотя и восстановили синие форменные сюртуки, но все прочее осталось, а сверх того, казенное платье было так плохо и шилось на такие долгие сроки, что все, кому сколько-нибудь дозволяли средства, имели свое, прочие же и в дворцовую церковь являлись в заплатках.

Граф М. А. КОРФ. Записка. *Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники*, 223.

Форма воспитанников состояла из сюртука двухбортного синего с красным воротником и по краям и обшлагам красною выпушкою; пуговицы на нем гладкие, позолоченные; синего суконного жилета и прямых длинных, также синего сукна, брюк, сюртук сменяется летом курткою; для парадных случаев служил мундир однобортный, с красными обшлагами и таким же воротником, на котором находились золотые (для старшего возраста) или серебряные (для младшего) петлицы; жилет при этом был белый, пикейный; шинель серого сукна с красною петлицею на воротнике; фуражка синяя с красною на обеих сторонах опушкой и лакированным козырьком.

В одежде воспитанников, при первом обзаведении, между прочим, показаны: на каждого воспитанника две пуховых шляпы: трехугольная и круглая; на летнее время две куртки с панталонами из бланжевой фуфайки; ночные чепчики, бумажные колпаки, оленьи с варишками перчатки, полусапожки, башмаки, калоши

И. Я. СЕЛЕЗНЕВ. *Истор. очерк лицея*. 138—139. 175.

[*(В лицее Пушкин помещался в комнате № 14)*. Так и вижу №№ над дверьми и на левой стороне воротника шинели на квадратной тряпочке чернилами.

И. В. МАЛИНОВСКИЙ—С. Д. Комовскому, 19 ноября 1872 г. *К. Я. Грот. Пушкинский лицей*. СПБ. 1911, стр. 89.

Во все шесть лет нас не пускали из Царского Села даже в близкий Петербург, и из'ятие было сделано для двух или трех только по случаю и во время тяжкой болезни их родителей, да еще, уже для всех, за несколько дней до выпуска, чтобы снять каждому мерки для будущего своего платья. И в самом Царском Селе, в первые три или четыре года, нас не выпускали порознь даже из стен лицея, так что, когда приезжали родители или родственники, то их заставляли сидеть с нами в общей зале или, при прогулках, бегать по саду за нашими рядами.

Гр. М. А. КОРФ. *Я. Грот*, 246.

При торжественном открытии лицея находился А. И. Тургенев. Вычитывая воспитанников, между прочим, назвал он одного двенадцатилетнего мальчика, племянника Василия Львовича, маленького Пушкина, который, по словам его, всех удивлял остроумием и живостью.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. III, 181.

От покойного Матюшкина я слышал, что при поступлении в лицей Пушкин довольно плохо писал по-русски.

Я. К. ГРОТ, 46.

А. С. Пушкин, при поступлении в лицей, особенно отличался необыкновенною памятью и превосходным знанием французской словесности. Ему стоило прочесть раза два страницу какого-нибудь стихотворения, и он мог уже повторить оное наизусть без всякой ошибки

С. Д. КОМОВСКИЙ со слов гувернера С. Г. Чирикова. *Я. Грот*, 218.

Вступив в лицей, А. Пушкин уже знал английский язык, как знают все дети, с которыми дома говорят на этом языке.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта). Замечания на т. наз. биографию А. С. Пушкина, помещенную в «портретной и биографич. галлерее». *Отечеств. Записки*, 1841, т. XV, особ. прилож., стр. 2.

Будучи 12 лет от роду, Пушкин не только знал на память все лучшие творения французских поэтов, но даже сам писал довольно хорошие стихи на этом языке. Упражнения в словесности французской и российской были всегда любимейшие его занятия, в которых он наиболее успевал. Кроме того, он охотно занимался и науками историческими, но не любил политических и в особенности математику.

С. Д. КОМОВСКИЙ. Записка. *Я. Грот*. 219.

При самом начале он—наш поэт; как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, кончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четырехстишья, которые всех нас восхитили. Кошанский взял рукопись к себе. Это было чуть ли не в 1811 году, и никак не позже первых месяцев 1812 г.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 56.

В моих стихотворческих занятиях я успел чрезвычайно, имея товарищем одного молодого человека *(Пушкина)*, который, живши между лучшими стихотворцами, приобрел много в поэзии знаний и вкуса, и, читая мои прежние стихи, вижу в них непростительные ошибки. Хотя у нас запрещено сочинять, но мы с ним пишем украдкою (25 марта 1812 г.).

Скажу тебе новость: нам позволили теперь сочинять (26 апр. 1812 г.).

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ (лицеист)—П. Н. Фуссу. *Я. Грот*, 56, 57.

Пушкин, привезя с собою из Москвы огромный запас любимой им тогда французской литературы, начал ребяческую охоту свою—писать одни французские стихи—переводить на чисто-русскую, очищенную им самим почву. Затем, едва познакомившись с юною своею музою, он стал поощрять и других товарищей своих писать: русские басни (Яковлева), русские эпиграммы (Илличевского), терпеливо выслушивал тяжеловесные гекзаметры барона Дельвига и снисходительно улыбался клопштокским стихам неуклюжего нашего Кюхельбекера. Сам-же поэт наш, удаляясь нередко в уединенные залы лицея или в тенистые аллеи сада, грозно насупя брови и надув губы, с искусанным от досады пером во рту, как бы усиленно боролся иногда с прихотливою кокеткою музою, а между тем мы все видели и слышали потом, как всегда легкий стих его вылетал подобно «пуху из уст Эола».

С. Д. КОМОВСКИЙ—Ф. П. Корнилову. *Я. Грот*, 221.

К 1812 году относится стихотворение «Измены»... Оно относится к приезжавшей в лицей графине Н. В. Кочубей, бывшей впоследствии, но уже гораздо позже, за гр. А. Г. Строгоновым.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*, 1863, № 7, 159.

Едва-ли не Нат. Викт. Кочубей (а не Бакунина) была *первым* предметом любви Пушкина.

Бар. М. А. КОРФ.—В. П. Гаевскому, 30 мая 1863 г. *Пушкин и его совр-ки*, VIII,25.

Пушкин (Александр), 13 лет. Имеет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкой и тонкой, нежели глубокой ум. Прилежание его к учению посредственно, ибо трудолюбие не сделалось еще его добродетелью... Знания его вообще поверхностны, хотя начинает несколько привыкать к основательному размышлению. Самолюбие вместе с честолюбием, делающее его иногда застенчивым, чувствительность

с сердцем, жаркие порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотность с остроумием ему свойственны. Между тем приметно в нем и добродушие, познавая свои слабости, он охотно принимает советы с некоторым успехом. Его словоохотность и остроумие восприняли новый и лучший вид с счастливою переменою образа его мыслей, но в характере его вообще мало постоянства и твердости.

М. С. ПИЛЕЦКИЙ, надзиратель по учебной и нравственной части. Официальный отзыв. *К. Я. Грот. Пушкинский лицей.* СПБ. 1911. Стр. 361.

(19 ноября 1812 г.) Пушкин—весьма понятен, замысловат и остроумен, но крайне не прилежен. Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики, особливо по части логики.

А. П. КУНИЦЫН. Из «Ведомости об успехах воспитанников Лицея по части логики и нравственной философии». В. Гаевский, «Дельвиг». *Современник*, 1853, № 2, III, стр. 67.

Очень ленив, в классе не внимателен и не скромен, способностей не плохих, имеет остроту, но, к сожалению, только для пустословия, успевает весьма посредственно.

Я. И. КАРЦЕВ (преподаватель математики и физики)—(в ноябре 1812 г.). *Лицейский журнал.* IV. 1910—1911, стр. 22.

(6—30 ноября 1812 г.). Пушкин 6-го числа в суждении своем об уроках сказал: признаюсь, что я логики, право, не понимаю, да и многие даже лучшие меня оной не знают, потому что логические селогизмы весьма для него невнятны.—16 числа весьма оскорбительно шутил с Мясоедовым на щот 4 Департамента, зная, что его отец там служит, произнося какие-то стихи, коих мне повторить не хотел, при увещевании же сделал слабое признание, а раскаяния невидно было.—18-го толкал Пущина и Мясоедова, повторял им слова: что если они будут жаловаться, то сами останутся виноватыми, ибо я, говорит, вывертеться умею.—20. В классе рисовальном называл г. Горчакова вольной польской дамой.—21. За обедом вдруг начал громко говорить, что Вольховский г. инспектора боится, и, видно, оттого, что боится потерять доброе свое имя, а мы, говорит, шалуны, его увещеваниям смеемся. После начал исчислять с присовокупившимся к сему г. Корсаковым сделанные г. инспектором родителям некоторых товарищей обиды, а после обеда и других к составлению клеветы на г. инспектора подстрекнул. Вообще г. Пушкин вел себя все следующие дни весьма смело и ветрен-

но.—23-го, когда я у г. Дельвига в классе г. профессора Гауэншильда отнимал бранное на г. инспектора сочинение, в то время г. Пушкин с непристойною вспыльчивостью говорит мне громко: «как вы смеете брать наши бумаги,—стало быть, и письма наши из ящика будете брать». Присутствие г. профессора, вероятно, удержало его от худшего еще поступка, ибо приметен был гнев его.—30 числа к вечеру г. Кошанскому из'яснял какие-то дела с.-петербургских модных французских лавок, кои называются Маршанд дю Мод, я не слыхал сам сего разговора, а только пришел в то время, когда г. Кошанский сказал ему: я повыше вас, а, право, не вздумаю такого вздора, да и вряд ли кому оной придет в голову. Спрашивал я других воспитанников, но никто не мог мне его разговор повторить по скромности, как видно.

М. С. ПИЛЕЦКИЙ (лицейский наздиратель). *И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина*. СПБ. 1903. Стр. 328.

А. Пушкин. Легкомыслен, ветрен, неопрятен, нерадив, впрочем, добродушен, усерден, учтив, имеет особенную страсть к поэзии.

Г. С. ЧИРИКОВ, гувернер лицея. Аттестация 30 сент. 1813 г. *И. А. Шляпкин*, 334.

(1813—1815).

А наш *француз*
Свой хвалит вкус
И матерщину порет.

(Француз—лицейское прозвище Пушкина).

ИЗ ЛИЦЕЙСКИХ «НАЦИОНАЛЬНЫХ ПЕСЕН». К. Я. Грот, *Пушкинский Лицей*, 224.

По рассказам товарищей Пушкина, он, в первые два года лицейской жизни, написал роман в прозе: *Цыган* и вместе с М. Л. Яковлевым комедию: *Так водится на свете*, предназначавшуюся для домашнего театра. После этих опытов он начал комедию в стихах: *Философ*, о которой упоминает в своих записках; но, сочинив только два действия, охладел к своему труду и уничтожил написанное. В то-же время он сочинил, в подражание Баркову, поэму *Монах*, которую также уничтожил по совету одного из своих товарищей. Увлеченный успехом произведения дяди, В. Л. Пушкина, *Опасный Сосед*, племянник пустился в тот же род и кроме упомянутой поэмы написал *Тень Баркова*, балладу, известную по нескольким спискам. Последнюю он выдавал сначала за сочинение кн. П. А. Вяземского, но, увидев, что она пользуется большим успехом, при-

знался, что написал ее сам [1])... Все эти пять произведений, по отзывам товарищей поэта, сочинены в 1812, 1813 и не позже 1814 года, прежде упоминаемой в его записках восточной сказки: *Фатама или разум человеческий.*

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*, 1863, № 7, стр. 155.

Пользуясь своим влиянием на Пушкина, кн. Горчаков побудил его уничтожить одно произведение, «которое могло бы оставить пятно на его памяти». Пушкин написал было поэму «Монах». Кн. Горчаков взял ее на прочтение и сжег, об'явив автору, что это недостойно его имени.

Кн. А. И. УРУСОВ со слов кн. А. М. Горчакова. *Рус. Арх.*, 1883, II, 206.

(1 янв. 1814 г.). При малом прилежании оказывает очень хорошие успехи, и сие должно приписать одним только прекрасным его дарованиям. В поведении резв; но менее противу прежнего.

И. И. КАЙДАНОВ. Из «Ведомости о дарованиях, прилежании и успехах воспитанников лицея по части географии, всеобщей и российской истории». В. Гаевский. «Дельвиг». *Современник*, 1853, № 2, стр. 67.

У одного из царскосельских жителей, графа В. В. Толстого, был домашний театр, на котором играла труппа, составленная из крепостных людей. Лицеисты посещали его спектакли, на которых, вместе с другими посетителями, засматривались на первую любовницу доморощенной труппы, Наталью, которая, однакож, была плохою актрисою. К ней Пушкин написал в 1814 г. послания *К Наталье* и *К молодой актрисе*.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*, 1863, № 7, стр. 139.

Ma taille à celle des plus longs,
Las! n'est point égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

(Мой стан со станом высоких, увы, не может равняться; у меня свежий цвет лица, белокурые волосы и курчавая голова).

ПУШКИН. Mon portrait, 1814.

В молодости Пушкина волоса его были почти светлорусы.

П. А. КОРСАКОВ (брат лицейского товарища Пушкина). В примечании к стих. «Mon portrait». *Маяк*, 1840, III, 24. Цит. по *соч. П-на изд. Брокгауза-Ефрона*, I,169.

---

[1]) Пьеса «Тень Баркова» написана не Пушкиным. См. *Соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова*, 1905, т. VIII, стр. 18.

Брат Пушкина, Лев Сергеевич, по словам его племянника Л. Н. Павлищева, утверждал, что тут заключается неверность, и что его старший брат всегда был темноволосым; что будто бы однажды младший Пушкин указал брату на эту несообразность, и поэт отвечал, что употребил выражение «cheveux blonds» только ради рифмы с «plus longs». Л. Н. Павлищев в последнее время, по крайней мере, судя по его письму ко мне от 8 февр. 1899 г., утверждает, что «волосы А. С. Пушкина в детстве были белокурые».

Д. Н. АНУЧИН. *А. С. Пушкин, Антропологический эскиз.* Москва. 1899. Стр. 33.

Вопреки составившемуся как-то преданию, Пушкин в детстве никогда не был белокурым, а еще при поступлении в лицей имел темнорусые волосы.

Граф М. А. КОРФ. *Я. Грот*, 246.

Пушкин был свидетелем патриотического восторга при возвращении победителей, выразившегося в торжественных встречах, стихах и праздниках. На одном из таких торжеств, происходивших в Павловске 27 июля 1814 года, в числе зрителей были и лицеисты... Пушкина особенно занимали устроенные между дворцом и «розовым павильоном» триумфальные ворота, на которых, как будто в насмешку над их малым размером, были написаны два стиха Буниной:

Тебя, текуща ныне с бою,
Врата победны не вместят!

Пушкин по этому поводу набросал пером рисунок, изображавший замешательство, происходившее будто бы у «победных врат»: лица, составлявшие шествие, видят, приближась к воротам, что они действительно «не вместят» государя, который при этом еще пополнел в Париже, и некоторые из свиты бросаются рубить их. Остроумный рисунок, представлявший несколько портретов, скоро распространился и был подарен Пушкиным К. А. Карамзиной. Автора невинной шутки долго искали,—но, разумеется, не нашли.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*, 1863, № 8, стр. 366—367.

5 сентября (1814 г.) воспитанники Малиновский, Пущин и Пушкин уговорили одного из служителей принести им в их камеры: горячей воды, мелкого сахару, сырых яиц и рому; и когда было все оное принесено, то отлучились без позволения дежурных гувернеров из залы в свои камеры, где из резвости и детского любопытства составляли напиток под названием: гогель могель, который уже начинали пробовать. Как в самое то же время узнали, что я возвратился и пришел в зал, где

и они уже находились; но я, немедленно узнав об их поступке, исследовал подробно и, найдя их виновными, наказал в течение двух дней во время молитв стоянием на коленях.

С. С. ФРОЛОВ, надзиратель лицея. Рапорт конференции лицея. *И. Шляпкин*, 336.

Благодаря бога, у нас, по крайней мере, царствует с одной стороны свобода. Нет скучного заведения сидеть à ses places; в классах бываем недолго: семь часов в день; больших уроков не имеем; летом досуг проводим на прогулке, зимою в чтении книг, иногда представляем театр, с начальниками обходимся без страха, шутим с ними, смеемся.

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ—П. Н. Фуссу, 2 ноября 1814 г. *Я. Грот*, 59.

Пушкин, с самого начала, был раздражительнее многих и поэтому не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентрического существа среди людей. Не то, чтоб он разыгрывал какую-нибудь роль между нами или поражал какими-нибудь особенными странностями; но иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. Это вело его к новым промахам, которые никогда не ускользают в школьных сношениях. Я, как сосед (с другой стороны его нумера была глухая стена), часто, когда все уже засыпали, толковал с ним вполголоса через перегородку о каком-нибудь вздорном случае того дня; тут я видел ясно, что он по щекотливости всякому вздору приписывал какую-то важность, и это его волновало. Вместе мы, как умели, сглаживали некоторые шероховатости, хотя не всегда это удавалось. В нем была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то, и другое невпопад, что тем самым ему вредило. Бывало, вместе промахнемся, сам вывернешься, а он никак не сумеет этого уладить. Главное, ему недоставало того, что называется *тактом*, это—капитал, необходимый в товарищеском быту, где мудрено, почти невозможно, при совершенно бесцеремонном обращении, уберечься от некоторых неприятных столкновений вседневной жизни. Все это вместе было причиной, что вообще не вдруг отозвались ему на его привязанность к лицейскому кружку, которая с первой поры зародилась в нем, не проявляясь, впрочем, свойственною ей иногда пошлостию. Чтобы полюбить его настоящим образом, нужно было взглянуть на него с тем полным благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 54.

Нравственные страдания, как и пылкие страсти посетили Пушкина очень рано. Он проводил ночи в разговорах, через стенку, с другом своим, оставившим нам эти сведения. Содержание этих поздних бесед, преимущественно, состояло из жалоб Пушкина на себя и других, скорбных признаний, раскаянья и, наконец, из обсуждения планов, как поправить свое положение между товарищами или избегнуть следствий ложного шага или необдуманного поступка. Этот поверенный сообщал нам также и о горьких слезах, часто орошавших, в тишине бессонной ночи, подушку молодого человека из № 14. Дело в том, что Пушкин, по словам его, наделен был от природы весьма восприимчивым и впечатлительным сердцем, на зло и наперекор которому шел весь образ его действий,—заносчивый, резкий, напрашивающийся на вражду и оскорбления. А между тем способность к быстрому ответу, немедленному отражению удара или принятию наиболее выгодного положения в борьбе часто ему изменяла. Известно, какой огромной долей злого остроумия, желчного и ядовитого юмора обладал Пушкин, когда, сосредоточась в себе, вступал в обдуманную битву с своими литературными и другими врагами, но быстрая находчивость и дар мгновенного, удачного выражения никогда не составляли отличительного его качества. Пушкин не всегда оставался победителем в столкновениях с товарищами, им же и порожденных, и тогда, с растерзанным сердцем, с оскорбленным самолюбием, сознанием собственной вины и с негодованием на ближних, возвращался он в свою комнату и, перебирая все жгучие впечатления дня, выстрадывал вторично все его страдания до капли.

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в алекс. эпоху*, 53.

Не только в часы отдыха от учения в рекреационной зале, на прогулках, но нередко в классах и даже в церкви ему приходили в голову разные поэтические вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось от улыбки, смотря по роду дум его занимавших [1]). Набрасывая же мысли свои на бумагу, он удалялся всегда в самый уединенный угол комнаты [2]), от нетерпения грыз обыкновенно перо и, насупив брови, надувши губы, с огненным взором читал про себя написанное. Кроме любимых разговоров своих о литературе и авторах с теми товарищами, кои тоже писали стихи, как то с бароном Дельвигом, Илличевским, Яковлевым и Кюхельбекером (над неудачною страстью коего к поэзии он любил часто подшучивать), Пуш-

[1]) Лицо Пушкина, и ходя по комнате, и сидя на лавке, часто то хмурилось, то прояснялось от улыбки. *Примечание другого лицейского товарища Пушкина, М. Л. Яковлева.*

[2]) Не правда. Писал он везде, где мог, а всего более в математическом классе. *Примеч. М. Л. Яковлева.*

кин был вообще не очень сообщителен с прочими своими товарищами и на вопросы их отвечал обыкновенно лаконически.

Из профессоров и гувернеров лицея никто *в особенности* Пушкина не любил и не отличал от других воспитанников; но все боялись его сатир, эпиграмм и острых слов [1]), с удовольствием слушая их насчет других. Так напр., профессор математики Карцов от души смеялся его пиитическим шуткам над лицейским доктором Пешелем, который в свою очередь охотно слушал его насмешки над Карцевым. Один только профессор российской и латинской словесности Кошанский, предвидя необыкновенный успех поэтического таланта Пушкина, старался все достоинство оного приписывать отчасти себе и для того употреблял все средства, чтобы как можно более познакомить его с теорией отечественного языка и с классическою словесностью древних [2]), но к последней не успел возбудить в нем такой страсти, как в Дельвиге. Сам Пушкин, увлекаясь свободным полетом своего гения, не любил подчиняться классному порядку и никогда ничего не искал в своих начальниках.

С. Д. КОМОВСКИЙ (лицейский товарищ Пушкина). Записка. *Я. Грот*, 219.

Галич был моим профессором и ободрял меня на поприще мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814-го года мои «Воспоминания о Царском Селе».

ПУШКИН. *Дневник, 17 марта* 1834 г.

«Воспоминания в Царском Селе» прочитаны на публичном экзамене 8 янв. 1815 г., но предварительно рассматривались начальством, были представлены графу Разумовскому (*министру нар. просв.*) и были прочтены при нем на репетиции, происходившей за несколько дней до экзамена, который начался 4 января.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*. 1863, № 8, стр. 368.

Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались...

---

[1]) Не помню и не знаю, кто боялся сатир Пушкина; разве один Пешель, но и этот только трусил. Острот Пушкин не говорил. *Примечание М. Л. Яковлева.*

[2]) Так, но вместе с тем Кошанский—особенно в первое время—всячески старался отвратить и удержать Пушкина от писания стихов, частью, может быть, возбуждаемый к тому ревностию или завистию: ибо сам писал и печатал стихи, в которых боялся соперничества возникающего нового гения. *Примеч. бар. М. А. Корфа.*—Русским языком Пушкин занимался не потому, чтобы кто нибудь из учителей побуждал его к тому, а по страсти, по влечению собственному. Пушкина талант начал развиваться в то время, когда Кошанский по болезни был устранен и три *(? Я. Грот.)* года в лицее не был. *Примеч. М. Л. Яковлева.*

Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил; лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен русской словесности. Тут он оживился: глаза заблистали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец, вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении: он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли.

ПУШКИН. О Державине.

Державин, выслушав это произведение, в котором чувствовалось ему что-то родственное, растроганный сказал: «я не умер» и хотел обнять своего преемника.

В. П. ГАЕВСКИЙ. *Современник*, 1863, № 8, 370.

Державин, прочтя первые стихи Пушкина, понял будущего поэта и сказал С. Т. А-ву (*Аксакову*): «вот кто заменит Державина».

Ф. Н. ГЛИНКА. *Воспоминание о поэтической жизни Пушкина*. М. 1837, стр. 13.

Читал Пушкин с необыкновенным оживлением. Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегал у меня. Когда же патриарх наших певцов в восторге, со слезами на глазах, бросился целовать поэта и осенил кудрявую его голову, мы все, под каким-то неведомым влиянием, благоговейно молчали. Хотели сами обнять нашего певца, его уже не было: он убежал!

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 61.

За обедом, на который я был приглашен графом А. К. Разумовским, бывшим тогда министром народного просвещения, граф, отдавая справедливость молодому таланту, сказал мне:— «Я бы желал однако-же образовать сына вашего в прозе».— «*Оставьте его поэтом*»,—отвечал ему за меня Державин с жаром, вдохновенный духом пророчества.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта). *Отеч. Записки*, 1841, т. XV, особ. прил. 3.

Об ласке Державина к Пушкину не было особенно говорено тогда.

П. В. НАЩОКИН по записи П. И. Бартенева. *Рассказы о П-не, 26*.

Пушкин даже во сне видел стихи и сам рассказывал, что ему приснилось раз двоестишие:

Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,—

к которому он и приделал потом целое стихотворение—*Лицинию*.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 35. *То же самое со слов П. А. Плетнева сообщает П. И. Бартенев*,—отд. отт. из №№ 71—118 *Моск. Ведом.* за 1854 г., стр. 34.

Все профессора смотрели с благоговением на растущий талант Пушкина. В математическом классе раз вызвал его Карцов к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал молча какие-то формулы. Карцов спросил его наконец:—«Что ж вышло? Чему равняется икс»? Пушкин, улыбаясь, ответил: «Нулю!». «Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на свое место и пишите стихи». Пушкин охотнее всех других классов занимался в классе Куницына, и то совершенно по-своему: уроков никогда не повторял, мало что записывал, а чтоб переписывать тетради профессоров (печатных руководств тогда еще не существовало),—у него и в обычае не было: все делалось à livre ouvert.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 60.

По словам Комовского, товарищи-лицеисты не любили кн. Горчакова за его крайне неприятный характер, мелочный, злопамятный, чванливый и заносчивый до последних пределов. В душе он всегда завидовал Пушкину за его гений и то и дело хвастался перед ним своей красотой (кн. Горчаков был, действительно, классически-красив) и знатностью рода. Пушкин, с своей стороны, относился к Горчакову с тем же свойственным ему добродушием, как и ко всем прочим своим товарищам. Он даже посвятил ему стихи, которые сначала князю не понравились, так как были слишком игривы. Однако потом, когда Пушкин вошел в славу, князь стал хвалиться своею близостью с ним и охотно цитировал это самое шутливое послание, посвященное ему Пушкиным.

С. У. «Мозаика». *Историч. Вестн., 1915*, авг., стр. 482.

Наше Царское Село в летние дни есть Петербург в миниатюре. У нас есть вечерние гуляния, в саду музыка и песни, иногда театры. Всем этим обязаны мы графу Толстому, богатому и любящему удовольствия человеку. По знакомству с хозяином и мы имеем вход в его спектакли; ты можешь понять,

что это наше первое и почти единственное удовольствие. Но осень на нас не на шутку косо поглядывает... Всё запрется в дому, раз'едется в столицу или кто куда хочет; а мы, постоянные жители Села, живи с нею. Чем убить такое скучное время? Вот тут-то поневоле призовешь к себе науки.

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ—П. Н. Фуссу, 2 сент. 1815 г. *Я. Грот*, 63.

Пушкин был до того женолюбив, что, будучи еще 15 или 16 лет, от одного прикосновения к руке танцующей, во время лицейских балов, взор его пылал, и он пыхтел, сопел, как ретивый конь среди молодого табуна.

С. Д. КОМОВСКИЙ, *Я. Грот*, 220.

Вашему Превосходительству угодно было, чтобы я написал пиэсу на приезд Государя Императора; исполняю ваше повеленье. Ежели чувства любви и благодарности к великому Монарху нашему, начертанные мною, будут несовсем недостойны высокого предмета моего, сколь щастлив буду я, ежели его Сиятельство Граф Алексей Кириллович Разумовский благоволит поднести Его Величеству слабое произведенье неопытного стихотворца.

ПУШКИН—И. И. Мартынову (*директору департамента Мин. Нар. Прос.*), 28 ноября 1815 г.

29 ноября 1815 г. Я щастлив был!... нет, я вчера не был щастлив, поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волнением стоя под окошком смотрел на снежную дорогу, ее невидно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, сладкая минута!

Он пел любовь, но был печален глас,
Увы, он знал любви одну лишь муку!

Как она мила была! Как черное платье пристало к милой Бакуниной! Но я не видел ее 18 часов ах! Какое положение, какая мука! Но я был щастлив 5 минут!

ПУШКИН. *Отрывки из лицейских записок.*

Первую платоническую, истинно поэтическую любовь возбудила в Пушкине сестра одного из лицейских товарищей его, фрейлина Катерина Павловна Бакунина. Она часто навещала брата своего и всегда приезжала на лицейские балы. Прелестное лицо ее, дивный стан и очаровательное обращение произвели всеобщий восторг во всей лицейской молодежи. Пушкин с чувством пламенного юноши описал ее прелести в стихотво-

рении своем *К живописцу*, которое очень удачно положено было на ноты лицейским же товарищем его Яковлевым и постоянно пето до самого выхода из заведения.

С. Д. КОМОВСКИЙ. Записка о Пушкине. *Я. Грот*, 220.

Пушкин пишет теперь комедию в 5 действиях, в стихах, под названием: *Философ*. План довольно удачен и начало, т.-е. 1-е действие, до сих пор только написанное, обещает нечто хорошее; стихи—и говорить нечего—а острых слов сколько хочешь! Дай только бог ему терпения и постоянства, что редко бывает в молодых писателях... Дай бог ему кончить—это первый большой ouvrage, начатый им, ouvrage, которым он хочет открыть свое поприще по выходе из лицея. Дай бог ему успеха—лучи славы его будут отсвечиваться и в его товарищах.

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ—П. Н. Фуссу, 16 янв. 1816 г. *Я. Грот*, 67.

В самом начале своего директорства (*март 1816 г.*) Энгельгард, сознавая нелепость совершенного раз'единения учащейся молодежи с действительною жизнью, разрешил отпуски из лицея в пределах Царского Села, и, по примеру директора, несколько семейных домов открылись для лицеистов, именно: дома Вельо, Севериной и барона Теппера де Фергюсона, находившихся в родственных между собою отношениях и постоянно живших в Царском Селе. Теппер был большой оригинал, но человек образованный, и лицеисты часто заходили в его домик. У Теппера каждый вечер собирались по нескольку человек, пили чай, болтали, занимались музыкой и пеньем. У него-же, по воскресеньям, происходили литературные беседы, задавались темы, на которые приготовлялось к следующему воскресенью несколько сочинений, и таким образом совершались литературные состязания, на которых Пушкин первенствовал.

В. П. ГАЕВСКИЙ. *Современник*, 1863, № 8, 385.

С назначением Энгельгардта в директоры школьный наш быт принял иной характер. При нем по вечерам устроились чтения в зале (Энгельгардт отлично читал). В доме его мы знакомились с обычаями света, находили приятное женское общество. Летом в вакантный месяц, директор делал с нами дальние, иногда двухдневные прогулки по окрестностям; зимой для развлечения ездили на нескольких тройках за город завтракать или пить чай в праздничные дни, в саду, на пруде катались с гор и на коньках. Во всех этих увеселениях участвовало его семейство и близкие ему дамы и девицы, иногда и приезжавшие родные наши.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 64.

Мы надеемся, что Карамзин посетит наш лицей; и надежда наша основана не на пустом: он знает Пушкина и им весьма много интересуется.

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ—П. Н. Фуссу, 20 марта 1816 г. *Я. Грот*, 69.

В семействе Энгельгардта, состоявшем из жены и пятерых детей, жила овдовевшая незадолго перед тем Мария Смит, урожденная Шарон-Лароз. Весьма миловидная, любезная и остроумная, она умела оживлять и соединять собиравшееся у Энгельгардта общество. Пушкин, который немедленно начал ухаживать за нею, написал к ней довольно нескромное послание *К молодой вдове*. Но вдова, не успевшая забыть мужа и готовившаяся быть матерью, обиделась, показала стихотворение своего вздыхателя Энгельгардту, и это обстоятельство было главною причиною неприязненных отношений между ними, продолжавшихся до конца курса. К г-же Смит написаны еще Пушкиным *Слово милой* («Я Лилу слушал у клавира») и «Лила, Лила, я страдаю».

В. П. ГАЕВСКИЙ. *Современник*, 1863, № 8, 378.

В неделю раз в доме директора лицея Е. А. Энгельгардта бывали вечерние собрания, на которые, кроме своих родных и знакомых, он приглашал и воспитанников... Помимо доставления лицеистам нравственного развлечения, Энгельгардт, приглашая их на свои вечера, имел в виду приучение молодых людей к хорошему обществу и обхождению в кругу благовоспитанных дам и девиц. Дельвиг и Кюхельбекер были частыми посетителями вечеров; Пушкин очень редким; наконец, года за два до выпуска, он и вовсе прекратил свои посещения. Это огорчало Егора Антоновича. Как-то во время рекреаций, когда Пушкин сидел у своего пульта, Энгельгардт подошел к нему и ласково спросил: за что он сердится? Юноша смутился и отвечал, что сердиться на директора не смеет, не имеет к тому причин и т. д.—«Так вы не любите меня?»—продолжал Энгельгардт, усаживаясь подле Пушкина и тут же, глубоко прочувствованным голосом, без всяких упреков, высказал ему всю странность его отчуждения от общества. Пушкин слушал со вниманием, хмуря брови, меняясь в лице; наконец заплакал и кинулся на шею Энгельгардту.—«Я виноват в том,—сказал он,—что до сих пор не понимал и не умел ценить вас!». Добрый Энгельгардт сам расплакался и, как юноша, радовался раскаянию Пушкина, его отречению от напускной мизантропии. Они расстались, довольные друг другом. Минут через десять Егор Антонович вернулся к Пушкину, желая что-то сказать: но лишь только вошел, Пушкин поспешно спрятал какую-то бумагу под доску и заметно смешался.—«Вероятно, стишки?—шутливо спросил Энгельгардт.—Покажите, если не секрет». Пушкин переминался, прикрывая доску

рукою.—«От друга таиться не следует»,—продолжал Энгельгардт, тихонько подымая доску пульта и доставая из него лист бумаги: на этом листе был нарисован его портрет в каррикатуре, и было набросано несколько строк очень злой эпиграммы, почти пасквиля. Спокойно отдавая Пушкину эту злую шалость его музы, Егор Антонович сказал:—«Теперь понимаю, почему вы не желаете бывать у меня в доме. Не знаю только, чем мог я заслужить ваше нерасположение».

Со слов К. А. ШТОРХА, лицеиста одного из первых выпусков. *Рус. Стар.*, 1879, т. 25, стр. 378—379.

Для меня осталось неразрешенною загадкой, почему все внимания директора Энгельгардта и его жены отвергались Пушкиным; он никак не хотел видеть его в настоящем свете, избегая всякого сближения с ним. Эта несправедливость Пушкина к Энгельгардту, которого я душой полюбил, сильно меня волновала. Тут крылось что-нибудь, чего он никак не хотел мне сказать.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 64.

(22 марта 1816 г.). Высшая и конечная цель Пушкина—блестеть, и именно поэзией; но едва ли найдет она у него прочное основание, потому, что он боится всякого серьезного учения, и его ум, не имея ни проницательности, ни глубины, совершенно поверхностный, французский ум. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкине. Его сердце холодно и пусто; в нем нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как никогда еще не бывало юношеское сердце. Нежные и юношеские чувствования унижены в нем воображением, осквернённым всеми эротическими произведениями французской литературы, которые он при поступлении в лицей знал почти наизусть, как достойное приобретение первоначального воспитания.

Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТ (директор лицея), официальный отзыв. В. Гаевский. Пушкин в лицее. *Современник*, 1863, т. 97, 376.

Я помню, как с покойным отцом моим (*директор лицея до Энгельгардта*) пришли в лицей во время классов Карамзин, Жуковский, Батюшков, Тургенев—и Карамзин, вызвав Пушкина, сказал:—«Пари, как орел, но не останавливайся в полете».—И он с раздутыми ноздрями,—выражение его лица при сильном волнении,—сел на место при общем приличном приветствовании товарищей [1]).

И. В. МАЛИНОВСКИЙ (из неизд. материалов, сообщ. М. А. Цявловским).

---

[1]) Здесь память изменила Малиновскому; при его отце, скончавшемся в 1814 г., в лицее не могли быть ни Карамзин, ни Батюшков. Малиновский, очевидно, говорит о посещении лицея Карамзиным с кн. П. А. Вяземским и В. Л. Пушкиным числа 23 марта 1816 г. *Прим. М. А. Цявловского.*

Что сказать вам о нашем уединении? Никогда Лицей не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединение в самом деле вещь очень глупая, на зло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто живали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину. Правда, время нашего выпуска приближается. Остался год еще. Но целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного!... Целый год еще дремать перед кафедрой... Это ужасно. Право, с радостью согласился бы я двенадцать раз перечитать все 12 песен пресловутой Россиады, с тем только чтобы гр. Разумовский сократил время моего заточения. Безбожно молодого человека держать взаперти.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 27 марта 1816 г.

В честь бракосочетания принца Оранского (впоследствии короля нидерландского Вильгельма II) и вел. княжны Анны Павловны (9 фев. 1816 г.) происходили торжества в столице, и один из праздников дан был в Павловске, в розовом павильоне *(6 июня)*. По этому случаю императрица Мария Федоровна поручила Нелединскому-Мелецкому написать стихи; но устаревший поэт, не надеясь на свои силы, поехал в лицей, передал это поручение Пушкину, которому дал и главную мысль, а через час или два уехал из лицея уже со стихами... Из донесения Энгельгардта министру на другой день праздника видно, что стихи, написанные Пушкиным, по поручению Нелединского-Мелецкого и Карамзина, пелись во время ужина, и за них Пушкин получил от государыни золотые часы с цепочкою.

В. П. ГАЕВСКИЙ. *Современник*, 1863, № 8, стр. 372.

Лицей был заведение совершенно на западный лад; здесь получались иностранные журналы для воспитанников, которые в играх своих устраивали между собою палаты, спорили, говорили речи, издавали между собою журналы и проч.; вообще свободы было очень много.

Лицейский анекдот: однажды император Александр, ходя по классам, спросил: «Кто здесь первый?»—«Здесь нет, ваше императорское величество, первых; все вторые»,—отвечал Пушкин.

С. П. ШЕВЫРЕВ. Воспоминания о Пушкине. *Л. Майков*, 326.

Стеснений никаких не было. Хотя из лицея никого никогда ни пускали домой, однако обращение было до того свободно, что в саду лицеисты без опасения курили в присутствии надзирателя.

П. В. НАЩОКИН по записи П. И. Бартенева. *Рассказы о П-не*, 25.

В лицее и пансионе воспитанники устраивали театр и играли, но Пушкин и Дельвиг никогда не играли.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Там же, 28.*

(В последние два-три года пребывания в лицее) все переменилось, и в свободное время мы ходили не только к Тепперу и в другие почтенные дома, но и в кондитерскую Амбиеля, а также по гусарам, сперва в одни праздники и по билетам, а потом и в будни, без всякого уже спроса, даже без ведома наших приставников, возвращаясь иногда в глубокую ночь. Думаю, что иные пропадали даже и на *целую ночь*, хотя со мною лично этого не случалось. Маленький *тринкгельд* швейцару мирил все дело, потому что гувернеры и дядьки все давно уже спали... Кружок, в котором Пушкин проводил свои досуги, состоял из офицеров лейб-гусарского полка. Вечером, после классных часов, когда прочие бывали или у директора, или в других семейных домах, Пушкин, ненавидевший всякое стеснение, пировал с этими господами нараспашку. Любимым его собеседником был гусар Каверин, один из самых лихих повес в полку.

Граф М. А. КОРФ. Записка. *Я. Грот,* 240—247.

И в гусарском полку Пушкин не только «пировал нараспашку», но сблизился и с Чаадаевым, который вовсе не был гулякою; не знаю, что бывало прежде, но со времени переезда семейства Карамзина в Царское Село, он бывал у них ежеднево по вечерам; а дружба его с Ив. Пущиным?

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Примечания к записке М. А. Корфа. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского,* 490.

Вне лицея Пушкин был знаком с некоторыми отчаянными гусарами, жившими в то время в Царском Селе (Каверин, Молоствов, Саломирский, Сабуров и др.). Вместе с ними, тайком от своего начальства, он любил приносить жертвы Бахусу и Венере, волочась за хорошенькими актрисами графа Толстого и за субретками приезжавших туда на лето семейств; при чем проявлялись в нем вся пылкость и сладострастие африканской породы.

С. Д. КОМОВСКИЙ. *Я. Грот,* 220.

Во время пребывания Чаадаева с лейб-гусарским полком в Царском Селе, между офицерами полка и воспитанниками царскосельского лицея образовались непристанные, ежедневные и очень веселые отношения. То было, как известно, золотое время лицея.... Воспитанники поминутно пропадали в садах

державного жилища, промежду его живыми зеркальными водами, в тенистых вековых аллеях, иногда даже в переходах и различных помещениях самого царского дворца... Шумные скитания щеголеватой, утонченной, богатой самыми драгоценными надеждами молодежи очень скоро возбудили внимательное, бодрствующее чутье Чаадаева и еще скорее сделались целью его верного, меткого, исполненного симпатического благоволения охарактеризования. Юных, разгульных любомудрцов он сейчас же прозвал «философами-перипатетиками». Прозвание было принято воспитанниками с большим удовольствием, но ни один из них не сблизился столько с его творцом, сколько Пушкин.

М. И. ЖИХАРЕВ. П. Я. Чаадаев. Из воспоминаний современника. *Вестн. Европы*, 1871, № 7, стр. 192.

В свободное время Пушкин любил навещать Н. М. Карамзина, проводившего ежегодно летнее время в Царском Селе. Карамзин читал ему рукописный труд свой и делился с ним досугом и суждениями. От Карамзина Пушкин забегал в кружок лейб-гусарских офицеров и возвращался к лицейским друзьям с запасом новых впечатлений.

Л. С. ПУШКИН. *Л. Майков*, 5.

Если верить дошедшему до нас, позднейших лицеистов, преданию, Пушкин не был любим большинством своих товарищей: причиною тому был несколько задорный характер его и остроумие, которое иногда разыгрывалось насчет других.

Я. К. ГРОТ, 13.

В лицее Пушкин решительно ничему не учился, но как и тогда уже блистал своим дивным талантом и, сверх того, начальников пугали его злой язык и едкие эпиграммы, то на его эпикурейскую жизнь смотрели сквозь пальцы. Между товарищами, кроме тех, которые, писав сами стихи, искали его одобрения и протекции,—он не пользовался особенно приязнью. Вспыльчивый до бешенства, вечно рассеянный, вечно погруженный в поэтические свои мечтания, с необузданными африканскими страстями, избалованный с детства похвалою и льстецами, Пушкин ни на школьной скамье, ни после, в свете, не имел ничего любезного и привлекательного в своем обращении. Беседы,—ровной, систематической, сколько-нибудь связной,—у него совсем не было, как не было и дара слова, были только вспышки: резкая острота, злая насмешка, какая-нибудь внезапная поэтическая мысль, но все это лишь урывками, иногда, в добрую минуту; большею же частью или тривиальные

общие места или рассеянное молчание. В лицее он превосходил всех в чувственности.

Граф М. А. КОРФ, *Я. Грот*, 249.

Был он *вспыльчив*, легко раздражен—это правда; но со всем тем, он, напротив, в общем *обращении* своем, когда самолюбие его не было задето, был особенно *любезен* и *привлекателен*, что и доказывается многочисленными приятелями его. Беседы *систематической*, может быть, и не было, но все прочее, сказанное о разговоре его,—несправедливо или преувеличено. Во всяком случае не было *тривиальных общих мест*; ум его вообще был здравый и светлый.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Примечания к «Записке» М. А. Корфа. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского*, 491.

У дворцовой гауптвахты, перед вечерней зарей, обыкновенно играла полковая музыка. Это привлекало гулявших в саду, разумеется, и нас, l'inevitable Lycée, как называли иные нашу шумную, движущуюся толпу. Иногда мы проходили к музыке дворцовым коридором, в который, между другими помещениями, был выход и из комнат, занимаемых фрейлинами императрицы Елизаветы Алексеевны... У фрейлины Валуевой была примиленькая горничная Наташа. Случалось, встретясь с нею в темных переходах коридора, и полюбезничать; она многих из нас знала, да и кто же не знал лицея, который мозолил глаза всем в саду? Однажды идем мы, растянувшись по этому коридору маленькими группами. Пушкин на беду был один, слышит в темноте шорох платья, воображает, что непременно Наташа, бросается поцеловать ее самым невинным образом. Как нарочно, в эту минуту отворяется дверь из комнаты и освещает сцену, перед ним сама княжна Волконская... Пушкин тотчас рассказал мне про это, присоединясь к нам, стоявшим у оркестра. Он хотел написать княжне извинительное письмо. Между тем она успела пожаловаться брату своему П. М. Волконскому, а тот—государю. Государь на другой день приходит к Энгельгардту.—«Что ж это будет?»—говорит царь.—«Твои воспитанники не только снимают через забор мои наливные яблоки, бьют сторожей садовника, но теперь уже не дают проходу фрейлинам жены моей». *(Энгельгардту удалось уладить дело).*

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 63.

Один раз под-вечер, когда все кошки делаются серыми, Пушкин, бегая по какому-то коридору, наткнулся на какую-то женщину, к которой пристал с неосмотрительными речами и даже, сообщают злоязычники, с необдуманными прикосновениями. Женщина подняла крик и ускользнула,однакоже успела рассмотреть и узнать виноватого. Она была немолода, некра-

сива и настолько знатна, что слух об этом маленьком происшествии дошел до ушей самого государя. Государь приказал немедленно Пушкина высечь. Энгельгардт этого приказания не исполнил. Известно, что при Александре I можно было иногда повелений такого рода не выполнять, а потом за ослушание получать благодарность. Слух же про скандальчик разнесся по Царскому Селу, раздражительный поэт почтил пожилую девушку следующим французским четверостишием:

On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon:
Mais pour une grace,—oh, mon Dieu, non!

(Сударыня, могу сказать
За сводню можно вас принять,
И на мартышку вы похожи.
На Грацию ж... помилуй, боже!

(Перев. В. Брюсова).

М. И. ЖИХАРЕВ. Воспоминания о Чаадаеве. *Вестн. Евр.*, 1871, № 7, 192.

Одною из главных причин ускоренного выпуска лицеистов первого курса был известный эпизод встречи Пушкина, в дворцовом коридоре, с княжною Волконскою, которую он принял за горничную.., Узнав об этой шалости, государь прогневался и заметил Энгельгардту, что лицеисты чересчур много себе позволяют, и что надо скорей их выпустить.

Ф. Ф. МАТЮШКИН по записи Я. К. Грота. *Я. Грот*, 283.

Нас посещают питомцы лицея: поэт Пушкин, Ломоносов и смешат своим добрым простосердечием. Пушкин остроумен.

Н. М. КАРАМЗИН—кн. П. А. Вяземскому из Царского Села, 2 июня 1816 г. «*А. С. Пушкин*», *сборник П. И. Бартенева*, II, стр. 8.

С июня 1816 г., для желающих поступить в военную службу, введены были военные науки. Пушкин также мечтал о военной службе и намеревался поступить в лейб-гусарский полк, в котором было много его приятелей.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*, 1863, № 8, стр. 388.

Да что он вам дался,—шалун был, и больше ничего!

Ф. П. КАЛИНИЧ (учитель чистописания). Отзыв о Пушкине. *Лицейский журнал*, IV, 1910—1911, стр. 22.

Учился Пушкин легко, но небрежно; особенно он не любил математики и немецкого языка; на сем последнем он до конца жизни читал мало и не говорил вовсе.

Л. С. ПУШКИН (брат поэта). *Л.Майков, 4.*

По внушению Дельвига, и Пушкин стал заниматься немецким языком и, сделав под руководством Дельвига некоторые успехи, ходил вместе с ним к Энгельгардту для чтения у него германских авторов.

В. П. ГАЕВСКИЙ. «Дельвиг». *Современник*, 1853, № 2, стр. 72.

Пушкин легко сходился с мужиками, дворниками и вообще с прислугою. У него были приятели между лицейскою и дворцовою царскосельскою прислугою.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Русск. Арх.*, 1899, III, 615.

Егаза Пушкин.

Подпись ПУШКИНА под коллективным письмом лицеистов к инспектору лицея С. С. Фролову, 4 апр. 1817 г. *Литературные Портфели, изд. «Атенея»* I, 1923 г., стр. 20.

Новые знакомства и беспрестанные развлечения не могли не иметь дурного влияния на ученье, которое вообще шло довольно плохо. За 1816 год, т.-е. за 4 месяца до выпускных экзаменов, Пушкин получил несколько нулей и даже в «российской поэзии» единицу. В некоторой связи с этой отметкой находится послание Пушкина *Моему Аристарху* (Кошанскому). Кошанский, сначала поощрявший Пушкина, охладевал к нему по мере того, как развивался его талант, а в последние два года преследовал его, отчасти из зависти, потому что сам кропал стихи, а может быть и потому, что Пушкин, всегда пренебрегавший его лекциями, совершенно перестал заниматься ими.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*, 1863, № 8, стр. 393—394.

На стенах лицейского карцера долго оставались некоторые стихи Руслана и Людмилы. Ф. И. Калиныч, учитель каллиграфии (он же и надзиратель), рассказывал, что однажды, вышедши из карцера, Пушкин говорил, что ему было там весело, что он писал стихи (сообщено г-ном Ушковским).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Моск. Ведом.*, 1854. №№ 71—118, отд. отт., стр. 54.

Карцера особого у нас не было, а заключали и то редко в № комнате, ставили дядьку на часы.

И. В. МАЛИНОВСКИЙ. Заметка на экземпляре оттиска предыдущей статьи Бартенева. *Из неизд. материалов. сообщ. М. А. Цявловским.*

Я первый, еще в лицее, познакомил с Вашим «Ахиллесом» Пушкина, который, прочитав два раза, уже знал его наизусть.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР—В. А. Жуковскому. 10 ноября 1840 г. *Русс. Арх.*, 1871, 0178.

Товарищам всегда казалось, что Пушкин по развитию как будто старше всех их.

Я. К. Грот со слов Ф.Ф. МАТЮШКИНА (лицейского товарища Пушкина). *Грот*, 40.

Жуковский сказал Гоголю: «когда Пушкину было восемнадцать лет, он думал, как тридцатилетний человек; ум его созрел гораздо раньше, чем характер. Это часто поражало нас с Вяземским, когда он был еще в лицее».

А. О. СМИРНОВА. *Записки. Изд. Сев-Вестн.*, ч. 1, 138.

Ек. Аф. Протасова (мать Воейковой) рассказывала,—как говорил мне Н. А. Елагин,—что Пушкину вдруг вздумалось приволокнуться за женой Карамзина. Он даже написал ей любовную записку. Екатерина Андреевна, разумеется, показала ее мужу. Оба расхохотались и, призвавши Пушкина, стали делать ему серьезные наставления. Все это было так смешно и дало Пушкину такой удобный случай ближе узнать Карамзиных, что с тех пор он их полюбил, и они сблизились.

П.И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 53.

Пушкин влюбился в жену Карамзина так, что написал ей письмо прозой о том.—Отец его был с детства знаком с моим дядей П. Ф. Малиновским, прислал это письмо, переданное от Карамзина, моему дяде с тем, чтобы ему дать.—Я помню это перед выпуском этот день.

И. В. МАЛИНОВСКИЙ (лицейский товарищ Пушкина). *Из неизданн. материал., сообщ. М. А. Цявловским.*

(*Ек. Андр.*) Карамзина (*жена историка*)—предмет первой и благородной привязанности Пушкина.

Графиня Р. С. ЭДЛИНГ—В. Г. Теплякову, 17 марта 1837 г. *Рус. Стар.*, 1896, т. 87, стр. 417.

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Воспитанник Импер. Царскосельского Лицея Александр Пушкин, в течение шестилетнего курса обучался в сем заведении и оказал успехи: в Законе Божием, в Логике и Нравственной Философии, в Праве Естественном, Частном и Публичном, в Российском или Гражданском и Уголовном праве хорошие; в Латинской Словесности, в Государственной Экономии и Финансов весьма хорошие; в Российской и Французской Словесности также в Фехтовании превосходные; сверх того занимался Историею, Географиею, Статистикою, Математикою и Немецким языком. Во уверение чего и дано ему от Конференции Имп. Царскосельского Лицея сие свидетельство с приложением печати. Царское Село. Июня 9 дня 1817 года. Директор Лицея Егор Энгельгардт. Конференц-секретарь профессор Александр Куницын.

Гастфрейнд, 24.

III

ПЕТЕРБУРГ

(От окончания лицея до ссылки).

Июнь 1817—май 1820.

По выпуске из лицея всем выпускным воспитанникам было назначено жалование: титулярным советникам по 800 р. асс., коллежским секретарям по 700 р. впредь до поступления на штатные места с высшими окладами. Пушкин (*выпущенный коллежским секретарем*) получил его, как все.

Граф М. А. КОРФ. Записка. *Я. Грот*, 542.

Пушкин был определен в Государственную Коллегию Иностр. Дел с чином коллежского секретаря. Напрасно прежде этого добивался он у отца позволения вступить в военную службу в гусарский полк, где уже было у него много друзей и почитателей. Начать службу кавалерийским офицером была его ученическая мечта. Сергей Львович отговаривался недостатком состояния и соглашался только на поступление сына в один из пехотных гвардейских полков.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы, 38.*

Вечером я был у Тургеневых, где был молодой Пушкин, исполненный ума и обещающий еще больше в будущем.

Н.И. КРИВЦОВ. Дневник, 28 июня 1817 г. *Вестн. Европы*, 1887, XII, 456 (*фр.*).

Вышед из лицея, я тотчас почти уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч. Но все это нравилось мне недолго. Я любил и до ныне люблю шум и толпу.

ПУШКИН. Отрывочная запись 19 ноября 1824 г.

Павел Исаакович Ганнибал *(родственник Пушкиных и сосед их по имению)* был человек веселый. Во главе импровизированного хора бесчисленных деревенских своих родственников, вооруженный бутылкой шампанского, он постучал утром в дверь комнаты, предоставленной приехавшему к нему на именины Ал. Сергеевичу, и пропел ему следующий экспромпт:

Кто-то в двери постучал:
Подполковник Ганнибал,
Право-слово, Ганнибал,
Пожалуйста, Ганнибал,
Свет-Исакыч Ганнибал,
Сделай милость, Ганнибал,
Тьфу ты, пропасть, Ганнибал!

Пушкин, только что выпущенный тогда из лицея, очень его полюбил, что однако не помешало ему вызвать Ганнибала на дуэль за то, что Павел Исаакович в одной из фигур котильона отбил у него девицу Лошакову, в которую, несмотря на ее дурноту и вставные зубы, Пушкин по-уши влюбился. Ссора племянника с дядей кончилась минут через десять мировой и новыми увеселениями, да пляской, при чем Павел Исаакович за ужином провозгласил под влиянием Вакха:

Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала;
Но, ей-богу, Ганнибал
Ссорой не подгадит бал!

Ал. Серг-ч тут же, при публике, бросился ему в об'ятия.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ со слов матери своей О. С. Павлищевой-Пушкиной. *Воспоминания*, 22.

Пушкин, вышедший из Лицея, жил в Коломне над Корфами близ Калинкина моста, на Фонтанке, в доме, бывшем тогда Клокачева.

П. А. ПЛЕТНЕВ—Я. К. Гроту. *Переписка Грота с Плетневым*, т. II, стр. 693.

Родители Пушкина постоянно нуждались, что и отзывалось на детях, не всегда получавших от родителей деньги даже на мелкие расходы. Парадные комнаты освещались канделябрами, а в комнате моей матери, продававшей зачастую свои брошки и серьги, чтобы справить себе новое платье, горела сальная свеча, купленная Ольгой Сергеевной на сбереженные ею деньги.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ со слов матери. *Воспоминания*, 7.

Все семейство Пушкиных было какое-то взбалмошное. Отец его был довольно приятным собеседником, на манер старин-

ной французской школы, с анекдотами и каламбурами, но в существе человеком самым пустым, бестолковым и бесполезным и особенно безмолвным рабом своей жены. Последняя была женщина не глупая, но эксцентрическая, вспыльчивая, до крайности рассеянная и особенно чрезвычайно дурная хозяйка. Дом их представлял всегда какой-то хаос: в одной комнате богатые старинные мебели, в другой пустые стены, даже без стульев; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня; ветхие рыдваны с тощими клячами, пышные дамские наряды и вечный недостаток во всем, начиная от денег и до последнего стакана. Когда у них обедывало человека два-три, то всегда присылали к нам за приборами *(Корфы в течение пяти лет жили на Фонтанке в одном доме с Пушкиными)*.

Граф М. А. КОРФ. *Я. Грот*, 249.

С. А. Соболевский рассказывал, что Ал. Серг-чу приходилось упрашивать отца, чтобы ему купили бывшие тогда в моде бальные башмаки с пряжками, и как Сергей Львович предлагал ему свои старые, времен Павловских.

П. И. БАРТЕНЕВ. *П-н на юге России*, 7.

Это напоминает мне Петербург: когда больной, в осеннюю пору или в трескучие морозы, я брал извозчика от Аничкина моста, он *(отец)* вечно бранился за 80 коп. (которых, верно бы, ни ты, ни я не пожалели для слуги).

ПУШКИН—брату Льву, 25 авг. 1823 г.

Пушкин, вышедши из Лицея, очутился в таком положении, в каком часто находятся молодые люди, возвращающиеся под родительский кров из богатых и роскошных учебных заведений; тут еще примешивалась мелочная скупость отца, которая только раздражала Пушкина. Иногда он довольно зло и оригинально издевался над нею. Однажды ему случилось кататься на лодке, в обществе, в котором находился и Сергей Львович. Погода стояла тихая, а вода была так прозрачна, что виднелось самое дно. Пушкин вынул несколько золотых монет, и одну за другою стал бросать в воду, любуясь падением и отражением их в чистой влаге.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов В. П. ГОРЧАКОВА. *П-н в Южной России*, 9.

Пушкина-Сверчка я ежедневно браню за его леность и нерадение о собственном образовании. К этому присоединились и вкус к площадному волокитству, и вольнодумство, также площадное, восемнадцатого столетия. Где-же пища для поэта? Между тем он разоряется на мелкой монете! Пожури его.

А. И. ТУРГЕНЕВ—В. А. Жуковскому, 12 ноября 1817 г. *Пушкин. Письма под ред. Б. Л. Модзалевского. Гос. Изд.* 1926. Том I; стр. 191.

Служба в министерстве иностранных дел, а всего более родственные и общественные связи отца открыли молодому Пушкину вход в лучшие кружки большого света. Сюда относятся родственные отношения и знакомства его с графами Бутурлиными и Воронцовыми, с князьями Трубецкими, графами Лаваль, Сушковым и проч. Так, известно по преданию, что в эту пору своей жизни Пушкин появлялся на блестящих вечерах и балах у графа Лаваля. Супруга сего последнего, любительница словесности и всего изящного, с удовольствием видала у себя молодого поэта, который однако и в то время уже тщательно скрывал в большом обществе свою литературную известность и не хотел ничем отличаться от обыкновенных светских людей, страстно любя танцы и балы. Так знаем еще, что во второй половине 1817 г. он нередко посещал одну знатную даму, которая привлекла его внимание странным образом жизни и занятий своих, стремительностью характера и мечтательностью *(Княгиня Евдокия-Авдотья Ивановна Голицына, род. в 1780 г.)*.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Моск. Ведом.*, 1855, №№ 142, 144, 145. Отд. отт., стр. 16—17.

Поэт Пушкин у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви, только еще не пишет от любви. Признаюсь, что я не влюбился бы в Пифию: от ее трезубца пышет не огнем, а холодом.

Н. М. КАРАМЗИН.—кн. П. А. Вяземскому, 24 дек. 1817 г. *Старина и Новизна*, I, стр. 43.

Княгиня Голицына была очень красива, и в красоте ее выражалась своя особенность. Она долго пользовалась этим преимуществом. Не знаю, какова была она в своей первой молодости; но и вторая, и третья молодость ее пленяли какою-то свежестью и целомудрием девственности. Черные, выразительные глаза, густые темные волосы, падающие на плеча извилистыми локонами, южный матовый колорит лица, улыбка добродушная и грациозная: придайте к тому голос, произношение необыкновенно-мягкие и благозвучные—и вы составите себе приблизительное понятие о внешности ее. Вообще, красота ее отзывалась чем-то пластическим, напоминавшим древнее греческое изваяние. В ней было что-то ясное, спокойное, скорее ленивое, бесстрастное. По обеспеченному состоянию своему, по обоюдно-согласному разрыву брачных отношений, она была совершенно независима. Но эта независимость держалась в строгих границах чистейшей нравственности и существенного благоприличия. Дом ее, на Большой Миллионной, был артистически украшен кистью и резцом лучших из современных русских художников. Хозяйка сама хорошо гармонировала с такою

обстановкою дома. Тут не было ничего из роскошных принадлежностей и прихотей скороизменчивой моды. Во всем отражалось что-то изящное и строгое. По вечерам немногочисленное, но избранное общество собиралось в этом салоне: хотелось бы сказать—в этой храмине, тем более, что и хозяйку можно было признать жрицею какого-то чистого и высокого служения. Вся постановка ее, вообще туалет ее, более живописный, нежели подчиненный современному образцу, все это придавало ей и кружку, у нее собиравшемуся, что-то—не скажу таинственное, но и не обыденное, не завсегдашнее. Можно было бы думать, что тут собирались не просто гости, а и посвященные. Выше сказали мы: собирались по вечерам. Можно было бы сказать,—собирались в полночь. Княгиню прозвали в Петербурге la Princesse Nocturne (княгиня ночная). Впрочем, собирались к ней не поздно, но долго засиживались. Княгиня не любила рано спать ложиться, и беседы длились обыкновенно до трех и четырех часов утра.—Была ли княгиня очень умна или нет? Знав ее довольно коротко, мы не без некоторого смущения задаем себе сей щекотливый вопрос. Но положительный ответ на него дать не беремся.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. Собр. соч.*, VIII, 378—183.

У Голицыной полуночной есть душа, и иногда разговор ее, как Россиниева музыка, действует на душу. Но все это отдельные фразы.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. Собр. соч.*, IX, 124.

Известность Пушкина и литературная, и личная, с каждым днем возрастала. Молодежь твердила наизусть его стихи, повторяла остроты его и рассказывала о нем анекдоты. Все это, как водится, было частью справедливо, частью вымышлено. Одно обстоятельство оставило Пушкину сильное впечатление. В это время находилась в Петербурге старая немка, по имени Кирхгоф. В число различных ее занятий входило и гадание. Однажды утром Пушкин зашел к ней с несколькими товарищами. Г-жа Кирхгоф обратилась прямо к нему, говоря, что он—человек замечательный; рассказала вкратце его прошедшую и настоящую жизнь, потом начала предсказания сперва ежедневных обстоятельств, а потом важных эпох его будущего. Она сказала ему между прочим: «Вы сегодня будете иметь разговор о службе и получите письмо с деньгами». О службе Пушкин никогда не говорил и не думал; письмо с деньгами получить ему было неоткуда; деньги он мог иметь только от отца, но, живя у него в доме, он получил бы их, конечно, без письма. Пушкин не обратил большого внимания на предсказания гадальщицы. Вечером того дня, выходя из театра до окончания

представления, он встретился с генералом Орловым. Они разговорились. Орлов коснулся до службы и советовал Пушкину оставить свое министерство и надеть эполеты. Возвратясь домой, он нашел у себя письмо с деньгами: оно было от одного лицейского товарища, который на другой день отправлялся заграницу; он заезжал проститься с Пушкиным и заплатить ему какой-то карточный долг еще школьной их шалости. Г-жа Кирхгоф предсказала Пушкину его изгнание на юг и на север, рассказала разные обстоятельства, с ним впоследствии сбывшиеся, предсказала его женитьбу и наконец преждевременную смерть, предупредивши, что должен ожидать ее от руки высокого, белокурого человека. Пушкин, и без того несколько суеверный, был поражен постепенным исполнением этих предсказаний и часто об этом рассказывал.

Л. С. ПУШКИН (брат поэта). *Л. Майков*, 5.

В Петербург раз приехала гадательница Кирхгоф. Никита и Александр Всеволодские и Мансуров Павел, актер Сосницкий и Пушкин отправились к ней (она жила около Морской). Сперва она раскладывала карты для Всеволодского и Сосницкого. После них Пушкин попросил ее загадать и про него. Разложив карты, она с некоторым изумлением сказала: «О, это голова важная! Вы человек не простой!». Т.-е., сказала в этом смысле, потому что, вероятно, она не знала по-русски. Слова ее поразили Всеволодского и Сосницкого, ибо, действительно, были справедливы. Она, между прочим, предвещала ему, что он умрет или от белой лошади, или от белой головы (Weisskopf).

П. В. НАЩОКИН по записи П. И. Бартенева. *Рассказы о П-не*, 40.

В многолетнюю мою приязнь с Пушкиным я часто слышал от него самого об этом происшествии, он любил рассказывать его в ответ на шутки, возбуждаемые его верою в разные приметы. Сверх того, он в моем присутствии не раз рассказывал об этом именно при тех лицах, которые были у гадальщицы при самом гадании, при чем ссылался на них. Для проверки и пополнения напечатанных уже рассказов считаю нужным присоединить все то, о чем *помню положительно*. Предсказание было о том, *во-первых*, что он скоро получит деньги, *во-вторых*, что ему будет сделано неожиданное предложение; *в третьих*, что он прославится и будет кумиром соотечественников; *в четвертых*, что он дважды подвергнется ссылке; наконец, что он проживет долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, или белой головы, или белого человека (weisser Ross, weisser Kopf, weisser Mensch), которых и должен он опасаться.—Первое предсказание о письме с деньгами сбылось в тот же вечер; Пушкин, возвратясь домой,

нашел совершенно неожиданно письмо от лицейского товарища, который извещал его о высылке карточного долга, забытого Пушкиным. Товарищ этот был Корсаков, вскоре потом умерший в Италии. Такое быстрое исполнение первого предсказания сильно поразило Александра Сергеевича; не менее странно было для него и то, что, несколько дней спустя, в театре, его подозвал к себе А. Ф. Орлов и стал отговаривать его от поступления в гусары, а предлагал служить в конной гвардии... Вскоре после этого Пушкин был отправлен на юг, а оттуда, через четыре года, в псковскую деревню, что и было *вторичною* ссылкою. Как же ему, человеку крайне впечатлительному, было не ожидать и не бояться конца предсказания, которое дотоле исполнялось с такою буквальною точностью??? Прибавлю следующее: я как-то из'явил свое удивление Пушкину о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу.— «Это все-таки вследствие предсказания о белой голове,—отвечал мне Пушкин.—Разве ты не знаешь, что все филантропические и гуманитарные общества, даже и самое масонство получили от Адама Вейсгаупта направление подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Weisskopf, Weisshaupt,—одно и то же.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ. Таинственные приметы в жизни Пушкина. *Рус. Арх.*, 1870, стр. 1328—1386.

На выпуск из лицея молодого Пушкина смотрели члены «Арзамаса», как на счастливое для них происшествие, как на торжество. Особенно же Жуковский казался счастлив, как будто бы сам бог послал ему милое чадо. Чадо показалось мне довольно шаловливо и необузданно, и мне даже больно было смотреть, как все старшие братья наперерыв баловали маленького брата.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, V. 51.

По выходе из лицея Пушкин вполне воспользовался своею молодостью и независимостью. Его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны: он жадно, бешено предавался всем наслаждениям. Круг его знакомства и связей был чрезвычайно обширен и разнообразен. Тут началась его дружба с Жуковским, не изменившая ему до последней минуты. Поэзией Пушкин занимался мимоходом, в минуты вдохновения.

Л. С. ПУШКИН. *Л. Майков*, 5.

Готовясь к дебюту под руководством кн. Шаховского, я иногда встречала Пушкина у него в доме. Князь с похвалою отзывался о даровании этого юноши, не особенно красивого

собою, резвого, вертлявого, почти мальчика. Знакомцы кн. Шаховского: А. С. Грибоедов, П. А. Катенин, А. А. Жандр ласкали талантливого юношу, но покуда относились к нему, как старшие к младшему; он дорожил их мнением и как бы гордился их приязнью. Понятно, что в их кругу Пушкин не занимал первого места и почти не имел голоса. Изредка, к слову о театре и литературе, будущий гений смешил их остроумною шуткой, экспромптом или справедливым замечанием, обличавшим его тонкий эстетический вкус и далеко не юношескую наблюдательность.

Встречаясь у кн. Шаховского, мы взаимно не обращали друг на друга особенного внимания; а между тем семейство Пушкиных, жившее тогда в доме рядом с графинею Екат. Марк. Ивелич (на Фонтанке, близ Калинкина моста), было точно так же близко знакомо с нею, как и мы с матушкою. Пушкины и графиня Ивелич на страстной неделе говели вместе с нами в церкви театрального училища (на Офицерской ул., близ Большого Театра). Помню, как графиня Екатерина Марковна рассказывала мне, что Саша Пушкин, видя меня глубоко растроганною за всенощною великой пятницы, при выносе плащаницы, просил сестру свою, Ольгу Сергеевну, напомнить мне, что ему очень больно видеть мою горесть, тем более, что Спаситель воскрес; о чем же мне плакать? Этой шуткой он, видимо, хотел обратить на себя мое внимание; сам же, конечно, не мог быть равнодушен к шестнадцатилетней девочке.

— Вам было шестнадцать лет, когда я вас видел,—говорил он мне впоследствии.—Почему вы мне этого не сказали?

— Что же из этого?—смеялась я ему.

— То, что я обожаю этот прелестный возраст.

А. М. КАРАТЫГИНА-КОЛОСОВА (изв. трагическая актриса). Воспоминания. *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 566.

Три года, проведенные им в Петербурге по выходе из лицея, отданы были развлечениям большого света и увлекательным его забавам. От великолепнейшего салона вельмож до самой нецеремонной пирушки офицеров, везде принимали Пушкина с восхищением, питая и собственную, и его суетность этою славою, которая так неотступно следовала за каждым его шагом. Он сделался идолом преимущественно молодых людей, которые в столице претендовали на отличный ум и отличное воспитание. Такая жизнь заставила Пушкина много утратить времени в бездействии. Но всего вреднее была мысль, которая навсегда укоренилась в нем, что никакими успехами таланта и ума нельзя человеку в обществе замкнуть круга своего счастия без успехов в большом свете.

Большую часть дня утром писал он свою поэму *(«Руслан и Людмила»)*, а большую часть ночи проводил в обще-

стве, довольствуясь кратковременным сном в промежутке сих занятий.

П. А. ПЛЕТНЕВ, *Соч.*, т. I, стр. 365—366.

Я столько раз вздыхал: ах, если бы бездельник этот захотел учиться, он был бы человеком выдающимся в нашей литературе.

Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТ (директор лицея) кн. А. М. Горчакову, 6 янв. 1818 г. *Русс. Стар.*, 1899, т. 99, стр. 520 (*фр.*).

Пушкин обладал необычайною памятью: целые строфы, переданные ему Жуковским, он удерживал на долго в голове и повторял из без остановки. Жуковский имел привычку исправлять стих, забытый Пушкиным; каждый такой стих считался дурным по одному этому признаку.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 44.

Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкою. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаянии; но через шесть недель я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто: их разговоры сокращали скучные вечера, Чувство выздоровления — одно из самых сладостных. Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хотя это время года обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью. Но душный воздух и закрытые окна так мне надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всею поэтическою своею прелестью. Это было в феврале 1818 года.

ПУШКИН. Остатки автобиографии.

Крепкое сложение и молодость возвратили Пушкина к жизни. Однако необходимо было употребить меры чрезвычайные для его излечения. Придворный медик Лейтон сажал больного в ванну со льдом.

П. И. БАРТЕНЕВ. Материалы для биографии Пушкина. *Моск. Вед.*, 1855, №№ 142, 144, 145. Отд. отт., стр. 22.

Поклон Пушкину-старосте *(Вас. Львовичу)*. Племяннику его легче.

К. Н. БАТЮШКОВ—В. А. Жуковскому, в первой пол. января 1818 г. *Сочинения*, III, 488.

Наконец он познакомился с нами и стал довольно часто посещать нас. Мы с матушкой от души его полюбили. Угрюмый и молчаливый в многочисленном обществе, «Саша Пушкин», бывая у нас, смешил своею резвостью и ребяческою шаловли-

востью. Бывало, ни минуты не посидит спокойно на месте: вертится, прыгает, пересаживается, перероет рабочий ящик матушки, спутает клубки гарусу в моем вышиваньи; разбросает карты в гранпасьянсе, раскладываемом матушкою... «Да уймешься ли ты, стрекоза!—крикнет, бывало, моя Евгения Ивановна,—перестань, наконец!» Саша минуты на две приутихнет, а там опять начинает проказничать. Как-то матушка пригрозилась наказать неугомонного Сашу: «остричь ему когти»,—так называла она его огромные, отпущенные на руках ногти. «Держи его за руку,—сказала она мне, взяв ножницы,—а я остригу!» Я взяла Пушкина за руку, но он поднял крик на весь дом, начал притворно всхлипывать, стенать, жаловаться, что его обижают, и до слез рассмешил нас... Одним словом, это был сущий ребенок, но истинно-благовоспитанный.

В 1818 г., после жестокой горячки, ему обрили голову, и он носил парик. Это придавало какую-то оригинальность его типичной физиономии и не особенно его красило. Как-то, в Большом театре, он вошел к нам в ложу. Мы усадили его, в полной уверенности, что здесь наш проказник будет сидеть смирно... Ничуть не бывало! В самой патетической сцене Пушкин, жалуясь на жару, снял с себя парик и начал им обмахиваться, как веером... Это рассмешило сидевших в соседних ложах, обратило на нас внимание и находившихся в креслах. Мы стали унимать шалуна, он же со стула соскользнул на пол и сел у нас в ногах, прячась за барьер; наконец, кое-как надвинул парик на голову, как шапку: нельзя было без смеха глядеть на него! Так он и просидел на полу во все продолжение спектакля, отпуская шутки насчет пьесы и игры актеров.

А. М. КАРАТЫГИНА (КОЛОСОВА), изв. трагическая актриса. Воспоминания. *Рус. Стар.*,1880, т. 28, стр. 568.

Еще долго спустя после болезни Пушкин ходил обритый и в ермолке. Видавшие его в то время помнят, что он носил широкий черный фрак с нескошенными фалдами, à l'americaine, и шляпу, с прямыми полями à la Bolivar, о которой после упомянул он, описывая наряд Онегина. Тогда же начал он носить длинные ногти,—привычка, которой он не изменял до конца, любя щеголять своими изящными пальцами.

П. И. БАРТЕНЕВ. Матер. для биографии Пушкина. *Моск. Ведом.*, 1855, №№ 142, 144, 145. Отд. отт., стр. 25.

(По поводу стих. Пушкина «Жуковскому»: «Когда к мечтательному миру...»). Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром, как привидение!

В. А. ЖУКОВСКИЙ — кн. П. А. Вяземскому, 17 апреля 1818 года. *Рус. Арх.*, 1896, III, 208.

Стихи чертенка-племянника чудесно-хороши. В *дыму столетий!* Это выражение — город. Я все отдал бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестия! Надобно нам посадить его в желтый дом: не то этот бешеный сорванец нас всех заест, нас и отцов наших. Знаешь ли, что Державин испугался бы *дыма столетий*? О прочих и говорить нечего! [1]).

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, из Варшавы, 25 апр., 1818 г. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского*, 480.

Размер стихов странный, дикий, вялый: ссылаюсь на маленького Пушкина, которому Аполлон дал чуткое ухо.

К. Н. БАТЮШКОВ—А. И. Тургеневу, в конце июня 1818 г. *Соч.*, т. III, 510.

Пушкин рассказывал о себе, что он раз как-то, в начале своего поэтического поприща, представил Батюшкову стихи одного молодого человека, который, по его тогдашнему мнению, оказывал удивительное дарование. Батюшков прочитал пьесу и, равнодушно возвращая ее юному Пушкину, сказал, что он не находит в ней ничего особенного. Это изумило Пушкина: он старался защищать своего молодого приятеля, и стал превозносить необычайную гладкость стиха его. *Да кто теперь не пишет гладких стихов!*—возразил Батюшков. Этот ответ навсегда остался памятным Пушкину.

Н. А. ПОЛЕВОЙ. О духовной поэзии. *Библиотека для Чтения*, т. XXVI, 1838, стр. 93.

Мы наслаждались Петергофским праздником и Ораниенбаумским, хотя иллюминация и феерверк не весьма удалися. Время было прекрасное; людей множество. Несмотря на ветер, довольно сильный, мы с женою, с детьми, с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным (которые все у нас жили в Петергофе) сели на катер и носились по волнам Финского залива часа два или более; одна из них облила меня с головы до ног—

---

[1]) Характерно, что в позднейших изданиях послания к Жуковскому Пушкин выбросил 17 заключительных стихов, в числе которых находился и стих, так восхитивший Вяземского. Вот начало выброшенного отрывка:

Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,—
Читает повесть древних лет!
Он духом—там, в дыму столетий,
и т. д.

но мы были веселы и думали о том, как бы с'ездить морем по-далее!

Н. М. КАРАМЗИН — И. И. Дмитриеву, 11 июля 1818 г. *Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву*. СПб. 1866. Стр. 243.

Пушкин здесь—весь исшалился... Кривцов не перестает развращать Пушкина и из Лондона и прислал ему безбожные стихи из благочестивой Англии.

А. И. ТУРГЕНЕВ — кн. П. А. Вяземскому, 28 августа 1818 г., из Петербурга, *Ост. Арх.*, I, 117.

Праздная леность, как грозный истребитель всего прекрасного и всякого таланта, парит над Пушкиным... Пушкин по утрам рассказывает Жуковскому, где он всю ночь не спал; целый день делает визиты б....м, мне и кн. Голицыной, а ввечеру иногда играет в банк... Третьего дня ездил я к Карамзиным в Царское Село. Там долго и сильно доносил я на Пушкина. Долго спорили меня (?), и он возвращался, хотя тронутый, но вряд ли исправленный.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 4-го сент. 1818 г. *Остаф. Арх.*, I, 119.

Не худо бы Сверчка *(Пушкина)* запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикою. Из него ничего не будет путного, если он сам не захочет; потомство не отличит его от двух его однофамильцев, если он забудет, что для поэта и человека должно быть потомство. Кн. А. Н. Голицын московский промотал 20 тыс. душ в шесть месяцев. Как ни велик талант Сверчка, он его промотает, если... Но да спасут его музы и молитвы наши!

К. Н. БАТЮШКОВ—А. И. Тургеневу, 10 сент. 1818 г. *Соч.*, т. III, 533.

Думаем к 7 октября переехать в город, читать корректуры; делать визиты, большею частью пустые; пить чай с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным.

Н. М. КАРАМЗИН—кн. П. А. Вяземскому, 30 сент. 1818 г., из Царского Села. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского*, 475.

В 1818 г. Пушкин пришел к П. А. Катенину и, подавая ему свою трость, сказал: «я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей,—но выучи!»—«Ученого учить—портить», ответил Катенин. С тех пор дружеские связи их уже не прерывались.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 50.

Катенин имел огромное влияние на Пушкина; последний принял у него все приемы, всю быстроту своих движений; смотря на Катенина, можно было беспрестанно вспоминать Пушкина. Катенин был человек очень умный, знал в совершенстве много языков и владел особенным умением читать стихи, так что его собственные дурные стихи из уст его казались хорошими.

С. П. ШЕВЫРЕВ. *Л. Майков*, 331.

Слушал Катенина. Прототип, по наружности, Пушкина.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 27 марта 1834 г. *Пушкин и его совр-ки*. XXIII—XXIV, стр. 119.

Из переводов некоторые хороши, особенно Лавиня: прелесть. Помнишь ли, это было твое привычное слово, говоря со мной?

П. А. КАТЕНИН — Пушкину, 14 марта 1826 г. *Переписка Пушкина*, I, 337.

Пушкин имел всегда на очереди какой-нибудь стих, который любил он твердить. В года молодости его и сердечных припадков, было время, когда он часто повторял стих из гнедичева перевода вольтеровой трагедии «Танкред»:

Быть может, некогда восплачешь обо мне!

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Соч.*, VIII, 116.

Рассказывают, что Батюшков судорожно сжал в руках листок бумаги, на котором читал «Послание к Ю—ву» (Юрьеву) *(Поклонник ветреных Лаис... 1818 г.)* и проговорил: «О, как стал писать этот злодей!».

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 50.

(1818). Чаадаев жил в гостинице Демута. Пушкин часто посещал его и продолжал с ним живые, откровенные царскосельские беседы. Но все изменялось вдруг, когда приходили к Чаадаеву с докучными визитами те его светские знакомые, которые на кредит пользовались репутацией умников и любезников. Пушкин сейчас смолкал, садился в угол на диване, поджав ноги, и упорно чуждался всяких сношений с подобными посетителями, покушавшимися иногда обращаться к нему с видом снисходительного покровительства. Об одном из этих докучных ему говорунов вспомнил он в Бессарабии, упомянув о нем в последних двух стихах послания своего к Чаадаеву.

М. Н. ЛОНГИНОВ. Воспоминания о П. Я. Чаадаеве. *Русск. Вестн.*, 1862, т. 42, стр. 126.

С Байроном Пушкин начал знакомство еще в Петербурге, где учился по-английски и брал для того у Чаадаева книжку Газлита: *Рассказы за столом* (Hazlite, Table talk).

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. Я. Чаадаева. *П-н в ю. России*, 70.

Эпиграмма на Карамзина написана мною в такое время, когда Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие, и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить.

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, 10 июня 1826 г.

Дружба Жуковского и Пушкина особенно утвердилась с той поры, как они снова свиделись осенью 1818 г. *(после возвращения Жуковского из Москвы)*. С «Русланом и Людмилой» Пушкин постепенно знакомил приятелей своих и любителей словесности на вечерах у Жуковского. Жуковский жил тогда в семействе А. А. Плещеева, в Коломне у Кашина моста, за каналом, в угловом доме. Несмотря на отдаленное положение этой части города, каждую субботу собирался к нему избранный кружок писателей и любителей просвещения. Молодой Пушкин оживлял эти собрания столько же стихами своими, как и неистощимою веселостью и остроумием, в котором никогда не было у него недостатка.—Жуковский, когда приходилось ему исправлять стихи свои, уже перебеленные, чтобы не марать рукописи, наклеивал на исправленном месте полосу бумаги с новыми стихами. Сам он редко читал вслух свои произведения и обыкновенно поручал это другим. Раз кто-то из чтецов, которому прежние стихи нравились лучше новых, сорвал бумажку и прочел по-старому. В эту самую минуту Пушкин, посреди общей тишины, с ловкостью подлезает под стол, достает бумажку и, кладя ее в карман, преважно говорит: «что Жуковский бросает, то нам еще пригодится». (За сообщение этого сведения обязаны мы очевидцу П. А. Плетневу).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Моск. Вед.*, 1855, №№ 142, 144, 145. Отд. отт., стр. 31—33.

Княгиня Авдотья Ивановна *(Голицына)* благородная и, когда не на треножнике, а просто на стуле,—умная женщина. Я люблю ее за милую душу и за то, что она умнее за других, нежели за себя. Жаль, что Пушкин уже не влюблен в нее, а то бы он передал ее потомству в поэтическом свете.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 3 дек. 1818 г. из Петербурга. *Ост. Арх.*, I, 159.

Сверчок *(Пушкин)* прыгает по бульвару и по... Стихи свои едва писать успевает. Но при всем беспутном образе жизни его, он кончает четвертую песнь поэмы *(«Руслан и Людмила»)*. Если бы еще два или три..., так и дело в шляпе. Первая... болезнь была и первою кормилицею его поэмы.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 18 дек. 1818. *Остаф. Арх.*, I, 174.

20 числа сего месяца служащий в Иностранной Коллегии переводчиком Пушкин был в каменном театре в большом бенуаре во время антракту пришел из оного в креслы и проходя между рядов кресел остановился против сидевшего коллежского советника Перевощикова с женою, почему г. Перевощиков просил его проходить далее, но Пушкин приняв сие за обиду наделал ему грубости и выбранил его неприличными словами.

И. С. ГОРГОЛИ, петербургский полицмейстер в отношении своем от 23 дек. 1818 г. П. Я. Убри, начальнику Пушкина по службе. *Былое*, 1906, XI, 28.

Я не оставил сделать строгое замечание служащему в государственной коллегии иностранных дел коллежскому секретарю Пушкину на счет неприличного поступка его с коллежским советником Перевощиковым, с тем, чтобы он воздержался впредь от подобных поступков; в чем и дал он мне обещание.

П. Я. УБРИ в отношении своем от 9 янв. 1818 г. петербургскому полицмейстеру И. С. Горголи. *Там же*, стр. 29.

(Около 1818 г.) Лицейского своего товарища Кюхельбекера Пушкин очень любил, но часто над ним подшучивал. Кюхельбекер хаживал к Жуковскому и отчасти надоедал ему своими стихами. Однажды Жуковский куда-то был зван на вечер и не явился. Когда его после спросили, отчего он не был, Жуковский отвечал: «Я еще накануне расстроил себе желудок; к тому же пришел Кюхельбекер, и я остался дома». Пушкин написал на это стихи:

За ужином об'елся я,
Да Яков запер дверь оплошно—
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно!

Кюхельбекер взбесился и требовал дуэли. Никак нельзя было уговорить его. Дело было зимою. Кюхельбекер стрелял первый и дал промах. Пушкин кинул пистолет и хотел обнять своего товарища; но тот неистово закричал: «стреляй, стреляй!» Пушкин насилу его убедил, что невозможно стрелять, потому

что снег набился в ствол. Поединок был отложен, и потом они помирились. Яков—слуга Жуковского.

П. И. БАРТЕНЕВ по запискам В. И. Даля. *П-н в южной России*, 101.

М. А. Максимович рассказывал, как Кюхельбекер стрелялся с Пушкиным, и как в промахнувшегося последний не захотел стрелять, но с словом: «полно дурачиться, милый; пойдем чай пить»,—подал ему руку и ушли домой.

О. М. БОДЯНСКИЙ. Дневник. *Русс. Стар.*, т. 60, стр. 414.

Матюшкин рассказывал, что Пушкин дрался с Кюхельбекером за какое-то вздорное слово, но выстрелил на воздух. Они тотчас же помирились и продолжали дружбу.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Русс. Арх.*, 1910, II, 48.

Кюхельбекер вызвал Пушкина на дуэль. Пушкин принял вызов. Оба выстрелили, но пистолеты заряжены были клюквою, и дело кончилось ничем.

Н. И. ГРЕЧ. *Записки о моей жизни.* СПБ. 1886, стр. 383.

(1817—1820). Театральная школа находилась через дом от нас, на Екатерининском канале. Пушкин был влюблен в одну из воспитанниц-танцорок и прохаживался одну весну мимо окон школы и всегда проходил по маленькому переулку, куда выходила часть нашей квартиры, и тоже поглядывал на наши окна, где всегда сидели тетки за шитьем. Они были молоденькие, недурны собой. Я подметила, что тетки всегда волновались, завидя Пушкина, и краснели, когда он смотрел на них. Я старалась заранее встать к окну, чтобы посмотреть на Пушкина. Тогда была мода носить испанские плащи, и Пушкин ходил в таком плаще, закинув одну полу на плечо.—Не могу определительно сказать, сколько времени прошло после того, как прогуливался Пушкин мимо наших окон; но однажды в театре я сидела в ложе с одною из теток. Почти к последнему акту в соседнюю ложу, где сидели две дамы и старичок, вошел курчавый, бледный и худощавый мужчина. Я сейчас же заметила, что у него на одном пальце надето что-то в роде золотого наперстка. Это меня заинтересовало... Курчавый господин зевал, потягивался и не смотрел на сцену, а глядел больше на ложи, отвечал нехотя, когда с ним заговаривали дамы по-французски... Вдруг я припомнила, где его видела... Пушкин скоро ушел из ложи. Более мне не удалось его видеть. Уже взрослою я узнала значение золотого наперстка на его пальце. Он отро-

стил себе большой ноготь и, чтобы последний не сломался, надевал золотой футляр.

А. Я. ГОЛОВАЧЕВА-ПАНАЕВА. *Воспоминания.* СПБ. 1890. Стр. 23.

(1819). Поводом к сочинению оды «Вольность» послужил разговор поэта с Кавериным: проезжая с ним ночью на извозчике мимо Инженерного замка,—может быть, на Фонтанку, к Тургеневым,—Пушкин вызвался написать стихи на это мрачное здание.

Ю. Н. ЩЕРБАЧЕВ со слов Е. П. Соколовой, дочери П. П. Каверина. *Приятели Пушкина Щербинин и Каверин.* М. 1913, стр. 61.

Из людей, которые были старее Пушкина, всего чаще посещал он братьев Тургеневых; они жили на Фонтанке, прямо против Михайловского замка, что ныне Инженерный, и к ним т.-е., к меньшому Николаю, собирались нередко высокоумные молодые вольнодумцы. Кто-то из них, смотря в открытое окно на пустой тогда, забвенью брошенный дворец, шутя предложил Пушкину написать на него стихи. Он по матери происходил от Арапа и гибкостью членов, быстротой телодвижений несколько походил на негров и на человекоподобных жителей Африки. С этим проворством вдруг вскочил он на большой и длинный стол, стоявший перед окном, растянулся на нем, схватил перо и бумагу и со смехом принялся писать. Окончив, показал стихи и не знаю, почему, назвали их «Одой на свободу».

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки,* ч. VI, 10.

Тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! В Россию скачет...» и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов. Нечего и говорить уже о разных его выходках, которые везде повторялись. Например, однажды в Царском Селе Захаржевского медвежонок сорвался с цепи от столба, на котором устроена была его будка, и побежал в сад, где мог встретиться глаз на глаз, в темной аллее, с императором, если бы на этот раз не встрепенулся его маленький шарле и не предостерег бы от этой опасной встречи. Медвежонок, разумеется, тотчас был истреблен, а Пушкин при этом случае сказал: «нашелся один человек, да и тот медведь!». Таким же образом он во всеуслышание в театре кричал: «Теперь самое безопасное время,—по Неве лед идет». В переводе: нечего опасаться крепости.

Между тем тот же Пушкин, либеральный по своим воззрениям, имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас тем, что любил, например, вертеться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и других: они с покровитель-

ственною улыбкою выслушивали его шутки, остроты. Случалось из кресел сделать ему знак, он тотчас прибежит. Говоришь, бывало: «что тебе за охота, любезный друг, возиться с этим народом; ни в одном из них ты не найдешь сочувствия и пр.». Он терпеливо выслушивает, начнет щекотать, обнимать, что обыкновенно делал, когда немножко потеряется. Потом, смотришь,—Пушкин опять с тогдашними львами! Странное смешение в этом великолепном создании!

И. И. ПУЩИН. Записки. *Л. Майков*, 70—71.

Мы были раз вместе в театре. Пушкин сидел в первом ряду и во время антрактов все вертелся около Волконского и Киселева, как собачонка какая-нибудь, и это для того, чтобы сказать с ними несколько слов, а они не обращали на него никакого внимания; мне на него мерзко было смотреть. Когда он подошел ко мне, я ему говорю: «что ты делаешь, Пушкин? можно-ли себя так срамить,—ведь над тобой все смеются!»— Он совершенно растерялся, а в следующий антракт опять то-же.

И. И. ПУЩИН по записи Е. И. Якушкина. *Декабристы на поселении (из архива Якушкиных)*. Изд. Сабашниковых. М. 1926, стр. 34.

Дружбы между Пушкиным и Рылеевым не было. А. П. Плетнев передавал нам, что Пушкин смеивался над неумеренностью суждений Рылеева, над его отзывами о европейской политике, которую будто изучал он по тогдашним русским газетам в книжной лакве Сленина. Пушкина с Рылеевым связывали только общие занятия словесностью.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Девятнадцатый век. Истор. сборн.*, кн. 1. М. 1872. Стр. 376.

За что Пушкин мог рассердиться на меня, чтобы, после наших добрых отношений, бросить в меня пасквилем? Как я узнала в последствии, причиною озлобления Пушкина была нелепая сплетня. Говоря о Пушкине у князя Шаховского, Грибоедов назвал его «мартышкой». Пушкину перевели, будто бы это прозвище было дано ему мною!.. Раздраженный, раздосадованный, не взяв труда доискаться правды, поэт осмеял меня[1]).

---

[1]) В эпиграмме:

Все пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч;
Голос нежный, взор любови....
Набеленая рука,
Размалеванные брови
И широкая нога!

(*янв. 1819 г.*).

Катенин и Грибоедов пеняли ему, настаивали на том, чтобы он извинился передо мною. Пушкин сознался в своей опрометчивости, ругал себя и намеревался ехать ко мне с повинной. Но тут последовала его высылка из Петербурга *(Ср. послание П—на к Катенину: «Кто мне пришлет ее портрет», 5 апр. 1821 г.)*.

А. М. КАРАТЫГИНА-КОЛОСОВА. *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 569.

Большею частью эпиграммы, каламбуры и остроты срывались с языка Пушкина против тех людей, которые имели неосторожность оскорбить чем-либо раздражительного поэта: в этих случаях он не щадил никого и тотчас обливал своего противника едкою желчью. На одном вечере Пушкин, еще в молодых летах, был пьян и вел разговор с одною дамою. Надобно прибавить, что эта дама была рябая. Чем-то недовольная поэтом, она сказала:

— У вас, Александр Сергеевич, в глазах двоит?

— Нет, сударыня,—отвечал он,—*рябит*!

(М. М. ПОПОВ). *Русс. Стар.*, 1874, № 8. 686.

Пушкин слег: старое пристало к новому, и пришлось ему опять за поэму приниматься.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 12 февраля 1819 г. *Остаф. Арх.*, 1, 191.

Венера пригвоздила Пушкина к постели и к поэме.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 22 февр. 1819 г. *Ост. Арх.*, 1, 193.

Пушкин уже на ногах и идет в военную службу.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 5 марта 1819 г. *Ост. Арх.*, 1, 200.

Пушкин не на шутку собирается в Тульчин, а оттуда в Грузию и бредит уже войною. Он уже и слышать не хочет о мирной службе.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 12 марта 1819 г. *Ост. Арх.*, 1, 202.

Щербинин, Олсуфьев—Пушкин—у меня в П-бурге ужинали—шампанское в лед было поставлено за сутки вперед—

случайно тогдашняя красавица моя (для удовлетворения плотских желаний) мимо шла—ее зазвали—жар был несносный—Пушкина просили память этого вечера в нас продолжить стихами—вот они—оригинал у меня.

27 мая 1819.

Веселый вечер в жизни нашей
Запомним, юные друзья;
Шампанского в стеклянной чаше
Шипела хладная струя—
Мы пили — и Венера с нами
Сидела прея за столом,
Когда ж вновь сядем вчетвером
С б....ми, вином и чубуками.

П. П. КАВЕРИН. Тетрадь 1824—1830 гг. *Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина Щербинин и Каверин.* М. 1913, стр. 16.

Пушкин очень болен. Он простудился, дожидаясь у дверей одной... которая не пускала его в дождь к себе, для того, чтобы не заразить его своею болезнью. Какая борьба благородства, любви и распутства!

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 18 июня 1919 г. *Ост. Арх.*, 1, 253.

Пушкину лучше, но был опасно болен.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 25 июня 1819 г. *Ост. Арх.*, 1, 256.

Пушкин выздоравливает.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 1 июля 1819 г. *Ост. Арх.*, 1, 260.

Дельвиг обещал на днях зайти за мною и отвести к Пушкину, который в это время по болезни не мог выходить из комнаты... Пушкин жил тогда на Фонтанке, близ Калинкина моста... Мы взошли на лестницу, слуга отворил двери, и мы вступили в комнату. У дверей стояла кровать, на которой лежал молодой человек в полосатом бухарском халате, с ермолкою на голове. Возле постели, на столе, лежали бумаги и книги. В комнате соединялись признаки жилища молодого светского человека с поэтическим беспорядком ученого. При входе нашем Пушкин продолжал писать несколько минут; потом, обратясь к нам, как будто уже знал, кто пришел, подал обе руки моим товарищам (*Дельвигу и Баратынскому*) со словами: «Здравствуйте, братцы!» Вслед за сим он сказал мне с ласковою улыбкою: «я давно желал

знакомиться с вами, ибо мне сказывали, что вы большой знаток в вине и всегда знаете, где достать лучшие устрицы». Я не знал, радоваться ли мне этому приветствию или сердиться на него... Мы говорили о древней и новой литературе. Суждения Пушкина были вообще кратки, но метки, и даже когда они казались несправедливыми, способ изложения их был так остроумен и блистателен, что трудно было доказать их неправильность. В разговоре его была большая наклонность к насмешке, которая часто становилась язвительною. Она отражалась во всех чертах лица его, и думаю, что он способен возвыситься до той истинно-поэтической иронии, которая под'емлется над ограниченною жизнью смертных и которой мы столько удивляемся в Шекспире. Хозяин наш оканчивал тогда романтическую свою поэму. Я знал уже из нее некоторые отрывки, которые исполнили меня намерением узнать целое. Я высказал это желание; товарищи мои присоединились ко мне, и Пушкин принужден был уступить нашим усиленным просьбам, и прочесть свое сочинение.

(В. ЭРТЕЛЬ [1]). «Выписка из бумаг дяди Александра». *Русский Альманах на 1832 и 1833 годы, изданный В. Эртелем и А. Глебовым.* СПБ. 1832, стр. 285—300.

Однажды мы в длинном фургоне возвращались с репетиции. Тогда против Большого Театра жил камер-юнкер Никита Всеволодович Всеволжский, которого Дембровский *(воспитанник театрального училища, спутник автора)* учил танцовать. Это было весною, кажется, в 1818 году. Когда поровнялся наш фургон с окном, на котором тогда сидел Всеволжский и еще кто-то с плоским, приплюснутым носом, большими губами и с смуглым лицом мулата, Дембровский высунулся из окна нашего фургона и начал им усердно кланяться. Мулат снял с себя парик, стал им махать над своей головой и кричал что-то Дембровскому. Эта фарса нас всех рассмешила. Я спросил Дембровского: «кто этот господин?» и он отвечал мне, что это сочинитель Пушкин, который тогда только что начинал входить в известность. Тут же Дембровский прибавил, что после жестокой горячки Пушкину выбрили голову и что де на-днях он написал на этот случай стихотворение:

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.
Здоровье, легкий друг Приапа,
И сон, и сладостный покой,

[1]) Авторство В. Эртеля устанавливается В. П. Гаевским. «Дельвиг». *Современник.* 1853, № 5, Критика, стр. 29.

Как прежде посетили снова
Мой угол тесный и простой
и т. д. [1])

П. А. КАРАТЫГИН (изв. комик-актер и водевилист). *Записки*. СПБ. 1880. Стр. 43.

Вообрази себе двенадцатилетнего юношу, который шесть лет живет в виду дворца и в соседстве с гусарами, и после обвиняй Пушкина за его «Оду на свободу» и за две болезни не русского имени!

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 5 авг. 1819 г. *Ост. Арх.*, I, 280.

Пушкина здесь нет; он в деревне на все лето и отдыхает от парнасских своих подвигов. Поэма у него почти вся в голове. Есть, вероятно, и на бумаге, но вряд ли для чтения.

А. И. ТУРГЕНЕВ—И. И. Дмитриеву, 7 авг. 1819 г., из Петербурга. *Рус. Арх.*, 1867, стр. 651.

(В Царском Селе у Карамзина и Жуковского). Явился обритый Пушкин из деревни и с шестою песнью *(«Руслан и Людмила»)*. Здесь я его еще не видал, а там он, как бес, мелькнул, хотел возвратиться со мною и исчез в темноте ночи, как привидение.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. Вяземскому из Петербурга, 19 авг. 1819 г. *Ост. Арх.*, I, 293.

Из Царского Села свез я ночью в Павловское Пушкина. Мы разбудили Жуковского. Пушкин начал представлять обезьяну и собачью комедию и тешил нас до двух часов утра... Дорогой из Царского Села в Павловск писал он послание о Жуковском к павловским фрейлинам, но еще не кончил.

Что из этой головы лезет! Жаль, если он ее не сносит! Он читал нам пятую песню своей поэмы, в деревне сочиненную. Здесь возобновил он прежний род жизни. Волос уже нет, и он ходит бледный, но не унылый.

А. И. ТУРГЕНЕВ — кн. Вяземскому, 26 авг. 1819 г. *Ост. Арх.*, I, 296.

Склонись, о Пушкин, Феба ради
На просьбу слабого певца
И вспомни, как, к моей отраде,
Ты мне посланье обещал;
Припомни также вечер ясный,

[1]) Послание к В. В. Энгельгардту «Я ускользнул от Эскулапа» написано летом 1819 г., следовательно, автор ошибается, относя встречу к весне 1818 г.

Когда до дому провожал
Тебя, пиит мой сладкогласный,
И ты мне руку с словом дал;
Когда стихами и шампанским
Свои рассудки начиня
И дымом окурясь султанским,
Едва дошли мы до коня;
Уселись кое-как на дрожках,
Качаясь, ехали в тени,
И гасли медленно в окошках
Чуть-чуть заметные огни;
Зыбясь, в Фонтанке отражалась
Столбом серебряным луна,
И от строений расстилалась
Густая тень, как пелена,
И слышен был, подобно грому,
Повозок шум издалека;
По своду темно-голубому
Прозрачны плыли облака.
И Веспер теплился порою,
Двояся трепетно в струях:
В то время мчались мы с тобою
В пустых коломенских краях...
Ты вспомни, как, тебя терзая,
Согласье выпросил тогда,
Как сонным голосом, зевая,
На просьбу мне ты молвил: *да!*
Но вот проходит уж вторая
Неделя с вечера того,—
Я слышу, пишешь ты ко многим,
Ко мне-ж покамест ничего...

Я. Н. ТОЛСТОЙ—Пушкину. *В. Каллаш. Русские поэты о Пушкине.* М. 1899. Стр. 8. (В 1819 г. Пушкин написал послание к Я. Толстому «Стансы»: *Философ ранний, ты бежишь*...).

Исторически буду говорить тебе о наших,—все идет по-прежнему: шампанское, славу богу, здорово, актрисы также,—то пьется, а те (.....)—аминь, аминь, так и должно. У Юрьева х.....[1]) славу богу здоров,—у меня открывается маленькой, и то хорошо—Всеволожский играет: мел столбом! Деньги сыплются!

ПУШКИН—П. Б. Мансурову, 27 окт. 1819 г.

---

[1]) Вульгарное название гонорреи.—К 1818—1819 г. относят незаконченный отрывок Пушкина: «За старые грехи наказанный судьбой, я страждy восемь дней с лекарствами в желудке, с *меркурием в крови*, с расскаяньем в рассудке....» Многих биографов смущает этот «меркурий в крови»: не был ли Пушкин болен сифилисом? Данных для этого нет решительно никаких. Приводимое ниже (под 1826 г., сент.) свидетельство бар. М. А. Корфа ненадежно, самый же факт «меркурия в крови» ничего не доказывает: медицина того времени все три венерические болезни не считала качественно различными, и все они лечились ртутью (при гонорреe—внутрь).

Беснующегося Пушкина мельком вижу только в театре, куда он заглядывает в свободное от зверей время. В прочем же жизнь его проходит у приема билетов, по которым пускают смотреть привезенных сюда зверей, между коими тигр есть самый смирный. Он влюбился в приемщицу билетов и сделался ее cavalier servant; наблюдает между тем природу зверей и замечает оттенки от скотов, которых смотрит gratis.

А. И. ТУРГЕНЕВ — кн. Вяземскому 12 ноября 1819 г. *Ост. Арх.*, 1, 350.

Императрица Елизавета спрашивала Жуковского, который в то время Александре Федоровне *(жене вел. кн. Николая Павловича)* по-русски уроки давал, от чего Пушкин, сочиняя хорошо,—ничего не напишет для нее. Пушкин послал «На лире скромной, благородной» и проч. *(Следует текст «Ответа на вызов написать стихи в честь гос. имп-цы Ел. Ал-ны»).*

П. П. КАВЕРИН. Тетрадь 1824—1830 гг. *Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина*, 78.

В этот мой приезд в Петербург я встретила Пушкина в доме тетки моей Олениной... Я видела Карамзина с его гордой, даже надменной супругой. Некто сказал, когда вошел Карамзин и жена его в залу: «oui, c'est là m-me Карамзин, on le voit à sa morgue! (Да, это г-жа Карамзина, ее узнаешь по ее гордой осанке)». Она была первою любовью Пушкина.

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Рус. Стар.*, 1870, т. I, 264.

(1819). У Олениных ужинали на маленьких столиках. За ужином Пушкин уселся с двоюродным братом моим *(А. А. Полторацким)* позади меня и старался обратить на себя мое внимание льстивыми возгласами, как например: «позволительно ли быть такою хорошенькою!». Потом завязался между ними шутливый разговор о том, кто грешник, и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай. Пушкин сказал брату: «во всяком случае, в аду будет много хорошеньких, там можно будет играть в шарады. Спроси у m-me Керн: хотела ли бы она попасть в ад?» Я отвечала очень серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю. «Ну, как же ты теперь, Пушкин?»—спросил брат.—«Я раздумал,—ответил поэт,—я в ад не хочу, хотя там и будут хорошенькие женщины».

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Л. Майков.* 236.

П. А. Катенин заметил в эту эпоху (1819 г.) характеристическую черту Пушкина, сохранившуюся и впоследствии: осторожность в обхождении с людьми, мнение которых уважал, лов-

кий обход спорных вопросов, если они поставлялись слишком решительно.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 51.

В Петербурге, в Толмачевом переулке, от Гостинного Двора к нынешнему Александринскому театру, бывшем, кажется, глухим, был кабак в роде харчевни. Пушкин с Дельвигом и еще с кем-то в компании, человек по пяти, иногда ходили, переодевшись в дрянные платья, в этот кабак кутить, наблюдать нравы таких харчевен и кабаков и испытывать самим тамошние удовольствия.

НОРДШТЕЙН. Выписки из тетрадей. *Рус. Арх.*, 1905, III, 255.

Разве в наше время, когда мы били немцев на Красном Кабачке, и нам не доставалось, а немцы получали тычки, сложа руки?

ПУШКИН—жене, 18 мая 1836.

Физическая организация молодого Пушкина, крепкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражнениями. Он славился, как неутомимый ходок пешком, страстный охотник до купанья, до езды верхом, и отлично дрался на эспадронах, считаясь чуть ли не первым учеником известного фехтовального учителя Вальвиля.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 38.

Многие тогда сами на себя наклепывали. Эта тогдашняя черта водилась и за Пушкиным: придет, бывало, в собрание, в общество, и расшатывается.—«Что вы, Александр Сергеевич?»—«Да вот выпил 12 стаканов пуншу!» А все вздор, и одного не допил.

Ф. Н. ГЛИНКА. *Рус. Стар.*, 1871, т. III, 245.

Пьет он *(Лев Пушкин)*, как я заметил, более из тщеславия, нежели из любви к вину. Он толку в вине не знает, пьет, чтобы перепить других, и я никак не мог убедить его, что это смешно. Ты так же молод был, как ныне молод он, сколько из молодечества выпил лишнего?

Бар. А. А. ДЕЛЬВИГ—Пушкину, 21 марта 1827 г. *Переписка Пушкина*, II, 14.

Приведу анекдот, слышанный мною в детстве, более, чем вероятно, дошедший до моих домашних от Щербинина или Каверина,—вернее от последнего. На одном кутеже Пушкин побился, будто бы, об заклад, что выпьет бутылку рома и не потеряет сознания. Исполнив, однако, первую часть обязательства, он лишился чувств и движения и только, как заметили

присутствующие, все сгибал и разгибал мизинец левой руки. Придя в себя, Пушкин стал доказывать, что все время помнил о закладе, и что двигал мизинцем во свидетельство того, что не потерял сознания. По общему приговору, пари было им выиграно.

Ю. Н. ЩЕРБАЧЕВ. *Приятели Пушкина Щербинин и Каверин*, стр. 207.

После смерти отца, молодой Нащокин, избалованный богатою матерью, предался свободной и совершенно независимой жизни, так что, живя на всем готовом в доме родительницы, он нанимал бель-этаж какого-то большого дома на Фонтанке для себя, а вернее для друзей. Сюда он приезжал ночевать с ночных игр и кутежей, сюда же каждый из знакомых его мог явиться на ночлег не только один или сам-друг, но мог приводить и приятелей (незнакомых Нащокину), и одиноких, и попарно. Многочисленная прислуга под управлением карлика Карлы-головастика обязана была для всех раскладывать по полу матрацы, со всеми принадлежностями приличных постелей: парных — в маленьких кабинетах, а холостякам в больших комнатах, в повалку. Сам хозяин, явясь позднее всех, спросит только, много ли ночлежников, потом тихо пробирается в свой отдельный кабинет. Но зато утром все обязаны явиться к кофе и чаю: тут происходят новые знакомства и интересные эпизоды... Случалось, что в торжественные дни рождения Нащокина гвардейская молодежь с красотками, после великолепного завтрака и множества опорожненных бутылок, сажали в четырехместную карету, запряженную четверкою лошадей, нащокинского Карлу-карлика с кучей разряженных девиц, а сами, сняв мундиры, в одних рейтузах и рубашках, засев на места кучера и форейтора и став на запятках вместо лакеев, летели во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всем лучшим улицам. А раз, по инициативе Пушкина, тоже в день рождения Нащокина, приглашают друзья его самого в собственный его приют, где при входе приготовили ему сюрприз, до того циничный, что невозможно описать.

Н. И. КУЛИКОВ со слов П. В. Нащокина. Пушкин и Нащокин. *Рус. Стар.*, 1880, т. 29, стр. 991.

Пушкин почти кончил свою поэму. Пора в печать. Я надеюсь от печати и другой пользы, личной для него: увидев себя в числе напечатанных и, следовательно, уважаемых авторов, он и сам станет уважать себя и несколько остепениться. Теперь его знают только по мелким стихам и по крупным шалостям.

А. И. ТУРГЕНЕВ — кн. Вяземскому, 25 февр. 1820 г. *Ост. Арх.*, II, 23.

В свете Пушкин предался распутствам всех родов, проводя дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий. Должно дивиться, как и здоровье и талант его выдержали такой образ жизни, с которым естественно сопрягались и частые гнусные болезни, низводившие его не раз на край могилы. Пушкин не был создан ни для света, ни для общественных обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви или истинной дружбы. У него господствовали только две стихии: удовлетворение плотским страстям и поэзия, и в обоих он—ушел далеко. В нем не было ни внешней, ни внутренней религии, ни высших нравственных чувств, и он полагал даже какое-то хвастовство в от'явленном цинизме по этой части: злые насмешки,—часто в самых отвратительных картинах,—над всеми религиозными верованиями и обрядами, над уважением к родителям, над родственными привязанностями, над всеми отношениями,—общественными и семейными,—это было ему ни по чем, и я не сомневаюсь, что для едкого слова он иногда говорил даже более и хуже, нежели в самом деле думал и чувствовал... Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда почти без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в близком знакомстве со всеми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкин представлял тип самого грязного разврата.

Граф М. А. КОРФ. Записка. *Я. Грот*, 250.

Сколько мне известно, он вовсе не был *предан распутствам всех родов*. Не был монахом, а был грешен, как и все в молодые года. В любви его преобладала вовсе не *чувственность*, а скорее поэтическое увлечение, что, впрочем, отразилось и в поэзии его.

Никакого особенного знакомства с трактирами не было, и ничего трактирного в нем не было, а еще менее *грязного разврата*. Все эти обвинения не только несправедливая строгость, но и клевета.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Примечания к «Записке» М. А. Корфа. *Собр. соч. П. П. Вяземского*, 493.

(1817—1820). Пушкин и бар. М. А. Корф *(лицейский товарищ Пушкина)* жили в одном и том же доме; камердинер Пушкина, под влиянием Бахуса, ворвался в переднюю Корфа с целью завести ссору с камердинером последнего. На шум вышел Корф и, будучи вспыльчив, прописал виновнику беспокойства argumentum baculinum (побил палкой). Побитый пожаловался Пушкину. А. С. вспылил в свою очередь и, заступаясь за слугу, немедленно вызвал Корфа на дуэль. На письменный вызов Корф ответил также письменно: «Не принимаю вашего вызова из-за такой безделицы не потому, что вы Пушкин, а потому, что я не Кюхельбекер».

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ, 33.

(1819—1820). Я занимал в нижнем этаже две комнаты, но первую от входа уступил приехавшему майору Денисевичу... В одно прекрасное утро, — было ровно три четверти восьмого,— я вошел в соседнюю комнату, где обитал мой майор. Только что я ступил в комнату, из передней вошли в нее три незнакомые лица. Один был очень молодой человек, худенький, небольшого роста, курчавый, с арабским профилем, во фраке. За ним выступили два кавалерийских гвардейских офицера. Статский подошел ко мне и сказал мне тихим, вкрадчивым голосом: «Позвольте вас спросить, здесь живет Денисевич?»—«Здесь,— отвечал я,—но он вышел куда-то, и я велю сейчас позвать его». Я только что хотел это исполнить, как вошел сам Денисевич. При взгляде на воинственных ассистентов статского посетителя, он видимо смутился, но вскоре оправился и принял также марциальную осанку.—Что вам угодно?—сказал он статскому довольно сухо.—«Вы это должны хорошо знать,—отвечал статский:—вы назначили мне быть у вас в восемь часов (тут он вынул часы); до восьми остается еще четверть часа. Мы имеем время выбрать оружие и назначить место»... Все это было сказано тихим, спокойным голосом, как-будто дело шло о назначении приятельской пирушки. Денисевич мой покраснел, как рак, и, запутываясь в словах, отвечал: «я не затем звал вас к себе... Я хотел вам сказать, что молодому человеку, как вы, нехорошо кричать в театре, мешать своим соседям слушать пьесу, что это неприлично».—«Вы эти наставления читали мне вчера при многих слушателях,—сказал более энергическим голосом статский;—я уж не школьник, и пришел переговорить с вами иначе. Для этого не нужно много слов: вот мои два секунданта; этот господин—военный (тут указал он на меня), он не откажется, конечно, быть вашим свидетелем. Если вам угодно...» Денисевич не дал ему договорить:—«Я не могу с вами драться; вы молодой человек, неизвестный, а я штаб-офицер...» При этом оба офицера засмеялись; я побледнел и затрясся от негодования, видя глупое и униженное положение, в которое поставил себя мой товарищ. Статский продолжал твердым голосом: «Я—русский дворянин, Пушкин; это засвидетельствуют мои спутники, и потому вам не стыдно будет иметь со мною дело» *(Узнав, что перед ним—автор «Руслана и Людмилы», рассказчик решил приложить все старания, чтобы предотвратить дуэль. Один из секундантов сообщает ему причину ссоры:)* Пушкин накануне был в театре, где судьба посадила его рядом с Денисевичем. Играли пустую пьесу, Пушкин зевал, шикал, говорил громко: «несносно!» Соседу его пьеса, повидимому, очень нравилась. Выведенный из терпенья, он сказал Пушкину, что тот мешает ему слушать пьесу. Пушкин искоса взглянул на него и принялся шуметь попрежнему. Тут Денисевич об'явил, что попросит полицию вывести его из театра.—Посмотрим,—отвечал хладнокровно Пушкин и продолжал по-

весничать. После спектакля Денисевич остановил Пушкина в коридоре.—«Молодой человек!—сказал он и вместе с этим поднял свой указательный палец:—вы мешали мне слушать пьесу... Это неприлично, невежливо».—«Да! я не старик,—отвечал Пушкин,—но, г. штаб-офицер, еще невежливее здесь и с таким жестом говорить мне это. Где вы живете?» Денисевич сказал свой адрес и назначил приехать к нему в 8 ч. у. Не был ли это настоящий вызов?—«Буду»,—отвечал Пушкин *(Рассказчик увел Денисевича в соседнюю комнату. Ему удалось убедить майора в его неправоте и напугать его возможными последствиями)*. Денисевич убедился, что он виноват, и согласился просить извинения. Тут, не дав опомниться майору, я ввел его в комнату и сказал Пушкину: «г. Денисевич считает себя виноватым перед вами, А. С., и в опрометчивом движении, и в необдуманных словах при выходе из театра; он не имел намерения ими оскорбить вас».—«Надеюсь, это подтвердит сам г. Денисевич»,—сказал Пушкин. Денисевич извинился... и протянул руку, но тот не подал ему своей, сказав тихо: «извиняю», и удалился с своими спутниками, которые очень любезно простились со мною.

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ. Знакомство мое с Пушкиным. *Сочинения*, т. IV. Изд. М. О. Вольфа, 1884, стр. 233—238. Ср. письмо Лажечникова Пушкину от 13 дек. 1831 г. *Переписка Пушкина*, II, 352.

Пушкин всякий день имеет дуэли; благодаря бога, они не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимы.

ЕК. А. КАРАМЗИНА (жена историка) кн. П. А. Вяземскому, 23 марта 1820 г. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского*, 476.

Пушкин числился в иностранной коллегии, не занимаясь службой. Сие кипучее существо, в самые кипучие годы жизни, можно сказать, окунулось в ее наслаждения... Он был уже славный муж по зрелости своего таланта и вместе милый, остроумный мальчик, не столько по летам, как по образу жизни и поступкам своим. Он умел быть совершенно молод в молодости, т.-е. постоянно весел и беспечен.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ, *Записки*, VI, 9.

В семействе Пушкина сохранился такой анекдот о нем. Однажды на упреки семейства в излишней распущенности, которая могла иметь для него роковые последствия, Пушкин отвечал: «без шума никто не выходил из толпы».

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в александровскую эпоху*, стр. 85.

Друзья Пушкина единогласно свидетельствуют, что, за исключением двух первых годов его жизни в свете, никто так не трудился над дальнейшим своим образованием, как Пушкин. Он сам, несколько позднее, с упреком говорил о современных ему литераторах: «мало у нас писателей, которые бы учились; большая часть только разучиваются».

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 43.

Писать стихи Пушкин любил на отличной бумаге, в большом альбоме, который у него был с замком; ключ от него он носил при часах, на цепочке *(На полях заметка С. А. Соболевского:* это вздор: книга была такая у Пушкина только до отсылки в изгнание).

П. В. НАЩОКИН по записи П. И. Бартенева. *Рассказы о П-не*, 27 [1]).

* Из воспоминаний о Пушкине можно занести здесь случай, бывший с ним в доме Никиты Всеволожского. У последнего был старый дядька-камердинер, очень преданный, но чрезвычайно упрямый. Он слышал, как Ал. С-ч жаловался при нем на одного издателя, требующего окончания одной поэмы, за которую Пушкин уже получил деньги вперед. Однажды А. С-ч зашел утром к Никите Всеволодовичу, но последний был где-то на охоте. Старик дядька воспользовался случаем и стал приставать к Пушкину, что он должен поэму кончить, так как он за нее деньги получил. Пушкин его обругал и об'явил, что никогда эту поэму не кончит. Упрямый старик, нисколько не смущаясь, запер Пушкина на ключ в кабинете Никиты Всеволодовича. Что ни делал раздосадованный Пушкин, но старик-дядька, стоя за дверьми, повторял все одно и то же:— «Пишите, Александр Сергеич, ваши стишки, а я не пущу, как хотите, должны писать и пишите». Пушкин, видя, что до возвращения Никиты Всеволодовича, т.-е. до вечера, дядька его не выпустит, сел за письменный стол и до того увлекся, что писал до следующего дня, отгоняя уже дядьку и самого Никиту Всеволодовича. Таким образом, Пушкин окончил одну из своих поэм.

А. Н. ВСЕВОЛЖСКИЙ (сын Никиты). *Род Всеволожских*, Симферополь, 1886, стр. 15.

Мне было 20 лет в 1820 г. Необдуманные отзывы, сатирические стихи... Разнесся слух, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен. До меня до последнего дошел этот слух,

---

[1]) Соболевский ошибался, утверждая, что тетрадь с запирающимся замком была у Пушкина только до ссылки в 1826 г.; дневник Пушкина 1833—1835 гг. писался именно в такой тетради.

Примеч. *М. А. Цявловского.*

который стал общим. Я увидел себя опозоренным перед светом. На меня нашло отчаяние, я метался в стороны, мне было 20 лет. Я раздумывал, не следует ли мне прибегнуть к самоубийству или умертвить (ваше величество). В первом случае я только бы подтвердил разнесшуюся молву, которая меня бесчестила; во втором я бы не мстил за себя, потому что прямой обиды не было, а совершил бы только преступление и пожертвовал бы общественному мнению, которое презирал, человеком, внушавшим мне уважение против моей воли. Таковы были мои размышления. Я сообщил их другу, который был совершенно моего мнения. Он мне советовал попытаться оправдать себя перед властью, я чувствовал бесполезность этого. Я решил высказывать столько негодования и наглости в своих речах и своих сочинениях, чтобы, наконец, власть вынуждена была обращаться со мною, как с преступником. Я жаждал Сибири или крепости, как восстановления чести.

ПУШКИН—императору Александру Первому (черновое письмо, неотосланное). Май-июнь 1825 г. (*фр.*).

К этой же, самой тяжкой в жизни Пушкина, эпохе может относиться рассказ И. В. Киреевского, слышанный им от Ф. Ф. Матюшкина, как поэт с пистолетом в руках разговаривал с отцом своим.

П. И. БАРТЕНЕВ. «*А. С. Пушкин*». Т. II. М. 1885. Стр. 103.

Поэт Родзянко уверял меня, что он видел сам, как Пушкин, сидя в театре в кресле, показывал находившимся подле него лицам портрет убийцы герцога Беррийского, Лувеля, с его надписью: «урок царям».

А. И. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ. Записки. *Рус. Стар.*, 1890, № 11, 505.

Д. Н. Свербеев передавал нам, что Пушкин в театре, ходя по рядам кресел, показывал знакомым портрет Лувеля и позволял себе при этом возмутительные отзывы.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1884, III, стр. 194.

Петербург душен для поэта: я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу. Поэму свою (*«Русл. и Людм.»*) я кончил, и только последний, т.-е. окончательный стих ее принес мне удовольствие. Она так мне надоела, что не могу решиться переписывать ее клочками для тебя. Письмо мое скучно, потому что с тех пор, как я сделался историческим

лицом для сплетниц С-т Петербурга, я глупею и старею не неделями, а часами.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, перв. пол. марта 1820 г.

Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокоторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила», 1820, марта 26, Великая пятница.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Надпись на его портрете, подаренном им Пушкину. *Пушкин. Изд. Брокгауз-Ефрон.* Т. II, стр. 537.

Раз утром выхожу я из своей квартиры и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Он был, как и всегда, бодр и свеж; но обычная (по крайней мере, при встречах со мною) улыбка не играла на его лице, и легкий оттенок бледности замечался на щеках. Пушкин заговорил первый.—«Я шел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и не моих пиесах, разбежавшихся по рукам, дошел до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька об'явил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих сочинений и уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял да и сжег все мои бумаги... Теперь,—продолжал Пушкин, немного озабоченный,—меня требуют к Милорадовичу! Я не знаю, как и что будет, и с чего с ним взяться?.. Вот я и шел посоветоваться с вами»... Мы остановились и обсуждали дело со всех сторон. В заключение я сказал ему: «Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь, и без всякого опасения. Положитесь безусловно на благородство его души: он не употребит во зло вашей доверенности». Тут, еще поговорив немного, мы расстались: Пушкин пошел к Милорадовичу.

Часа через три явился и я к Милорадовичу, при котором состоял я по особым поручениям. Милорадович, лежавший на своем зеленом диване, окутанный дорогими шалями, закричал мне навстречу:—«Знаешь, душа моя! У меня сейчас был Пушкин! Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги; но я счел более деликатным пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился очень спокоен, с светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал: «Граф! Все мои стихи сожжены!—у меня ничего не найдете в квартире, но, если вам угодно, все найдется *здесь* (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги; я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного) с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем». Подали бумаги. Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь... Вот она (указывая на стол у окна), полюбуйтесь!

Завтра я отвезу ее государю. А знаешь ли? Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою обхождения».

На другой день я пришел к Милорадовичу поранее. Он возвратился от государя и первым словом его было: «Ну, вот дело Пушкина и решено!» И продолжал: «Я подал государю тетрадь и сказал: «здесь все, что разбрелось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать». Государь улыбнулся на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно, а наконец спросил: «а что же ты сделал с автором?»—«Я? Я об'явил ему от имени вашего величества *прощение*!». Тут мне показалось, что государь слегка нахмурился. Помолчав немного, он с живостью сказал: «не рано ли?!». Потом, еще подумав, прибавил: «ну, коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг!». Вот как было дело. Между тем, в промежутке двух суток, разнеслось по городу, что Пушкина берут и ссылают. Гнедич, с заплаканными глазами (я сам застал его в слезах) бросился к Оленину. Карамзин, как говорили, обратился к государыне *(Марии Федоровне)*, а Чаадаев хлопотал у Васильчикова, и всякий старался замолвить слово за Пушкина. Но слова шли своею дорогою, а дело исполнялось буквально по решению...

Ф. Н. ГЛИНКА. Удаление Пушкина из Петербурга. *Рус. Арх.*, 1866, стр. 918.

В одно прекрасное утро полицеймейстер пригласил Пушкина к графу Милорадовичу, тогдашнему петербургскому военному генерал-губернатору. Когда привезли Пушкина, Милорадович приказывает полицеймейстеру ехать в его квартиру и опечатать все бумаги. Пушкин, слыша это приказание, говорит ему: — «Граф, вы напрасно это делаете. Там не найдете того, что ищете. Лучше велите мне дать перо и бумаги, я здесь же все вам напишу». Милорадович, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнул: «Ah, c'est chevaleresque!» и пожал ему руку. Пушкин сел и написал все контрабандные свои стихи [1]).

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 75.

Узнав о грозящей опасности, Пушкин пришел к Карамзину, рассказал свои обстоятельства, просил совета и помощи, со слезами на глазах выслушивал дружеские упреки и наставления.—«Можете ли вы,—сказал Карамзин,—по крайней мере

---

[1]) За исключением, впрочем,—как говорили тогда,—одной эпиграммы на Аракчеева, которая бы ему никогда не простилась (*П. В. Анненков. П-н в Александр. эпоху*, 140).

обещать мне, что в продолжение года ничего не напишете противного правительству? Иначе я выйду лжецом, прося за вас и говоря о вашем раскаянии». Пушкин дал ему слово и сдержал его: не раньше 1821 г. прислал из Бессарабии, без подписи, стихи свои «Кинжал».

П. И. Бартенев со слов гр. Д. Н. БЛУДОВА, *Пушкин в ю. России*, 13.

Граф Д. Н. Блудов передавал нам, что Карамзин показывал ему место в своем кабинете, облитое слезами Пушкина.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Р. А.*, 1897, II, 493.

Над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное: служа под знаменами Либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч., и проч. Это узнала полиция etc. Опасаются следствий. Хотя я уже давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову, предал нещастного Року и Немезиде; однако же из жалости к таланту, замолвил слово, взяв с него обещание уняться. Не знаю, что будет. Мне уже поздно учиться сердцу человеческому: иначе я мог бы похвалиться новым удостоверением, что либерализм наших молодых людей совсем не есть геройство и великодушие.

Н. М. КАРАМЗИН—И. И. Дмитриеву, 19 апр. 1820 г. *Письма Карамзина к Дмитриеву*, стр. 287.

Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нем. Он стал тише и даже скромнее et, pour ne pas se compromettre, даже и меня в публике избегает.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 5 мая 1820 г. *Ост. Арх.*, II, 37.

Пушкина простили, дозволили ему ехать в Крым. Я просил об нем из жалости к таланту и молодости: авось будет рассудительнее: по крайней мере дал мне слово на *два года*.

Н. М. КАРАМЗИН—И. И. Дмитриеву, 7 июня 1820 г. *Письма Карамзина к Дмитриеву*, стр. 290.

Я обещал Н. М. *(Карамзину)* два года ничего не писать противу правительства.

ПУШКИН—В. А. Жуковскому, в мае—июне 1825 г.

На дружеский выговор Чаадаева, зачем, уезжая из Петербурга, он не простился с ним, Пушкин в ответ ему написал: «Мой милый, я заходил к тебе, но ты спал: стоило ли будить тебя из-за такой безделицы».

П. И. Бартенев со слов П. Я. ЧААДАЕВА. (Самого письма не сохранилось). *П-н в ю. России*, 15.

Пушкин, быв несколько дней совсем не в пиитическом страхе от своих стихов на свободу и некоторых эпиграмм, дал мне слово уняться и благополучно поехал в Крым месяцев на пять; ему дали рублей тысячу на дорогу. Он был, кажется, тронут великодушием государя, действительно трогательным... Если Пушкин и теперь не исправится, то будет чортом еще до отбытия своего в ад. Увидим, какой эпилог напишет к своей поэмке!

Н. М. КАРАМЗИН—кн. П. А. Вяземскому, 17 мая 1820 г. *Старина и Новизна*, кн. I, стр. 101.

Коллежскому секретарю Пушкину, отправляемому к главному попечителю колонистов южного края России, ген.-лейтенанту Инзову, выдать на проезд тысячу рублей ассигнациями из наличных в коллегии на курьерские отправления денег.

ПРИКАЗ ГРАФА К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ от 4 мая 1820 г. *Рус. Стар.*, 1887, т. 53, стр. 238.

Исполненный горестей в продолжение всего своего детства, молодой Пушкин оставил родительский дом, не испытывая сожаления. Лишенный сыновней привязанности, он мог иметь лишь одно чувство—страстное желание независимости. Этот ученик уже ранее проявил гениальность необыкновенную. Его ум вызывал удивление, но характер его, кажется, ускользнул от взора наставников. Он вступил в свет, сильный пламенным воображением, но слабый полным отсутствием тех внутренних чувств, которые служат заменою принципов, пока опыт не успеет дать нам истинного воспитания. Нет той крайности, в которую бы не впадал этот несчастный молодой человек,— как нет и того совершенства, которого не мог бы он достигнуть высоким превосходством своих дарований... Несколько поэтических пьес, в особенности же ода на вольность, обратили на Пушкина внимание правительства... Г.г. Карамзин и Жуковский, осведомившись об опасностях, которым подвергся молодой поэт, поспешили предложить ему свои советы, привели его к признанию своих заблуждений и к тому, что он дал торжественное обещание отречься от них навсегда. Г. Пушкин кажется исправившимся, если верить его слезам и обещаниям.

Однако эти его покровители полагают, что раскаяние его искренне... Отвечая на их мольбы, император уполномачивает меня дать молодому Пушкину отпуск и рекомендовать его вам... Судьба его будет зависеть от успеха ваших добрых советов.

Письмо мин. ин. дел гр. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ ген.-лейтенанту Инзову от 4 мая 1820 г., одобренное императором и данное Пушкину для вручения Инзову. *Рус. Стар.*, 1887, т. 53, стр. 241.

IV

В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ—НА КАВКАЗЕ—В КРЫМУ

(*В половине мая 1820 г.— приезд в Екатеринослав. В конце мая— от'езд с семьею Раевских на Кавказ. В середине августа, с семьею Раевских, переезд в Крым через Тамань. Три недели в Гурзуфе. В половине сентября от'езд в Кишинев, куда тем временем была переведена из Екатеринослава канцелярия ген. Инзова*).

(В мае 1820 г.). Белорусский тракт ужасно скучен. Не встречая никого на станциях, я обыкновенно заглядывал в книгу для записывания подорожных и там искал проезжих. Вижу раз, что накануне проехал Пушкин в Екатеринослав. Спрашиваю смотрителя, какой это Пушкин. Смотритель говорит, что это поэт Александр Сергеевич, едет, кажется, на службу, на перекидных, в красной русской рубашке, в опояске, в поярковой шляпе. (Время было ужасно жаркое).

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 74.

Генерал Инзов был председателем «Попечительного комитета по устройству колонистов южной России», куда и был командирован Пушкин, помимо его желания. Канцелярию комитета Пушкин, по приезде в Екатеринослав, посетил раза три, из которых раз по приезде представился генералу Инзову, все же время пребывания в Екатеринославе посвящал катанию на лодке по Днепру и гулянью по лесам, так как все место, ныне Севастопольская площадь и Соборная, было покрыто вековыми деревьями, внизу же над Днепром находилась тюрьма, из которой на глазах Пушкина бежали два «брата-разбойника».

БЫВШ. ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДВОРЯНСТВА (со слов отца своего, служившего при ген. Инзове). Письмо из Бахмута. *Новое Время*, 1899, № 8285.

Мой покойный отчим, кн. А. Н. Гирей, указывал мне то место, где жил Пушкин. Жил он в доме Каконини, находящемся на Мандрыковке, против усадьбы моего отчима, кн. Гирея. Усадьба, где жил Пушкин, прилегает к Днепру. В Мандрыковке, близ Днепра, находилась тюрьма, из к-ой во время пребывания поэта бежали два брата-арестанта, побочные дети помещика Засорина... Ныне усадьба принадлежит г. Кулобухову.

Г. МЕКЛЕНБУРЦОВ, Письмо в ред. *Приднепровский Край*, 1899, № 392.

Могу подтвердить верные указания г. Мекленбургцева о доме, где жил Пушкин. Он, действительно, жил на Мандрыковке... Быв. городской голова Кулабухов говорил лет 10—20 тому назад моему дяде, фотографу, Н. А. Иванову, что дом, в котором жил Пушкин, был разобран лет 40 тому назад его отцом, в виду его ветхости... В то время здесь находилась масса вековых деревьев, а невдалеке протекал Днепр. Место это живописное. Мандрыковка вообще очень живописна, особенно в мае, когда все цветет.

В. ТАТАРЕНКО. Письмо в ред. *Приднепровский Край*, 1899, № 413.

* Оказалось, и в Екатеринославе уже знали Пушкина, как знаменитого поэта, и пребывание его в городе стало событием для людей, восторженно к нему относившихся. Одним из тех людей был тогдашний профессор екатеринославской семинарии А. С. Понятовский. И вот он, в сопровождении богатого помещика С. С. Клевцова, надобно думать, такого же энтузиаста, отправляется его отыскивать. Находят. Входят в лачужку, занимаемую поэтом. Пушкин встретил гостей, держа в зубах булку с икрою, а в руках стакан красного вина.

— Что вам угодно?—спросил он вошедших.

И когда они сказали, что желали иметь честь видеть славного писателя, то славный писатель отчеканил им следующую фразу:

— Ну теперь видели? До свидания!

М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ со слов одного из учеников Понятовского. *Рус. Арх.*, 1879, III, 136.

* В Екатеринославе Пушкин, конечно, познакомился с губернатором Шемиотом [1]), который однажды пригласил его на обед. Приглашены были и другие лица, дамы, в числе их моя жена (я сам находился в раз'ездах). Это было летом, в самую жаркую пору. Собрались гости, явился и Пушкин, и с пер-

[1]) «В Екатеринославль приехал в десятом часу ночи к губернатору Карагеоргию. Н. Н. РАЕВСКИЙ в письме к своей дочери Ек. Н. Раевской. *М. О. Гершензон; Мудрость Пушкина*, 178.

вых же минут своего появления привел все общество в большое замешательство необыкновенною эксцентричностью своего костюма: он был в кисейных панталонах, прозрачных, без всякого исподнего белья. Жена губернатора, г-жа Шемиот, чрезвычайно близорукая, одна не замечала этой странности. Жена моя потихоньку посоветовала ей удалить из гостиной ее дочерей-барышень, об'яснив необходимость этого удаления. Г-жа Шемиот, не допуская возможности такого неприличия, уверяла, что у Пушкина просто летние панталоны бланжевого, телесного цвета: наконец, вооружившись лорнетом, она удостоверилась в горькой истине и немедленно выпроводила дочерей из комнаты. Хотя все были очень возмущены и сконфужены, но старались сделать вид, будто ничего не замечают; хозяева промолчали, и Пушкину его проделка сошла благополучно.

А. М. ФАДЕЕВ. Воспоминания. *Рус. Арх.*, 1891, I, 400.

Приехав в Екатеринослав, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку, по моему обыкновению. Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашел меня в жидовской хате, в бреду, без лекаря, за кружкою оледенелого лимонада.

ПУШКИН—брату Льву, 24 сент. 1820 г.

Пушкин прожил в Екатеринославе в 1820 г. дней 18, до приезда в Екатеринослав ген. Раевского, который со своим семейством проездом остановился в Екатеринославе по просьбе своего сына, который хотел повидаться со своим приятелем Пушкиным, которого, по указанию генерала Инзова, нашли в доме или, скорее, в домике, на Мандрыковке. Когда генерал Раевский с сыном вошли в комнату, то их глазам представилось следующее: Ал. Серг-ч лежал на досчатой скамейке или досчатом диване. Он был болен. На Раевских он произвел удручающее впечатление при этой обстановке. При виде Раевских у него от радости показались слезы. Раевский выхлопотал ему отпуск, и 4-го или 5-го июня вместе с ними уехал он на Кавказ. Мой отец состоял в то время при генерале Инзове,—он и рассказывал мне обо всем вышеизложенном.

БЫВШ. ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДВОРЯНСТВА. *Новое Время*, 1899, № 8285.

Я, в качестве доктора, отправился с генералом Раевским на Кавказ... Едва я, по приезде в Екатеринославль, расположился, после дурной дороги, на отдых, ко мне, запыхавшись, вбегает младший сын генерала:—«Доктор! Я нашел здесь моего друга; он болен, ему нужна скорая помощь,—поспешите со мною!»

Нечего делать,—пошли. Приходим в гадкую избенку и там, на досчатом диване, сидит молодой человек,—небритый, бледный и худой.—«Вы нездоровы?»—спросил я незнакомца.—«Да, доктор, немножко пошалил, купался; кажется простудился». Осмотревши тщательно больного, я нашел, что у него была лихорадка. На столе перед ним лежала бумага.—«Чем вы тут занимаетесь?»—«Пишу стихи». Нашел, думаю я, и время, и место. Посоветовавши ему на ночь напиться чего-нибудь теплого, я оставил его до другого дня. Мы остановились в доме губернатора К. (*Карагеоргия*). По утру гляжу—больной уже у нас: говорит, что он едет на Кавказ вместе с нами. За обедом наш гость весел и без умолку говорит с младшим Раевским по-французски. После обеда у него озноб, жар и все признаки пароксизма. Пишу рецепт.—«Доктор, дайте что-нибудь получше, дряни в рот не возьму». Что будешь делать? Прописал слабую микстуру... На другой день закатил ему хины. Пушкин морщится. Мы поехали далее.

Д-р Е. П. РУДЫКОВСКИЙ. Встреча с Пушкиным. Из записок медика. *Русс. Вестник*, 1841, № 1. Целиком перепечатано у *Анненкова, Материалы*, 65.

Я лег в коляску больной: через неделю вылечился.

ПУШКИН брату Льву, 24 сент. 1820 г.

Доставленные от вас тысячу рублей для г. Пушкина я получил, которые к нему отправил на Кавказские Воды. Расстроенное его здоровье в столь молодые лета и неприятное положение, в коем он по молодости находится, требовали с одной стороны помочи, а с другой безвредной рассеянности, потому отпустил я его с генералом Раевским, который в проезд свой через Екатеринослав охотно взял его с собою. При оказии, прошу сказать об оном графу И. А. Каподистрии. Я надеюсь, что за сие меня не побранит и не назовет баловством. Он малой право добрый, жаль только, что скоро кончил курс наук; одна ученая скорлупа останется навсегда скорлупою.

Генерал И. Н. ИНЗОВ—К. Я. Булгакову, из Екатеринослава в июне 1820 г. *Рус. Арх.*, 1863, стр. 900.

С Раевским ехали на Кавказ, кроме сына Николая и военного доктора Рудыковского, две младшие дочери его, Мария (14 лет) и девочка Софья, при них англичанка мисс Мятен и компаньонка Анна Ивановна (крестница генерала, родом татарка, удержавшая в выговоре и лице свое восточное происхождение). Все это общество помещалось в двух каретах и коляске. Пушкин сначала ехал с младшим Раевским в коляске, а по-

том генерал пересадил его к себе в карету, потому что его сильно трясла лихорадка.

П. И. Бартенев со слов Кн. М. Н. ВОЛКОНСКОЙ (Раевской). *Пушкин в ю. России*, 20.

Как поэт, Пушкин считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался. Мне вспоминается, как во время этого путешествия, недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Завидев море, мы приказали остановиться, вышли из кареты и всей гурьбой бросились любоваться морем. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт шел за нами, я стала забавляться тем, что бегала за волной, а когда она настигала меня, я убегала от нее; кончилось тем, что я промочила ноги. Понятно, я никому ничего об этом не сказала и вернулась в карету. Пушкин нашел, что эта картинка была очень грациозна и, поэтизируя детскую шалость, написал прелестные стихи; мне было тогда лишь 15 лет.

Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!

Позже, в поэме «Бахчисарайский фонтан», он сказал:

...ее очи
Яснее дня,
Чернее ночи.

В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел.

Кн. М. Н. ВОЛКОНСКАЯ (РАЕВСКАЯ). *Записки. Кн-во «Прометей»*. Изд. 2., стр. 62.

На Дону мы обедали у атамана Денисова. Пушкин меня не послушался: покушал бланманже и снова заболел.—«Доктор, помогите!»—«Пушкин, слушайтесь!»—«Буду, буду!». Опять микстура, опять пароксизмы и гримасы.—«Не ходите, не ездите без шинели».—«Жарко, мочи нет».—«Лучше жарко, чем лихорадка».—«Нет, лучше уж лихорадка». Опять сильные пароксизмы.—«Доктор, я болен». «Потому что упрямы. Слушайтесь!»—«Буду, буду!»—И Пушкин выздоровел.

В Горячеводск мы приехали все здоровы и веселы. По прибытии генерала в город, тамошний комендант к нему явился и вскоре прислал книгу, в которую вписывались имена посетителей вод. Все читали, любопытствовали. После нужно было книгу возвратить и вместе с тем послать список свиты генерала.

За исполнение этого взялся Пушкин. Я видел, как он, сидя на куче бревен на дворе, с хохотом что-то писал, но я ничего и не подозревал. Книгу и список отослали к коменданту. На другой день, во всей форме, отправляюсь к доктору Ц., который был при минеральных водах.—«Вы лейб-медик? приехали с генералом Раевским?» — «Последнее справедливо, но я не лейб-медик».—«Как не лейб-медик? Вы так записаны в книге коменданта; бегите к нему, из этого могут выйти дурные последствия». Бегу к коменданту, спрашиваю книгу, смотрю: там в свите генерала вписаны—две дочери, два сына, лейб-медик Рудыковский и недоросль Пушкин. Насилу убедил я коменданта все это исправить, доказывая, что я не лейб-медик и что Пушкин не недоросль, а титулярный советник, выпущенный с этим чином из Царскосельского лицея. Генерал порядочно пожурил Пушкина за эту шутку. Пушкин немного на меня подулся, а вскоре мы расстались.

Д-р Е. П. РУДЫКОВСКИЙ. Встреча с Пушкиным. *Анненков, Материалы,* 66—67.

В Пятигорске их ожидал старший сын Раевского, отст. полковник Александр Николаевич, прибывший туда заранее. Они всем обществом уезжали на гору Бештау пить железные тогда еще мало известные воды и жили там в калмыцких кибитках за недостатком другого помещения.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России,* 21.

Ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большею частью в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры, или дном разбитой бутылки... Кавказские воды представляют ныне (*1829 г.*) более удобностей; но мне было жаль прежнего дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды... Скоро настала ночь; я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сиживал со мною Александр Раевский, прислушиваясь к мелодии вод.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум,* гл. I.

(2 авг. 1820 г., *в Пятигорске*). Тут увидел Пушкина молодого, который готов с похвальной стороны обратить на себя внимание общее, точно он может, при дарованиях своих; он слушал и колкую правду, но смирялся; и эта перемена делает ему честь.

Г. В. ГЕРАКОВ. *Путевые записки по многим российским губерниям.* Петроград. 1828, стр. 99.

Два месяца жил я на Кавказе; воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие. Впрочем, купался и в теплых кисло-серных, в железных и в кислых холодных.

ПУШКИН — брату Льву, 24 сент. 1820 г.

Из Азии перехали мы в Европу (из Тамани в Керчь) на корабле. Я тотчас отправился на так наз. Митридатову гробницу (развалины какой-то башни), там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на мое воображение.

Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал. Луны не было, звезды блистали; передо мною, в тумане, тянулись полуденные горы... «Вот Чатырдаг»,—сказал мне капитан. Я не различил его, да и не любопытствовал. Перед светом я заснул.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, в дек. 1824 г.

Ночью на корабле написал я элегию («*Погасло дневное светило*»).

ПУШКИН—брату Льву, 24 сент. 1820 г.

До Гурзуфа плыли на военном бриге, отданном в распоряжение генерала Раевского. В ночь перед Гурзуфом Пушкин расхаживал по палубе в задумчивости, что-то бормоча про себя.

П. И. Бартенев со слов кн. М. Н. ВОЛКОНСКОЙ. *Пушкин в ю. России*, 33.

Мне жаль, что в этой элегии (*«Погасло дневное светило»*) дело о любви одной. Зачем не упомянуть о других неудачах сердца? Тут было где поразгуляться.

Кн. П. А. Вяземский—А. И. Тургеневу, 27 ноября 1820 г. *Остаф. Арх.*, II, 107.

(*Дом герцога Ришелье в Гурзуфе, где жила семья Раевских с Пушкиным. Автор посетил дом через месяц после от'езда Раевских*). Мы увидели перед собою огромный замок, в каком-то необыкновенном вкусе: это дом Дюка Ришелье... Замок этот доказывает, что хозяину не должно строить заочно, а может быть и то, что самый отменно хороший человек может иметь отменно дурной вкус в архитектуре. Огромное здание состоит из крылец, переходов с навесом вокруг дома, а внутри из одной галлереи, занимающей все строение, исключая четырех небольших комнат, по две на каждом конце, в которых столько окон и дверей, что нет места, где кровать поставить. В этом состоит все помещение, кроме большого кабинета над галлереей под

чердаком, в который надобно с трудом пролезть по узкой лестнице.

(И. М. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ). *Путешествие по Тавриде в 1820 годе*. СПБ, 1823, стр. 153.

(Подробное исследование о Пушкинских местах в Гурзуфе с рядом изображений дома Ришелье в разные эпохи—см. *Пушкин и его совр-ки, XVII—XVIII, 77—155. А. Л. Бертье Делагард. Память о Пушкине в Гурзуфе*).

Это был довольно большой двухэтажный дом, с двумя балконами, один на море, другой в горы, и с обширным садом. Тут семья Раевского вся была в сборе, кроме сына Александра, который остался на Кавказе. Путешественников ожидали в Гурзуфе супруга Раевского и две отлично образованные и любезные дочери, Екатерина Николаевна, старшая всем, и Елена Николаевна, высокая, стройная, с прекрасными голубыми глазами. Брат Николай скоро познакомил с ними своего молодого приятеля. В доме нашлась старинная библиотека, в которой Пушкин тотчас отыскал сочинения Вольтера и начал их перечитывать. Кроме того, Байрон был почти ежедневным его чтением; Пушкин продолжал учиться по-английски, с помощью Раевского-сына... Пушкин часто разговаривал и спорил с старшею Раевской о литературе. Стыдливая, серьезная и скромная Елена Николаевна, хорошо зная английский язык, переводила Байрона и Вальтер-Скотта по-французски, но втихомолку уничтожала свои переводы. Брат сказал о том Пушкину, который стал подбирать клочки изорванных бумаг и обнаружил тайну. Он восхищался этими переводами, уверяя, что они чрезвычайно верны.

П. И. БАРТЕНЕВ. *П-н в ю. России*, 36.

Николай Раевский (*сын*) страстно любил литературу, музыку, живопись, и сам писал стихи. На обратном пути с Кавказа он как-то повредил себе ногу, и это было поводом остановки путешественников в Юрзуфе. Катерина Николаевна решительно отвергает недавно напечатанное сведение, будто Пушкин учился в Юрзуфе под ее руководством английскому языку. Ей было в то время 23 года, а Пушкину 21, и один этот возраст, по тогдашним строгим понятиям о приличии, мог служить достаточным препятствием такому сближению. По ее замечанию, все дело могло состоять разве только в том, что Пушкин с помощью Н. Н. Раевского в Юрзуфе читал Байрона, и что, когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имея лексикона, посылали наверх к Катерине Николаевне за справкой. Здесь же Николай Николаевич первый познакомил Пушкина с поэзией Шенье.

Я. К. Грот со слов ЕК. Н. ОРЛОВОЙ (РАЕВСКОЙ). *Я. Грот*, 52.

В Юрзуфе прожил я три недели. Мой друг, щастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой прекрасною душою; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина... Старший сын его будет более, нежели известен. Все его дочери—прелесть, старшая—женщина необыкновенная. Суди, был ли я щастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства, жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался,—щастливое полуденное небо; прелестный край, природа, удовлетворяющая воображение; горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда,—опять увидеть полуденный берег и семейство Раевского.

ПУШКИН—брату Льву, 24 сент. 1820 г.

Я слышал, что Пушкин был влюблен в одну из дочерей генерала Раевского и провел несколько времени с его семейством в Крыму, в Гурзуфе... Мне говорили, что впоследствии, создавая «Евгения Онегина», Пушкин вдохновился этою любовью, которой он пламенел в виду моря, лобзающего прелестные берега Тавриды, и что к предмету именно этой любви относится художественная строфа, начинающаяся стихами: «Я помню море пред грозою»...

Гр. П. И. КАПНИСТ со слов дяди своего, графа А. И. Капниста, бывшего ад'ютантом при ген. Раевском. *Рус. Стар.*, 1899, т., 98, стр. 242.

Покойный маринист И. К. Айвазовский упорно отстаивал влюбленность Пушкина в Марию Раевскую, как я не раз от него слышал, пересказывая это, как утверждение Н. Н. Раевского-младшего.

А. Л. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД. Память Пушкина в Гурзуфе. *П-н и его совр-ки*, XVII—XVIII, 99.

Старшая из дочерей Раевских, Екатерина, вскоре после моего прибытия в Киев , вышла замуж за Михаила Орлова. Это была замечательная красавица. Вторую из сестер, Елену, можно было сравнить с цветком кактуса, так как она, подобно последнему, после пышного расцвета быстро увяла и, пораженная неизлечимою болезнью, влачила тяжелую, исполненную страданий жизнь. Третья, Мария, представлялась в начале моего знакомства мало интересным смуглым подростком, четвертая же, Соня, многообещающим, красивым ребенком. Мать и дочери привлекали к себе всех образованием, любезностью и изяществом. Я понемногу почувствовал живой интерес к юной смуглянке с серьезным выражением лица. Мало-по-малу Мария Раевская из ребенка с неразвитыми формами стала превращаться в стройную красавицу, смуглый цвет лица которой

находил оправдание в черных кудрях густых волос и пронизывающих, полных огня очах. Нужно ли удивляться, что подобная девушка, обладавшая притом живым умом и вокальным талантом, стала украшением вечеров?

Граф ГУСТАВ ОЛИЗАР. Мемуары. *Рус. Вестник*, 1893, № 9, стр. 102.

М. Н. Волконская (*урожд. Раевская*), молодая, стройная, высокого роста брюнетка, с горящими глазами, с полусмуглым лицом, с немного вздернутым носиком и с гордою, плавною походкою, получила у нас прозвание «la fille du Gange»,—девы Ганга (*осень 1827 г.*).

Бар. А. Е. РОЗЕН (декабрист). *В ссылку*. Изд. наследников. М. 1899, стр. 84.

Дед ее по матери, Константинов, был грек. У М. Н. Волконской в чертах лица было что-то нерусское.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Русск. Арх.*, 1902, III, 17.

(*Об Елене Раевской*). Могу сказать, что мало столь прекрасных лиц, при скромности, приличной благовоспитанным девицам.

ГАВРИЛ ГЕРАКОВ. *Продолжение путевых записок по многим российским губерниям, 1820-го и начала 1821 года*. Петроград, 1830. Стр. 24.

Вся фамилия Раевских примечательна по редкой любезности и по оригинальности ума. Елена сильно нездорова; она страдает грудью и хотя несколько поправилась теперь, но все еще похожа на умирающую. Она никогда не танцует, но любит присутствовать на балах, которые некогда собою украшала, Мария, идеал Пушкинской Черкешенки (собственное выражение поэта), дурна собой, но очень привлекательна остротою разговоров и нежностью обращения.

В. И. ТУМАНСКИЙ—С. Г. Туманской, 5 дек. 1824 г. из Одессы. *В. И. Туманский. Стихотворения и письма*. СПБ. 1912. Стр. 272.

(1817 г.). Жена генерала Раевского познакомила меня с дочерьми своими. Старшая, полная грации и привлекательности, сама меня приласкала. Это красавица Нина (*Катерина*), о которой потом вспоминал Пушкин. Меньшая была Мария, кроткая брюнетка, вышедшая потом за Волконского.

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Рус. Стар.* 1870. Т. I, стр. 262.

В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и об'едался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью неаполитанского лаццарони. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря— и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его, и к нему привязался чувством, похожим на дружество.

Я об'ехал полуденный берег; но страшный переход по скалам Кикинеиса не оставил ни малейшего следа в мой памяти... Мы перехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза! Сердце мое сжалось, я начал уже тосковать о милом полудне, хотя все еще находился в Тавриде. Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания щастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере, тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они. «К чему холодные» и проч.

В Бахчисарай приехал я больной... Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истлевает. NN (*Н. Раевский*) почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема.

но не тем
В то время сердце полно было,—

лихорадка меня мучила.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, в дек. 1824 г.

Баранов, симферопольский губернатор, уведомляет нас, что Пушкин-поэт был у него с Раевским, и что он отправил его в лихорадке в Бессарабию.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 3 ноября 1820 г. *Остаф. Арх.*, II, 99.

V

В КИШИНЕВЕ

(Сентябрь 1820—июль 1823).

(*В конце ноября 1820 г. П. уехал из Кишинева в Каменку, имение Раевских и Давыдовых, откуда ездил с Раевским в Киев. В Каменке прожил до начала марта, когда воротился в Кишинев. В конце апреля 1821 г. ездил на месяц в Одессу. В ноябре 1822 г. вторично ездил в Каменку. В конце мая 1823 г. уехал из Кишенева в Одессу, в начале июля приехал на несколько дней в Кишинев и окончательно уехал на жительство в Одессу*).

По приезде в Кишинев Пушкин остановился в заезжем доме у Ивана Николаева Наумова. Он был мещанин и одет, как говорится, в немецкое платье. Дом и флигель его были очень опрятные и не глиняные; тут останавливались все высшие приезжавшие лица.

И. П. ЛИПРАНДИ. *Рус. Арх.*, 1866, стр. 1263.

Домик, из которого Пушкин через несколько месяцев переселился в дом наместника Инзова, существует и поныне. Он находится в третьем полицейском участке, в том месте, где Антоновская и Прункуловская улицы, идущие вниз от Андреевской, скрещиваются под острым углом, во дворе под № 19 (с Антоновской ул.). Это—небольшой домик из трех комнат с кухней и сенями. Теперь фасад этого домика, значительно против прежнего измененный, со стороны Антоновской ул. закрыт отчасти досчатым забором и новым флигелем. Раньше домик был совершенно открыт; осененный тенью нескольких роскошных акаций, под которыми был разбит хрошенький цветник, огороженный с улицы штахетами, в летнее время он представлял довольно поэтический уголок... Теперь этот домик

врос в землю до окон; двор зарос бурьяном; почерневшая крыша заросла крапивой и дикими цветами.

В. И. ОАТ, кишиневский старожил, в письме к А. И. Яцимирскому. *П. собр. соч. Пушкина, изд. Брокгауза,* II, 160.

Приехав в Кишинев, Пушкин остановился в одной из тамошних глиняных мазанок, у русского переселенца Ивана Николаева, состоявшего при квартирной комиссии и весьма известного в городе смышленного мужика. Но Инзов вскоре позаботился о лучшем для него помещении. Он дал ему квартиру в одном с собою доме. Дом этот находился в конце старого Кишинева, на небольшом возвышении. В то время он стоял одиноко, почти на пустыре. Сзади примыкал к нему большой сад, расположенный на скате с виноградником... Дом был довольно большое двух'этажное здание; вверху жил сам Инзов, внизу двоетрое его чиновников. При доме в саду находился птичий двор со множеством канареек и других птиц, до которых наместник был большой охотник... Пушкину отведены были две небольшие комнаты внизу, сзади, направо от входа, в три окна с железными решетками, выходившие в сад. Вид из них прекрасный, по словам путешественников, самый лучший в Кишиневе. Прямо под скатом, в лощине, течет речка Бык, образуя небольшое озеро. Левее—каменоломни молдаван, и еще левее новый город. Вдали горы с белеющими домиками какого-то села. Стол у окна, диван, несколько стульев, разбросанные бумаги и книги, голубые стены, облепленные восковыми пулями, следы упражнений в стрельбе из пистолета,—вот комната, которую занимал Пушкин. Другая, или прихожая, служила помещением верному и преданному слуге его Никите... В этом доме Пушкин прожил почти все время; он оставался там и после землетрясения 1821 г., от которого треснул верхний этаж, что заставило Инзова на время переместиться в другую квартиру... Большую часть дня Пушкин проводил где-нибудь в обществе, возвращаясь к себе ночевать, и то не всегда, и проводя дома только утреннее время за книгами и письмом. Стола, разумеется, он не держал, а обедал у Инзова, у Орлова, у гостеприимных кишиневских знакомых своих и в трактирах. Так, в первое время он нередко заходил в так наз. *Зеленый трактир* в верхнем городе.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России,* 54.

«Инзова гора» в то время была одною из живописнейших местностей города. Прекрасный сад, засаженный преимущественно фруктовыми деревьями, привлекал туда много гуляющей публики. Там были даже весьма редкостные растения, как-то апельсиновые и померанцовые деревья, не говоря уже о прекрасных виноградниках. На самой вершине горы красовался

небольшой двух'этажный дом Инзова. Стены были выкрашены масляными красками и разрисованы видами разных растений: до того генерал Инзов любил растительность.

Со слов КИШИНЕВСКИХ СТАРОЖИЛОВ. *Рус. Арх.*, 1899, II, 341.

Первый взрыв горячности Пушкина не был недоступным до его рассудка. Вот чему я был близким свидетелем. В конце октября 1820 года брат генерала М. Ф. Орлова, уланский полковник Федор Федорович, потерявший ногу, кажется, под Бауценом, приехал на несколько дней в Кишинев. Удальство его было известно. Однажды, после обеда, он подошел ко мне и к полковнику А. П. Алексееву и находил, что будет гораздо приятнее куда-нибудь отправиться, чем слушать разговор «братца с Охотниковым о политической экономии». Мы охотно приняли его предложение, и он заметил, что надо бы подобрать еще кого-нибудь; ушел в гостиную и вышел оттуда под руку с Пушкиным. Мы решили идти в бильярдную Гольды. Здесь не было ни души. Спрошен был портер. Орлов и Алексеев продолжали играть на бильярде на интерес и в придачу на третью партию вазу жженки. Ваза скора была подана. Оба гусара порешили пить круговой; я воспротивился, более для Пушкина, ибо я был привычен и находил даже это лучше, нежели не очередно. Алексеев предложил на голоса; я успел сказать Пушкину, чтобы он не соглашался, но он пристал к первым двум, и потому приступили к круговой. Первая ваза кое-как сошла с рук, но вторая сильно подействовала, особенно на Пушкина; я оказался крепче других. Пушкин развеселился, начал подходить к бортам бильярда и мешать игре. Орлов назвал его школьником, а Алексеев присовокупил, что школьников проучивают. Пушкин рванулся от меня и, перепутав шары, не остался в долгу и на слова, кончилось тем, что он вызвал обоих, а меня пригласил в секунданты. В десять часов утра должны были собраться у меня. Было близко полуночи. Я пригласил Пушкина ночевать к себе. Дорогой он уж опомнился и начал бранить себя за свою арабскую кровь, и когда я ему представил, что главное в этом деле то, что причина не совсем хорошая, и что надо как-нибудь замять,—«ни за что!—произнес он, остановившись.—Я докажу им, что я не школьник!» Подходя уже к дому, он произнес: «скверно, гадко; да как же кончить?»—«Очень легко, отвечал я: вы первый начали смешивать их игру; они вам что-то сказали, а вы им вдвое; и наконец, не они вас, а вы их вызвали. Если они придут не с тем, чтобы становиться на барьер, а с предложением помириться, то ведь честь ваша не пострадает». Он долго молчал, наконец сказал по-французски: «Это басни; они никогда не согласятся; Алексеев,—может быть; он семейный, но Теодор—никогда: он обрек себя на натураль-

ную смерть, то все-таки лучше умереть от пули Пушкина или убить его, нежели играть в жизни с кем-нибудь другим». Я не отчаивался в успехе. Закусив, я уложил Пушкина, а сам, не спавши, дождался утра и в восьмом часу поехал к Орлову. Не застав его, отправился к Алексееву. Едва я показался в двери, как оба они в один голос об'явили, «что сейчас собирались ко мне посоветоваться, как бы окончить глупую вчерашнюю историю».—«Приезжайте в 10 час., как условились, ко мне,—отвечал я им.—Пушкин будет, и вы прямо скажете, чтобы он, так, как и вы, позабыл вчерашнюю жженку». Они охотно согласились. Возвратясь к себе, я нашел Пушкина уже вставшим и с свежей головой, обдумавшим вчерашнее столкновение. На сообщенный ему результат моего свидания, он взял меня за руку и просил, чтобы я ему сказал откровенно, не пострадает ли его честь, если он согласится оставить дело. Я повторил ему сказанное накануне, что не они, а он их вызвал, и они просят мира. Он согласился, но мне все казалось, что он не доверял, в особенности Орлову, чтобы этот отложил такой прекрасный случай подраться; но когда я ему передал, что Федор Фед—вич не хотел бы делом этим сделать неприятное брату,—Пушкин, казалось, успокоился. Видимо, он страдал только потому, что столкновение случилось за бильярдом, при жженке: «а не то, славно бы подрался; ей-богу, славно!» Через полчаса приехали Орлов и Алексеев. Все было сделано, как сказано; все трое были очень довольны. За обедом в этот день у Алексеева Пушкин был очень весел и, возвращаясь, благодарил меня, об'явив, что, если когда представится такой же случай, то чтобы я не отказал ему в советах и пр.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1412—1416.

(*В начале ноября 1820 г., в кишиневском театре*). Мое внимание обратил вошедший молодой человек небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, с быстрым и наблюдательным взором, необыкновенно живой в своих приемах, часто смеющийся в избытке непринужденной веселости, и вдруг неожиданно переходящий к думе, возбуждающей участие. Очерки лица его были неправильны и некрасивы, но выражение думы до того было увлекательно, что невольно хотелось бы спросить: что с тобой? какая грусть мрачит твою душу?—Одежду незнакомца составляли черный фрак, застегнутый на все пуговицы, и такого же цвета шаровары. Я узнал от Н. С. Алексеева, что это Пушкин.—После первого акта драмы Пушкин подошел к нам; в разговоре с Алексеевым он доверчиво обращался ко мне, как бы желая познакомиться, но это сближение было прервано поднятием занавеса. Во втором антракте Пушкин снова подошел к нам... Мы как-то сблизились разговором, вспомнили петербургских артистов. Воспоминания Пушкина согреты были

неподдельным чувством, и при этом снова яркую улыбку сменила грустная дума. В этом расположении Пушкин отошел от нас, и, пробираясь между стульев, со всею ловкостью и изысканною вежливостью светского человека, остановился перед какой-то дамою; я невольно следил за ним, и не мог не заметить, что мрачность его исчезла, ее сменил звонкий смех, соединенный с непрерывною речью. Пушкин беспрерывно краснел и смеялся; прекрасные его зубы выказывались во всем своем блеске, улыбка не угасала.

На другой день мы встретились с Пушкиным у полковника Ф. Ф. Орлова. В это утро много говорено было о «Черной шали», на-днях только Пушкиным написанной. Не зная самой песни, я не мог участвовать в разговоре. Пушкин это заметил и обещал мне прочесть ее; но, повторив в разрыв некоторые строфы, вдруг схватил рапиру и начал играть ею; припрыгивая, становился в позу, как бы вызывая противника. В эту минуту вошел Друганов. Пушкин, едва дав ему поздороваться с нами, стал предлагать ему биться, Дуганов отказывался. Пушкин настоятельно требовал и, как резвый ребенок, стал шутя затрагивать его рапирой. Друганов отвел рапиру рукою, Пушкин не унимался; Друганов начинал сердиться. Чтоб предупредить их раздор, я снова попросил Пушкина прочесть мне молдавскую песню. Пушкин охотно согласился, бросил рапиру и начал читать с большим одушевлением; каждая строфа занимала его, и, казалось, он вполне был доволен своим новорожденным творением.—«Как же,—заметил я,—вы говорите: *в глазах потемнело, я весь изнемог*, а потом: *вхожу в отдаленный покой?*»—«Так чтож,—прервал Пушкин с быстротою молнии, вспыхнув сам, как зарница:—это не значит, что я ослеп». Сознание мое, что это замечание придирчиво, погасило мгновенный взрыв Пушкина, и мы пожали друг другу руки. При этом Пушкин, смеясь, начал мне рассказывать, как один из кишиневских армян сердится на него за эту песню. «Он думает, что это я написал на его счет» (151—153).

Пушкин охотно принимал приглашения на все праздники и вечера, и все его звали. На этих балах он участвовал в неразлучных с ними занятиях: любил карты и танцы. С каждого вечера Пушкин сбирал новые восторги и делался новым поклонником новых богинь своего сердца. Нередко мне случалось слышать: «Что за прелесть! Жить без нее не могу!», а на завтра подобную прелесть сменяли другие (156).

Пушкин носил молдаванскую шапочку. Выдержав не одну горячку, он принужден был не один раз брить себе голову; не желая носить парик (да к тому же в Кишиневе и сделать его было некому), он заменил парик феской и так являлся в коротком обществе (178).

В. П. ГОРЧАКОВ. Выдержки из дневника. *Москвитянин*, 1850, № 2.

Колл. сов. Арт. Мак. Худобашев, армянин, был человек лет за 50, чрезвычайно маленького роста, как-то переломленный на бок, с необыкновенно огромным носом, гнусивший и бесщадно ломавший любимый им французский язык. Пушкин с ним встречался во всех обществах и не иначе говорил с ним, как по-французски. Худобашев был его коньком; Александр Сергеевич при каждой встрече обнимался с ним и говорил, что когда бывает грустен, то ищет встретиться с Худобашевым, который всегда «отводит его душу». Худобашев в «Черной шали» Пушкина принял на свой счет «армянина». Шутники подтвердили это, и он давал понимать, что он, действительно, кого-то отбил у Пушкина. Этот, узнав, не давал ему покоя и, как только увидит Худобашева, начинал читать «Черную шаль». Ссора и неудовольствие между ними обыкновенно оканчивались смехом и примирением, которое завершалось тем, что Пушкин бросал Худобашева на диван и садился на него верхом (один из любимых тогда приемов Пушкина с некоторыми и другими), приговаривая: «не отбивай у меня гречанок!». Это нравилось Худобашеву, воображавшему, что он может быть соперником.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1229.

Пушкин не изменился на юге: был попрежнему умен, ветрен, насмешлив, и беспрестанно впадал в проступки, как ребенок. Старик Инзов любил его, но жаловался, что ему с этим шалуном столько же хлопот, сколько забот по службе. Обритый, после болезни, Пушкин носил ермолку. Славный стихами, страшный дерзостью и эпиграммами, своевольный, непослушный, и еще в ермолке,—он производил фурор. Пушкин был предметом любопытства и рассказов на юге и по всей России.

(М. М. ПОПОВ). *Русск. Стар.*, 1874, № 8, стр. 687.

Нет сомнения, что все истории, возбуждаемые раздражительным характером Пушкина, его вспыльчивостью и гордостью, не выходили бы из ряда весьма обыкновенных, если бы не было вокруг него столько людей, горячо заботившихся об его участи. Сведения о каждом его шаге сообщались во все концы России. Пушкин так умел обстанавливать свои выходки, что на первых порах самые лучшие его друзья приходили в ужас и распускали вести под этим первым впечатлением. Нет сомнения, что Пушкин производил и смолоду впечатление на всю Россию не одним своим поэтическим талантом. Его выходки много содействовали его популярности, и самая загадочность его характера обращала внимание на человека, от которого всегда можно было ожидать неожиданное.

Кн. ПАВ. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 504.

В Чигиринском уезде Киевской губ. раскинулось по берегам р. Тясмина значительное местечко Каменка с обширной барской усадьбой Давыдовых. Берега Тясмина здесь довольно возвышенны; в одном месте они несколько сближаются и образуют нависшие над рекой скалистые утесы, от которых и самое местечко получило свое название, особенно красивы утесы с реки. Большою проезжею дорогою усадьба Давыдовых разделяется на две части. Первая (если смотреть со стороны реки) теперь полузаброшенная. Лучше всего в ней сохранилась Свято-Николаевская деревянная церковь, построенная в 1817 г. Неподалеку от церкви, правее и ближе к реке, стоял большой дом, позднее совсем снесенный; на месте его теперь (*1899* г.) разрастается молодой фруктовый сад. Еще правее и ближе к Тясмину находится искусственный грот, по рассказам, служивший некогда летнею столовою, в настоящее время это чисто побеленный погреб. С грота открывается один из лучших видов Каменки; по склонам возвышения, на котором расположена усадьба, спускается сад; подальше, за лугом, длинною лентою тянется Тясмин, за ним в беспорядке раскинулась заречная часть местечка. Некогда сад был гораздо больше и доходил почти до самой речки. Левая, в настоящее время главная часть усадьбы полна новой жизни, которая смела здесь всякие остатки старины. Все постройки здесь новые. На возвышении находился флигель, в нем жили молодые члены семьи, останавливались гости; левее и ниже—маленький серенький домик с колонками, т. наз. бильярдная, которая была окружена садом, но он был тогда значительно меньше и доходил лишь до обрыва. В бильярдной, посредине комнаты, стоял бильярд, а у стен помещались книги, так что здесь, повидимому, была и библиотека. Рассказывают, будто в бильярдной собирались декабристы. В каком доме жил Пушкин, неизвестно; но два места в Каменке особенно связаны с именем его: грот и биллиардная. Старожилы Каменки уверяют, будто до побелки в гроте можно было видеть не мало разных надписей и стихотворений, в том числе пушкинских. Биллиардных было две: одна в большом доме, подле гостиной, а другая—в особом домике, описанном выше. Так как в бильярдной Пушкин, по преданию, работал, то, по всей вероятности, это было не в большом доме, где заниматься было трудно; к тому же сомнительно, чтобы Пушкин жил в большом доме, а из любого помещения в левой части усадьбы ближе и удобнее итти заниматься в находящуюся здесь же бильярдную с библиотекой, чем в большой дом.

А. М. ЛОБОДА. Пушкин в Каменке. *Киевск. Университетск. Известия*, 1899, Май, отд. II, 81—89.

Сегодня А. Ив. Давыдова (*вдова декабриста В. Л. Давыдова*) подробно рассказывала мне про жизнь Пушкина в Каменке.

Судя по ее рассказам, Каменка в то время была большим, великолепным барским имением, с усадьбою на большую ногу; жили широко, по тогдашнему обычаю, с оркестром, певчими и т. д.

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ—Н. Ф. фон Мекк из Каменки, 19 апр. 1884 г. *М. И. Чайковский. Жизнь П. И. Чайковского*, II, 639.

Теперь нахожусь в киевской губ., в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского. Время мое протекает между аристократическими обедами и демократическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно—разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя. Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов. Вы поверите легко, что преданный мгновению, мало заботился я о толках петербургских.

ПУШКИН—Н. И. Гнедичу, 4 дек. 1820 г., из Каменки.

Мы всякий день обедали внизу у старушки - матери. После обеда собирались в огромной гостиной, где всякий мог с кем и о чем хотел беседовать. Жена А. Л. Давыдова, урожденная графиня Грамон, была со всеми очень любезна. У нее была премиленькая дочь, лет 12. Пушкин вообразил себе, что он в нее влюблен, беспрестанно на нее заглядывался и, подходя к ней, шутил с нею очень неловко. Однажды за обедом он сидел возле меня и, раскрасневшись, смотрел так ужасно на хорошенькую девочку, что она, бедная, не знала, что делать, и готова была заплакать; мне стало ее жалко, и я сказал Пушкину вполголоса: «посмотрите, что вы делаете; вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бедное дитя».—«Я хочу наказать кокетку,—отвечал он;—прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочет взглянуть на меня». С большим трудом удалось мне обратить все это в шутку и заставить его улыбнуться. В общежитии Пушкин был до чрезвычайности неловок и при своей раздражительности легко обижался каким-нибудь словом, в котором решительно не было для него ничего обидного. Иногда он корчил лихача, вероятно, вспоминая Каверина и других своих приятелей-гусаров в Царском Селе; при этом он рассказывал про себя самые отчаянные анекдоты, и все вместе выходило как-то очень пошло. Зато заходил ли разговор о чем-нибудь дельном, Пушкин тотчас просветлялся. О произведениях словесности он судил верно и с особенным каким-то достоинством. Не говоря почти никогда о собственных своих сочинениях, он любил разбирать произведения современных поэтов и не только отдавал каждому из них справедливость, но и в

каждом из них умел отыскать красоты, каких другие не заметили. Я ему прочел его Noël: «ура! В Россию скачет», и он очень удивился, как я его знаю, а между тем все не напечатанные произведения: *Деревня*, *Кинжал*, *Четырехстишие к Аракчееву*, *Послание к Чаадаеву* и много других были не только всем известны, но в то время не было сколь-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть. Вообще Пушкин был отголосок своего поколения, со всеми его недостатками и со всеми добродетелями (45—47).

Все вечера мы проводили на половине у Василия Львовича (*Давыдова*), и вечерние беседы наши для всех нас были очень занимательны. Генерал Раевский не принадлежал сам к Тайному Обществу, но, подозревая его, существование, смотрел с напряженным любопытством на все, происходящее вокруг него. Он не верил, чтобы я случайно заехал в Каменку, и ему очень хотелось знать причину моего прибытия. В последний вечер (*М. Ф.*) Орлов, В. Л. Давыдов, Охотников и я сговорились так действовать, чтобы сбить с толку Раевского насчет того, принадлежим ли мы к Тайному Обществу или нет. Для большего порядка в наших прениях был выбран президентом Раевский. С полушутливым и с полуважным видом он управлял общим разговором. В последний этот вечер пребывания нашего в Каменке, после многих рассуждений о разных предметах, Орлов предложил вопрос: насколько было бы полезно учреждение Тайного Общества в России? Сам он высказал все, что можно было сказать за и против Тайного Общества. В. Л. Давыдов и Охотников были согласны с мнением Орлова; Пушкин с жаром доказывал всю пользу, какую бы могло принести Тайное Общество России. Тут, испросив слово у президента, я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование Тайного Общества, которое могло бы быть хоть насколько-нибудь полезно. Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых Тайное Общество могло бы действовать с успехом и пользой. В ответ на его выходку я ему сказал:—«Мне не трудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уж существовало Тайное Общество, вы наверное к нему не присоединились бы?»—«Напротив, наверное присоединился бы»,—отвечал он.—«В таком случае давайте руку»,—сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому:—«Разумеется, все это только одна шутка». Другие также смеялись, кроме Ал. Львовича (*Давыдова*), рогоносца величавого, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед этим уверился, что Тайное Общество или существует, или тут же получит свое начало, и он будет его членом; но когда он увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: «я никогда не был так несчастен, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель

перед собой, и все это была только злая шутка». В эту минуту он был точно прекрасен (47—48).

И. Д. ЯКУШКИН. *Записки*. М. 1908.

Хоть Пушкин и не принадлежал к заговору, который приятели таили от него, но он жил и раскалялся в этой жгучей и вулканической атмосфере. Все мы более или менее дышали и волновались этим воздухом.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Старина и Новизна*, кн. VIII, стр. 42.

Нам случалось беседовать с княгиней М. Н. Волконской и Ек. Н. Орловой (*урожденными Раевскими*). Обе они отзывались о Пушкине с улыбкою некоторого пренебрежения и говорили, что в Каменке восхищались его стихами, но ему самому не придавали никакого значения. Пушкина это огорчало и приводило в досаду.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1910, 11, 299.

По позволению вашего превосходительства А. С. Пушкин доселе гостит у нас, а с генералом Орловым намерен был возвратиться в Кишинев; но, простудившись очень сильно, он до сих пор не в состоянии предпринять обратный путь. О чем долгом поставляю уведомить ваше пр-во и при том уверить, что коль скоро Александр Сергеевич получит облегчение в своей болезни, незамедлит отправиться в Кишинев.

А. Л. ДАВЫДОВ—ген. И. Н. Инзову из Каменки, 15 дек. 1820 г.

До сего времени я был в опасении о г. Пушкине, боясь, чтобы он, невзирая на жестокость бывших морозов с ветром и метелью, не отправился в путь и где-нибудь при неудобствах степных дорог не получил несчастия. Но, получив почтеннейшее письмо ваше от 15 сего месяца, я спокоен и надеюсь, что ваше превосходительство не позволит ему предпринять путь, поколе не получит укрепления в силах.

И. Н. ИНЗОВ—А. Л. Давыдову, из Кишинева, 29 дек. 1820 г. *И. А. Смирнов. Дело о Пушкине (1820). Одесса*, 1899, стр. 9.

Кто-то из знакомых, неожиданно встретясь с Пушкиным в Киеве, спросил, как он попал туда. «Язык до Киева доведет»,— отвечал Пушкин, намекая на причину своего удаления из Петербурга.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России*, 66.

Об одном из приездов Пушкина в Каменку сохранился рассказ, который мне передавали со слов старшей дочери и жены Вас. Л. Давыдова: Пушкин приехал в какой-то странной повозке; весь запыленный, с порывистыми движениями, живою речью, он показался встретившей его девочке совершенно необычным, и та бросилась от него, крича, что привезли сумасшедшего (89).

В Каменке, как известно, Пушкин окончил «Кавказского Пленника» и писал его, по рассказам гг. Давыдовых, в бильярдной, растянувшись на бильярде. Работал он, не отрываясь от бумаги, и однажды был такой случай: Пушкина позвали обедать; он велел лакею принести рубашку, чтобы переодеться к обеду, а сам продолжал писать; лакей принес рубашку, Пушкин пишет; лакей в выжидательной позе стоит с рубашкой, Пушкин не обращает на него внимания и пишет, пишет.

Пушкин в Каменке, повидимому, не отличался большою аккуратностью; по крайней мере, сохранилось предание, что Вас. Львович Давыдов по уходе Пушкина запирал двери, чтобы никто из прислуги не разбросал листков с набросками и стихами его.

А. М. ЛОБОДА. Пушкин в Каменке. *Киевск. Унив. Изв.*, май, отд. II, 90.

Михайло Орлов женится на дочери генерала Раевского *(Екат. Ник.)*, по которой вздыхал Пушкин.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 23 февр. 1821 г. *Ост. Арх.*, II, 168.

(*В первых числах марта 1821 г., в Кишиневе*) у генерала (*М. Ф.*) Орлова я снова свиделся с Пушкиным. Наружность его весьма изменилась. Фес заменили густые темнорусые кудри, а выражение взора получило более определенности и силы. В этот день Пушкин обедал у генерала. За обедом Пушкин говорил довольно много и не скажу, чтобы дурно, вопреки постоянной придирчивости некоторых, а в особенности самого М. Ф-ча, который утверждал, что Пушкин так же дурно говорит, как хорошо пишет; но мне постоянно казалось это сравнение преувеличенным. Правда, что в рассказах Пушкина не было последовательности, все как-будто в разрыве и очерках, но разговор его всегда был одушевлен и полон начатков мысли. Что же касается до чистоты разговорного языка, то это иное дело: Пушкин, как и другие, воспитанные от пеленок французами, употреблял иногда галлицизмы. Но из этого не следует, чтоб он не знал, как заменить их родною речью.

В. П. ГОРЧАКОВ. Выдержки из дневника. *Москвитянин*, 1850, № 7, 195.

Что до меня, моя радость, скажу тебе, что кончил я новую поэму—*Кавказский Пленник*, которую надеюсь скоро вам прислать,—ты ею не совсем будешь доволен, и будешь прав. Еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы, но что теперь ничего не пишу,—я переваривaю воспоминания; и надеюсь набрать вскоре новые.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, 23 марта 1821 г., из Кишинева.

* Кишинев. 1 апреля 1821 г. Вчера я был у Ал. Сер-ча: он сидел на полу и разбирал в огромном чемодане какие-то бумаги. «Здравствуй,Мельмот,—сказал он,дружески пожимая мне руку;—помоги, дружище, разобрать мой старый хлам; да чур не воровать». Тут были старые, перемаранные лицейские записки Пушкина, разные неоконченные прозаические статейки его, стихи его и письма Дельвига, Баратынского, Языкова и др. Более часа разбирали мы все эти бумаги; но разбору этому конца не предвиделось: Пушкин утомился, вскочил на ноги и, схватив все разобранные и неразобранные нами бумаги в кучу, сказал: «ну их к чорту!», скомкал кое-как и втискал в чемодан.

В. Г. ТЕПЛЯКОВ. Из дневника. А. Грен. Биографические заметки. *Общезанимательный Вестник*, 1857, № 6, 222.

* Кишинев. 3 апреля 1821 г. Вечер был прекрасный, я отправился за город. Через огороды и плетни я вышел на простор, и передо мной открылась степь, пересекаемая тощим, болотистым Бычком. На другой стороне речки я увидел Пушкина,—он спешил ко мне.—«Послушай, Тепляков, где ты бродишь, я тебя ищу три часа,—закричал мне Пушкин сердито.—Но постой, я перейду к тебе»,—и в одно мгновение Пушкин разбежался, перескочил через узкий Бычок и загряз по колено в болото.—«Что за проклятая Бессарабия!—вскричал с сердцем Пушкин, выходя с трудом, с помощью моей, из болота.—Куда как хорошо,—продолжал он, оглядывая себя,—в грязи, запачканный, с душою гадкою, мерзкою!.. Знаешь, Тепляков, ведь я сегодня снова поколотил этого гадкого молдаванишку *Бузню*... Но признаться, я сам виноват, обидел ни за что человека; погорячился, сунул ему дулю в нос,—и пошла потеха. Надо поправить свои грехи; пойдем, Мельмот, к Бузне,—я извинюсь перед ним; он человек бедный, куча детей, я же перед ним виноват. О, молодость, о, арабская кровь!» Мы пошли к Бузне, но не застали дома: Бузня отправился к Ивану Никитичу (*Инзову*) жаловаться на Пушкина.

4 апреля. Утром я был у Пушкина: он сидел под арестом в своей квартире; у дверей стоял часовой.—«Здравствуй, Тепляков! Спасибо, что посетил арестанта. Поделом мне. Что за добрая, благородная душа у Ивана Никитича! Каждый день

я что-нибудь напрокажу; Иван Никитич отечески пожурит меня, отечески накажет и через день все забудет. Скотина я, а не человек! Вчера вечером я арестован, а сегодня рано утром И. Н. прислал узнать о моем здоровье; доставил мне полученные из Петербурга на мое имя письма и последние книжки «Благонамеренного».

В. Г. ТЕПЛЯКОВ. Из дневника. А. Грен. Биографические заметки. *Петербургский Вестник*, 1861, № 14, стр. 310.

Пушкин непременно хочет иметь не один талант Байрона, но и бурные качества его, и огорчает отца язвительным от него отступничеством.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 26 апр., 1821 г. *Астаф. Арх.*, II, 187.

Три-четыре вечера проводил я дома. Постоянными посетителями были у меня: Охотников, В. Ф. Раевский, А. Ф. Вельтман, В. П. Горчаков и нек. др. Пушкин редко оставался до конца вечера, особенно во вторую половину его пребывания. Здесь не было карт и танцев, а шла иногда очень шумная беседа, спор, и всегда о чем-нибудь дельном, в особенности у Пушкина с Раевским (*В. Ф.*), и этот последний, по моему мнению, очень много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительнее историей и в особенности географией. Я тем более убеждаюсь в этом, что Пушкин неоднократно после таких споров, на другой или на третий день, брал у меня книги, касавшиеся до предмета, о котором шла речь. Пушкин, как вспыльчив ни был, но часто выслушивал от Раевского, под веселую руку обоих, довольно резкие выражения и далеко не обижался, а, напротив, казалось, искал выслушивать бойкую речь Раевского.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1255.

Нередко по вечерам мы сходились у подполковника Липранди, который своею особенностью не мог ни привлекать Пушкина. В приемах, действиях, рассказах и образе жизни подполковника много было чего-то поэтического; не говоря уже о его способностях, остроте ума и сведениях, Липранди поражал нас то изысканною роскошью, то вдруг каким-то презрением к самым необходимым потребностям жизни, словом, он как-то умел соединять прихотливую роскошь с недостатками. Последнее было слишком знакомо Пушкину. Не имея навыка к расчетливой и умеренной жизни и стесняемый ограниченностью средств, Пушкин также по временам должен был во многом себе отказывать. Молодость и почти кочевая жизнь его, видимо, облегчали затруднения; к тому же с каждым днем Пушкин ожидал перемены своего назначения; ему казалось, что удаление его в южный край России не могло долго продолжаться. Нередко при воспо-

минании о царскосельской жизни своей Пушкин как бы в действительности переселялся в то общество, где расцветала первоначальная поэтическая жизнь его. В эти минуты Пушкин иногда скорбел; и среди этой скорби воля рассудка уступала впечатлению юного сердца; но Пушкин недолго вполне оставался юношею, опыт уже холодел над ним; это влияние опыта, смиряя порывы, с каждым днем уменьшало его беспечность.

В. П. ГОРЧАКОВ. *Москвитянин*, 1850, № 7, стр. 197.

Попугая, в стоявшей клетке, на балконе Инзова, Пушкин выучил одному бранному молдаванскому слову. В день Пасхи 1821 года преосвященный Дмитрий Сулима был у генерала; в зале был накрыт стол; благословив закуску, Дмитрий вошел на балкон, за ним последовал Инзов и некоторые другие. Полюбовавшись видом, Дмитрий подошел к клетке и что-то произнес попугаю, а тот встретил его помянутым словом, повторяя его и хохоча. Когда Инзов проводил преосвященного, то с свойственной ему улыбкой и обыкновенным тихим голосом своим сказал Пушкину: «Какой ты шалун! Преосвященный догадался, что это твой урок». Тем все и кончилось. У Инзова на балконе было еще две сороки, каждая в особой клетке, но рассказываемое было с серым попугаем.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1264.

Пушкин, живя в одном со мною доме, ведет себя хорошо, и при настоящих смутных обстоятельствах не оказывает никакого участия в сих делах. Я занял его переводом на российский язык составленных по-французски молдавских законов, и тем, равно другими упражнениями по службе, отнимаю способы к праздности. Он, побуждаясь тем же духом, коим исполнены все парнасские жители к ревностному подражанию некоторым писателям, в разговорах своих со мною обнаруживает иногда пиитические мысли. Но я уверен, что лета и время образумят его в сем случае... В бытность его в столице, он пользовался от казны 700 рублями на год; но теперь, не получая сего содержания, и не имея пособий от родителя, при всем возможном от меня вспомоществовании терпит, однако ж, иногда некоторый недостаток в приличном одеянии. По сему уважению я долгом считаю покорнейше просить распоряжения вашего к назначению ему отпуска здесь того жалования, какое он получал в С.-Петербурге.

Ген. И. Н. ИНЗОВ в секретном письме к гр. И. А. Каподистрии от 28 апреля 1821 г., *Рус. Стар.*, 1887, т. 53, стр. 243.

(*Вел. этого письма Инзова жалование Пушкину было выслано, и высылалось впоследствии по третям, из расчета*

700 в год, до самого исключения Пушкина из службы и высылки его из Одессы).

Пушкин находился под непосредственной опекой и руководством И. Н. Инзова. Маститому старцу надлежало умерять порывы, занимать деятельность и вместе успокоивать пылкое воображение поэта. Иван Никитич в этом успел, привязал к себе Пушкина, снискал доверенность его и ни разу не раздражил его самолюбия. Впоследствии Пушкин, переселясь в Одессу, при каждом случае говаривал об Иване Никитиче с чувством сыновнего умиления. Этому я свидетель. В сем долговременном и необычайном отношении старца Инзова к неукротимому юноше, сознавшему в себе сугубый дар творчества и глубокомыслия, заключается поучительная истина, что любовь христианская все побеждает.

А. С. СТУРДЗА. Воспоминания об И. Н. Инзове. *Москвитянин*, 1847, ч. I, стр. 224.

Нередко Инзов, разговаривая со мною, вздыхал о Пушкине, любезном чаде своем. Судьба свела сих людей, между коими великая разница в летах была малейшим препятствием к искренней взаимной любви. Сношения их однако сделались сколько странными, столько и трогательными и забавными. С первой минуты прибывшего совсем без денег молодого человека Инзов поместил у себя жительством, поил, кормил его, оказывал ласки, и так осталось до самой минуты последней их разлуки. Никто так глубоко не умел чувствовать оказываемые ему одолжения, как Пушкин, хотя между прочими пороками, коим не был он причастен, накидывал он на себя и неблагодарность. Его веселый, острый ум оживил, осветил пустынное уединение старца. С попечителем своим, более чем с начальником, сделался он смел и шутлив, никогда не дерзок; а тот готов был все ему простить... Иногда же, когда дитя его распроказничается, то более для предупреждения неприятных последствий, чем для наказания, сажал он его под арест, т.-е. несколько дней не выпускал из комнаты. Надобно было послушать, с каким нежным участием и Пушкин отзывался о нем.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, VI, 151.

Комнатки, отведенные для Пушкина, не отличались особенною обстановкой. Постель его всегда была измята, а потолок разукрашен какими-то особенными пятнами. Это об'ясняется тем, что Пушкин имел обыкновение лежать на кровати и стрелять из пистолета хлебным мякишем в потолок, стараясь выделывать на нем всевозможные узоры. По словам бади-Тодоре, жившего при доме Инзова, Пушкин вставал на рассвете и, вооружившись карандашом и книжечкой, долго, без устали, гулял по саду и заходил далеко в поля. Походит, походит он час—

другой, присядет на какой-ниюбудь пень или камень, напишет немного и опять ходит. Это наблюдалось летом; зимою Пушкин по утрам приказывал вытопить хорошенько печь и принимался ходить по комнате, шлепая турецкими туфлями. Походит, походит, так же, как и в саду, затем присядет, попишет немного и опять начинает ходить. По временам Пушкин до того увлекался работой, что его никак нельзя было оторвать от нее к завтраку или обеду. Когда ему мешали, он страшно сердился, в особенности раз, когда за Пушкиным послали одного молодого парня; не успел еще тот переступить порог и передать поручение, как Пушкин, с криком и сжатыми кулаками, набросился на него и наверно побил бы, если бы тот своевременно не убежал. После этого Пушкин жаловался Инзову и просил раз навсегда не беспокоить его во время занятий, хотя бы он должен был остаться без обеда. Поэтому, когда впоследствии кого-нибудь из прислуги посылали за Пушкиным, то они предварительно прокрадывались к окну и высматривали, что Пушкин делает: если он работал, то никто из прислуги не решался переступить порог. В другой раз, когда ему помешали, он до того рассердился, что, схватив со стола бумагу, на которой писал, разорвал ее, скомкал и швырнул в лицо помешавшему ему. Это случилось с экономкой Инзова, женщиной в летах, из городского сословия. Когда после этого экономка, «жипуняса Катерина», обидевшись, дулась на Пушкина, он просил извинить ему, так как это «находит» на него.

Со слов БАДИ-ТОДОРЕ, молдаванина, жившего в услужении у Инзова. *Рус. Арх.*, 1899, II, 341.

* Пушкин нередко проводил у Кириенко-Волошинова целые дни, а то и целые ночи. Днем, впрочем, Пушкин появлялся в его квартире только после больших где-либо с иными знакомыми кутежей и тогда долго, как убитый, спал у него на кровати. Иногда вслед за таким, недостойным его, препровождением времени, на него после сна находили бурные припадки раскаяния, самобичевания и недолгой, но искренней грусти. Тогда он всю ночь напролет проводил в излияних всякого рода и задушевных беседах с товарищем, сопровождаемых одним только чаем, без вского иного к нему прибавления. Разговаривая и споря с приятелем, Пушкин всегда держал в руках перо или карандаш, которым набрасывал на бумагу карикатуры всякого рода с соответственными надписями внизу; или хорошенькие головки женщин и детей, большею частью друг на друга похожие. Но довольно часто вдруг в середине беседы он смолкал, оборвав на полуслове свою горячую речь, и, странно повернув к плечу голову, как бы внимательно прислушиваясь к чему-то внутри себя, долго сидел в таком состоянии неподвижно. Затем, с таким же выражением напряженного к чему-то внимания,

он снова принимал прежнюю позу у письменного стола и начинал быстро и непрерывно водить по бумаге пером, уже, очевидно, не слыша и не видя ничего ни внутри себя, ни вокруг. В таких случаях хозяин квартиры со спокойною совестью уходил в соседнюю комнату спать, ибо наверно знал, что гость уже ни единого слова не скажет до света и будет без перерыва писать до тех пор, пока перо само не вывалится из рук его, а голова не упадет в глубоком сне тут же на столе. Иногда на другой день, проснувшись в обыкновенное время, отец мой находил приятеля спавшим; иногда же последний исчезал, унося с собою все за ночь написанное. Нередко, впрочем, случалось иначе: уходил ли гость или нет, а работы свои оставлял на столе у хозяина, никогда о них не упоминая впоследствии... Некоторые, впрочем, стихотворения самого неприличного свойства Пушкин, прежде чем уходить, нарочно громко прочитывал хозяину, крепко держа его за руку, чтобы тот не мог убежать. Зато, едва он оканчивал чтение, как приятель с досадой вырывал бумагу из рук его и в мелкие куски ее разрывал. Однако автор нисколько этим не огорчался и неудержимо хохотал над гневом товарища, жестоко упрекавшего его в затрате своих высоких способностей на такие низкие произведения карандаша и пера. Непостижимо-странным является то несомненное обстоятельство, что подобные произведения порнографического характера иногда выливались у Пушкина в ту самую ночь, начало которой он употреблял на самое искреннее раскаяние в напрасно и гнусно потраченном времени и всяких упреках себе самому.

Е.Д. ФРАНЦЕВА. Пушкин в Бессарабии. (из семейных преданий). *Русское Обозрение*, 1897, № 1, стр. 23—24.

В Кишиневе Инзов всегда пригалашал меня останавливаться у него в доме. Дом был не особенно велик, и во время моих приездов меня помещали в одной комнате с Пушкиным... Он целые ночи не спал, писал, возился, декламировал и громко мне читал свои стихи. Летом он разоблачался совершенно и производил все свои ночные эволюции в комнате во всей наготе своего натурального образа.

А. М. ФАДЕЕВ. Воспоминания. *Рус. Арх.*, 1891, I, 399.

* (*Красавица цыганка Шекора,—Людмила,—в первом браке за богатым румыном Бодиско; овдовев и впав в бедность, вышла, не любя, за кишиневского богача Инглези*). Через два месяца после их свадьбы в Кишинев приехал Пушкин, вскоре сделавшийся душою всего общества. Его с радостью принимали во всех бонтонных домах Кишинева, в том числе и у Инглези. Пушкин с первого же разу влюбился в Людмилу и с чрезвычайною ревностью скрывал от всех свои чувства. (*Однажды рассказчик*,

бывший в большой дружбе с Пушкиным, в жаркий день заснул в небольшой подгородной роще). Голоса на опушке рощи привлекли мое внимание. Через рощицу проходили, обнявшись и страстно целуясь, Пушкин и Людмила. Они меня не заметили и, выйдя на просеку, сели в дожидавшиеся их дрожки и уехали.—После моего открытия прошло несколько дней. Был воскресный день. Я лег после обеда заснуть, вдруг в дверь раздался сильный стук. Я отворил дверь. Передо мною стоял Пушкин.—«Голубчик мой,—бросился он ко мне,—уступи для меня свою квартиру до вечера. Не расспрашивай ничего, расскажу после, а теперь некогда, здесь ждет одна дама, да вот я введу ее сейчас сюда». Он отворил дверь и в комнату вошла стройная женщина, густо окутанная черною вуалью, в которой однако я с первого взгляда узнал Людмилу. Положение мое было более, нежели щекотливое; я был в домашнем дезабилье. Схватив сапоги и лежавшее на стуле верхнее платье, я стремглав бросился из комнаты, оставив их вдвоем. Впоследствии все об'яснилось. Пушкин и Людмила гуляли вдвоем в одном из расположенных в окрестностях Кишинева садов. В это время мальчик, бывший постоянно при этих tête-à-tête на-стороже, дал им знать, что едет Инглези, который уже давно подозревал связь Людмилы с Пушкиным и старался поймать их вместе. Пушкин ускакал с ней с другой стороны и, чтоб запутать преследователей, привез ее ко мне. Однако это не помогло. На другой день Инглези запер Людмилу на замок и вызвал Пушкина на дуэль, которую Пушкин принял... Дуэль назначена была на следующий день утром, но о ней кто-то донес генералу Инзову. Пушкина Инзов арестовал на десять дней на гауптвахте, а Инглези вручил билет, в котором значилось, что ему разрешается выезд за границу вместе с женою на один год. Инглези понял намек и на другой день выехал с Людмилою из Кишинева. Таким образом дуэль не состоялась. Пушкин долго тосковал по Людмиле.

А. ТРЕГУБОВ со слов кишиневского старожила Градова. В. Яковлев. *Отзывы*, 87—91.

* В своих любовных похождениях Пушкин не стеснялся и одновременно ухаживал за несколькими барышнями и дамами. Однажды он назначает в одном загородном саду свидание молодой даме из тамошней аристократической семьи. Они сошлись на месте свидания. Вдруг соседние кусты раздвигаются, и оттуда выскакивает смуглая цыганка с растрепанными волосами, набрасывается на даму, сваливает ее наземь и давай колотить. Пушкин бросился разнимать их, но усилия оказались тщетными. Он выхватывает из виноградника жердь и начинает колотить цыганку. Она оставила свою жертву и бросилась было на Пушкина, но, опомнившись, отшатнулась и

важною поступью ушла прочь. Благодаря посторонним людям, подоспевшим к этой истории, весть о ней быстро разнеслась по городу. Пушкин целые две недели после этого не показывался в городе и заперся дома. Дама сильно заболела и ее увезли за границу.

Любимым занятием Пушкина была верховая езда; бывали дни, когда он почти не слезал с лошади... Проезжая однажды по одной из многолюднейших улиц (Харлампиевской), Пушкин увидел у одного окна хорошенькую головку, дал лошади шпоры и в'ехал на самое крыльцо. Девушка, испугавшись, упала в обморок, а родители ее пожаловались Инзову. Последний за это оставил Пушкина на два дня без сапог. Затем Пушкин в эту же часть города очень часто появлялся в самых разнообразных и оригинальных костюмах. То, бывало, появляется он в костюме турка, в широчайших шароварах, в сандалиях и с феской на голове, важно покуривая трубку, то появится греком, евреем, цыганом и т. п... Разгуливая по городу в праздничные дни, он натыкался на молдавские хороводы и присоединялся к ним, не стесняясь присутствующими, которые, бывало, нарочно приходили «смотреть Пушкина». По окончании плясок он из общества молдаван сразу переходил в общество «смотревших» его лиц из образованного класса, которым и принимался с восторгом рассказывать, как весело и приятно отплясывать «джоку» под звук молдавской «кобзы».

Со слов КИШИНЕВСКИХ СТАРОЖИЛОВ. *Рус. Арх.*, 1899, II, 344.

Раз, помню, на Болгарии,—так называлась местность, где теперь Вознесенская церковь,—были на Пасху игры. Танцовали под волынку местный танец «джоку». Приезжали смотреть на народ в каретах. Приехал и Пушкин, помню, в феске, обритый. Начал смотреть, и я слышала, как говорили: «вот как Пушкин ломается». Помню, рассказывали про него еще и вот какой случай: на Золотой улице был в то время магазин мод какой-то дамы, фамилию забыла. У нее была дочь, красавица. Вот как-то раз Пушкин едет верхом на улице с другими, а дочь эта стояла в это время на крыльце. Пушкин как завидел ее, то верхом так прямо на крыльцо и в'ехал. Уже другие его вывели оттуда, совсем перепугал девушку. За это Инзов продержал его день без сапог.

В. Е. БЕЛЮГОВА по записи Л. С. Мацеевича. В. Яковлев. *Отзывы*, 97.

Какая-то молдавская барыня любила снимать свои башмаки, садясь на широкий молдавский диван. Пушкин подметил эту склонность барыни и стащил однажды ее башмаки, вытащив их тростью. Когда нужно было встать, то барыня, не найдя башмаков и не желая поставить себя в неловкое положе-

ние, прошлась в чулках до дверей, где Пушкин возвратил ботинки по принадлежности, извиняясь в нечаянно совершенном им поступке. Тогдашний башмак снимался легко. Это была скорее туфля, а не нынешний башмак, обхватывающий ногу плотно.

Е. Ф. ТЕПЛОВА по записи В. Я. Теплова. В. Яковлев. *Отзывы*, 80.

Фамилию Пушкина молдаванам очень трудно было произносить, а потому они его и прозвали «куконаш Пушка» (паныч Пушкин)... Постоянные его ухаживания за молдаванками вынуждали родителей и женихов жаловаться Инзову на его ветреного чиновника. Инзов же имел обыкновение разбирать жалобы всенародно, т.-е., приглашал жалобщиков и заставлял их в присутствии Пушкина излагать свои жалобы. Инзов должен был наказывать Пушкина хотя бы для виду, чтобы жалобщики не роптали. Наказание заключалось в том, что Инзов оставлял Пушкина без сапог. Такого рода наказание давало повод некоторым смельчакам из молдаван грозить: «смотри, куконаш Пушка, будешь сидеть без сапог!»

Со слов КИШИНЕВСКИХ СТАРОЖИЛОВ. *Рус. Арх.*, 1899, II, 343.

На главной улице Кишинева часто видали Пушкина с длинными волосами, в фуражке, или с коротко остриженными, в красной феске (Пушкин иногда подвержен был горячке; а потому принужден был брить голову, и тогда, в коротком кругу, носил феску. Вообще же он отращивал волосы. От того-то и разноречия в показаниях о головном уборе Пушкина), с железной палицей в руке, иногда даже, так как он с Кишиневым не церемонился, в пестром архалуке. Это последнее свидетельствуют многие... Инзов ласкал Пушкина, и когда запрещал ему итти в какое-нибудь общество или собрание, поэт сердился, не шел к обеду, сказывался больным... Пушкин жил у Инзова, обедал, по большей части, у него же и проводил время по произволу. У себя читал, писал и часто стрелял восковыми пулями в цель из пистолета.

К. П. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ. Сведения о пребывании Пушкина в Кишиневе и Одессе (по показаниям очевидцев). *Москвитянин*, 1854, № 9. Смесь, стр. 3.

Если верить бади-Тодоре, то изо всей у Инзова прислуги он был самым приближенным к поэту человеком. Он обучал Пушкина молдавскому языку, который очень трудно давался ему. Мало-по-малу Пушкин делал успехи и через некоторое время успел составить себе маленький молдавский словарь, из которого с грехом пополам складывал предложения, большею частью не имевшие, впрочем, никакого смысла. Бывало, придет

к нему в свободное время бади-Тодоре, Пушкин его еще на пороге встречает приветствиями на молдавском языке. Подав затем гостю стул, Пушкин принимался забрасывать его разного рода вопросами на молдавском языке. Фразы или слова, которые ему особенно трудно удавались, он обыкновенно записывал себе и затем выучивал. Некоторые фразы, которые чаще всего надобно было употреблять и которые ему особенно не давались, он записывал прямо на стенах, чтобы они были всегда на виду.

Со слов БАДИ-ТОДОРЕ. *Рус. Арх.*, 1899, II, 342.

Жена чиновника горного ведомства ст. сов. (*Ив. Ив.*) Эльфректа (*Эйхфельдта*) (*Мария Егоровна*) слыла красавицей. Пушкин хаживал к ним и некоторое время был очень любезен с молоденькою женою нумизмата, в которую влюбился и его приятель Н. С. Алексеев... Кроме того, временными предметами внимания, а иногда и минутной любви Пушкина в Кишиневе была молодая молдаванка Россети, которой ножки, как все уверены там, будто воспеты в первой главе Онегина, потом *Пульхерия Егоровна Варфоломей*, девица *Прункул* и др.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России*, 95.

Пульхерица (*Варфоломей*) была полная, круглая, свежая девушка; она любила говорить более улыбкой, но это не была улыбка кокетства, это просто была улыбка здорового, беззаботного сердца. Никто не припомнит, чтоб она на кого-нибудь взглянула особенно. На балах со всеми кавалерами она с одинаким удовольствием танцовала, всех одинаково любила слушать, и Пушкину так же, как всякому, кто умел ее рассмешить или польстить ее самолюбию, она отвечала «Ah quel vous êtes, monsieur Pouschkine»! Пушкин особенно ценил ее простодушную красоту и безответное сердце, не ведавшее никогда ни желаний, ни зависти... Смотря на Пульхерию, которой по наружности было около 18 лет, я несколько раз покушался думать, что она есть совершеннейшее произведение не природы, а искусства. Все ее движения могли быть механическими движениями автомата; прекрасный, спокойный взор двигался вместе с головою; ее лицо и руки так были изящны, что мне казались они натянутою лайкою.

А. Ф. ВЕЛЬТМАН. Воспоминания о Бесарабии. *Л. Майков*, 122.

Пушкин любил всех хорошеньких, всех свободных болтуней. Из числа первых ему нравилась *Марья Петровна Шрейбер*, 17-летняя дочь председателя врач. управы, но она отличалась особенной скромностью или, лучше сказать, застенчивостью; ее он видал в только клубах. Она скоро вышла замуж и уехала. К числу вторых принадлежала *Виктория Ивановна Вакар*,

жена подполковника. Вакарша была маленького роста, чрезвычайно жива, вообще недурна и привлекательна, образованная в Одесском пансионе и неразлучная приятельница с Марьей Егоровной Эйхфельдт. Пушкин находил удовольствие с ней танцовать и вести нестесняющий разговор. Едва ли он не сошелся с ней и ближе, но, конечно, не надолго. В этом же роде была очень миленькая девица *Аника-Сандулаки*. Пушкин любил ее за резвость и, как говорил, за смуглость лица, которому он придавал какое-то особенное значение. Одна из более его интересовавших была *Елена Федоровна Соловкина*, жена командира Охотского полка. Она иногда приезжала в Кишинев к своей сестре. Но все усилия Пушкина, чтобы познакомиться в доме, были тщетны... Как я полагаю, ни одна из всех бывших тогда в Кишиневе не могла порождать в Пушкине ничего кроме временного каприза; и если он бредил иногда Соловкиной, то и это, полагаю, не по чему другому, как потому только, что не успел войти в ее дом, когда она по временам приезжала в Кишинев.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1234—1235, 1246.

(1821). Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство.

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ СЕКРЕТНЫХ АГЕНТОВ. *Рус. Стар.*, 1883, т. 40, стр. 657.

4 мая (1821 г.) был я принят в масоны.

ПУШКИН. *Кишиневский дневник.*

(*В ноябре 1819 г. в Петербурге, Пушкин занял у барона С. Р. Шиллинга 2000 р. асс., сроком на шесть месяцев, и выдал ему заемное письмо. Права этого заемного письма бар. Шиллинг передал дворовому человеку Ф. М. Росину. Росин подал письмо ко взысканию. Пушкин в это время был уже на юге России*). Кишиневская полиция донесла бессарабскому областному правительству, от 18 июня 1821 г., за № 4071, что на требование от Пушкина должных им Росину денег 2000 руб., Пушкин дал следующий отзыв: «Проиграв заемное письмо бар. Шиллингу будучи еще в несовершенных летах, и не имея никакого состояния движимого или недвижимого, находится не в состоянии заплатить того заемного письма».

Л. С. МАЦЕЕВИЧ. *Рус. Стар.* 1878, т. 22, стр. 498—502.

Пушкин больше не корчит из себя *жестокого*, он очень часто приходит к нам курить свою трубку и рассуждает или болтает очень приятно.

ЕК. Н. ОРЛОВА брату своему Ал. Н. Раевскому, 12 ноября 1821 г., из Кишенева. *М. О. Гершензон. История молодой России.* М. 1908, стр. 27.

Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек—*вечный мир аббата Сен-Пьера*. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир, и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия. Я хотел бы видеть, как бы ты сцепился с этими спорщиками.

ЕК. Н. ОРЛОВА—брату Александру Раевскому, 23 ноября 1821 г. *М. Гершензон*, 27.

После обеда иногда езжу верхом. Третьего дня поехал со мною Пушкин и грохнулся о-земь. Он умеет ездить только на Пегасе, да на донской кляче.

М. Ф. ОРЛОВ— жене своей Ек. Н-вне, в 1821—1822 г. *М. О. Гершензон*, 28.

(*Декабрь 1821 г. Поездка Пушкина с подполковником И. П. Липранди по Бессарабии. В Аккермане, на обеде у коменданта аккерманского замка подполк. Кюрто, петербургского знакомца Пушкина*). Все обедавшие не прочь были, как говорится, погулять, и хозяин подавал пример гостям своим. Пушкин то любезничал с пятью здоровенными и не первой уже молодости дочерьми хозяина, которых увидал в первый раз; то подходил к столикам, на которых играли в вист, и, как охотник, державший пари, то брал свободную колоду и, стоя у стола, предлагал кому-нибудь срезать (в штосс); звонкий смех его слышен был во всех углах (1271).

Когда я приехал с Пушкиным в Аккерман прямо к полковнику А. Г. Непенину и назвал своего спутника, то после самого радушного приема Пушкину, Непенин спросил меня вполголоса, но так, что Ал. Серг. мог услышать: «что это, тот Пушкин, который написал *Буянова*?». После обеда, за который тотчас сели, Пушкин подошел ко мне, как бы оскорбленный вопросом Непенина и наградил его многими эпитетами. Тут нельзя было много об'ясняться с ним; но когда мы пришли после ужина в назначенную нам комнату, Пушкин возобновил опять о том же речь, называя Непенина необтесанным, невеждою и т. п., присовокупив, что Непенин не сообразил даже и лет его с появлением помянутого рассказа и пр. На вопрос мой, что разве пьеса эта так плоха, что он может за нее краснеть?—«Совсем не плоха, отвечал он, она оригинальна и лучшее из всего того, что дядя написал».—«Так что же; пускай Непенин и думает, что она ваша». Пушкин как-будто успокоился; он сказал только: «как же полковник и еще георгиевский кавалер, не мог сообразить моих лет с появлением рассказа!». Мы легли. После некото-

рого молчания он возобновил опять разговор о Непенине и присовокупил, что ему говорили и в Петербурге, что лет через 50 никто не поверит, чтобы Василий Львович мог быть автором «Опасного соседа», и стихотворение это припишется ему. Я заметил, что поэтому нечего сердиться и на Непенина, который прежде пятидесяти лет усвоил уже это мнение. Пушкин проговорил несколько мест из стихотворения, и мы заснули. Поутру он встал очень веселым и сердился на Непенина только за то, что он не сообразил его лет... Пушкин охотно, как замечено было выше, входил в спор по всем предметам, но не всегда терпел какие-либо замечания о своих стихах (1452—1453).

В Татар-Бунар мы приехали с рассветом и остановились отдохнуть и пообедать. Пока нам варили курицу, Пушкин что-то писал, по обычаю, на маленьких лоскутках бумаги и как попало складывал их по карманам, вынимал, опять просматривал и т. д. (1273).

(*В Измаиле*). Я возвратился в полночь застал Пушкина на диване с поджатыми ногами, окруженного множеством лоскутков бумаги. Он подобрал всё кое-как и положил под подушку... Опорожнив графин Систовского вина, мы уснули. Пушкин проснулся ранее меня. Открыв глаза, я увидел, что он сидел на вчерашнем месте, в том же положении, совершенно еще не одетый, и лоскутки бумаги около него. В этот момент он держал в руке перо, которым как бы бил такт, читая что-то; то понижал, то подымал голову. Увидев меня проснувшимся же, он собрал свои лоскутки и стал одеваться (1280).

(*В гор. Леове, у казачьего полковника*). Довольно уставши, мы выпили по порядочной рюмке водки и напали на соления; Пушкин был большой охотник до балыка. Обед состоял только из двух блюд: супа и жаркого, но зато вдоволь прекрасного донского вина... (*Выехали за город*). Прошло, конечно, полчаса времени, как мы оставили Леово, как вдруг Ал. Серг. разразился ужасным хохотом, так что вначале я подумал, не болезненный ли какой с ним припадок.—«Что такое так веселит вас»?—спросил я его. Приостановившись немного, он отвечал мне, что заметил ли я, каким обедом нас угостили, и опять тот же хохот. Я решительно ничего не понимал. Наконец, он об'яснил мне, что суп был из куропаток, а жаркое из курицы.—«Я люблю казаков за то, что они не придерживаются во вкусах общепринятым правилам. У нас, да и у всех, сварили бы суп из курицы, а куропатку бы зажарили, а у них наоборот!»—и опять залился хохотом (1283).

И. П. ЛИПРАНДИ. *Рус. Арх.*, 1866.

К числу некоторых противоречий во вседневной жизни Пушкина я присовокуплю еще одну замечательную черту: это неограниченное самолюбие, самоуверенность, но с тою резкою особенностью, что оно не составляло основы его характера,

ибо там, где была речь о поэзии, он входил в жаркий спор, не отступая от своего мнения. Другой предмет, в котором Пушкин никому не уступал, это готовность на все опасности. Тут он был неподражаем. В других же случаях этот яро-самопризнающий свой поэтический дар и всегдашнюю готовность стать лицом со смертью, смирялся, когда шел разговор о каких-либо науках, в особенности географии и истории, и легким, ловким спором как бы вызывал противника на обогащение себя сведениями; в таких беседах Пушкин хладнокровно переносил иногда довольно резкие выходки со стороны противника и, занятый только мыслью обогатить себя сведениями, продолжал обсуждение предмета... Относительно самолюбия Пушкина к своему поэтическому дару, то оно проявлялось во всех случаях пребывания его в Кишиневе и Одессе: не говоря уже о том, что он сам любил сравнивать себя с Овидием, но он любил, когда кто хвалил его сочинения и прочитывал ему из них стих или два (1446—1447).

Однажды с кем-то из греков в разговоре упомянуто было о каком-то сочинении. Пушкин просил достать ему. Тот с удивлением спросил его: «Как! Вы поэт, и не знаете об этой книге?» Пушкину показалось это обидно, и он хотел вызвать возразившего на дуэль. Решено было так: когда книга была ему доставлена, то он, при записке, возвратил оную, сказав, что эту он знает и пр. После сего мы условились: если что нужно будет, а у меня того не окажется, то я доставать буду на свое имя (1245).

Я заметил, что Пушкин всегда после спора о каком-либо предмете, мало ему известном, искал книг, говорящих об оном (1261).

Не знаю как после, но тогда Пушкин обходился очень небрежно с лоскутками бумаги, на которых имел обыкновение писать (1408).

И. П. ЛИПРАНДИ. *Рус. Арх.*, 1866.

Значительную долю времени Пушкин отдавал картам. Тогда игра была в большом ходу, и особливо в полках. Пушкин не хотел отставать от других: всякая быстрая перемена, всякая отвага была ему по душе; он пристрастился к азартным играм и во всю жизнь потом не мог отстать от этой страсти. Она разжигалась в нем надеждою и вероятностью внезапного большого выигрыша, а денежные дела его были, особенно тогда, очень плохи. За стихи он еще ничего не выручал, и приходилось жить жалованием и скудными присылками из родительского дому. Играть Пушкин начал, кажется, еще в лицее; но скучная, порою, жизнь в Кишиневе сама подводила его к зеленому столу.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России*, 100.

(*Замечание на приведенное сообщение Бартенева*). Сколько я понимал Пушкина,—то я думал видеть в нем всегда готового

покутить за стаканами точно так же, как принимать участие и в карточной игре, не будучи особенно пристрастным ни к тому, ни к другому. Одинаково и во всех других общественных случаях, во всем он увлекался своею пылкостью: там, где танцовали, он от всей души предавался пляске; где был легкий разговор, он был неистощим в остротах; с жаром вступал в разговор, и в жарких спорах его проглядывал скорее вызов для приобретения сведений, в необходимости которых он более и более убеждался. Самолюбие его было без пределов: он ни в чем не хотел отставать от других, как очень справедливо и замечено. Словом, везде и во всем обнаруживалась африканская кровь его.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1412.

Играли обыкновенно в штос, в экарте, но всего чаще в банк. Однажды Пушкину случилось играть с одним из братьев Зубовых, офицером генерального штаба. Он заметил, что Зубов играет наверное, и, проиграв ему, по окончании игры, очень равнодушно и со смехом стал говорить другим участникам игры, что ведь нельзя же платить такого рода проигрыши. Слова эти разнеслись, вышло об'яснение, и Зубов вызвал Пушкина драться. Противники отправились на т. наз. *малину*, виноградник за Кишиневом. Пушкина не легко было испугать; он был храбр от природы и старался воспитывать в себе это чувство. По свидетельству многих, и в том числе В. П. Горчакова, бывшего тогда в Кишиневе, на поединок с Зубовым Пушкин явился с черешнями, и завтракал ими, пока тот стрелял. Зубов стрелял первый и не попал.—«Довольны вы»?,—спросил его Пушкин, которому пришел черед стрелять. Вместо того, чтобы требовать выстрела, Зубов бросился с об'ятиями.—«Это лишнее»,—заметил ему Пушкин и, не стреляя, удалился. (В исходе 1821 г.).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России*, стр. 101—103.

(*Замечание на предыдущее.*) Сказано, что поединок происходил «*в исходе* 1821 года»: но в это время года в Кишиневе черешень не бывает,—это первый весенний плод... Меня в то время в Кишиневе не было, но присутствие духа Пушкина на этом поединке меня не удивляет: я знал Ал. Серг—ча вспыльчивым, иногда до исступления; но в минуту опасности, словом, когда он становился лицом к с лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью при полном сознании своей запальчивости, виновности, но не выражал ее. Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся холодным, как лед. Подобной натуры, как у Пушкина, в таких случаях я встречал очень немного. Эти две крайности в той степени, как они соединились у Ал. С—ча, должны быть чрезвычайно редки.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1412.

Ал. Сер—ч всегда восхищался подвигом, в котором жизнь ставилась, как он выражался, *на карту*. Он с особенным вниманием слушал рассказы о военных эпизодах; лицо его краснело и изображало радость узнать какой-либо особенный случай самоотвержения; глаза его блистали, и вдруг часто он задумывался. Могу утвердительно сказать, что он создан был для поприща военного, и на нем, конечно, он был бы лицом замечательным; но, с другой стороны, едва ли к нему не подходят слова императрицы Екатерины II, что она «в самом младшем чине пала бы в первом же сражении на поле славы»... Дуэли особенно занимали Пушкина.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1453—1455.

На святках (*1821—1822 г.*) Кишинев особенно оживлялся, и Пушкин не пропустил случая потанцовать и повеселиться. Но вскоре ему опять пришлось драться. На этот раз противником его был человек достойный и всеми уважаемый,—командир егерского полка С. Н. Старов, известный в армии своею храбростью в отечественную войну и в заграничных битвах. Дело было так. На вечере в кишиневском *казино*, которое служило местом общественных собраний, один молодой егерский офицер приказал музыкантам играть русскую кадриль; но Пушкин еще раньше условился с А. П. Полторацким начинать мазурку, захлопал в ладоши и закричал, чтобы играли ее. Офицер-новичок повторил было свое приказание; но музыканты послушались Пушкина, которого они давно знали, даром, что он был не военный, и мазурка началась. Полковник Старов все это заметил и, подозвав офицера, советовал ему требовать, чтоб Пушкин, по крайней мере, извинился перед ним. Застенчивый молодой человек начал мяться и отговаривался тем, что он вовсе не знаком с Пушкиным.—«Ну, так я за вас поговорю»,—возразил полковник и после танцев подошел к Пушкину с вопросами, вследствие которых на другой день положено было быть поединку.

Они стрелялись верстах в двух за Кишиневом, утром в девять часов. Секундантом Пушкина был Н. С. Алексеев. Но погода помешала делу; противники два раза принимались стрелять, и, стало быть, вышло четыре промаха; мятель с сильным ветром не давала возможности прицелиться, как должно. Положили отстрочить поединок, и тут-то Пушкин, по дороге, заехав к А. П. Полторацкому и не застав его дома, написал экспромпт, сделавшийся известным по всей России и повторяемый с разными изменениями:

Я жив,
Старов
Здоров,
Дуэль не кончен.

К счастью, поединок не возобновился, Полторацкому с Алексеевым удалось свести противников в ресторации Нико-

летти.—«Я всегда уважал вас, полковник, и потому принял ваш вызов»,—сказал Пушкин.—«И хорошо сделали, Ал. Серг—ч»,—сказал в свою очередь Старов;—«я должен сказать по правде, что вы так же хорошо стоите под пулями, как хорошо пишете». Такой отзыв храброго человека, участника 1812 г., не только обезоружил Пушкина, но привел его в восторг. Он кинулся обнимать Старова и с этих пор считал долгом отзываться о нем с великим уважением.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России*, 106—108.

(*Подробности дуэли со Старовым*). Погода была ужасная: метель до того была сильна, что в нескольких шагах нельзя было видеть предмета, и к этому довольно морозно... Первый барьер был на шестнадцать шагов: Пушкин стрелял первый и дал промах, Старов тоже и просил зарядить и сдвинуть барьер; Пушкин сказал:—«И гораздо лучше, а то холодно». Предложение секундантов прекратить было обоими отвергнуто. Мороз с ветром, как мне говорил Алексеев, затруднял движение пальцев при заряжении. Барьер был определен—на двенадцать шагов, и опять два промаха. Оба противника хотели продолжать, сблизив барьер, но секунданты решительно воспротивились, и так как нельзя было примирить их, то поединок отложен до прекращения метели.

Вечером Пушкин был у меня, как ни в чем не бывало, так же весел, такой же спорщик со всеми, как и прежде. В следующий день, рано, я должен был уехать в Тирасполь и на другой день вечером, возвратясь, узнал миролюбивое окончание дела, и мне казалось тогда видеть будто бы какое-то тайное сожаление Пушкина, что ему не удалось подраться с полковником, известным своею храбростью. Однажды как-то Алексеев сказал ему, что ведь дрался с ним, то чего же он хочет больше, и хотел было продолжать, но Пушкин, с обычной ему резвостью, сел ему на колени и сказал: «Ну, не сердись, не сердись, душа моя!»—и, вскочив, посмотрел на часы, схватил шапку и ушел.

И. П. ЛИПРАНДИ. 1419—1421.

Верстах в двух от Кишинева, на запад, есть урочище посреди холмов, называемое Малиной,—только не от русского слова «малина»: здесь городские виноградные и фруктовые сады. Это место как-будто посвящено обычаем «полю». Под'ехав к саду, лежащему в вершине лощины, противники восходят на гору по извивающейся между виноградными кустами тропинке. На лугу под сенью яблонь и шелковиц, близ дубовой рощицы, стряпчие вымеряют поле, а между тем подсудимые сбрасывают с себя платье и становятся на место. Здесь два раза «полевал» и Пушкин, но, к счастью, дело не доходило даже до первой крови, и после пер-

вых выстрелов его противники предлагали мир, а он принимал его. Я не был стряпчим, но был свидетелем издали одного «поля», и признаюсь, что Пушкин не боялся пули точно так же, как и жала критики. В то время, как в него целили, казалось, что он, улыбаясь сатирически и смотря на дуло, замышлял злую эпиграмму на стрельца и на промах.

А. Ф. ВЕЛЬТМАН. (*Л. Майков*, 126).

Между кишиневскими помещиками-молдаванами, с которыми вел знакомство Пушкин, был некто Балш. Жена его, еще довольно молодая женщина, везде вывозила с собою, несмотря на ранний возвраст, девочку-дочь, лет 13. Пушкин за нею ухаживал. Досадно ли это было матери или, может быть, она сама желала слышать любезности Пушкина, только она за что-то рассердилась и стала к нему придираться. Тогда в обществе много говорили о какой-то ссоре двух молдаван: им следовало драться, но они не дрались. «Чего от них требовать,—заметил как-то Липранди,—у них в обычае нанять несколько человек, да их руками отдубасить противника». Пушкина очень забавлял такой легкий способ отмщения. Вскоре, у кого-то на вечере, в разговоре с женою Балша, он сказал: «Экая тоска! Хоть бы кто нанял подраться за себя!» Молдаванка вспыхнула.—«Да вы деритесь лучше за себя»,—возразила она.—«Да с кем же?».—«Вот, хоть с Старовым; вы с ним, кажется, не очень хорошо кончили». На это Пушкин отвечал, что если бы на ее месте был ее муж, то он сумел бы поговорить с ним; потому ничего не остается больше делать, как узнать, так ли и он думает. Прямо от нее Пушкин идет к карточному столу, за которым сидел Балш, вызывает его и об'ясняет, в чем дело. Балш пошел расспросить жену, но та ему отвечала, что Пушкин наговорил ей дерзостей. «Как же вы требуете от меня удовлетворения, а сами позволяете себе оскорблять мою жену»,—сказал возвратившийся Балш. Слова эти были произнесены с таким высокомерием, что Пушкин не вытерпел, тут же схватил подсвечник и замахнулся им на Балша. Подоспевший Н. С. Алексеев удержал его... На другой день, по настоянию Крупянского и П. С. Пущина (который командовал тогда дивизией за от'ездом Орлова), Балш согласился извиниться перед Пушкиным, который нарочно для того пришел к Крупянскому. Но каково же было Пушкину, когда к нему явился, в длинных одеждах своих, тяжелый молдаванин и вместо извенения начал: «Меня упросили извиниться перед вами. Какого извинения вам нужно»? Не говоря ни слова, Пушкин дал ему пощечину и вслед за тем вынул пистолет. Прямо от Крупянского Пушкин пошел на квартиру к Пущину, где его видел В. П. Горчаков, бледного, как полотно, и улыбающегося. Инзов посадил его под арест на две недели; чем дело кончилось, не знаем. Дуэли не было, но еще долго после этого

Пушкин говорил, что не решается ходить без оружия на улицах, вынимал пистолет и с хохотом показывал его встречным знакомым.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов В. П. Горчакова. *Пушкин в ю. России*, 109—111.

Происшествие с Тодораки Балшем и женой его Марьей случилось скоро после 4 февраля 1822 г. Столкновение произошло у того же Крупянского, у которого потом и последовала развязка. Марья Балш была женщина лет под тридцать, довольно пригожа, чрезвычайно остра и словоохотлива; владела хорошо французским языком и с претензиями. Пушкин был также не прочь поболтать, и должно сказать, что некоторое время это и можно было только с ней одной. Он мог иногда доходить до речей весьма свободных, что ей очень нравилось, и она в этом случае не оставалась в долгу. Действительно ли Пушкин имел на нее такие виды или нет, сказать трудно: в таких случаях он был переметчив и часто, без всяких целей, любил болтовню и материализм; но как бы то ни было, Мария принимала это за чистую монету. В это время появилась в салонах некто Албрехтша, она была годами двумя старше Балш, но красивей, с свободными европейскими манерами; много читала романов, многие проверяла опытом, и любезностью своею поставила Балш на второй план; она умела поддерживать салонный разговор с Пушкиным и временно увлекала его. У Балш породилась ревность; она начала делать Пушкину намеки, и, получив однажды от него отзыв, что женщина эта (Албрехтша)—историческая (?) и пылкой страсти, надулась и искала колоть Пушкина. Он стал с нею сдержаннее и вздумал любезничать с ее дочерью, Аникой, столь же острой на словах, как и мать ее, но любезничал так, как можно было только любезничать с 12-летним ребенком. Оскорбленное самолюбие матери и ревность к Альбрехтше (она приняла любезничанье с ее дочерью-ребенком в смысле, что будто бы Пушкин желал этим показать, что она имеет уже взрослую дочь) вспыхнули: она озлобилась до безграничности. В это-то самое время и последовала описанная сцена... Когда я возвратился в Кишинев, то Пушкин не носил уже пистолета, а вооружался железной палкой восемнадцать фунтов весу.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1422—1424.

1822 г., 5 февраля, в 9 час. пополудни, кто-то постучался у моих дверей. Арнаут, который стоял в безмолвии предо мною, вышел встретить или узнать, кто пришел. Я курил трубку, лежа на диване.—«Здравствуй, душа моя»,—сказал Пушкин весьма торопливо и изменившимся голосом.—«Здравствуй, что нового?»—«Новости есть, но дурные; вот почему я прибежал к тебе».—«Доброго я ничего ожидать не могу после бесчеловеч-

ных пыток Сабанеева [1]); но что такое?».—«Вот что,—продолжал Пушкин:—Сабанеев сейчас уехал от генерала (*Инзова*); дело шло о тебе. Я не охотник подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, признаюсь, согрешил,—приложил ухо. Сабанеев утверждал, что тебя надо непременно арестовать; наш Инзушко,—ты знаешь, как он тебя любит,—отстаивал тебя горячо. Долго еще продолжался разговор; я много не дослышал; но из последних слов Сабанеева ясно уразумел, что ему приказано: ничего нельзя открыть, пока ты не арестован».

В. Ф. РАЕВСКИЙ по записи Л. (Л. Ф. Пантелеева). *Вестн. Евр.*, 1874, № 6. стр. 857.

Кишиневский Пушкин ударил в рожу одного боярина и дрался на пистолетах с одним полковником, но без кровопролития. В последнем случае вел он себя, сказывают, хорошо. Написал кучу прелестей: денег у него ни гроша... Он, сказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 30 мая 1822 г. *Ост. Арх.*, II, 257.

Пушкин по приезде в Кишинев жил в доме наместника (*Инзова*). От землетрясения стены дома треснули, раздались в нескольких местах; генерал Инзов принужден был выехать из дома, но Пушкин остался в нижнем этаже. Тогда в Пушкине было еще несколько странностей, быть может, неизбежных спутников гениальной молодости. Он носил ногти длиннее ногтей китайских ученых. Пробуждаясь от сна, он сидел голый в постели и стрелял из пистолета в стену. Но уединение посреди развалин наскучило ему, и он переехал жить к Алексееву. Утро посвящал он вдохновенной прогулке за город, с карандашом и листом бумаги; по возвращении лист был весь исписан стихами.

А. Ф. ВЕЛЬТМАН. *Л. Майков*, 124.

Возвратясь в июле 1822 г. в Кишинев, после четырехмесячной отлучки, я нашел уже Пушкина переместившимся от Инзова (по случаю пострадавшей от землетрясения квартиры) к Н. С. Алексееву, жившему тогда рядом с гостиницей Ивана Николаева Наумова... Пушкина мы застали без рубашки, сидящего на постели с поджатыми ногами, и по обыкновению окруженного исписанными листочками бумаги... Пушкин и Алексеев занимали средней величины комнату направо от сеней, налево была комната хозяйкина.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1481.

---

[1]) Эти слова относятся, вероятно, к следствию, которое производил (генерал) Сабанеев над нижними чинами одной роты. Л.

Милый мой, ты возвратил меня Бессарабии.—Я опять в своих развалинах, в моей темной комнате перед решетчатым окном, или у тебя, мой милый, в светлой, чистой избушке, смазанной из молдавского г..на. Опять рейнвейн, опять шампанское, и Пущин, и Варфоломей, и все...

ПУШКИН—Н. С. Алексееву, 1 дек. 1826 г.,—из Пскова.

Пушкин был еще совсем молод. Был он не то, что черный, а так смуглый, загоревший. Был добрый, хороших правил, а только шалун. Я, бывало, говорю ему: «вы настоящее дитя!». А он меня называл розою в шиповнике. Бывало, говорю ему: «вы будете ревнивы». А он: «нет, нет! никогда!» Говорит нам, бывало, стихи экспромптом. Бывало, Пушкин часто гулял в городском саду. Но всякий раз он переодевался в разные костюмы. Вот уж смотришь,—Пушкин серб или молдаван, а одежду ему давали знакомые дамы. Молдаваны тогда рясы носили. В другой раз смотришь—уже Пушкин турок, уже Пушкин жид, так и разговаривает, как жид. А когда же гуляет в обыкновенном виде, в шинели, то уж непременно одна пола на плече, а другая тянется по земле. Это он называл: по-генеральски. В Митрополию также часто приезжал с Инзовым на богослужение. Инзов станет впереди, возле клироса, а Пушкин сзади, чтобы Инзов не видел его. А он станет, бывало, на колена, бьет поклоны,—а между тем делает гримасы знакомым дамам, улыбается или машет пальцем возле носа, как-будто за что-нибудь журит или предостерегает (72).

Дядя Ириней часто ездил к Инзову в дом. Инзов просил дядю, чтоб он почаще беседовал с Пушкиным и наставлял его. Раз, в страстную пятницу, входит дядя в комнату Пушкина, а он сидит и что-то читает.—«Чем это вы занимаетесь?»—спросил его дядя, поздоровавшись.—«Да вот, читаю историю одной особы»,—или нет, помню, еще не так он сказал,—не *особы*, а «читаю, говорит, историю одной статуи». (Да, именно так передавала этот факт П. В. Дыдицкая. В продолжение трех лет, через длинные промежутки, я все просил ее повторить этот рассказ, и она все говорила одно: «историю одной статуи». Что хотел выразить этим Пушкин?!) Дядя посмотрел на книгу, а это было евангелие! Дядя очень вспылили и рассердился.—«Как вы смеете это говорить? Вы безбожник. Я на вас сейчас бумагу подам!..» На другой день Пушкин приезжает в семинарию и ко мне: «так и так,—говорит,—боюсь, чтоб ваш дядя не донес на меня... Попросите вашего дядю». — «Зачем же вы,— говорю,— так нехорошо сделали?»—«Да так, говорит,—само как-то с языка слетело».Тогда я начала его успокаивать.—«Не бойтесь, говорю, я попрошу дядю. Дядя мой только горячий человек, а он очень добрый». И Пушкин успокоился. А то он очень,

было, испугался: он, действительно, боялся, чтобы дядя не донес. Он все хотел, чтобы ему скорее срок вышел, и все рвался выехать из Кишинева. Тут ему было скучно. «Не нравится мне тут», говорил он (74).

П. В. ДЫДИЦКАЯ (племянница ректора кишиневской семинарии, архимандрита Иринея), по записи Льва Мацеевича. *В. Яковлев. Отзывы.*

Более или менее я был влюблен во всех хорошеньких женщин, которых я знал; все изрядно кичились передо мною; все, за исключением одной, со мной кокетничали.

ПУШКИН. Из записной книжки т. наз. Таресенкова-Отрешкова. 1822 г. (*фр.*).

Не взирая на обычную веселость, Пушкин предавался любви со всею ее задумчивостью, со всем ее унынием. Предметы страсти менялись в пылкой душе его, но сама страсть ее не оставляла. В Кишиневе долго занимала его одна из трех красивых пар ножек наших соотечественниц.

Л.С.ПУШКИН (брат поэта). *Л. Майков, 8.*

К 1822 году относится временное сближение Пушкина с одним греческим семейством. Это была известная в Кишиневе Калипсо, приехавшая из Константинополя вместе с матерью своею Полихронией. Про Калипсо ходили слухи, будто она когда-то встретилась с лордом Байроном и впервые познала любовь в его об'ятиях.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России*, 136.

Калипсо была чрезвычайно маленького роста, с едва заметной грудью; длинное сухое лицо, всегда, по обычаю некоторых мест Турции, нарумяненное; огромный нос как бы сверху до низу разделял ее лицо; густые и длинные волосы, с огромными огненными глазами, которым она еще более придавала сладострастия употреблением «сурьме». Она нанимала две маленьких комнаты около Мило. В обществах она мало показывалась, но дома радушно принимала. Пела она на восточный тон, в нос; это очень забавляло Пушкина, в особенности турецкие сладострастные, заунывные песни, с акомпанементом глаз, а иногда жестов. Пушкин не был влюблен в Калипсу: были экземпляры несравненно лучше.

И. П. ЛИПРАНДИ, 246.

Калипса была невысока ростом, худощава и черты у нее были правильные; но природа с бедняжкой захотела сыграть дурную шутку, посреди приятного лица ее прилепив ей огромный

ястребиный нос. Несмотря на то, она многим нравилась. У нее был голос нежный, увлекательный, не только, когда она говорила, но даже когда с гитарой пела ужасные, мрачные турецкие песни. Исключая турецкого и природного греческого, хорошо знала она еще языки арабский, молдавский, итальянский и французский. Ни в обращении ее, ни в поведении не видно было ни малейшей строгости. Пушкин горел к ней любовным жаром. Воображение пуще разгорячено было в нем мыслию, что лет пятнадцати будто бы впервые познала она страсть в об'ятиях Байрона, путешествовавшего тогда по Греции.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ, VI, 153.

Однажды Пушкин исчез и пропадал несколько дней. Дни эти он прокочевал с цыганским табором.

Л. С. ПУШКИН. *Л. Майков, 8.*

Однажды—рассказывала мне тетушка Екатерина Захарьевна,—твой отец *(Конст. Зах. Ралли)* собрался посетить одно из отцовский имений—Долну. Между этим имением и другим, Юрченами, в лесу находится цыганская деревня. Цыгане этой деревни принадлежали твоему отцу. Однажды Пушкин поехал вместе с ним в Долну, а оттуда они потом проехали лесом в Юрчены и, конечно, посетили лесных цыган. Табор этот имел старика *були-башу* (старосту), известного своим авторитетом среди цыган; у старика були-баши была красавица дочь. Ее звали Земфирой; она была высокого росту, с большими черными глазами и вьющимися длинными косами. Одевалась Земфира по-мужски, носила цветные шаровары, баранью шапку, вышитую молдавскую рубаху и курила трубку. Богатое ожерелье из старых серебряных и золотых монет, окружавшее шею этой дикой красавицы, конечно, было даром не одного из ее поклонников. Пушкин до того был поражен красотою цыганки, что упросил твоего отца остаться на несколько дней в Юрченах. Они пробыли там более двух недель,—ушли в цыганский табор, который откочевал к Варзарештам... Недели через две наши молодые люди вернулись. Брат рассказал нам, что Ал. Серг-ч бросил его и настоящим-таки образом поселился в шатре були-баши. По целым дням он и Земфира бродили в стороне от табора, и брат видел их держащимися за руки и молча сидящими средь поля. Цыганка Земфира не знала по русски, Пушкин не знал, конечно, ни слова по-цыгански, так что они оба, вероятно, об'яснялись пантомимами. Если бы не ревность Пушкина, который заподозрел Земфиру в некоторой склонности к одному молодому цыгану,—говорил брат нам,—то эта идиллия затянулась бы еще на долгое время, но ревность положила всему самый неожиданный конец. В одно раннее утро Пушкин проснулся в шатре були-баши один-одинешенок, Земфира

исчезла из табора. Оказалось, что она бежала в Варзарешты, куда помчался за нею и Пушкин; однако, ее там не оказалось,— благодаря, конечно, цыганам, которые предупредили ее... Отец твой писал Пушкину в Одессу про дальнейшую судьбу его героини: Земфиру зарезал ее возлюбленный цыган.

З. К. Ралли-Арборе со слов ЕК. ЗАХ. СТАМО. «Из семейных воспоминаний о Пушкине». *Минувшие Годы*, 1908, № 7, стр. 2—3.

К 1822 году следует отнести ту рукописную поэму, в сочинении которой Пушкин потом так горько раскаивался *(Гавриилиаду)*. Пушкин всячески истреблял ее списки, выпрашивал, отнимал их, и сердился, когда ему напоминали о ней. Уверяют, что он позволил себе сочинить ее просто из молодого литературного щегольства. Ему захотелось показать своим приятелям, что он может в этом роде написать что-нибудь лучше стихов Вольтера и Парни.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина, В. П. Горчакова, С. Д. Полторацкого и др. *Пушкин в ю. России*, 125.

Пушкина заставил Александр Раевский дать такой характер Пленнику. Он переводить ничего не может. Прекрасно дразнит обезьяну. [1]). Пишет стихи заприсест, однако марает много.

ДЕНИС ВАС. ДАВЫДОВ по записи М. П. Погодина в его дневнике от 16 окт. 1822 г. *Пушкин и его сов-ки*, XIX—XX, 68.

У Пушкина накопилось несколько золотых монет; он суеверно берег их и ни за что не хотел тратить, как бы ни велика была нужда.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов В. П. Горчакова. *П. в ю. России*, 169.

Во второй половине 1822 года с Пушкиным случилась опять история. Подробности нам неизвестны; но есть положительно свидетельство, что в это время Пушкин, опять за картами, повздоривши с кем-то из кишиневской молодежи, снял сапог и подошвой ударил его в лицо.

П. И. БАРТЕНЕВ. *П-н в ю. России*, 126.

Для Марии (*Раевской*) русский чародей Пушкин написал свою прелестную поэму «Бахчисарайский Фонтан».

Граф ГУСТАВ ОЛИЗАР. Pamientniki 1789—1865 Gustawa Olizara. Lwów 1892. Стр. 174. (польск.).

---

[1]) Ср. письмо (*фр.*) Пушкина неизвестным дамам в конце 1823 г. из Одессы: «я буду передразнивать обезьяну».

Ты, конечно, извинил бы мои легкомысленные строки, если б знал, как часто бываю подвержен так называемой хандре. В эти минуты я зол на целый свет.

ПУШКИН—П. А. Плетневу в октябре—ноябре 1822 г., из Кишенева.

Ты говоришь, что стихи мои никуда не годятся [1]). Знаю, но мое намерение было не заводить остроумную литературную войну, но резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался я приятелем и которого с жаром защищал всякий раз, как представлялся к тому случай. Ему показалось забавным сделать из меня неприятеля и смешить на мой щет письмами чердак кн. Шаховского, я узнал обо всем, будучи уже сослан, и почитая мщение одной из первых христианских добродетелей—в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью... Ты упрекаешь меня в том, что из Кишинева, под эгидою ссылки, печатаю ругательства на человека, живущего в Москве, но тогда я не сомневался в своем возвращении. Намерение мое было ехать в Москву, где только и могу совершенно очиститься. Столь явное нападение на гр. Толстого не есть малодушие. Сказывают, что он написал на меня что-то ужасное. [2]). Журналисты должны были принять отзыв человека, обруганного в их журнале. Можно подумать, что я с ними за одно, и это меня бесит.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому 1 сент. 1822 г., из Кишинева.

---

[1]) Стихи из послания к Чаадаеву:

Что нужды было мне в торжественном суде
Глупца-философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но, просветив себя, загладил свой позор,
Отвыкнул от вина и стал картежный вор.

В таком виде стихи эти были напечатаны в одном из номеров «Сына Отечества» за 1821 год и имели в виду знаменитого бреттера и картежника, «американца» Толстого.

[2]) На выпад Пушкина Толстой ответил следующей эпиграммой, сделавшейся известной совсем недавно:

Сатиры нравственной язвительное жало
С пасквильной клеветой не сходствует ни мало.
В восторге подлых чувств ты, Чушкин, то забыл.
Презренным чту тебя, ничтожным сколько чтил.
Примером ты рази, а не стихом пороки
И вспомни, милый друг, что у тебя есть щеки.

Литературная Мысль, 1923, II, стр. 238.

Толстой послал свою эпиграмму для напечатания в «Сын Отечества», где были напечатаны стихи Пушкина, но редакция отказалась напечатать эпиграмму.

Пушкин забавлялся сходством своего лица с восточною физиономией г-жи Крупянской, жены вице-губернатора. «Бывало,—рассказывает В. П. Горчаков,—нарисует Крупянскую,—похожа; расчертит ей вокруг лица волоса,—выйдет сам он; на ту же голову накинет карандашем шепчик,—опять Крупянская».

П. И. БАРТЕНЕВ. *П-н в ю. России*, 94.

Пушкин имел особенный дар юмористически изображать физиономии и вообще всю фигуру. В. П. Горчаков должен помнить, как Ал. Серг. на ломберном столе, мелом, а иногда и особо карандашом изображал сестру Катакази, Тарсису—*Мадонной* и на руках у ней младенцем генерала Шульмана, с оригинальной большой головой, в больших очках, с поднятыми руками и пр. Пушкин делал это вдруг, с поразительно-уморительным сходством.

И. П. ЛИПАНДИ, 1458.

* Пушкин был у нас постоянный дирижер всех попури и мазурок; в то время попури были в моде, полек ваших еще не знали... Всегда новый, вечно оригинальный, Пушкин не мог не нравиться. Танцовали мы тогда часто, но танцы нам не надоедали; всегдашний дирижер наш один оживлял их. Редко, редко повторит, бывало, старую фигуру, всегда выдумает что-нибудь новое. Незадолго до выезда его из Кишинева, собрались мы в одном семействе. С'импровизировали мазурку, и Пушкин начал. Прошел один тур кругом залы, остановился и задумался. Потом быстро вынул из кармана листок почтовой бумажки, весь исписанный стихами, подбежал к лампе, зажег и передал своей даме: «Passez plus loin! Voyons! medames, у кого потухнет, с тем танцую,—берегитесь!». Общество осталось совершенно довольно как фигурою, так и ее изобретателем... Никогда не любил говорить о литературе. Врет, бывало, чепуху, рассказывает анекдоты, и чуть только есть какая-нибудь возможность, анекдоты у него всегда выйдут неприличные... Пушкин пил вино, как воду, и вино не действовало на него; бывало, только повеселеет немножко, и уж потешит тогда честную компанию! Еще при мне Пушкин любил две вещи: свою Калипсу, перед которою делался тих и скромен, как ребенок, и биллиард, к которому пристрастился до-нельзя, а играл хуже не знаю кого.

К. И. ПР... Л. (К. И. ПРУНКУЛ) в передаче К. С. Биографические заметки. *Общезанимательный Вестник*, 1857, № 11, стр. 418—420.

На-днях получил я письмо от Беса-Арабского Пушкина. Он скучает своим безнадежным подожением, но, по словам

приезжего, пишет новую поэму «Гарем»... А что еще лучше, сказывают, что он остепенился и становится рассудителен.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. Тургеневу, 30 апреля 1823 г. *Архив бр. Тургеневых*, вып. VI. ПБГ., 1921, стр. 16.

Нам от Верховной Думы было запрещено знакомиться с поэтом А. С. Пушкиным, когда он жил на юге. Прямо было сказано, что он, по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни, сделает донос тотчас правительству о существовании Тайного Общества... Мне рассказывал Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин про Пушкина такие на юге проделки, что уши и теперь краснеют.

И. И. ГОРБАЧЕВСКИЙ—М. А. Бестужеву, 12 июня 1861 г. *Записки декабриста* И. И. Горбачевского. 1916. Изд. «*Задруги*», стр. 300.

В Одессе встретил я Пушкина; он служил тогда в Бессарабии при ген. Инзове. Я еще прежде этого имел случай видеть его в Тульчине у Киселева. Знаком я с ним не был, но в обществе раза три встречал. Как человек, он мне не понравился. Какое-то бретерство, suffisance *(самодовольство)* и желание осмеять, уколоть других. Тогда же многие из знавших его говорили, что рано или поздно, а умереть ему на дуэли.

Н. В. БАСАРГИН (декабрист). *Записки*. 1917. Изд. «Огни», стр. 24.

VI

В ОДЕССЕ

(июль 1823—август 1824)

(Август 1823 г.). Я остановился в Одессе в известнейшем отеле Рено, близ театра... Я поместился в двух небольших комнатах над конюшнями (89)... Рядом со мной, об стену, жил Пушкин, изгнанник-поэт. В Одессе, где он только что поселился, не успел еще он обрести веселых собеседников... С каждым днем наши беседы и прогулки становились продолжительнее. Разговор Пушкина, как бы электрическим прутиком касаясь моей черными думами отягченной главы, внезапно порождал в ней тысячу мыслей, живых, веселых, молодых, и сближал расстояние наших возрастов. Беспечность, с которою смотрел он на свое горе, часто заставляла меня забывать и собственное... Бывало, посреди пустого, забавного разговора, из глубины души его или сердца вылетит светлая, новая мысль, которая покажет и всю обширность его рассудка. Часто со смехом, пополам с презрением, говорил он мне о шалунах-товарищах его в петербургской жизни, с нежным уважением о педагогах которые были к нему строги в лицее. Мало-по-малу открыл весь зарытый клад его правильных суждений и благородных помыслов, на кои накинута была замаранная мантия цинизма (98—98).

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. VI.

Здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу,—я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и, ей-богу, обновили мою душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня чрезвычайно ласково, об'являет мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе. Кажется и хорошо,—да новая печаль мне сжала грудь.—«Мне стало жаль моих покинутых цепей». Приехал

в Кишинев на несколько дней, провел их неиз'яснимо элегически и, выехав оттуда навсегда,—«О Кишиневе я вздохнул». Теперь я опять в Одессе и все еще не могу привыкнуть к европейскому образу жизни: впрочем, я нигде не бываю, кроме в театре...

ПУШКИН—брату Льву, 25 авг. 1823.

В Одессе Пушкин жил сначала в Hôtel du Nord, на Итальянской улице, ныне дом Сикара. Тут, по свидетельству П. С. Пущина, писал он своего Онегина, на лоскутках бумаги, полураздетый, лежа в постеле. Однажды, когда он описывал театр, ему заметили: не вставит ли он в это описание своего обычая наступать на ноги, пробираясь в креслах. Пушкин вставил стих: «Идет меж кресел по ногам». Потом Пушкин жил на Ришельевской ул., на углу ее с Дерибасовскою, в верхнем этаже дома, принадлежавшего сперва барону Рено, а потом его дочери княгине Кантакузеной. Окна дома выходят на обе улицы, и угольный балкон принадлежал поэту, который налево с него мог видеть и море. Почти в глазах у него был театр. Далее к театру, на другом углу того же квартала, помещалось казино, о котором упоминает он в Онегине, при описании Одессы, и в котором сиживал он иногда в своем кишиневском архалуке и феске. Наряд этот Пушкин оставил в Одессе. Здесь на улицах показывался он в черном сюртуке и в фуражке или черной шляпе, но с тою же железной палицей. Сюртук его постоянно был застегнут, и из-за галстуха не было видно воротничков рубашки. Волосы у него и здесь были подстрижены под гребешок или даже обриты. (Никто, впрочем, из тех, которые знали Пушкина в Кишиневе и в Одессе и с которыми мы имели случай говорить, не помнят его больным). Говорят еще, что на руке носил он большое золотое кольцо с гербовой печатью. В Одессе, так же, как в Кишиневе, Пушкин по утрам читал, писал, стрелял в цель, гулял по улицам. Обедывал он то у Дмитраки, в греческой ресторации, то на Итальянской ул., в Hôtel du Nord, вместе с польскими помещиками, которые, как сказывали нам, умели приласкать его к себе, хотя, по словам людей, в то время близких к нему, он не любил польского языка. С товарищами своими Пушкин обедал, по большей части, у Отона, которого ресторация помещалась в маленьком доме, на Дерибасовской ул. Довольно часто обедал Пушкин и у графа *(Воронцова)*.

К. П. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ. Сведения о пребывании П-на в Кишиневе и Одессе. *Москвитянин*, 1854, № 9, смесь, стр. 7—10.

В доме Сикара Пушкин поселился потом, а сначала жил у Рено и занимал угольный фас с балконом.

Н. О. ЛЕРНЕР. Пушкин в Одессе. *Полн. собр. соч. П-на, изд. Брокгауза*, II, 272.

Как раз против лицея, на Дерибасовской улице, стоял небольшой одноэтажный дом, на котором красовалась вывеска с надписью большими золотыми бузвами: César Automne restaurateur. Здесь был известный в то время ресторан, в котором Пушкин любил коротать свои невольные досуги.

Н. Г. ТРОЙНИЦКИЙ. *Рус. Стар.*, 1887, т. 54, стр. 159.

Пушкин опять предался светской жизни, но более одушевленной, более поэтической, чем та, которую вел в Петербурге. Любовь овладела сильнее его душою. Она предстала ему со всею заманчивостью интриг, соперничества и кокетства. Она давала ему минуты и восторга, и отчаяния. Однажды, в бешенстве ревности, он пробежал пять верст с обнаженной головой, под палящим солнцем по 35 градусам жара.—Пушкин был собою дурен, но лицо его было выразительно и одушевленно; ростом он был мал (в нем было с небольшим 5 вершков), но тонок и сложен необыкновенно крепко и соразмерно. Женщинам Пушкин нравился; он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на веку своем. Когда он кокетничал с женщиною или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив. Должно заметить, что редко можно встретить человека, который об'яснялся так вяло и так несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его. Но он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем-нибудь близком его душе. Тогда-то он являлся поэтом, и гораздо более вдохновенным, чем во всех своих сочинениях. О поэзии и литературе Пушкин говорить вообще не любил, а с женщинами никогда и не касался до сего предмета. Многие из них, особенно в то еще время, и не подозревали в нем поэта.. В знакомом кругу Пушкин любил неизвестность, но молвою вообще дорожил, и радовался, когда встречал свое имя в иностранных сочинениях и журналах... В Одессе Пушкин писал много; читал еще более. Там он написал три первые главы «Онегина». Он горячо взялся за него и каждый день им занимался. Пушкин просыпался рано и писал обыкновенно несколько часов, не вставая с постели. Приятели часто заставали его то задумчивого, то помирающего со смеху над строфою своего романа. Одесская осень благотворно действовала на его занятия.

Л. С. ПУШКИН. Биографическое известие об А. С. Пушкине. *Л. Майков*, 9—10.

Я прочел Туманскому отрывки из «Бахчисарайского Фонтана» (новой моей поэмы), сказав, что я не желал бы ее напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру.

Из'ясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти. Всё и все меня обманывают,—на кого же, кажется, надеяться, если не на ближних и родных? На хлебах у Воронцова я не стану жить,—не хочу и полно—крайность может довести до крайности. Мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию,—хоть письма его очень любезны... У меня хандра, и это письмо не развеселило меня.

ПУШКИН брату Льву, 25 авг. 1823 г., из Одессы.

О каких переменах говорил тебе Раич? Я никогда не мог поправить раз мною написанное... У нас скучно и холодно.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 14 ок. 1823 г.

Что для меня по преимуществу было знаменательно в Ал. Ник. Раевском,—это то, что мне передал мой дядя и что после того не один раз слышал я от людей вполне компетентных,—тот положительный факт, что Пушкин имел в виду нравственную личность и направление ума Ал. Ник—ча в известном стихотворении своем «Демон».

Гр. П. И. Капнист со слов дяди своего гр. А. В. КАПНИСТА. *Рус. Стар.*, 1899, т. 98, стр. 242.

В Одессе, в одно время с Пушкиным, жил Александр Раевский. Он был тогда настоящим «демоном» Пушкина, который изобразил его в известном стихотворении очень верно. Этот Раевский, действительно, имел в себе что-то такое,что придавливало душу других. Сила его обаяния заключалась в резком и язвительном отрицании. Я испытал это обаяние на самом себе. Пушкин в Одессе хаживал к нему обыкновенно по вечерам, имея позволение тушить свечи, чтоб разговаривать с ним свободнее впотьмах. Однажды Пушкин зашел к нему утром и прочел свое новое антологическое стихотворение, начинавшееся так:

Подруга милая, я знаю, отчего
Ты с нынешней весной от наших игр отстала.

Раевский оставил его у себя обедать. К обеду явилось еще несколько лиц. За обедом Раевский сообщил о новом произведении поэта, и все, разумеется, стали просить прочесть его; но Раевский не дал читать Пушкину, сказав, что сам прочтет, так как эти прекрасные стихи сразу врезались ему в память, и начал так:

Подруга милая, я знаю, отчего
Ты с нынешней весной от наших игр *удрала*.

Эта вздорная шутка невольно всех рассмешила, и ее было достаточно, чтоб Пушкин во всю жизнь не решился напечатать вполне этого стихотворения, и оно оставалось в печати урезанным, и вполне появилось только в посмертном издании (Дионея: «Хромид в тебя влюблен...»). Пушкин сам вспоминал со смехом некоторые случаи подчиненности своему демону, до того уже комические, что мне даже казалось, что он пересаливает свои росказни. Но потом я проверил их у самого Раевского, который повторил мне буквально то же.

М. В. ЮЗЕФОВИЧ. Воспоминания о Пушкине. *Рус. Арх.*, 1880, III, 439.

Одна наружность Александра Раевского была такова, что невольно, с первого взгляда, легко могла привлечь внимание каждого, кто даже не был с ним лично знаком: высокий, худой, даже костлявый, с небольшой круглой и коротко остриженной головой, с лицом темно-желтого цвета, с множеством морщин и складок,—он всегда (я думаю, даже когда спал) сохранял саркастическое выражение, чему, быть может, немало способствовал его очень широкий с тонкими губами рот. Он, по обычаю двадцатых годов, всегда был гладко выбрит, и хотя носил очки, но они ничего не отнимали у его глаз, которые были очень характеристичны. Маленькие, изжелта карие, они всегда блестели наблюдательно живым и смелым взглядом, с оттенком насмешливости, и напоминали глаза Вольтера. Раевский унаследовал у отца своего резкую морщину между бровей, которая никогда не исчезала. Вообще он был скорее безобразен, но это было безобразие типичное, породистое, много лучше казенной и приторной красоты иных бесцветных эндимионов. Раевский одевался обыкновенно несколько небрежно и даже в молодости своей не был щеголем, что однако не мешало ему иметь всегда заметное положение в высшем обществе. Он был человек замечательно тонкого, острого ума и той образованности, которая так отличала в свое время среду декабристов.

Гр. П. И. Капнист со слов дяди своего графа А. В. КАПНИСТА. *Рус. Стар.*, 1899, т. 98, стр. 241—242.

Александр Раевский был чрезвычайно умен, и уже в 1820 г. успел внушить Пушкину такое высокое о себе понятие, что наш поэт предрекал ему блестящую известность. Позднее, когда они видались в Каменке и Одессе, Ал. Раевский, заметив свое влияние на Пушкина, вздумал подтрунить над ним и стал представлять из себя ничем недовольного, разочарованного, над всем смеющегося человека. Поэт поддался искусной мистификации и написал своего «Демона». Раевский долго оставлял его в заблуждении, но, наконец, признался в своей шутке, и после

они часто и много смеялись, перечитывая вместе это стихотворение, об источниках и значении которого впоследствии так много было писано и истощено догадок.

ЕК. Н. ОРЛОВА (урожд. РАЕВСКАЯ) в передаче Я. К. Грота. *Я. Грот*, 52.

Что до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах,—дьявольская разница. В роде Дон-Жуана. О печати и думать нечего; пишу спустя рукава *(в черновике*: Пишу его с упоением, что уж давно со мной не бывало).

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 4 ноября 1823 г., из Одессы.

У нас холодно и грязно,—обедаем славно,—я пью, как Лот содомский, и жалею, что не имею с собою ни одной дочки. Недавно выдался нам молодой денек,—я был президентом попойки, все перепились и потом поехали по барделям.

ПУШКИН—Ф. Ф. Вигелю, в ноябре 1823 г.

Вам скучно, нам скучно; сказать ли вам сказку про белого бычка?... Скучно, моя радость! Вот припев моей жизни.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, 16 ноября 1823 г.

Хоть Пушкину и веселее в Одессе, но жить труднее, ибо все дорого, а квартиры и стола нет, как у Инзова.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому 29 ноября 1823 г. *Ост. Арх.*, II, 369.

Когда мы свидимся, вы не узнаете меня, я стал скучен, как Грибко, и благоразумен, как Чеботарев.

Исчезла прежня живость,
Простите-ль иногда мою мне молчаливость,
Мое уныние?

ПУШКИН — А. И. Тургеневу, 1 дек. 1825.

Я посылаю вам, генерал, 360 рублей, которые я вам должен уже так давно... Чувствую себя сконфуженным и униженным, что не мог до сих пор заплатить этого долга; причина,—что я подыхал от нищеты.

ПУШКИН — ген. И. Н. Инзову после 8 дек. 1823 г., из Одессы (фр.).

Ты знаешь, что я дважды просил Ивана Ивановича *(царя)* о своем отпуске через его министров и два раза воспоследовал

всемилостивейший отказ. Осталось одно,—писать прямо на его имя—такому-то в Зимнем дворце, что против Петропавловской Крепости, не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится не в терпеж. Ubi bene, ibi patria. А мне bene там, где растет трын-трава, братцы! Были бы деньги, а где мне их взять? Что до славы, то ею в России мудрено довольствоваться.

ПУШКИН—брату Льву, в нач. янв. 1824 г., из Одессы.

(*В 20-х числах января 1824 г. Пушкин с Липранди поехали в Тирасполь и Бендеры. В Бендерах жил 135-летний старик Искра, помнивший шведского короля Карла XII*). Пушкин добивался от Искры своими расспросами узнать что-либо о Мазепе, а тот не только что не мог указать ему его могилу или место, но и об'явил, что такого и имени не слыхал. Пушкин не отставал, толкуя ему, что Мазепа был казачий генерал, а не басурман, как шведы, все напрасно... С недовольным духом Пушкин возвратился с нами к полицеймейстеру. За обедом все повеселели, и кофе, по предложению Пушкина, пошли пить к нашей хозяйке. Около четырех часов Пушкин сел на перекладную вместе с квартальным и отправился в Каушаны: ему не терпелось скорее увидеть развалины дворцов и фонтанов. Пушкин приехал разочарованный так же, как и в надежде открыть могилу Мазепы. Вскоре после полуночи он с братом моим уехал в Тирасполь... Пушкин хотел продолжать путь ночью, и только внезапный холодный дождь заставил его отдохнуть, с тем, чтоб назавтра выехать со светом; но трехсуточная усталость и умственное напряжение погрузили его в крепкий сон. Когда он проснулся, брат мой был уже у Сабанеева *(командира корпуса)* и, возвратясь, нашел Пушкина готовым к от'езду. Но предложение видеться с В. Ф. Раевским [1]), на что Сабанеев, знавший их близкое знакомство, сам выразил согласие, Пушкин решительно отвергнул, об'явивши, что в этот день, к известному часу, ему неотменно надо быть в Одессе. По приезде моем в сию последнюю, через полчаса, я был уже с Пушкиным, потому что я всегда останавливался в клубном доме Отона, где поселился и Ал. Серг—ч. На вопрос мой, почему он не повидался с Раевским, когда ему было предложено самим корпусным командиром,—Пушкин, как мне показалось, будто бы несколько был озадачен моим вопросом и стал оправдываться тем, что он спешил, и кончил полным признаньем, что в его положении ему нельзя было воспользоваться этим предложением, хотя он был убежден, что оно сделано было Сабанеевым с искрен-

[1]) Майор В. Ф. Раевский, кишиневский приятель Пушкина, «первый декабрист», суровый и непреклонный революционер, сидел в то время арестованный в тираспольской крепости.

ним желанием доставить ему и Раевскому удовольствие, но что немец Вахтен *(начальник штаба 6 корпуса)* не упустил бы сообщить этого свидания в Тульчин, «а там много усерднейших, которые поспешат сделать то же в Петербурге» и пр. Я переменил разговор, находя, что Пушкин поступил благоразумно; ибо Раевский не воздержался бы от сильных выражений, что; при коменданте или при дежурном, было бы очень неловко, и, как заключил я во время разговора, Ал. С—ч принимал это в соображение.—«Жаль нашего Спартанца!»—не раз, вздыхая, говорил он (1464—1470).

(В первой половине февраля 1824 г.). В этот день мне случилось в первый раз обедать с Пушкиным у графа (*Воронцова*). Он сидел довольно далеко от меня и через стол часто переговаривался с Ольгой Станиславовной Нарышкиной (урожд. граф. Потоцкою, сестрою С. С. Киселевой); но разговор почему-то вовсе не одушевлялся. Графиня Воронцова и Башмакова (Варвара Аркадьевна, урожд. княжна Суворова) иногда вмешивались в разговор двумя, тремя словами. Пушкин был чрезвычайно сдержан и в мрачном настроении духа. Вставши из-за стола, мы с ним столкнулись, когда он отыскивал, между многими, свою шляпу, и на вопрос мой, куда?—«Отдохнуть!»—отвечал он мне, присовокупив: «это не обеды Бологовского, Орлова и даже...» не окончил, и вышел... В восемь часов вечера возвратился я домой и, проходя мимо номера Пушкина, зашел к нему. Я застал его в самом веселом расположении духа, без сюртука, сидящим на коленях у мавра Али. Этот мавр, родом из Туниса, был капитаном, т.-е. шкипером коммерческого или своего судна, человек очень веселого характера, леть тридцати пяти, среднего роста, плотный, с лицом загорелым и несколько рябоватым, но очень приятной физиономии. Али очень полюбил Пушкина, который не иначе называл его, как корсаром. Али говорил несколько по-французски и очень хорошо по-итальянски. Мой приход не переменил их положения; Пушкин мне рекомендовал его, присовокупив, что —«у меня лежит к нему душа: кто знает, может быть, мой дед с его предком были близкой родней». И вслед за ним начал его щекотать, чего мавр не выносил, а это забавляло Пушкина. Я пригласил их к себе пить чай... Господствующий разговор был о Кишиневе. Ал. Серг-ч находил, что положение его во всех отношениях было гораздо выносимее там, нежели в Одессе, и несколько раз принимался щекотать Али, говоря, что он составляет здесь для него—единственное наслаждение (1470—1472).

Дней через десять, в десять часов утра, я приехал опять в Одессу с Н. С. Алексеевым, и тотчас послал дать знать Пушкину. Человек возвратился с известием, что он еще спит, что пришел домой в пять часов утра из маскарада. Маскарад был у гр. Воронцова. В час мы нашли Пушкина еще в кровати, с поджатыми, по обыкновению, ногами, и что-то пишущим. Он

был очень не в духе от бывшего маскарада... В эту мою поездку в Одессу, где пробыл я неделю, я начал замечать, но безотчетно, что Пушкин был недоволен своим пребыванием относительно общества, в котором он вращался. Я замечал какой то abandon в Пушкине, но не искал проникать в его задушевное, и оставлял, так сказать, без особенного внимания. В дороге, в обратный путь в Кишинев, мы разговорились с Алексеевым и начали находить в Пушкине большую перемену, даже в суждениях. По некоторым вырывавшимся у него словам Алексеев, бывший к нему ближе и интимнее, нежели я, думал видеть в нем как будто бы какое-то ожесточение (1472—1474).

В Одессе было общество, которое могло занимать Пушкина во всех отношениях. Не говоря о высших кругах, как, напр., в домах гр. Воронцова, Л. А. Нарышкина, Башмакова, П. С. Пущина и некоторых др. Но я понимал, что такой круг не мог удовлетворять Пушкина; ему, по природе его, нужно было разнообразие с разительными противоположностями, как встречал он их в Кишиневе. Он отвык и, как говорил, никогда и не любил аристократических, семейных, этикетных обществ, существовавших в вышеназванных домах... Приезды Ал. Н. Раевского развлекали Пушкина, как-будто оживляли его, точно так же, как когда встречался он с кем-либо из кишиневских. Тогда — расспросам не было конца; обед, ужин, завтрак с старыми знакомцами оживляли его... В Одессе, независимо от встреч с знакомыми бессарабцами, театр иногда служил развлечением (1474—1475).

И. П. ЛИПРАНДИ.

Пушкина Фонтан-Слез—превосходен; он пишет еще поэтический роман: Онегин,—который, говорят, лучше его самого.

А. А. БЕСТУЖЕВ — Я. Н. Толстому, 3 марта 1824 г. *П-н и его совр-ки*, II, 69.

Пушкин, во время пребывания своего в южной России, куда-то ездил за несколько сот верст на бал, где надеялся увидеть предмет своей тогдашней любви. Приехав в город, он до бала сел понтировать и проиграл всю ночь до позднего утра, так что прогулял и все деньги свои, и бал, и любовь свою.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Соч.*, VIII, 95.

Один Одесский старожил, бывший во времена Пушкина студентом Ришельевского лицея, сознается, что больше знал суковатую палку, длинные волосы и, в противоположность моде, загнутые вниз воротнички рубашки Пушкина, нежели его сочинения.

А. СКАЛЬКОВСКИЙ. В. Яковлев. *Отзывы*, 153.

Пушкин заходил в старшие классы Ришельевского лицея. Проходя как-то по лицейским коридорам и классам, он сказал: «как это напоминает мне мой лицей!». В другой раз, застав одного воспитанника за чтением «Онегина», он шутя заметил ему: «охота вам читать такой вздор!».—Наша классная комната выходила окнами на Ланжероновскую улицу. Нижняя часть окошек была заделана камнем, чтобы мальчики, сидя за уроком, не развлекались улицею. Помню, однажды кто-то крикнул: «Пушкин идет, Пушкин!» Кинулись к окошкам... Я заметил человека, с палкою на плече, как он поворачивал за угол Лицея; он шел проворно, какой-то развалистой походкой. Это был Пушкин.

Н. Г. ТРОЙНИЦКИЙ. В. Яковлев. *Отзывы*, 8.

Пушкин раза два или три был в Одессе еще до перехода своего в этот город на службу. Во время этих приездов он познакомился и сблизился с негоциантом Ризничем, который был родом из адриатических славян,—далмат или кроат. Ризнич в то время еще не был женат. В 1822 г. он уехал в Вену и весною 1823 г. воротился оттуда с молодою женою. Пушкин переехал на постоянное жительство в Одессу в ту же пору и был, конечно, одним из первых знакомых новоприезжей дамы. Все убеждены были, что г-жа Ризнич была родом из Генуи. Оказывается, однако, что она была дочь одного венского банкира, по фамилии Рипп, полу-немка и полу-итальянка, с примесью, быть может, и еврейского в крови. Муж привез жену свою вместе с ее матерью, которая однако же недолго оставалась с молодыми супругами,—не более шести месяцев, и уехала обратно за границу. Г-жа Ризнич была молода, высока ростом, стройна и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были ее пламенные очи, шея удивительной формы и белизны, и черная коса, более двух аршин длиною. Только ступни были у нее слишком велики. Потому, чтобы скрыть недостаток ног, она всегда носила длинное платье, которое тянулось по земле. Она ходила в мужской шляпе и одевалась в наряд полуамазонки. Все это придавало ей оригинальность и увлекало молодые и немолодые сердца. Но этот наряд и, как кажется, другие обстоятельства были причиною, что в высшем кругу тогдашнего одесского общества, который в то время сосредоточивался в одном известном доме *(гр. Воронцова)*, г-жа Ризнич принята не была. Зато все молодые люди, принадлежавшие к этому кругу, собирались в доме Ризнич (на Херсонской ул., в доме бывш. Ризнича, потом Нарольского, на углу, напротив нового здания Ришельевского лицея). Муж занимал здесь, как по всему видно, вторую роль; а молодая хозяйка вела самую живую, одушевленную беседу и играла в вист, до которого была страстная охотница. В числе посещавших дом Ризнича были

А. С. Пушкин, В. Туманский и Исидор Собаньский, немолодой, но богатый помещик из западных губерний. Пушкин и Собаньский всех более волочились за г-жею Ризнич, всех более были близки к ней и всех более пользовались ее вниманием и доверием. На стороне Пушкина были молодость и пыл страсти, на стороне его соперника—золото... Весною 1824 г. г-жа Ризнич уехала за границу, без мужа, со своим ребенком. Она не могла, в продолжение кратковременного своего пребывания в Одессе, научиться говорить и понимать по-русски; в доме у нее, кроме разве прислуги, говорили по-итальянски или по-французски... В одно время с г-жею Ризнич уехал за границу и соперник Пушкина. Он настиг ее на пути, недалеко за русскою границею, провожал до Вены и вскоре потом оставил ее навсегда. Через несколько месяцев, по всей вероятности, в начале 1825 г., г-жа Ризнич умерла,—кажется, в бедности, и кажется, в Генуе, призренная матерью мужа.

Пушкину, кроме г-жи Ризнич, нравилась в Одессе только одна дама, с которою был он, однако, более в светско-враждебных отношениях, и m-lle Бларамберг, дочь известного одесского археолога, очень умная и образованная девица, с которою любил он беседовать по вечерам у графа.

К. П. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ. Г-жа Ризнич и Пушкин. *Русск. Вестник*, 1856, № 6, Соврем. Летопись, 203—209.

Ризнич получил отличное воспитание, учился в падуанском и берлинском университетах... В Одессе он занимался преимущественно хлебными операциями. Проф. Сречкович, со слов г-на Ризнича, утверждает, что г-жа Ризнич была итальянка, родом из Флоренции, женщина замечательной красоты. В Одессе, равно как и прежде в Вене, она вела жизнь на широкую ногу, танцовала и играла в карты. Из массы ее поклонников выделялись Пушкин и польский князь Яблоновский. Зеленецкий говорит, что соперником Пушкина был некто Собаньский, Сречкович положительно называет другое лицо—кн. Яблоновского... Г. Ризнич внимательно следил за поведением своей жены, заботливо оберегая ее от падения. К ней был приставлен верный его слуга Филипп, который знал каждый шаг жены своего господина и обо всем доносил ему. Пушкин страстно привязался к г-же Ризнич. По образному выражению г-на Ризнича, он увивался около нее, как котенок, но взаимностью от нее не пользовался: г-жа Ризнич была к нему равнодушна. Ненормальный образ жизни в Одессе вредно отразился на здоровьи г-жи Ризнич. У нее обнаружились признаки чахотки, и она должна была уехать на родину в Италию. За нею последовал во Флоренцию и кн. Яблоновский и там успел добиться ее доверия, о чем не замедлил довести до сведения своего господина верный его слуга Филипп, отправленный Ризничем

вместе с женою на ее родину. Г-жа Ризнич скоро умерла; умер скоро и ребенок ее от брака с г. Ризничем. Ризнич не отказывал ей в средствах во время ее жизни в Италии, и показание г. Зеленецкого, будто она умерла в нищете, неверно. О доверии, оказанном г-жею Ризнич кн. Яблоновскому, Пушкин не мог знать, и потому образ г-жи Ризнич в его памяти остался свободным от пятен.

М. Е. ХАЛАНСКИЙ со слов проф. П. С. Сречковича. *Сборник Харьк. Истор. Филол. Общ-ва*, том. 4. Харьков, 1892, Стр. 247—249.

Наш отец *(Кирияков)*, во время пребывания Пушкина в Одессе, был предводителем дворянства и жил открыто. Каждый понедельник были назначены у нас танцовальные вечера. Пушкин был у нас непременным посетителем. Он любил потанцовать... Пылкий, живой, впечатлительный Пушкин не мог быть кунктатором в делах сердечных. Особенно неравнодушие его выражалось по отношению к двум девицам нашего круга— Зинаиде и Елене Бларамберг.

КС. М. СОКОЛОВА (урожд. КИРИЯКОВА) по записи А. Берга. В. Яковлев. *Отзывы*, 133.

Пушкин не пропускал никогда в Одессе заутрени на Светлое Воскресение и звал всегда товарищей «услышать голос русского народа» (в ответе на христосование священника: воистину воскресе). Слышал от Ал. Н. Раевского.

М. П. ПОГОДИН. *Москвитянин*, 1855, № 4, кн. 2, стр. 146.

Очевидцы сказывали нам, что иногда, в послеобеденное время, а иногда и в лунные ночи, Пушкин езжал за город, в двух верстах от него, на дачу, бывшую Рено, где открывается весь полукруг морского горизонта. Тогда это было дико-поэтическое место уединения.

К. П. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ. *Москвитянин*, 1854, № 9, смесь, стр. 10.

«Был тут в графской канцелярии Пушкин. Чиновник, что ли. Бывало, больно задолжает, да всегда отдаст с процентами. Возил я его раз на хутор Рено. Следовало пять рублей; говорит: в другой раз отдам. Прошло с неделю. Выходит: вези на хутор Рено!... Повез опять.. Следовало уж десять рублей, а он и в этот раз не отдал. Возил я его и в третий, и опять в долг: нечего было делать; и рад бы не ехать, да нельзя: свиреп был, да и ходил с железной дубинкой. Прошла неделя, другая. Прихожу я к нему на квартиру. Жил он в клубном доме, во втором этаже. Вхожу в комнату: он брился. Я к нему. Ваше благородие, денег пожалуйте, и начал просить. Как ругнет он меня, да как бро-

сится на меня с бритвой! Я бежать, давай, бог, ноги, чуть не зарезал. С той поры я так и бросил. Думаю себе: пропали деньги, и искать нечего, а уж больше не повезу. Только раз утром гляжу,—тут же и наша биржа,—Пушкин растворил окно, зовет всех, кому должен... Прихожу и я: «на вот тебе по шести рублей за каждый раз, да смотри вперед, не совайся!».—Да зачем же ездил он на хутор Рено?—«А бог его знает! Посидит, походит по берегу час, полтора, потом назад».

К. П. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ со слов одесского извозчика Березы. Из записной книжки. *А. С. Пушкин. Сборник, изд. П. Бартеневым.* II. М. 1885, стр. 95.

Предания той эпохи упоминают о женщине, превосходившей всех других во власти, с которой управляла мыслию и существованием поэта *(графине Е. К. Воронцовой)*. Пушкин нигде о ней не упоминает, как бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головы, спокойного, благородного, величавого типа, которые идут почти по всем его бумагам из одесского периода жизни.

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в алекс. эпоху,* 245.

Княгиня *(В. Ф. Вяземская)* рассказала мне некоторые подробности о пребывании А. Пушкина в Одессе и его сношениях с женой нынешнего князя Воронцова, что я только подозревал.

П. А. ПЛЕТНЕВ—Я. К. Гроту. *Переписка Грота с Плетневым.* II, 680.

Сегодня Герберт *(сын лэди Пемброк-Воронцовой)* пел «Талисман». Он и не знал, что поет про *волшебницу тетку (граф. Е. К. Воронцову)*.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Соч.* IX, стр. 186.

Золотой принадлежавший Ал. С. Пушкину перстень с резным восьмиугольным сердоликом. Еврейская надпись на нем гласит: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа (пресвятого Иосифа старого), да будет благословенною его память». Написано сокращенно: «Симха бен Р. Иосиф старый п. б.». История этого перстня видна из приложенной к нему записки И. С. Тургенева: «Перстень этот был подарен Пушкину в Одессе княгиней Воронцовой. Он носил почти постоянно этот перстень (по поводу которого написал свое стихотворение: «Талисман») и подарил его на смертном одре поэту Жуковскому»... и т. д.

ОПИСАНИЕ ПУШКИНСКОГО МУЗЕЯ Имп. Алекс. Лицея. СПБ. 1899, стр. 11.

Надписи, в которых и должна заключаться чародейственная сила талисманов, делаются так, что их можно прочесть прямо. Надпись же на сердоликовом камне в перстне Пушкина сделана обратно, т.-е. для оттиска. Это указывает, что камень в перстне Пушкина не талисман, а просто печать... Воображаемый талисман оказывается просто еврейскою именною печатью, на которой вырезано полукурсивными (раввинскими) буквами: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа старца, да будет его память благословенна». Княгиня Воронцова, очевидно, была в заблуждении относительно качества перстня, и если бы знала о действительном его значении, конечно, не подарила бы его Пушкину.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Перстень Пушкина. *Вестн. Европы*, 1888, № 2, стр. 536—537.

Пушкин, по известной склонности своей к суеверию, соединял даже талант свой с участью перстня, испещренного какими-то кабалистическими знаками и бережно хранимого им. Перстень этот находится теперь во владении В. И. Даля.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 171.

Пушкин носил сердоликовый перстень *(приписка Соболевского:* у Даля: известный талисман). Нащокин отвергает показание Анненкова, что с этим перстнем Пушкин соединял свое поэтическое дарование: с утратою его должна была утратиться в нем и сила поэзии *(Приписка Соболевского:* никогда не слыхал).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 41.

Она очень приятна, у ней меткий, хотя не очень широкий ум, а ее характер—самый очаровательный, который я знаю.

АЛ. Н. РАЕВСКИЙ—Ек. Н. Орловой о графине Воронцовой. *М. О. Гершензон. История молодой России*, 44.

Ей было уже за тридцать лет, а она имела все право казаться еще самою молоденькою. Со врожденным польским легкомыслием и кокетством желала она нравиться, и никто лучше ее в том не успевал. Молода была она душою, молода и наружностью. В ней не было того, что называют красотою; но быстрый нежный взгляд ее миленьких небольших глаз пронзал насквозь; улыбка ее уст, которой подобной я не видал, так и призывает поцелуи.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. VI, 84.

Воронцова более любезна с мужчинами, чем с женщинами, которыми она, повидимому, не интересуется; я нахожу ее похорошевшою и занимательною.

Гр-ня Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН—гр-не Е. Ф. Тизенгаузен, 27 мая 1843 года, из Вены.

Воронцовы уехали; она вскружила головы мужчинам и не понравилась женщинам.

Гр-ня Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН—Е. Ф. Тизенгаузен, 17 июня 1843 г. Comte F. de Sonis. Lettres du comte et de la c-sse de Ficquelmont à la c-sse Tiesenhausen. Paris. 1911. Pp. 47, 49.

(Гр. Воронцова полна) живой и безусловной прелести. Она очень мила, когда танцует и весела, дуться она тоже умеет, но едва ли когда-либо горевала и страдала душевно.

А. О. СМИРНОВА. Записки. 12 марта 1845 г. *Николаевская эпоха*. М. 1910. Стр. 144.

(В начале 50-х годов). Небольшого роста, тучная, с чертами несколько крупными и неправильными, графиня Елиз. Ксавериевна Воронцова была, тем не менее, одной из привлекательнейших женщин своего времени. Все ее существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственною грацией, такою приветливостью, таким неукоснительным щегольством, что легко себе об'яснить, как такие люди, как Пушкин и многие, многие другие без памяти влюблялись в Воронцову.

Граф В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*. СПБ. 1887. Стр. 233.

Большая зала Воронцовых, почти всегда пустая, разделяла две большие комнаты и два общества. Одно, полуплебейское, хотя редко покидал его сам граф, постоянно оставалось в биллиардной. Другое, избранное, отборное, находилось в гостинной у графини. Исключая *(Ал. Н. Раевского)* всегда можно было найти тут Марини, Брунова, Пушкина и др. Из дам вседневной посетительницей была одна только граф. О. Стан. Потоцкая, месяца за два перед тем вышедшая за Л. А. Нарышкина, двоюродного брата графа Воронцова. В столовой к обеду сходились все вместе, а вечером у Казначеева все опять смешивались (124).

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. Записки, ч. VI.

Дядя мой мне сказал, что Александр Никол. Раевский был невольной причиной высылки Пушкина из Одессы графом Воронцовым. В 1823 и 1824 гг. все слои одесского общества, среди непрерывных увеселений, равно соединялись в доме своего генерал-губернатора и его любезной супруги, которая не оставалась вполне равнодушной к блестящей молодежи, несшей с увлечением к ее ногам дань восторгов и преданности. А. Н. Раевский был отличен графинею в окружавшей ее среде, и она относилась к нему симпатичнее, чем к другим; но, как

это нередко бывало в маневрах большого света, прикрытием Раевскому служил друг его, молодой, но уже гремевший славою на всю Россию поэт Пушкин. На него-то и направился с подозрением взгляд графа. И отсюда возникли своего рода преследования и усилия удалить каким-нибудь способом Пушкина из Одессы. Поэт, с своей стороны, не оставался в долгу и на прижимки отвечал эпиграммами. Граф Воронцов, преследуя свою цель, добился, наконец, высылки поэта. Забавнее же всего то, что А. Н. Раевский продолжал пребывать в Одессе, постоянно посещая дом графа Воронцова.

Граф А. В. КАПНИСТ в передаче племянника его гр. П. И. Капниста. *Рус. Стар.*, 1899, т. 98, 242—244.

Я не буду входить в тайну связей А. Н. Раевского с гр. Воронцовой; но могу поручиться, что он действовал более на ее ум, чем на сердце или чувства... Как легкомысленная женщина, гр. Воронцова долго не подозревала, что в глазах света фамилиарное ее обхождение с человеком, ей почти чуждым, его же стараниями перетолковывается в худую сторону... Козни его, увы, были пагубны для другой жертвы. Влюбчивого Пушкина нетрудно было привлечь миловидной Воронцовой, которой Раевский представил, как славно иметь у ног своих знаменитого поэта... Вздохи, сладкие мучения, восторженность Пушкина, коих один он был свидетелем, служили ему беспрестанной забавой. Вкравшись в его дружбу, он заставил его видеть в себе поверенного и усерднейшего помощника, одним словом, самым искусным образом дурачил его!...

Еще зимой чутьем слышал я опасность для Пушкина и раз шутя сказал ему, что по африканскому происхождению его все мне хочется сравнить его с Отелло, а Раевского с неверным другом Яго. Он только что засмеялся.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. VI, 171.

Вашему сиятельству известны причины, по которым, несколько времени тому назад, молодой Пушкин был послан с письмом от графа Капподистрия к генералу Инзову. Во время моего приезда сюда, генерал Инзов предоставил его в мое распоряжение, и с тех пор он живет в Одессе, где находился еще до моего приезда, когда генерал Инзов был в Кишиневе. Я не могу пожаловаться на Пушкина за что-либо, напротив, казалось, он стал гораздо сдержаннее и умереннее прежнего, но собственный интерес молодого человека, не лишенного дарований, и которого недостатки происходят скорее от ума, нежели от сердца, заставляет меня желать его удаления из Одессы. Главный недостаток Пушкина—честолюбие. Он прожил здесь сезон морских купаний, и имеет уже множество льстецов, хвалящих его про-

изведения; это поддерживает в нем вредное заблуждение и кружит его голову тем, что он замечательный писатель, в то время, как он только слабый подражатель писателя, в пользу которого можно сказать очень мало,—лорда Байрона. Это обстоятельство отдаляет его от основательного изучения великих классических поэтов, которые имели бы хорошее влияние на его талант,—в чем ему нельзя отказать, и сделали бы из него современем замечательного писателя.

Удаление его отсюда будет лучшая услуга для него. Я не думаю, что служба при генерале Инзове поведет к чему нибудь, потому что хотя он и не будет в Одессе, но Кишинев так близок отсюда, что ничего не помешает его почитателям поехать туда; да и, наконец, в самом Кишиневе он найдет в молодых боярах и молодых греках скверное общество.

По всем этим причинам я прошу ваше сиятельство довести об этом деле до сведения государя, и испросить его решения по оному. Ежели Пушкин будет жить в другой губернии, он найдет более поощрителей к занятиям и избежит здешнего опасного общества. Повторяю, граф, что я прошу этого только ради него самого; надеюсь, моя просьба не будет истолкована ему во вред, и вполне убежден, что только согласившись со мною, ему можно будет дать более средств обработать его рождающийся талант, удалив его в то же время от того, что ему так вредно, от лести и столкновения с заблуждениями и опасными идеями.

Граф М. С. ВОРОНЦОВ—гр. К. В. Нессельроде (министру иностр. дел), 28 марта 1824 г. из Одессы. *Русс. Стар.* 1879, т. 26, стр. 292 (*фр.*).

...Кстати: повторяю мою просьбу,—избавьте меня от Пушкина; это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе.

Гр. М. С. ВОРОНЦОВ—гр. К. В. Нессельроде, 2 мая 1824 г., из Кишенева. *П-н и его современники*, XVI, 68 (*фр.*).

Граф Воронцов на средства неразборчив, что уже доказал прежде (т.-е. Пушкина история).

Генерал Н. Н. РАЕВСКИЙ (старший) в черновике письма к Александру I. *М.Гершензон. Мудрость Пушкина*, 203.

Через несколько дней по приезде моем в Одессу, встревоженный Пушкин вбежал ко мне сказать, что ему готовится величайшее неудовольствие. В это время несколько самых низших чиновников из канцелярии генерал-губернаторской, равно как и из присутственных мест, отряжено было для возмож-

ного еще истребления ползающей по степи саранчи; в число их попал и Пушкин. Ничего не могло быть для него унизительнее... Для отвращения сего добрейший Казначаев *(начальник канцелярии)* медлил исполнением, а между тем тщетно ходатайствовал об отменении приговора. Я тоже заикнулся было на этот счет; куда тебе! Воронцов побледнел, губы задрожали, и он сказал мне: «Любезный Ф. Ф., если вы хотите, чтобы мы остались в прежних приязненных отношениях, не упоминайте мне никогда об этом мерзавце!». А через полминуты прибавил: «также и о достойном друге его Раевском». Последнее меня удивило и породило во мне много догадок.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. VI, 171—172.

До от'езда Пушкина я был еще раза три в Одессе, и каждый раз находил его более и более недовольным; та веселость, которая одушевляла его в Кишиневе, проявлялась только тогда, когда он был с мавром Али. Мрачное настроение духа Ал. Сергеевича породило множество эпиграмм, из которых едва ли не большая часть была им только сказана, но попала на бумагу и сделалась известной. Эпиграммы эти касались многих и из канцелярии графа. Стихи его на некоторых дам, бывших на бале у графа, своим содержанием раздражили всех. Начались сплетни, интриги, которые еще более тревожили Пушкина. Говорили, что будто бы граф через кого-то из'явил Пушкину свое неудовольствие, и что это было поводом злых стихов о графе. Услужливость некоторых тотчас распространила их. Граф не показал вида какого-либо негодования; попрежнему приглашал Пушкина к обеду, попрежнему обменивался с ним несколькими словами... Через несколько времени получены были из разных мест известия о появлении саранчи, выходившей уже из зимних квартир своих, на иных местах еще ползающей, на других перешедшей в период скачки. Граф послал несколько военных и гражданских чиновников (от полковника до губернского секретаря); в числе их был назначен и Пушкин, положительно с целию, чтобы по окончании командировки иметь повод сделать о нем представление к какой-нибудь награде. Но Пушкин, с настроением своего духа, принял это за оскорбление, за месть и т. д. Нашлись люди, которые, вместо успокоения его раздражительности, старались еще более усилить оную или молчанием, когда он кричал во всеуслышание, или даже подтакиванием, и последствием этого было известное письмо его к графу, в сильных и,—можно сказать,—неуместных выражениях. Я вполне убежден, что если бы в это время был Н. С. Алексеев, и даже—я, то Пушкин не поступил бы так, как он это сделал; он не был чужд гласу благоразумия. —

И. П. ЛИПРАНДИ, 1477—1478.

Состоящему в штате моем, коллегии иностранных дел, коллежскому секретарю Пушкину. Поручаю вам отправиться в уезды херсонский, елизаветградский и александрийский и, по прибытии в города Херсон, Елизаветград и Александрию, явиться в тамошние общие уездные присутствия и потребовать от них сведения: в каких местах саранча возродилась, в каком количестве, какие учинены распоряжения к истреблению оной и какие средства к тому употребляются. После сего имеете осмотреть важнейшие места, где саранча наиболее возродилась, и обозреть, с каким успехом действуют употребленные к истреблению оной средства, и достаточны ли распоряжения, учиненные для этого уездными присутствиями. О всем, что по сему вами найдено будет, рекомендую донести мне.

Граф М. С. ВОРОНЦОВ в предписании Пушкину от 22 мая 1824 г., за № 7976. *Библиографические Записки*, 1858, I, 138.

Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, не знаю, в праве ли отозваться на предписание его сиятельства. Приемлю смелость об'ясниться откровенно на щет моего положения. Семь лет я службою не занимался, не писал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником. Эти семь лет, как вам известно, вовсе для меня потеряны. Жалобы с моей стороны были бы не у места. Стихотворство—мое ремесло, доставляющее мне пропитание и домашнюю независимость. Думаю, что граф Воронцов не захочет лишить меня ни того, ни другого. Мне скажут, что я, получая семьсот рублей, обязан служить... Я принимаю эти семьсот рублей не так, как жалование чиновника, но как паек ссылочного невольника. Я готов от них отказаться, если не могу быть властен в моем времени и занятиях. Если бы я хотел служить, то никогда бы не выбрал себе другого начальника кроме его сиятельства, но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался от всех выгод службы. Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, как говорится, уничтожить. Если граф прикажет подать в отставку, я готов; но чувствую, что, переменив мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надеюсь.

Еще одно слово: вы, может быть, не знаете, что у меня аневризм. Вот уже восемь лет, как я ношу с собою смерть. Могу представить свидетельство которого угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня в покое на остаток жизни, которая верно не продлится.

ПУШКИН—А. И. Казначееву (правителю канцелярии гр. Воронцова), 25 мая 1824 г. Черновик.

По совету Ал. Раевского, Пушкин отправился в командировку и, возвратясь дней через десять, подал донесение об исполнении порученного. Но в то же время, под диктовку того же

друга, написал к Воронцову французское письмо, в котором говорил, что ничего не сделал столь предосудительного, за что бы мог быть осужден на каторжные работы, но что впрочем после сделанного из него употребления он, кажется, может вступить в права обыкновенных чиновников и, пользуясь ими, просить об увольнении от службы. Ему велено отвечать, что, как он состоит в ведомстве иностранных дел, то просьба его передана будет прямо его начальнику графу Нессельроде, в частном же письме к сему последнему поступки Пушкина представлены в ужасном виде.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. VI, 172.

В деле 1824 года «об истреблении саранчи» находится предписание Воронцова о командировании колл. секретаря Пушкина, вместе с другими чиновниками, для истребления саранчи в Херсонской губернии. Отчетные рапорты по этому поручению от военных начальств и командированных чиновников в деле этом находятся в большом числе. Донесения же Пушкина ни в прозе, ни в стихах нигде не найдено.

А. А. СКАЛЬКОВСКИЙ. *Пушкин и его совр-ки*, 111, 102.

Рапорт, будто бы поданный Пушкиным Воронцову по возвращении из командировки для истребления саранчи:

Саранча летела, летела,
И села,
Сидела, сидела—все с'ела
И вновь улетела.

Весьма сожалею, что увольнение мое причиняет вам столько забот, и искренно тронут вашим участием... Я жажду одного—независимости; мужеством и настойчивостью я, в конце-концов, добьюсь ее. Я уже победил свое отвращение писать и продавать свои стихи ради хлеба насущного; самый большой шаг уже сделан; пишу я еще только под капризным влиянием вдохновения, но на стихи, раз написанные, я уже смотрю, как на товар, по стольку-то за штуку. Не понимаю ужаса моих друзей (мне вообще не совсем ясно, что такое мои друзья). Я устал зависеть от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника, мне надоело, что со мною в моем отечестве обращаются с меньшим уважением, чем с первым английским шалопаем, который слоняется среди нас со своею пошлостью и своим бормотанием. Не сомневаюсь, что гр. Воронцов, как человек умный, сумеет выставить меня виноватым во мнении публики; но я предоставлю ему в свое удовольствие наслаждаться этим лестным триумфом, потому что я так же мало забочусь о мнении публики, как и о восторгах журналов.

ПУШКИН—А. И. Казначееву, в начале июня 1824 г. Черновик (*фр.*).

Расскажу анекдот, рассказанный мне Гоголем и известный еще прежде, кажется, от самого действовавшего лица. Около Одессы расположена была батарейная рота, и расставлены были на поле пушки. Пушкин, гуляя за городом, подошел к ним и начал рассматривать внимательно одну за другою. Офицеру показались его наблюдения подозрительными и он остановил его вопросом об его имени.—«Пушкин»,—отвечал тот.—«Пушкин!—воскликнул офицер.—Ребята, пали!»— и скомандовал торжественный залп. Весь лагерь встревожился. Сбежались офицеры и спрашивали причину такой необыкновенной пальбы.—«В честь знаменитого гостя,—отвечал офицер.—Вот, господа, Пушкин!». Пушкина молодежь подхватила под руки и повела с триумфом в свои шатры праздновать нечаянное посещение. Офицер этот был Григоров, который после пошел в монахи... Кажется, сам он рассказывал мне описанный случай, если не кто другой,—но я его знал уже, когда Гоголь повторил мне этот рассказ по поводу внезапной смерти Григорова.

М. П. ПОГОДИН. *Москвитянин.* 1855, № 4, кн. 2, стр. 146. *В несколько ином виде, также со слов Гоголя, передает этот анекдот Л. Арнольди*: Воспоминание о Гоголе. *Рус. Вестн.*, 1862, №1, стр. 89.

Проживал тогда в Одессе Пушкин, дальний наш по женскому колену родственник; по доброму русскому обычаю, мы с первого дня знакомства стали звать друг друга «mon cousin». Нередко, встречаясь с ним в обществе и театре, я желал сблизиться с ним; но так как я не вышел еще окончательно из-под контроля моего воспитателя, то и не мог удовлетворить вполне этому желанию. Ал. Серг-ч слыл вольнодумцем и чуть ли почти не атеистом, и мне дано было заранее предостережение о нем, как об опасном человеке. Он, видно, это знал или угадал, и раз, подходя с улицы к моему отпертому окну, сказал: «не правда ли, cousin, что твои родители запретили тебе подружиться со мною?». Я ему признался в этом, и с тех пор он перестал навещать меня. В другой раз он при встрече со мною сказал: «Мой Онегин (он только что начал его тогда писать)—это ты, cousin». Впоследствии, подружившись в 1832 г. со Л. С. Пушкиным, я узнал от него, что я заинтересовал его брата моими несдержанными, югом отзывающимися приемами, манерами в обществе и пылкостью наивной моей натуры.—Говорили, что графиня Е. К. Воронцова очень любезно обращалась с Ал. Серг—чем, но что ее супруг отворачивался от него. Сам этого я не видал. Неразлучным компаньоном великого поэта был колоссальный полумавр и полунегр по имени Али, но его звали Морали. Этот человек был, повидимому, не без средств существования, хотя не имел никаких занятий, и, сколько помнится мне, подозревали, что он нажил состояние ремеслом пирата. Ходил он в афри-

канском своем костюме с толстой железной палкой в руке вроде лома, и, помнится мне, что он изрядно говорил по-итальянски. Ал. Сергеевич и особенно короткие его знакомые собирались почти каждый вечер ужинать в греческом второстепенном ресторане Дмитраки, где и засиживались за полночь... Все эти господа обедывали обыкновенно во французском (очень хорошем) ресторане Отона, в доме клуба на Херсонской улице.

Граф М. Д. БУТУРЛИН. Записки. *Рус. Арх.*, 1897, II, 15—16.

Теперь я ничего не пишу; хлопоты другого рода. Неприятности всякого рода: скучно и пыльно. Сюда приехала кн. Вера Вяземская, добрая и милая баба, но мужу был бы я больше рад.

ПУШКИН—брату Льву, 13 июня 1824 г. из Одессы.

Княгиня Вяземская *(В. Ф., жена поэта)* в 1824 г. жила в Одессе с сыном Николаем, лет семи. Пушкин очень его любил и учил всяким пакостям.—«Будь он постарше, я бы вас до него не допустила».

Иногда он пропадал.—Где вы были? — На кораблях. Целые трое суток пили и кутили.

П. И. Бартенев со слов кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 306.

Радуюсь, что мог услужить тебе своей денежкой, сделай милость, не торопись... Прощай, милый; пишу тебе в пол-пьяна и в постели.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, перв. полов. июня 1824 г.

(13 июня 1824 г. Одесса). Я ничего тебе не могу сказать хорошего о племяннике Василия Львовича. Это мозг совершенно беспорядочный, над которым никто не сможет господствовать; недавно он снова напроказил, вследствие чего подал прошение об отставке; во всем виноват он сам... Я сделаю все, что могу, чтоб успокоить его голову; я браню его и от твоего имени, уверяя, что, конечно, ты первый обвинил бы его, так как его последние прегрешения истекают из легкомыслия. Он постарался выставить в смешном виде лицо, от которого зависит, и сделал это; это стало известно, и, вполне понятно, на него уж не могут больше смотреть благосклонно. Он мне в самом деле причиняет беспокойство, но никогда я не встречала столько ветренности и склонности к злословию, как в нем; вместе с этим я думаю, что у него доброе сердце и много мизантропии; не то, чтобы он избегал общества, но он боится людей; может быть это следствие несчастия и несправедливостей его родителей, которые сделали его таким (103).

(16 июня). Каждый день у меня бывает Пушкин. Я его усердно отчитываю (105).

(20 июня). Я начинаю думать, что Пушкин менее дурен, чем кажется (106).

(23 июня). Какая голова и какой хаос в этой бедной голове! Часто он меня ставит в затруднение, но еще чаще вызывает смех (109).

(27 июня). Пушкин абсолютно не желает писать на смерть Байрона; по-моему, он слишком занят и, особенно, слишком влюблен, чтобы заниматься чем-нибудь другим, кроме своего «Онегина», который, по моему мнению,—второй Чайльд-Гарольд: молодой человек дурной жизни, портрет и история которого отчасти должны сходствовать с автором... Он начал еще «Цыганку», которую не хочет кончать (112).

(4 июля). Пушкин не сердится за деньги *(должные ему)* и зажимает мне рот, как только я о них заговорю. Я стараюсь держаться с ним, как с сыном, но он непослушен, как паж; если бы он был менее дурен собою, я назвала бы его херувимом: действительно, он совершает только ребячества, но именно это свернет ему шею,—не сегодня, так завтра. Поговори о нем с Трубецким, и пусть он тебе расскажет об его последних мистификациях (115).

(7 июля). С Пушкиным мы в очень хороших отношениях; он ужасно смешной. Я его браню, как будто бы он был моим сыном. Ты знаешь, что он подал в отставку? (119).

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ—мужу своему П. А. Вяземскому, из Одессы. *Ост. Арх.*, т. V, вып. II (*фр.*).

Высочайше повелено находящегося в ведомстве государственной коллегии иностранных дел колл. секр. Пушкина уволить вовсе от службы.

Уведомление гр. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ от 8 июля 1824 г. *Рус. Стар.*, 1887, т. 53, стр. 246.

(11 июля). Я даю твои письма Пушкину, который всегда смеется, как сумасшедший. Я начинаю дружески любить его. Думаю, что он добр, но ум его ожесточен несчастиями; он мне выказывает дружбу, которая меня чрезвычайно трогает... Он доверчиво говорит со мною о своих неприятностях, равно как и о своих увлечениях... Я становлюсь на огромные камни, вдающиеся в море, смотрю как волны разбиваются у моих ног; иногда у меня не хватает храбрости дождаться девятой волны, когда она приближается с слишком большою скоростью, тогда я убегаю от нее, чтобы через минуту воротиться. Однажды мы с графиней Воронцовой и Пушкиным дождались ее, и она ока-

тила нас настолько сильно, что пришлось переодеваться... Пушкин сидит без гроша, и я тоже, я должна повсюду.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ—мужу, из Одессы. *Ост. Арх.*, V вып. II, 121—123 (*фр.*).

Княгиню Е. К. Воронцову Пушкин звал la princesse belvetrille. Это оттого, что однажды в Одессе она, глядя на море, твердила известные стихи:

Не белеют ли ветрила,
Не плывут ли корабли?

О подробностях своего одесского житья Пушкин не любил вспоминать, но говорил иногда с сочувствием об Одессе, называя ее «летом песочница, зимой чернильница», и повторяя какие-то стихи.

Арк. О. РОССЕТ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1882, I, 246.

Воронцов желал, чтобы сношения с *(княгинею В. Ф.)* Вяземскою прекратились у графини *(Е. К. Воронцовой)*; он очень сердит на их обеих, особливо на княгиню, за Пушкина, шалуна-поэта, да и поделом. Воронцова хотела способствовать его бегству из Одессы, искала для него денег, старалась устроить ему посадку на корабль.

А. Я. БУЛГАКОВ—К. Я. Булгакову, *Рус. Арх.*, 1901, II, 187 (*фр.-рус.*).

Я подавал на рассмотрение императора письма, которые ваше сиятельство прислали мне, по поводу коллежского секретаря Пушкина. Его величество вполне согласился с вашим предложением об удалении его из Одессы, после рассмотрения тех основательных доводов, на которых вы основываете ваши предположения, и подкрепленных, в это время, другими сведениями, полученными его величеством об этом молодом человеке. Все доказывает, к несчастию, что он слишком проникся вредными началами, так пагубно выразившимися при первом выступлении его на общественное поприще. Вы убедитесь в этом из приложенного при сем письма. Его величество поручил мне переслать его вам; об нем узнала московская полиция, потому что оно ходило из рук в руки и получило всеобщую известность [1]). Вследствие этого, его величество, в видах законного

[1]) Письмо это, как полагают, было адресовано Вяземскому. Вот место, вызвавшее внимание полиции: «Беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов тысячу, чтобы доказать, что не может существовать разумного существа, творца и распорядителя,—мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь

наказания, приказал мне исключить его из списков чиновников министерства иностранных дел за дурное поведение; впрочем, его величество не соглашается оставить его совершенно без надзора, на том основании, что, пользуясь своим независимым положением, он будет, без сомнения, все более и более распространять те вредные идеи, которых он держится, и вынудит начальство употребить против него самые строгие меры. Чтобы отдалить, по возможности, такие последствия, император думает, что в этом случае нельзя ограничиться только его отставкою, но находит необходимым удалить его в имение родителей, в Псковскую губернию, под надзор местного начальства. Ваше сиятельство не замедлит сообщить Пушкину это решение, которое он должен выполнить в точности, и отправить его без отлагательства в Псков, снабдив прогонными деньгами.

Граф К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ—гр. М. С. Воронцову, 11 июля 1824 г., из Петербурга. *Рус. Стар.*, 1879, т. 26, стр. 293 (*фр.*).

Вы уже узнали, думаю, о просьбе моей в отставку; с нетерпением ожидаю решения своей участи. Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым; дело в том, что он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением, я мог дождаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов—вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое. Старичок Инзов сажал меня под арест всякий раз, как мне случалось побить молдавского боярина. Правда,—но за то добрый мистик в то же время приходил меня навещать и беседовать со мною о гишпанской революции. Не знаю, Воронцов посадил ли бы меня под арест, но уж верно не пришел бы ко мне толковать о конституции кортесов. Удаляюсь от зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой.

ПУШКИН—А. И. Тургеневу, 14 июля 1824 г., из Одессы.

(15 июля). Пушкин, как я знаю, находится в очень стесненных обстоятельствах... Пушкин скучает гораздо более, чем я: три женщины, в которых он был влюблен, недавно уехали. К счастью, одна возвращается на-днях (124—125).

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ—кн. П. А. Вяземскому. *Ост. Арх.*, V, вып. 2 (*фр.*).

утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастию, более всего правдоподобная». Анненков сообщает: «благодаря несовсем благоразумной гласности, которую сообщили этому письму приятели Пушкина и особенно Ал. Ив. Тургенев, носившийся с ним по своим знакомым, письмо дошло до сведения администрации». *(Пушкин в алекс. эпоху*, 261)

Вчера пронесся здесь слух, что Пушкин застрелился.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 15 июля 1824 г., из Петербурга. *Ост. Арх.*, III, 58.

(18 июля). Единственный человек, которого я вижу, это Пушкин, а он влюблен в другую, это меня очень ободрило, и мы с ним очень добрые друзья; большую роль в этом играет его положение; он, действительно, несчастен (126).

(19 июля). Пушкин так настойчиво просит меня доставить ему удовольствие читать твои письма, что, несмотря на твои сальности, я их даю ему с условием, что он будет читать их тихо, но когда он смеется, я до слез смеюсь вместе с ним. Ты сочтешь меня бесстыдной (130)... Как могло дело Пушкина принять такой дурной оборот? Он виновен только в ребячестве и в некоторой вполне справедливой досаде за посылку его на поиски саранчи, чему он, однако, подчинился. Он там был и подал в отставку по возвращении, потому что его самолюбие было оскорблено. Вот и все (131).

(27 июля). Я заплатила 1260 рублей Пушкину... Я его очень люблю, и он мне позволяет бранить себя, как матери; толку от этого мало, но пусть он все-таки приучается слышать правду (136—137).

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ—П. А. Вяземскому из Одессы. *Ост. Арх.*, т. V, вып. 2 (*фр.*).

Бор. Алдр. Садовской передавал нам, что ему П. И. Бартенев говорил (вероятно , со слов Нащокина), что кн. В. Ф. Вяземская летом 1824 г. в Одессе увлеклась Пушкиным. Кратковременное увлечение это впоследствии сменилось чувством искренней дружбы.

М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ. Рассказы о П-не, 79.

В 1824 году, в июле месяце, во время каникул, я, воспользовавшись данной нам, оставшимся в заведении воспитанникам, свободой, отправился утром, после завтрака, в свой класс, чтобы секретно прочитать принесенную мне из города поэму Пушкина «Руслан и Людмила», а из предосторожности взял речи Цицерона на случай внезапного посещения начальства. У меня была привычка читать вслух, и я, взобравшись на кафедру, стал громко декламировать стихи. Вдруг слышу чьи-то шаги в коридоре и, полагая, что это инспектор или надзиратель, я поспешно спрятал поэму в кафедру и, развернувши Цицерона, стал с жаром декламировать первую попавшуюся мне речь. В это время входит в класс незнакомая особа в странном костюме: в светло-сером фраке, в черных панталонах, с красной феской на голове и с ружейным стволом в руке вместо трости. Я привстал, он

мне поклонился и, не говоря ни слова, сел на край ученической парты, стоящей у кафедры. Я смотрел на это с недоумением, но он первый прервал молчание:—Я когда-то сидел тоже на такой скамье, и это было самое счастливое время в моей жизни.—Потом, обратившись прямо ко мне, спросил:—Что вы читаете?—Речи Цицерона,—ответил я.—Как ваша фамилия?—Сумароков.—Славная фамилия! Вы, верно, пишите стихи?—Нет.—Читали вы Пушкина?—Нам запрещено читать его сочинения.—Видели вы его?—Нет, я редко выхожу из заведения.—Желали бы его видеть?—Я простодушно отвечал, что, конечно, желал бы, о нем много говорят в городе, как мне передали мои товарищи. Он усмехнулся и, посмотревши на меня, сказал:—Я Пушкин, прощайте. Сказав это, он направился к дверям. Я проводил его до самого выхода. Когда мы шли по длинному коридору, он сказал мне:—Однако у вас в лицее, как я вижу, свободный вход и выход?—Это по случаю каникул.—С этим мы расстались.

А. СУМАРОКОВ. *В. Яковлев. Отзывы*, 154.

Пушкин носил тяжелую железную палку. Дядя спросил у него однажды: «для чего это носишь ты такую тяжелую дубину?». Пушкин отвечал: «для того, чтоб рука была тверже: если придется стреляться, чтоб не дрогнула».

М. Н. ЛОНГИНОВ со слов дяди своего, Н. М. Лонгинова. *Библиографич. Записки*, 1859, № 18, стр. 553.

К эпохе 1823—1824 гг. относится возникшее стремление Пушкина собирать книги, которое заставило его сказать так живописно, что он походит на стекольщика, разоряющегося на покупку необходимых ему алмазов. Большая часть его денег уходила этим путем... Пушкин успел выучиться на юге по-английски и по-итальянски и много читал на обоих языках.

К концу пребывания Пушкина в Одессе знакомые его заметили некоторую осторожность в его суждениях, осмотрительность в принятии мнений. Первый пыл молодости пропал: Пушкину было уже 25 лет.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 89—90.

Когда решена была его высылка из Одессы, Пушкин впопыхах прибежал к княгине Вяземской с дачи Воронцовых, весь растерянный, без шляпы и перчаток, так что за ними посылали человека от княгини Вяземской.

П. И. Бартенев со слов кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 306.

Наказание поразило всех своею строгостью и для самого Пушкина было неожиданностью. Пушкин сделался сам не свой. Тем не менее, хоть и реже прежнего, он появлялся на даче Рено, у Воронцовой. После известной его эпиграммы на ее мужа (в которой потом сам он раскаивался), конечно, обращались с ним очень сухо. Перед каждым обедом, к которому собиралось несколько человек, хозяйка обходила гостей и говорила каждому что-нибудь любезное. Однажды она прошла мимо Пушкина, не говоря ни слова, и тут же обратилась к кому-то с вопросом:—Что нынче дают в театре? Не успел спрошенный раскрыть рот для ответа, как подскочил Пушкин и, положа руку на сердце (что он делывал, особливо когда отпускал остроты) с улыбкою сказал:—La sposa fedele, contessa (верная супруга, графиня)! Та отвернулась и воскликнула:—Quelle impertinence (какая наглость)!

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1884, III, 188.

За несколько дней перед моим от'ездом из Одессы, Савелов и я играли у Лучича; Лучич проиграл мне 900 рублей, из коих 300 заплатил мне на другой же день, а остальные 600 перевел на Савелова, который и согласился. При моем внезапном от'езде я занял эти 600 руб. у княгини Вяземской, с согласия же Савелова.

ПУШКИН—В. И. Туманскому, 13 авг. 1825 г.

* Когда Пушкина выслали из Одессы, финансы его были очень расстроены, а выехать без денег трудно. Некоторые приятели одолжили ему взаймы, кто сколько мог. В числе их и дядя мой дал ему 50 или 100 руб. асс. Пушкин уехал к общему огорчению одесской молодежи и особенно дам... Вскоре дядя получил от Пушкина письмо, в котором он благодарил его за одолжение; деньги были приложены к письму. Одесские дамы тотчас выпросили у дяди письма Пушкина и разделили между собою по клочкам: всякой хотелось иметь хоть строку, написанную рукой поэта.

М. Н. Лонгинов со слов дяди своего Н.М.ЛОНГИНОВА. *Библиографич. Записки*, 1859, № 18, стр. 555.

Пушкин завтрашний день отправляется отсюда в город Псков по данному от меня маршруту через Николаев, Елизаветград, Кременчуг, Чернигов и Витебск. На прогоны к месту назначения, по числу верст 1.621, на три лошади, выдано ему денег 389 р. 4 к.

ОДЕССКИЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИК в донесении новороссийскому генерал-губернатору от 29 июля 1824 г. *Рус. Стар.*, 1887, т. 53, стр. 246.

О Пушкине, несмотря на прекрасные его стихотворения, никто не пожалеет. Кажется, Воронцов и добр, и снисходителен, а и с ним не ужился этот повеса. Будет, живучи в деревне, вспоминать Одессу, да нельзя уж будет пособить. Вас. Львович (*Пушкин*) уверяет, что это убьет его отца.

А. Я. БУЛГАКОВ—К. Я. Булгакову, 31 июля 1824 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1901, II, 74.

А. Г. Родзянко имел счастие принимать Пушкина у себя в деревне, Полтавской губернии Хорольского уезда. Пушкин, возвращаясь с Кавказа (*из Одессы*), прискакал к нему с ближайшей станции верхом, без седла, на почтовой лошади, в хомуте.

А. П. КЕРН. *Л. Майков*, 238.

* Пушкин, проезжая из Одессы в Михайловское через Малороссию мимо деревни А. Г. Родзянки, заехал к нему. Когда к дому быстро подкатила почтовая тележка, с нее спрыгнул незнакомец, странно костюмированный; узнав от слуги, что Родзянко дома, поспешно прошел залу в кабинет хозяина. На незнакомце был красный молдаванский плащ, такого же цвета широчайшие шаровары, на ногах желтые туфли, а на голове турецкая фесс с длинною кистью; длинные волоса касались плеч, в руке же держал длинную палку с крючком на конце, подобную тем, какие носят степные пастухи... Спустя не более получаса, хозяин провел своего гостя под руку через залу до самой телеги, ожидавшей у под'езда.

Н. Б. ПОТОКСКИЙ. Встречи с А. С. Пушкиным. *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 575.

* Однажды, в конце лета, в местечке Ични, отстоящем от Вернигоровщины *(хутор рассказчика)* в нескольких верстах, был проездом Ал. Серг—ч и, остановившись там на постоялом дворе, встретил местных помещиков, с которыми познакомился и вступил в оживленную беседу, вскоре перешедшую в шумный спор, при чем Пушкин резко порицал установившиеся порядки. Случайно мимо этого дома, в котором окна были отворены, проходит местный полицейский чин, обративший невольное внимание на задорные речи незнакомца, который от поры до времени появлялся в окнах, благодаря тому, что ходил по комнате. Наведя немедленно справки, кто и откуда этот проезжий, полицейский пришел в восторг, узнав, что это тот самый Пушкин, о котором имелось у него секретное предписание губернатора. И вот, по прошествии какого-нибудь часа, за экипажем Пушкина, направлявшимся к Вернигоровщине, следом двигался и другой экипаж, в котором сидел полицейский чин, переодетый в неопреде-

ленный костюм. Когда Пушкин приехал в Вернигоровщину, меня там не было. Приехав домой часа через четыре, я уже его не застал у себя, но узнал от своих людей, что без меня приезжал сюда какой-то неизвестный барин, который хотел передать мне какое-то письмо, и который в кабинете сначала немного полежал на диване, облокотясь на правую руку, а потом что-то писал, придвинув к себе маленький столик, что следом за ним приезжал сюда всем известный полицейский, но переодетый как то странно, и что он шепнул,—не препятствовать этому барину делать, что он захочет, а что он, полицейский, будет за ним следить. Я отправился в кабинет и застал там, действительно, придвинутый столик к дивану и письменные принадлежности на столике, но писем не оказалось. Бросив взгляд на спинку дивана, я заметил над нею портрет, нарисованный пером на моей бумаге, а когда я его показал моим людям, то все признали в нем сходство с тем барином, который был. Для меня сделалось ясным, кто был мой дорогой гость.

Н. И. ВЕЛИЧКО в передаче его внука Н. В. Подвысоцкого. «Из моих воспоминаний». *Пушкинский сборник (в память столетия дня рождения поэта)*. СПБ, 1889, стр. 587—589.

(По поводу предыдущего сообщения). Если Пушкин, действительно, когда либо заезжал к Н. И. Величко, то это могло быть лишь летом 1824 г., когда он из Одессы проезжал в Михайловское, при чем, следуя большим почтовым трактом, обязательно должен был проехать через Прилуки и Нежин. Хотя дорога между этими городами и не лежит через местечко Ичню, близ которой находится хутор Вернигоровщина, но расстояние их от почтового тракта так невелико (верст 20—25), что Пушкину нетрудно было бы свернуть в сторону и заехать на несколько часов к приятелю.

А. И. МАРКЕВИЧ. Пушкинские заметки. *Пушкин и его совр-ки*, III, 97.

В 1824 г., по выпуске из петербургского университетского пансиона, я ехал, в конце июля (*в начале августа*), с Н. Г. К. к родным моим в Киев. В Чернигове мы ночевали в какой-то гостинице. Утром, войдя в залу, я увидел в соседней буфетной комнате шагавшего вдоль стойки молодого человека, которого по месту прогулки и по костюму принял за полового. Наряд был очень непредставительный: желтые, нанковые, небрежно надетые шаровары и русская цветная измятая рубаха, подвязанная вытертым, черным шейным платком, курчавые, довольно длинные и густые волосы развевались в беспорядке. Вдруг эта личность быстро подходит ко мне с вопросом: «вы из царскосельского лицея?». На мне еще был казенный сюртук, по форме

одинаковый с лицейским. Сочтя любопытство полового неуместным и не желая завязывать разговор, я отвечал довольно сухо.—А, так вы были вместе с мои братом,—возразил собеседник.—Это меня озадачило, и я уже вежливо просил его назвать мне свою фамилию.—Я—Пушкин; брат мой Лев был в вашем пансионе.—Я был сконфужен моею опрометчивостью. Тем не менее мой спутник и я скоро с ним разговорились. Он рассказал нам, что едет из Одессы в деревню, но что усмирение его не совсем еще кончено, и, смеясь, показал свою подорожную, где по порядку были прописаны все города, на какие именно он должен был ехать. Затем он попросил меня передать в Киеве записку генералу Раевскому, тут же им написанную.

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ. Воспоминания. *Рус. Арх.*, 1872, стр. 862.

А. А. Куцинский в 1824 г. молодым корнетом находился в Могилеве на Днепре в учебном эскадроне... Утром 5 августа Куцинский вышел погулять и видит: по улице расхаживает кто-то в виде кучеренка, в русской рубашке, высоких сапогах и ермолке, а по сверх всего военная шинель. Появление незнакомца возбудило любопытство. Стали говорить, что это, должно быть, сумасшедший. Куцинский отправился на почтовую станцию и в книге с подорожными прочел: колл. секретарь Александр Пушкин. С ним ехал слуга, одетый татарченком. В восторге Куцинский бежит к Пушкину, рекомендуется и просит сделать ему честь откушать у него чашку чая, прямо об'являя, что он и его товарищи зачитываются «Бахчисарайским Фонтаном»... Затем молодые люди повели Пушкина в гостиницу, где полилось шампанское. Пушкин предлагал было карты, но игра почему-то не состоялась.—«Вы не думайте, чтоб я не мог играть,—говорил он;—у меня вот сколько денег». И он показывал большой пук ассигнаций.

П. И. Бартенев со слов ген. от кавал. А. А. КУЦИНСКОГО. *Рус. Арх.*, 1900, I, 449.

6 августа 1824 г., в Могилеве, когда перед манежем полковая музыка играла зарю, а публика гуляла по Шкловской улице, проезжала на почтовых, шагом, коляска; впереди шел кто-то в офицерской фуражке, шинель в накидку, в красной шелковой, русского покроя, рубашке, опоясанный агагиником. Коляска поворотила по Ветряной улице на почту. Я немедленно поспешил вслед... Смотритель сказал мне, что едет из Одессы коллежский асессор Пушкин; я тотчас бросился в пассажирскую комнату и, взявши Пушкина за руку:—«Вы, Ал. С—ч, верно не узнаете меня? Я—племянник бывшего директора лицея Е. А. Энгельгардта; по праздникам меня брали из корпуса в Царское Село, где вы с Дельвигом заставляли меня декламиро-

вать стихи». Пушкин, обнимая меня, сказал:—«Помню, помню, Саша, ты проворный был кадет». Я от радости такой неожиданной встречи опрометью побежал к гулявшим со мною товарищам-офицерам известить их, что проезжает Пушкин... Все поспешили на почту. Восторг был неописанный. Пушкин приказал раскупорить несколько бутылок шампанского. Пили за всё, что приходило на мысль... Но это для нас не было достаточно: мы взяли его на руки и отнесли, по близости, на мою квартиру (я жил вместе с корнетом Куцинским). Пушкин был восхищен нашим энтузиазмом: мы поднимали на руки дорогого гостя, пили за его здоровье. Пушкин был в самом веселом и приятном расположении духа, он вскочил на стол и продекламировал:

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель.
Где до утра слово «пей»
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

Снявши Александра Сергеевича со стола, мы начали его на руках качать, а князь Оболенский закричал:—«Господа, это торжество выходит из пределов общей радости, оно должно быть ознаменовано чем-нибудь особенным. Господа! Сделаем нашему кумиру ванну из шампанского!» — Все согласились, но Пушкин, улыбнувшись сказал:—«Друзья мои, душевно благодарю; действительно, было бы отлично, я не прочь пополоскаться в шампанском, но спешу—ехать надо». Это было в 4 часа утра. Мы все гурьбой проводили его на почту, где опять вспрыснули шампанским и простились.

А. РАСПОПОВ. Встреча с А. С. Пушкиным. *Рус. Стар.*, 1876, т. 15, 464.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „НЕДРА“

Адрес Редакции и Конторы: Москва, Свердловская площадь, д. № 2/7, 10. Телеф. 5-05-98.

Склад—Москва, Тверская, Пименовский пер., д. № 8. Тел. 2-17-71.

I. НОВЕЙШАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

РУССКАЯ

Бахметьев, В.—«На земле», рассказы. Стр. 130. Ц. 80 к.
Бибик, А.—«К широкой дороге». (Роман, изд. 7-е, перераб. и доп. автором). Стр. 304. Ц. 2 р. 25 к.
Бибик, А.—«На черной полосе». (Роман, изд. 6-е, доп. автором). Стр. 224. Ц. 1 р. 90 к.
Бибик, А.—«Старый Токарь», рассказы, книга 1-я. Изд. 2-е. Стр. 190. Ц. 1 р. 50 к.
Бибик, А.—«Жесткая учеба», рассказы, книга 2-я. Изд. 2-е. Стр. 187. Ц. 1 р. 50 к.
Булгаков, М.—«Дьяволиада», рассказы, изд. 2-е. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.
Вересаев, В.—«В тупике», ром., изд. 5-е. Стр. 237. Ц. 2 р.
Вересаев, В.—«Два конца», повесть, изд. 2-е. Стр. 141. Ц. 1 р. 30 к.
Вересаев, В.—«В юные годы» (воспоминания). Ц. 2 р.
Вересаев, В.—«Живая жизнь», ч. I. О Достоевском и Льве Толстом, изд. 4-е. Ц. 2 р. 25 к.
Вересаев, В.—«Живая жизнь», ч. II, «Аполлон и Дионис» (о Ницше), изд. 2-е. Стр. 137. Ц. 90 к.
Вересаев, В.—«Что нужно для того, чтобы быть писателем?» (Лекция для литературной студии), изд. 2-е. Стр. 37. Ц. 25 к.
Вересаев, В.—«Об обрядах старых и новых» (к художественному оформлению быта). Стр. 31. Ц. 25 к.
Вересаев, В.—«Записки врача», изд. 11-е. Стр. 184. Ц. 1 р. 50 к.
Вересаев, В.—«Пушкин в жизни». (Систематический свод подлинных свидетельств современников). Вып. I, изд. 3-е дополненное. Стр. 160.
Вересаев, В.—«Пушкин в жизни». Вып. II, изд. 2-е дополненное. Стр. 173. Ц. 1 р. 75 к.
Вересаев, В.—«Пушкин в жизни». Вып. III, изд. 2-е дополненное. Стр. 150. Ц. 1 р. 60 к.
Вересаев, В.—«Пушкин в жизни». Вып. IV. Стр. 190. Ц. 1 р. 70 к.
Вересаев, В.—Гесиод. «Работы и дни». — Земледельческая поэма, пер. с древ.-греческ. Стр. 88. Ц. 1 р. 20 к.
Вересаев, В.—«Гомеровы гимны», перевод с древне-греческого. Стр. 96. Ц. 1 р. 10 к.
Веселый, Артем.—«Страна родная», роман, изд. 2-е. Стр. 200. Ц. 1 р. 40 к.
«Времена года в русской поэзии». Сборник стихотворений под ред. Н. Ангарского. Рисунки художника Д. Мельникова. С вступительной статьей В. Голубкова. Стр. 185. Ц. 1 р.
Герасимов, М.—«Покос», стихи и поэмы. Стр. 105. Ц. 1 р. 25 к.
Грин, А.—«Гладиаторы», рассказы. Стр. 212. Ц. 75 к.
Губер, Б.—«Соседи», рассказы. Стр. 158. Ц. 1 р. 10 к.
Завадовский, Л.—«Вражда», рассказы. Стр. 152. Ц. 1 р.
Завадовский, Л.—«Песнь седого волка», рассказы. Стр. 176. Ц. 1 р. 30 к.
Завалишин, А.—«Первый блин», рассказы. Стр. 111. Ц. 75 к.
Иванов, Вс.—«Возвращение Будды», повесть, том II. Стр. 160. Ц. 1 р.

Кириллов, В.—«О детстве, море и красном знамени». Стр. 48. Ц. 50 к.
Крутиков, Д.—«Старый хмель», рассказы. Стр. 159. Ц. 1 р. 20 к.
Ляшко, Н.—Повести, изд. 2-е. Стр. 163. Ц. 1 р.
Ляшко, Н.—«Радуга», рассказы, изд. 2-е. Стр. 112. Ц. 75 к.
Никандров, Н.—«Рынок любви», рассказы, изд. 3-е. Стр. 283. Ц. 1 р. 60 к.
Никандров, Н.—«Любовь Ксении Дмитриевны», рассказы. Ц. 1 р. 40 к.
Никандров, Н.—«Весельчаки», рассказы, изд. 3-е. Стр. 207. Ц. 1 р. 75 к.
Никандров, Н.—«Все подробности», рассказы, изд. 6-е. Стр. 237. Ц. 2 р.
Обрадович, С.—«Винтовка и любовь», стихи. 1921—23 год. Стр. 64. Ц. 70 к.
Перегудов, А.—«Человечья весна», рассказы. Стр. 143. Ц. 1 р. 10 к.
Перегудов, А.—«Баян», рассказы. Стр. 120. Ц. 1 р. 05 к.
Романов, Пантелеймон.—«Дружный народ», рассказы. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 35 к.
Романов, Пантелеймон.—«Хорошие места», рассказы. Стр. 174. Ц. 1 р. 35 к.
Романов, Пантелеймон.—«Заколдованные деревни», рассказы. Ц. 1 р. 35 к.
Ряховский, В.—«Сокращение штатов», повесть. Стр. 96. Ц. 65 к.
Садофьев, И.—«Простей простого», стихи и поэмы. Стр. 143. Ц. 1 р. 25 к.
Серафимович, А.—«Ледоход», рассказы, изд. 2-е. Стр. 131. Ц. 90 к.
Сергеев-Ценский, С.—«Недра», рассказы, изд. 3-е. Стр. 173. Ц. 1 р. 20 к.
Тверяк, А.—«У лесного озера», повести и рассказы. Ц. 1 р. 65 к.
Тренев, К.—«Любовь Яровая», «Пугачевщина», пьесы. Полные тексты постановок Госуд. Акад. **Малого и Художественного** театров с художественными фотографиями. Стр. 212. Ц. 1 р. 80 к.
Тренев, К.—«Батраки», рассказы. Стр. 175. Ц. 1 р. 40 к.
Хаит, Д.—«Бурьян», повесть. Стр. 95. Ц. 55 к.
Чапыгин, А.—«Плаун-Цвет», рассказы. Стр. 160. Ц. 1 р. 15 к.
Ширяев, П.—«Цикута», рассказы. Стр. 142. Ц. 1 р. 20 к.
Яблочков, Г.—«Товарищ Полетаев», рассказ. Стр. 64. Ц. 40 к.
Яковлев, А.—«Повольники», рассказы, изд. 3-е. Стр. 157. Ц. 1 р.
Яковлев, А.—«Без берегов», рассказы, изд. 3-е. Стр. 188. Ц. 1 р. 60 к.
Яковлев, А.—«Счастье», повести и рассказы, изд. 3-е. Стр. 192. Ц. 1 р. 50 к.
Яковлев, А.—«Лесная тайна», рассказы. Стр. 136. Ц. 90 к.
Яковлев, А.—«Победитель», роман. Ц. 1 р. 80 к.

ИНОСТРАННАЯ

Амп, П.—«Шампанское», рассказы, пер. с франц. Стр. 108. Ц. 90 к.
Амп, П.—«Свежая рыба», рассказ, пер. с франц. Стр. 48. Ц. 45 к.
Бреме, М.—«Исповедь девушки», роман, пер. с немец. Ц. 1 р. 20 к.
Гамсун, К.—«Последняя глава», роман, перев. с норвежск. Стр. 344. Ц. 2 р.
Гауптман, Г.—«Тайна острова дам», роман, перевод с немецк. Стр. 192. Ц. 1 р. 20 к.
Гелсуорси, Д.—«Моментальные снимки», рассказы, перев. с англ. Стр. 109. Ц. 40 к.
Генри, О.—«Рассказ ловкого мошенника», перев. с англ. Стр. 77. Ц. 35 к.
Гризар, Э.—«Бьется сердце земли», пер. с немецк. Стр. 60. Ц. 40 к.
Дельтей, Ж.—«Фарфоровая джонка», роман, пер. с франц. Ц. 60 к.
Димитриевич, Е.—«Новые женщины», роман, пер. с сербского. Ц. 1 р. 70 к.
Доржелес, Р.—«Пробуждения мертвых», роман, перевод с франц. Стр. 300. Ц. 1 р. 50.
Дюамель, Ж.—«Скала Хорива», роман., перев. с франц. Стр. 173. Ц. 1 р.
Ибаньес, Б.—«Разоблаченный Альфонс XIII», пер. с франц. Стр. 94. Ц. 50 к.
Кессель, Ж.—«Пленники», роман, пер. с франц. Ц. 1 р. 10 к.
Ламандэ, А.—«Дети века», роман, пер. с франц. Стр. 118. Ц. 75 к.
Лондр, А.—«Рынок женщин», пер. с франц. Стр. 175. Ц. 1 р.
Лоуренс, Д.—«Семья Бренгуэнов» (Радуга), роман, перевод с английск. Стр. 365. Ц. 1 р. 50 к.
Лоуренс, Д.—«Урсула Бренгуэн» (Радуга), роман, перевод с английск. Стр. 302. Ц. 1 р. 40 к.
Лоуренс, Д.—«Флейта Аарона», роман, перевод с английского. Стр. 400. Ц. 1 р. 60 к.
Маран, Р.—«Джума», негритянский роман, пер. с франц. Стр. 142. Ц. 80 к.

Маргерит, В.—«Моника Лербье», роман, изд. 4-е, перев. с французского. Стр. 214. Ц. 1 р. 25 к.

Маргерит, В.—«Твое тело принадлежит тебе», роман, пер. с французск. (печатается).

Моруа, А.—«Фабрикант Кеней», роман. Стр. 136. Ц. 85 к.

Нексэ, М.—«Пелле-победитель», роман, перев. с датского. Стр. 336. Ц. 2 р. 25 к.

Пруст, М.—«Под сенью девушек в цвету», роман, перев. с французск. Стр. 429. Ц. 2 р. 70 к.

Уайт, У.—«Огонь из кремня», роман, перев. с английск. Стр. 218. Ц. 1 р. 20 к.

Уильсон-Уильсон, Т.—«Джек из Питерлоо», роман, перевод с английск. Стр. 224. Ц. 1 р. 15 к.

Уэльс, Г.—«Краткая история мира», пер. с англ. Стр. 348. Ц. 2 р. 25 к.

Уэлш, Д.—«Подземный мир», повесть, перевод с английского. Изд. 2-е. Стр. 255. Ц. 1 р. 30 к.

Уэлш, Д.—«Морлоки», роман, пер. с англ. Стр. 307. Ц. 1 р. 60 к.

Фабр, Л.—«Человек земли», роман, пер. с франц. Стр. 199. Ц. 1 р.

Филипп, Шарль Луи.—«Старик Пердри», повесть, перевод с французск. Стр. 120. Ц. 75 к.

Флагерти, Л.—«Палатка» и др. рассказы, пер. с англ. Ц. 1 р. 35 к.

Хайд Стэсей.—«У станка», рассказы, пер. с англ. Стр. 112. Ц. 75 к.

Холдсуортс, Э.—«Рабы капитала», роман, перевод с английск. Стр. 287. Ц. 1 р. 75 к.

Юнг, Ф.—«Пролетарий», «Красная неделя», повести, перев. с немецкого. Стр. 159. Ц. 90 к.

Юнг, Ф.—«Рабочий поселок», роман, пер. с немецк. Стр. 148. Ц. 90 к.

III. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СБОРНИКИ «НЕДРА»

Под редакцией **Н. С. Ангарского**

КНИГА ПЕРВАЯ. Содержание: **В. Вересаев** — «В тупике», ч. 1-я. **Ив. Шмелев**—«Это было». **М. Козырев**—«Неуловимый враг». **А. Яковлев**—«Ошибка». **С. Федорченко**—Сказки. **П. Орешин**—«Метель». **И. Эренбург**—«Тараканий брод». Стихи: **М. Герасимова, В. Кириллова, С. Клычкова, Н. Колоколова, Е. Полонской, П. Радимова, Н. Тихонова, А. Ширяевца.** Стр. 323. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ВТОРАЯ. Содержание: **В. Вересаев** — «В тупике», ч. 2-я. **Н. Никандров** — «Диктатор Петр». **А. Неверов** — «Андрон непутевый». **А. Н. Толстой**—«Рукопись, найденная среди мусора под кроватью». **М. Волошин**—Из цикла «Путями Каина». Стихи: **Н. Тихонова, М. Герасимова, Д. Туманного, М. Шкапской, С. Заяицкого, А. Макарова, В. Наседкина.** Неизданные материалы: Письма **Ф. Достоевского. С. Аксакова.** Повесть. **Н. Огарева.** Стр. 297. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Содержание: **В. Вересаев**—«В тупике» (окончание). **В. Кириллов**—Поэма. **А. Чапыгин**—«Белая равнина». **Вс. Иванов** — «Заповедник». **И. Хмелевский**—«Петька и Митька». Стихи: **Н. Тихонова, С. Колбасьева, В. Кемецкого, Б. Божнева, А. Гингера, П. Дружинина, Н. Колоколова, Д. Четверикова, А. Ширяевца.** Неизданные письма: **А. Пушкина и И. Тургенева.** Стр. 204. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Содержание: **А. Серафимович**—«Железный поток». **С. Сергеев-Ценский**—«Рассказ профессора». **М. Булгаков**—«Дьяволиада». **Вл. Кириллов**—«О детстве, море и красном знамени». **Е. Полонская и П. Орешин**—Стихи. Неизданные материалы: Письма **И. Тургенева.** Стр. 298. Ц. 2 р. 25 к. (распродано).

КНИГА ПЯТАЯ. Содержание: **Н. Ляшко**—«В разлом». **Н. Никандров**—«Профессор Серябряков». **А. Яковлев**—«Без берегов». **Ив. Вольнов**—«В поезде». **М. Герасимов**—«Проститутка». **Н. Бернер**—«Огюст Бланки». **М. Волошин**—«Космос». Стихи: **Д. Туманного, В. Кириллова.** Стр. 285. Ц. 2 руб.

КНИГА ШЕСТАЯ. Содержание: **Н. Никандров** — «Всем утешение». **Н. Тихонов**—«Лицом к лицу». **В. Брюсов** — Стихотворения. **А. Аросев**—«Туча над землей». **М. Волошин**—«Россия». **М. Булгаков**—«Роковые яйца». **А. Яковлев** — «Болото». Историко-литературные материалы: Пушкин и Рылеев. Стр. 230. Ц. 2 руб.

КНИГА СЕДЬМАЯ. Содержание: **Н. Никандров** — «Любовь Ксении Дмитриевны». **А. Кусиков**—«Москва». **Артем Веселый** —«Страна родная». **А. Бибик**—«Даешь Минск—Баку». **Г. Яблочков**—«Петр Буянов». Стихи: **М. Герасимова, В. Кириллова, С. Клычкова.** Стр. 294. Ц. 2 р.

КНИГА ВОСЬМАЯ. Содержание: **В. Вересаев** — «Из детских лет» (воспоминания). **И. Лукашин**—«Город Переплюй», повесть. **А. Перегудов**—«Кутум», рассказ. **Д. Хаит** —«Бурьян», повесть. Стихотворения: **Г. Шенгели, Д. Туманного, Б. Ковынева и А. Пришельца.** Стр. 237. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ДЕВЯТАЯ. Содержание: **Н. Ляшко**—«С отарою», повесть. **А. Яковлев**—«Дикой», рассказ. **В. Светозаров** — «Три стены», рассказ. Стихотворения: **В. Кириллова, М. Герасимова и Б. Ковынева.** Стр. 268. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ДЕСЯТАЯ. Содержание: **А. Веселый**—«Россия кровью умытая», роман. **А. Яковлев**—«Как трава», рассказ. **П. Романов** — «Звезды», рассказ. **А. Бибик**—«Новая Бавария», рассказ. **Д. Крутиков** — «Трое», рассказ. **Н. Ляшко**—«Марьина родина», рассказ. **В. Вересаев**—«Из отроческих лет» (воспоминания). Стихи: **М. Герасимова, Н. Колоколова, В. Кириллова, А. Петрова, Л. Новицкой, Д. Алтаузена и С. Обрадовича.** Историко-литературные материалы: **Н. Ангарский** —«Спор о наследстве **И. С. Тургенева».** Неопубликованная повесть **И. А. Гончарова**—«Счастливая ошибка». Стр. 288. Ц. 2 р. 25 к.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ. Содержание: **А. Яковлев**—«Победитель», роман. **Д. Крутиков**—«Бирючиха», рассказ. **В. Вересаев**—«Из отроческих лет» (воспоминания). **М. Миров**—«Повесть о дружбе». **Г. Алексеев**—«Преступление Антона Корнева», рассказ. Стр. 240. Ц. 1 р. 75 к.

Книга ДВЕНАДЦАТАЯ. Содержание: **Леонид Завадовский**—«В зеленых кварталах», повесть. **Давид Хаит**—«Кровь», повесть. **Глеб Алексеев**—«Шуба», повесть. **Н. Ляшко** — «Стена десятых», рассказ. Стр. 238. Ц. 1 р. 50 к.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ГОМЕРОВЫ ГИМНЫ

Перевел с древне-греческого В. Вересаев

Цена 1 руб. 10 коп.

ГЕСИОД

РАБОТЫ И ДНИ

Перевел с древне-греческого В. Вересаев

В 1918 Г. ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК ПЕРЕВОД УДОСТОЕН ПОЛНОЙ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМИИ

Цена 1 руб. 20 коп.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
„НЕДРА“

В. ВЕРЕСАЕВ

ПУШКИН В ЖИЗНИ

ВЫПУСК II

2-ое ИЗДАНИЕ

МОСКВА—1927

А. Т.

ИЗ КНИГ
М. Б. ИТКИНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
„НЕДРА“

В. ВЕРЕСАЕВ

ПУШКИН В ЖИЗНИ

(СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ СВОД ПОДЛИННЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ СОВРЕМЕННИКОВ)

ВЫПУСК II

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

МОСКВА—1927

Отпечатано в 16-й типографии «Мосполиграф», Трехпрудный пер., д. 9,
в количестве 4.000 экз.
Главлит № 83.284.
Москва.

Обложка работы художника А. ТОЛОКОННИКОВА.

VII

В МИХАЙЛОВСКОМ

(август 1824—сентябрь 1826)

Село Михайловское находится верстах в пяти от Святогорского монастыря. У здешних обитателей оно называется Зуевым, а чаще всего—Пушкиным. Названия «Михайловское» почти никто не знает. Выехавши из монастыря в поле, надо следовать через деревню и оттуда версты три все лесом до самой усадьбы Михайловского. Сосновый лес пересекается только одною проезжею дорогою. Лес чистый, у корня его виднеется зеленый бархатистый мох... Лес оканчивается у самого села Михайловского. При слове «село» не думайте о церкви и многих домах, которые ютятся около церкви в русских селах. В Псковской губернии селом называется просто усадьба или селение... Внизу домовой террасы по лугу извивалась река Сороть, а с правой стороны кругозора, бок-о-бок с рекою, лежало огромное озеро, за которым высился большой лес; с левой стороны террасы находилось еще озеро, уходившее в другой лес; прямо перед рекою и за рекою распространились луга. Вид очаровательный. Г-жа Пушкина *(жена Григ. Ал. Пушкина, сына поэта)* говорила мне, что когда солнце утром, вышедши из-за леса, осыплет лучами своими озеро, с правой стороны Сороти лежащее, или вечером озарит озеро, с левой стороны реки находящееся, то вид бывает еще очаровательнее, еще бесподобнее... От времени поэта осталось во дворе перед балконом два густых куста сирени, да на террасе, с другой стороны дома, столько же кустов этого растения.

А. Ф. Поэтический уголок Псковской губернии. *Новое Время*, 1880, № 1598.

К селу Михайловскому со стороны Св. Гор примыкает лес. Перед самым селом дорога идет старой аллеей, состоящей из елей; направо от этой аллеи видна не менее старая липовая

аллея, которая, как передают старожилы, служила во времена Пушкина главной под'ездной дорогой в имение.

Л. И. СОФИЙСКИЙ. *Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем.* Псков 1912. Стр. 194.

Михайловская усадьба расположена на краю обрыва, внизу которого простирается озеро Лучаново на пространстве 150 десятин, а неподалеку (к западу от усадьбы) другое озеро—Маленец, десятин в 8.

Л. И. ПОЛИВАНОВ. *Рус. Стар.*, 1887, т. 53, стр. 237.

От террасы идет склон к речке Сороти. Сороть не широка, сажень шесть, не больше. В нескольких саженях от нее справа и слева два озера: Малинец и Кучане, оба с плоскими берегами. За озером Кучане видны поля, мыза у опушки леса: вид очень хорош.

К. Я. ТИМОФЕЕВ. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1859, т. 103, отд. II, 149.

Михайловские владения начинаются огромным сосновым парком; проехав с версту по опушке его, мы повернули налево в широкую, прямую аллею, ведущую к дому, на пространстве по крайней мере версты; в стороне от дороги стоит уединенно забытая и опустошенная беседка без окон... Еще издали представился взорам нашим домик Пушкина, стоящий одиноко, почти в двух верстах от деревни Михайловской. Наружность деревянного, уже обветшалого, одноэтажного дома Пушкина очень проста. От дому тянутся на обе стороны службы. Перед домом, со стороны парка, есть небольшой сквер... Мы вошли с главного, середнего крыльца, в довольно большую комнату. Биллиард, обветшалый, со сгнившим, оборванным сукном, стоял в углу. Отсель налево две комнаты; здесь были спальня и кабинет Пушкина... Я поспешил на двор, прошел мимо служб, мимо конюшен; тянущийся вдоль решетчатый, деревянный забор утратил следы краски... Вот перед вами калитка; вы через нее проходите в садик и взор ваш, и чувства отдыхают, любуясь очаровательною картиною реки, озера, цепи холмов и прибрежного леса.

ДАВИД МАЦКЕВИЧ. Путевые заметки. *Северная Пчела*, 1848, № 249.

По межевым книгам 1786 г. в с-це Михайловском числилось 1974 десятины, по последней ревизии—80 душ муж. пола; в 1835 г. оно дало доходу 2000 руб., а в 1836 г.—3000 р.

ЗАПИСКА СОБОЛЕВСКОГО о с-це Михайловском. *П—н и его с-ки*, XIII, 100.

В Зуеве, что ныне Михайловское, с прочими деревнями, по межеванию 1786 года, земли количество следующее:

пашенной	848 дес.	878 саж.
сенного покоса	216 »	936 »
лесу дровяного	320 »	2070 »
под озерами	471 »	352 »
под мызою, деревнями, огородами, ручьями и дорогами	108 »	2302 »
итого	1965 дес.	1738 саж.

В том числе показано неудобной только 48 дес. На этом пространстве по последней ревизии—80 душ... Прибавьте 100 душ женска пола и господской запашки в трех полях 71 десятина.

Н. И. ПАВЛИЩЕВ—Пушкину, 11 июля и 1 авг. 1836 г. *Переп. Пушкина*, III, стр. 346 и 357.

Деревянный дом Михайловского с одним этажом стоит на небольшом косогоре, внизу которого с одной стороны течет река Сороть, впадающая в Великую. Фасад дома обращен задом к реке и лицом к небольшому скверу, сзади которого тянется почти на версту густой парк, с цветниками и дорожками.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 111.

Дом—деревянный, на каменном фундаменте, обшитый тесом, длиной в 8 сажен, шириною 6 сажен, 2 под'езда с крыльцами, 1 балкон, 20 дверей, 14 окон, 6 печей; флигерь деревянный, крытый и обшитый тесом, в нем одна комната, 3 окна, 3 двери, русская печь, а под одною с ним связью—баня с голландскою печью с котлом; 3 других флигеля, амбары и т. д.

ОПИСЬ, учиненная 18 мая 1838 г. Опочецким земским исправником Васюковым. *П—н и его с-ки*, XIII, 100.

Вот что рассказывали о с-це Михайловском М. И. Осипова и другие лица. Вся мебель, какая была в домике при Пушкине, была Ганнибаловская *(деда Пушкина, Ос. Абр. Ганнибала, умершего в 1806 г.)*. Пушкин себе нового ничего не заводил. Самый дом был довольно стар. Мебели было немного и вся-то старенькая... Вся обстановка комнаток Михайловского домика была очень скромна: в правой, в три окна, комнате, где был рабочий кабинет А. С—ча, стояла самая простая, деревянная, сломанная кровать. Вместо одной ножки под нее подставлено было полено: некрашеный стол, два стула и полки с книгами довершали убранство этой комнаты. Сквер перед домом во время Пушкина тщательно поддерживался, точно также не совершенно запущен был тенистый, большой сад: в нем были цветники.

М. И. СЕМЕВСКИЙ. Прогулка в Тригорское. *Спб. Ведомости*, 1866, № 157.

Я девочкой не раз бывала у Пушкина в имении и видела комнату, где он писал. Художник Ге написал на своей картине «Пушкин в селе Михайловском» совсем неверно. Это—кабинет не Александра Сергеевича, а сына его, Григория Александровича. Комнатка Александра Сергеевича была маленькая, жалкая. Стояли в ней всего-на-все простая кровать деревянная с двумя подушками, одна кожаная, и валялся на ней халат, а стол был ломберный, ободранный; на нем он и писал, и не из чернильницы, а из помадной банки. И книг у него своих в Михайловском почти не было; больше всего читал он у нас в Тригорском... Читать своих стихов он не любил.

ЕК. ИВ. ФОК (урожд. ОСИПОВА) в передаче В. П. Острогорского. *Мир Божий*, 1898, № 9, стр. 227.

Татьяна *(гр. Е. К. Воронцова)* приняла живое участио в вашей беде; она мне поручает сказать вам это, и пишу я это вам с ее позволения. Ее нежная и добрая душа тотчас же увидела только несправедливость, жертвою которой вы стали; она мне это выразила с отзывчивостью и грацией характера Татьяны. Прелестная девочка тоже помнит вас, она мне часто говорит о сумасшедшем г-не Пушкине и о палке с собачьей головой, которую вы ей подарили.

АЛ. Н. РАЕВСКИЙ—Пушкину, 21 авг. 1824 г., из Александрии ок. Белой Церкви. *Переп. Пушкина*, I, 127 *(фр.)*.

Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила нам, что когда приходило из Одессы письмо с печатью, изукрашенною точно такими кабалистическими знаками, какие находились и на перстне ее брата,—последний запирался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал к себе.

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в алекс. эпоху*, 283.

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон[1]), мой курчавый брат
(Не Михайловский прикащик),
Привезет нам, право, клад...
Что?—бутылок полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо—жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;

[1]) Лев Пушкин.

Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же—то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

В самом деле, милый, жду тебя с отверзтыми об'ятиями и с откупоренными бутылками. Уговори Языкова.

ПУШКИН—Ал. Н. Вульфу, 20 сент. 1824 г., из Михайловского.

Приписка Анны Ник-ны Вульф: ...Сегодня я писать тебе не могу много. Пушкины оба *(братья Александр и Лев)* у нас, и теперь я пользуюсь временем, как они ушли в баню.

Переп. Пушкина, I, 131—132.

Великий Пушкин, маленькое дитя! Иди, как шел, т.-е., делай, что хочешь; но не сердись на меры людей, и без тебя довольно напуганных! Общее мнение для тебя существует и хорошо мстит. Я не видал ни одного порядочного человека, который бы не бранил за тебя Воронцова, на которого все шишки упали. Ежели бы ты приехал в Петербург, бьюсь об заклад, у тебя бы целую неделю была толкотня от знакомых и незнакомых почитателей. Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты. Чего тебе недостает? Маленького снисхождения к слабым. Не дразни их год или два, бога ради! Употреби получше время твоего изгнания... Нет ничего скучнее теперешнего Петербурга. Вообрази, даже простых шалунов нет! Квартальных некому бить. Мертво и холодно.

Бар. А. А. ДЕЛЬВИГ—Пушкину, 28 сент. 1824 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина*, I, 133.

Бешенство скуки пожирает мое глупое существование... Что я предвидел, то и случилось. Мое пребывание среди моей семьи только удвоило огорчения достаточно реальные. Меня упрекали за мою ссылку, утверждали, что я проповедую атеизм сестре и брату. Отец имел слабость взять на себя обязанности, которые ставят его в самое ложное положение по отношению ко мне. Вследствие этого я провожу верхом и в поле все время, когда я не в постели. Все, что напоминает мне о море, вызывает у меня грусть, шум фонтана буквально доставляет мне страдание; я думаю, что ясное небо заставило бы меня заплакать от бешенства, но слава богу: небо у нас сивое, а луна—точная репа. Что до моих соседей, то мне пришлось только постараться оттолкнуть их от себя с самого начала; они мне не докучают; я пользуюсь у них репутацией Онегина, и вот—я пророк в своем отечестве. Я видаю часто только добрую старую соседку

(П. А. Осипову), слушаю ее патриархальные разговоры; ее дочери, довольно непривлекательные во всех отношениях, играют мне Россини, которого я выписал. Лучшего положения для окончания моего поэтического романа нельзя и желать, но скука—холодная муза, и поэма не подвигается.

ПУШКИН—кн. В. Ф. Вяземской, в перв. пол. окт. 1824 г. *(фр.-рус.)*.

(Письмо Татьяны в третьей главе Онегина). Автор сказывал, что он долго не мог решиться, как заставить писать Татьяну, без нарушения женского единства и правдоподобия в слоге: от страха сбиться на академическую оду, думал он написать письмо прозою, думал даже написать его по-французски; но, наконец, счастливое вдохновение пришло кстати, и сердце женское запросто и свободно заговорило русским языком, не задерживая и не остужая выражений чувства справками с словарем Татищева и грамматикою Меморского.

(Н. А. ПОЛЕВОЙ?). *Московский Телеграф*, 1827, № 13. Июль, стр. 87.

Приехав сюда, был я всеми встречен, как нельзя лучше, но скоро все переменилось: отец, испуганный моею ссылкою, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пещуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче, быть моим шпионом; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мне с ним об'ясниться; я решился молчать. Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие. Я все молчал. Получают бумагу, до меня касающуюся. Наконец, желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения об'ясниться откровенно... Отец осердился *(в черновике:* заплакал, закричал). Я поклонился, сел верхом и уехал. Отец призывает брата и повелевает ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé... Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю все, что имел на сердце целых три месяца.. Кончаю тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому об'являет, что я его «бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить».

ПУШКИН—В. А. Жуковскому, 31 окт. 1824 г., из Тригорского.

Отец говорил после: «Экой дурак, в чем оправдывается! Да он бы еще осмелился меня бить! Да я бы связать его велел!» Зачем же обвинять было сына в злодействе несбыточном? «Да как он осмелился, говоря с отцом, непристойно размахивать

руками?» Это дело десятое. «Да он убил отца словами!»—каламбур, и только.

ПУШКИН—В. А. Жуковскому, 29 ноября 1824 г.

Государь Император высочайше соизволил меня послать в поместье моих родителей, думая тем облегчить их горесть и участь сына. Но важные обвинения правительства сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нежной любови его к протчим детям. Решаюсь для его спокойствия и своего собственного просить Его Императ. Величество да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей. Ожидаю сей последней милости от ходатайства вашего превосходительства.

Прошение ПУШКИНА псковскому губернатору Б. А. Адеркасу, в конце окт. 1824 г. *(Благодаря вмешательству П. А. Осиповой и В. А. Жуковского, прошение осталось неотправленным).*

О моем житье-бытье ничего тебе не скажу. Скучно, вот и все... Сегодня кончил я поэму «Цыгане». Не знаю, что об ней сказать,—она покамест мне опротивела, только что кончил и не успел обмыть запревшие[....]

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 10 окт. 1824 г.

На-днях я мерялся поясом с Евпраксией *(Вульф)*, и талии наши нашлись одинаковы. Следственно, из двух одно: или я имею талию 15-летней девушки, или она—талью 25-летнего мущины. Евпраксия дуется и очень мила, с Анеткою бранюсь; надоела!.. Знаешь ли мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верьхом, вечером слушаю сказки—и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!

ПУШКИН—брату Льву, в конце окт. 1824 г.

Дела мои все в том же порядке: я в Михайловском редко. Anette *(Вульф)* очень смешна; сестра расскажет тебе мои новые фарсы... Я ревную и браню тебя,—скука смертная везде.

ПУШКИН—брату Льву, в нач. ноября 1824 г.

(Во второй половине ноября С. Л. Пушкин отказался от взятого им на себя политического надзора за сыном и со всею семьею уехал в Петербург, оставив в Михайловском Пушкина одного).

Образ жизни моей все тот же: стихов не пишу, продолжаю свои записки да читаю Клариссу[1]); мочи нет, какая скучная дура!

ПУШКИН—брату Льву, втор. пол. ноября 1824 г.

Вот уже четыре месяца, как нахожусь я в глухой деревне,—скучно, да нечего делать... Уединение мое совершенно, праздность торжественна. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, и то вижу его довольно редко; целый день верхом, вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; она—единственная моя подруга, и с нею только мне не скучно.

ПУШКИН—Д. М. Княжевичу (?), нач. декабря 1824 г.

Этот потоп мне с ума нейдет *(петербургское наводнение)*... Если тебе вздумается помочь какому-нибудь нещастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного. Ни чуть не забавно стоять в *Инвалиде* на ряду с идиллическим коллежским ассессором Панаевым.

ПУШКИН—брату Льву, 4 дек. 1824 г.

Твои троегорские приятельницы—несносные дуры, кроме матери. Я у них редко. Сижу дома да жду зимы.

ПУШКИН—сестре Ольге, 4 дек. 1824 г.

Христом и богом прошу скорее вытащить Онегина из-под цензуры,—деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи,—режь, рви, кромсай хоть все 52 строфы, но денег, ради бога, денег!

У меня с Тригорскими завязалось дело презабавное,—некогда тебе рассказывать, а уморительно смешно.

Мне дьявольски не нравятся петербургские толки о моем побеге. Зачем мне бежать? Здесь так хорошо! Когда будешь у меня, то станем трактовать *о банкире, о переписке, о месте пребывания Чаадаева*. Вот пункты, о которых можешь уже осведомиться.

ПУШКИН—брату Льву, втор. пол. дек. 1824 г., из Михайловского.

Заветной мечтой поэта, с самого приезда его в Михайловское, сделалось одно: бежать от заточения деревенского, а если нужно, то и из России. Помыслы о бегстве за границу начались у Пушкина еще в Одессе. Теперь замысел не был покинут. Пункты, подлежавшие раз'яснению брата, были *(см. вышеприведенное письмо Пушкина)* ясны; устройство правильной пересылки денег

[1]) «Кларисса Гарлоу», роман Ричардсона.

и корреспонденции за границу, вместе с означением места, куда они должны были отправляться,—т. е., в тогдашнюю резиденцию Чаадаева (Чаадаев путешествовал по Европе).

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в александровскую эпоху*, 283—287.

(11 января 1825 г.—*Лицейский товарищ Пушкина, И. И. Пущин, будущий декабрист, рано утром выезжает из Острова к Пушкину, захватив с собою три бутылки Клико)*. Свернули с дороги в сторону, мчались среди леса по гористому проселку. Спускаясь с горы, недалеко уже от усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видеть, сани наши в ухабе так наклонились на бок, что ямщик слетел. Я с Алексеем, неизменным моим спутником, кой-как удержался в санях. Схватили возжи. Кони несутся средь сугробов. Скачем опять в гору извилистой тропой; вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились смаху в притворенные ворота, при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора.

Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке. Было около восьми часов утра. Прибежавшая старуха застала нас в об'ятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один—почти голый, другой—весь забросанный снегом. Наконец пробила слеза, мы очнулись. Совестно стало перед этой женщиной, впрочем, она все поняла. Не знаю за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это его няня, и чуть не задушил ее в об'ятиях.

Все это происходило на маленьком пространстве. Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, заслышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и пр. Во всем поэтической беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда, с самого лицея, писал оглодками, которые едва можно было держать в пальцах). Вход к нему прямо из коридора; против его двери—дверь в комнату няни, где стояло множество пяльцев.

Я приглядывался, где бы умыться и хоть сколько-нибудь оправиться. Дверь во внутренние комнаты была заперта, дом не топлен. Кой-как все это тут же уладили, копошась среди отрывистых вопросов: что? как? где? и пр. Вопросы большею частью не ожидали ответов. Наконец помаленьку прибрались;

подали нам кофе; мы уселись с трубками. Беседа пошла правильнее.

Вообще Пушкин показался мне несколько серьезнее прежнего, сохраняя однакож ту же веселость; может быть, самое положение его произвело на меня это впечатление. Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему еще не верится, что мы вместе. Прежняя его живость во всем проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании. Наружно он мало переменился, оброс только бакенбардами; я нашел, что он тогда был очень похож на тот портрет, который потом видел в *Северных Цветах* и теперь при издании его сочинений П. В. Анненковом *(портрет Кипренского, гравированный Уткиным)*.

Пушкин сам не знал настоящим образом причины своего удаления в деревню; он приписывал удаление из Одессы козням графа Воронцова *из ревности*; думал даже, что тут могли действовать некоторые смелые его бумаги по службе, эпиграммы на управление и неосторожные частные его разговоры о религии. Мне показалось, что он вообще неохотно об этом говорил; я это заключил по лаконическим отрывистым его ответам на некоторые мои спросы... Заметно было, что ему как будто несколько наскучила прежняя шумная жизнь, в которой он частенько терялся.. Он сказал, что несколько примирился в эти четыре месяца с новым своим бытом, в начале очень для него тягостным: что тут, хотя невольно, но все-таки отдыхает от прежнего шума и волнения; с музой живет в ладу и трудится охотно и усердно. Скорбел только, что с ним нет сестры его, но что, с другой стороны, никак не согласится, чтоб она по привязанности к нему проскучала целую зиму в деревне. Хвалил своих соседей в Тригорском, хотел даже везти меня к ним, но я отговорился тем, что приехал на короткое время. Среди всего этого много было шуток, анекдотов, хохоту от полноты сердечной.

Незаметно коснулись подозрений насчет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать». Потом, успокоившись, он продолжал: «впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою,—по многим моим глупостям». Молча, я крепко расцеловал его; мы обнялись и пошли ходить: обоим нужно было вздохнуть. Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличавшуюся от других, не сообщая, однако, Пушкину моих заключений. Я невольно смотрел на него с каким-то новым чувством, порожденным исключительным его положением: оно высоко ставило его в моих глазах, и я боялся оскорбить его каким-нибудь неуместным замечанием. Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мне

ничего больше не нужно было; я, в свою очередь, моргнул ему, и все было понято без всяких слов. Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились восвояси. Настало время обеда. Алексей хлопнул пробкой, начались тосты за Русь, за лицей, за отсутствующих друзей и за нее. Незаметно полетела в потолок и другая пробка; попотчивали искрометным няню, а всех других—хозяйскою наливкой. Все домашнее население несколько развеселилось; кругом нас стало пошумнее, праздновали наше свидание.

Я привез Пушкину в подарок «Горе от ума»; он был очень доволен этою тогда рукописною комедией, до того ему вовсе почти незнакомою. После обеда, за чашкою кофею, он начал читать ее вслух.

Среди этого чтения кто-то под'ехал к крыльцу. Пушкин выглянул в окно, как-будто смутился и торопливо раскрыл лежавшую на столе Четью-Минею. Заметив его смущение и не подразумевая причины, я спросил его: что это значит? Не успел он отвечать, как вошел в комнату низенький, рыжеватый монах и рекомендовался мне настоятелем соседнего монастыря. Я подошел под благословение, Пушкин—тоже, прося его сесть. Монах начал извинением в том, что, может быть, помешал нам; потом сказал, что, узнавши мою фамилию, ожидал найти знакомого ему П. С. Пущина, уроженца великолуцкого. Ясно было, что настоятелю донесли о моем приезде, и что монах хитрит... Разговор завязался о том, о сем. Между тем подали чай. Пушкин спросил рому, до которого, видно, монах был охотник. Он выпил два стакана чаю, не забывая о роме, и после этого начал прощаться, извиняясь снова, что прервал нашу товарищескую беседу.

Я рад был, что мы остались одни, но мне неловко было за Пушкина: он, как школьник, присмирел при появлении настоятеля. Я ему высказал мою досаду, что накликал это посещение. «Перестань, любезный друг! Ведь он и без того бывает у меня, я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре!»

Тут Пушкин, как ни в чем не бывало, продолжал читать комедию; я с необыкновенным удовольствием слушал его выразительное и исполненное жизни чтение. Потом он мне прочел кое-что свое, большею частью в отрывках. Время не стояло. К несчастию, вдруг запахло угаром. Голова моя не выносит угара. Тотчас же я отправился узнавать, откуда эта беда. Вышло, что няня, воображая, что я останусь погостить, велела в других комнатах затопить печи, которые с самого начала зимы не топились. Когда закрыли трубы,—хоть беги из дому! Я тотчас распорядился за беззаботного сына в отцовском доме: велел открыть трубы, запер на замок дверь в натопленные комнаты, приотворил и нашу дверь, а форточку открыл. Все это неприятно на-меня подействовало, не только в физическом, но и в нравственном отношении.—«Как,—подумал я,—хоть в этом не успо-

коить его, как не устроить так, чтоб ему, бедному поэту, было где подвигаться в зимнее ненастье!». В зале был биллиард; это могло бы служить для него развлечением. В порыве досады я даже упрекнул няню, зачем она не велит отапливать всего дома. Видно, однако, мое ворчание имело некоторое действие, потому что после моего посещения перестали экономничать дровами.

Между тем время шло за полночь. Нам подали закусить; на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крепко обнялись. Ямщик уже запряг лошадей, колоколец брякал у крыльца, на часах ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось, как будто чувствовалось, что в последний раз вместе пьем. Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин еще что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него: он остановился на крыльце, со свечею в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: «прощай, друг!». Ворота скрипнули за мною...

И. И. ПУЩИН. Записки. *Л. Майков*, 78—83.

Я один-одинешенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке, и слушаю старые сказки да песни. Стихи не лезут. Я, кажется, писал тебе, что мои «Цыгане» никуда не годятся: не верь—я соврал—ты будешь ими очень доволен.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 25 янв. 1825 г., из Михайловского.

Пишу тебе в гостях с разбитой рукой—упал на льду не с лошади, а с лошадью; большая разница для моего наезднического самолюбия.

ПУШКИН—кн. П.А. Вяземскому, 28 янв. 1825 г., из Тригорского.

Мне довольно скучно... Стихов новых нет—пишу записки—но и презренная проза мне надоела.

ПУШКИН—брату Льву, перв. пол. февр. 1825 г.

Слепой поп перевел Сираха (смотри Инвалид № какой-то), издает по подписке—подпишись на несколько экземпляров.

ПУШКИН—брату Льву. Конец февр.—нач. марта 1825 г.

Приближается весна; это время года располагает брата к большой меланхолии; признаюсь, я во многих отношениях опасаюсь ее последствий.

Л. С. ПУШКИН—П. А. Осиповой, 19 февр. 1825 г. *Рус. Стар.*, 1907, т. 129, стр. 85.

У меня произошла перемена в министерстве: Розу Григорьевну я принужден был выгнать за непристойное поведение и слова, которых не должен был я вынести. А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть. Я велел Розе подать мне щеты.. Я нарядил комитет, составленный из Василья, Архипа и старосты, велел перемерить хлеб и открыл некоторые злоупотребления, т. е., несколько утаенных четвертей. Впрочем, она мерзавка и воровка. Покаместь я принял бразды правления.

ПУШКИН—брату Льву, конец февр.—нач. марта 1825 г., из Михайловского.

(*Владетельница села Тригорского—Прасковья Александровна Осипова, по первому браку—Вульф. Ее дети от первого брака: Анна Николаевна (род. 1799), Алексей (род. 1805) и Евпраксия (*Euphrosyne, *Зина, Зизи,—род. 1809); от второго брака—Мария Ивановна (род. ок. 1820) и Екатерина Ив. Осиповы. Падчерица Праск. Александровны, дочь ее второго мужа от первого его брака,—Александра Ивановна Осипова (Алина). В окружных дворянских гнездах Псковской и Тверской губ. жило немало родственников Осиповой и Вульфов, и молодые представительницы этих гнезд в разное время не однажды завоевывали сердце влюбчивого Пушкина)*.

Из Михайловского в Тригорское дорога идет сначала лесом, спускаясь к берегу озера, а затем поднимается на горку, на опушку леса.

В. Г. ВЕЙДЕНБАУМ. Несколько слов о пушкинских местах. *Ист. Вест.* 1911, № 8, стр. 588.

Идя из Михайловского в Тригорское, мы обогнули озеро; здесь дорога идет по опушке леса и затем, поворачивая к западу, ведет уже полем. Приблизительно минут 15 от усадьбы на возвышенности—граница Михайловского. Тут дорога опускается к погосту Воронич. Влево огорожена семья сосен *(на месте знаменитых трех сосен)*. Минут через 15 мы прошли мимо высокого погоста Воронич и подошли к большому дому Тригорского.

П. М. УСТИМОВИЧ. По пушкинским местам. *Ист. Вест.*, 1908, № 3, стр. 1047.

Ширь и даль без конца; красавица зеркальная Сороть с чистым песчаным дном; густой сад с вековыми деревьями; длинный одноэтажный господский дом, с чудным видом с балкона вдаль на расстилающиеся поля и деревушки, с мостом через Сороть (223)... Очень красива часть сада, спускающаяся к реке Сороти. На берегу, на скате, старая баня. В этой бане жил Пуш-

кин в веселое лето 1826 г. с Вульфом и поэтом Языковым, и отсюда прямо спускался к реке купаться... От садовой старины, связанной с обитателями Тригорского, сохранилось немного: лужайка, вся окруженная липами, т. наз. *липовая зала*, где, по рассказам Марии Ив. Осиповой, часто танцовали под странствующий, заходивший сюда по временам оркестр. Очень хороша громаднейшая ель, под которой сиживал Пушкин, да большой старый дуб, окруженный террасой со сходом, едва уже заметными ступеньками, к воротам из яблонь, от которых шла аллея (225—226).

В. П. ОСТРОГОРСКИЙ. Пушкинский уголок земли. *Мир Божий*, 1898, № 9.

В парке Тригорского до настоящего времени указывают плато, где, среди деревьев на лугу, под открытым небом происходили танцы под звуки шарманки; там же заметно сохраняются солнечные часы. Это—не что иное, как большой круг, по периферии которого посажено 12 дубов и столько же других деревьев. В парке—два пруда и несколько аллей. Там особенно обращает на себя внимание вековая ель, стоящая одиноко среди парка. В Тригорском от времени Пушкина сохранился как самый дом, так и множество предметов в доме. Передают, что Пушкину, когда он приезжал в Тригорское, отводилась комната в два окна, приходящаяся теперь над входом в подвальное помещение; в комнату ему ставили обычно рабочий столик небольшого размера, но очень тяжелый.

Л. И. СОФИЙСКИЙ. *Город Опочка и его уезд.*, стр. 205.

Над зелеными, низменными лугами, орошаемыми Соротью, поднимаются три обрывистые горы, пересеченные глубокими оврагами. Крутые скаты возвышенностей покрыты кустами и зеленью; там и здесь бегут вверх извилистые тропинки. На самом верху двух гор возвышаются две церкви; от них влево тянется ряд строений: этот, ныне довольно большой погост Воронич—некогда знаменитый пригород псковской державы. По преданию, пригород был так велик и так густо населен, что в нем было до 70 церквей. Дома жителей покрывали не только среднюю, но и левую гору, а также и низменные луга, расстилающиеся у подошвы гор... Наверху третьей горы стоит Тригорское. Глубокий овраг, по дну которого идет дорога в село, отделяет его от Воронича. Постройка села деревянная, скученная в одну улицу, на конце которой стоит длинный, деревянный же, одноэтажный дом. Архитектура его больно незамысловата; это не то сарай, не то манеж, оба конца которого украшены незатейливыми фронтонами. Постройка эта никогда и не предназначалась под обиталище владельцев Тригорского; здесь в начале настоящего столетия помещалась парусинная фабрика, но в 1820-х

еще годах владелица задумала перестроить обветшавший дом свой, бывший недалеко от этой постройки, и временно перебралась в этот «манеж»... да так в нем и осталась. Перестройка же дома откладывалась с году на год, пока, года четыре назад, он не сгорел... В этой зале стоял этот же большой стол, эти же простые стулья кругом,—те же часы хрипели в углу. На стене висит потеменевшая картина: на нее (по словам М. И. Осиповой) частенько заглядывался Пушкин. Картина, как видно, писана давно и сильно потемнела от времени; она изображает искушение св. Антония,—копия чуть ли не с картины Мурильо: перед св. Антонием представлен бес в различных видах и с различными соблазнами... Вспоминая эту картину, Пушкин, как сам сознавался хозяйкам, навел чертей в известный сон Татьяны... Подле зала большая гостинная; в ней стоит фортепиано [1]), на котором более 30 лет назад играла Ал. Ив. Осипова. Ее очаровательная, высоко-артистическая музыка восхищала Пушкина... Из зала идет целый ряд комнат. В одной из них, в небольших, старинных шкапчиках, помещается библиотека Тригорского... Близ Тригорского дома, вдоль его фаса, находится очень чистый и длинный пруд. По другой стороне пруда стоял именно тот старый дом, который более тридцати лет ждал перестройки и, не дождавшись, сгорел; близ него, как рассказывает Алексей Ник. Вульф, он, вместе с поэтом, бывало, многие часы тем и занимаются, что хлопают из пистолетов Лепажа в звезду, нарисованную на воротах... За прудом на громадном пространстве раскинут великолепный сад. Тут указали мне зал,—так называемую площадку, тесно обсаженную громадными липами; в этом зале, лет 30 назад, молодежь танцовала. Полюбовался я горкой среди сада, верх которой венчается ветвистым дубом; по четырем углам этой насыпной горки стояли ели, под которыми леживали Пушкин и Языков; ели те еще при жизни их были срублены по распоряжению Праск. Ал—ны, так как они, будто бы, мешали расти роскошному дубу. Пушкин жалел об этих деревьях... Недалеко виднеются жалкие остатки некогда красивого домика, с большими стеклами в окнах. Это баня; здесь жил Языков в приезд свой в Тригорское, здесь ночевывал и Пушкин. Вот и береза, раздвинувшая свои два ствола так, что среди их образовалось кресло; здесь сиживал тоже Пушкин, в дупло этого дерева поэт опустил пяточок на память; недалеко кустарник барбарисовый, в середину которого Пушкин однажды впрыгнул, да насилу вылез оттуда. Сзади же остался небольшой прудок. На берегу его стояла береза,—Прасковья Ал—на вздумала ее срубить, но Пушкин выпросил березе жизнь. «Любопытно,—заметила М. И. Осипова,—что в год смерти Пушкина в березу ту ударила молния»... А вот и спуск к реке Сороти; на высоком,

[1]) Роялино Тишнера. К-н. *Еще о пушкинских местах. Истор. Вест., 1909, № 11, стр. 592.*

зеленом, в высшей степени живописном берегу этой реки, в саду, та именно «горка», о которой так часто вспоминает Языков в своих стихах... Над самой рекой была ива, купавшая ветви свои в волнах Сороти и весьма нравившаяся Пушкину. Теперь ее нет... Но что осталось, так это дивный вид с «горки» на окрестности. Здесь, на этой площадке, все обитательницы Тригорского и их дорогие гости пили обыкновенно в летнее время чай и отсюда восхищались прелестными окрестностями. Внизу—голубая лента Сороти, за ней вдали—село «Дериглазово»; там—пашни, поля, вдали темный лес, вправо дорога в Михайловское, а на ней столь знаменитые, воспетые Пушкиным, три сосны; еще правей городище Воронич, за рекой часовня, на том месте, где по преданию стоял некогда монастырь.

М. И. СЕМЕВСКИЙ. Прогулка в Тригорское. С. *Петербургские Ведомости*, 1866, № 139.

С живописной площадки одного из горных выступов, на котором расположено было Тригорское, много глаз устремлялось на дорогу в Михайловское, видную с этого пункта,—и много сердец билось трепетно, когда на ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкин или пешком в шляпе с большими полями и с толстой палкой в руке или верхом на аргамаке, а то и просто на крестьянской лошаденке. Две старшие дочери г-жи Осиповой, Анна и Евпраксия Николаевны Вульф, составляли два противоположные типа. По отношению к Пушкину Анна Николаевна представляла полное самоотвержение и привязанность, которые ни от чего устать и ослабеть не могли, между тем как сестра ее, воздушная Евпраксия, как отзывался о ней сам поэт,—представляла совсем другой тип. Она пользовалась жизнью очень просто, повидимому, ничего не искала в ней, кроме минутных удовольствий, и постоянно отварачивалась от романтических ухаживаний за собой и комплиментов, словно ждала чего-либо более серьезного и дельного от судьбы. Вышло то, что обыкновенно выходит в таких случаях: на долю энтузиазма и самоотвержения пришлись суровые уроки, часто злое, отталкивающее слово, которые только изредка выкупались счастливыми минутами доверия и признательности, между тем как равнодушию оставалась лучшая доля постоянного внимания, неизменной ласки и льстивого ухаживания. Евпраксия Николаевна была душою веселого общества, собиравшегося по временам в Тригорском: она играла перед ним арии Россини, мастерски варила жоженку и являлась первая во всех предприятиях по части удовольствий. Сестра ее, Анна Николаевна, умершая девушкой в начале 60-х годов, отличалась быстротою и находчивостью своих ответов, что было нелегкое дело в виду михайловского изгнанника, отличавшегося еще в разговорах

прямотой и смелостью выражения. Одно время полагали, что Пушкин неравнодушен к Евпраксии Николаевне.

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в александр. эпоху*, 278—280.

Анна Николаевна *(Вульф)* тебе кланяется и очень жалеет, что тебя здесь нет; потому что я влюбился и миртильничаю. Знаешь ее кузину Анну Ивановну Вульф[1])? Ecce femina!

ПУШКИН—брату Льву, 14 марта 1825, из Тригорского.

Простите, дети! Я пьян.

ПУШКИН—брату Льву и П.А. Плетневу, 15 марта 1825 г., из Михайловского.

По висту должен мне Пушкин 1 р. 50 к.; я ему—20 к.
еще — — 1 р. 70 к.; — —10 к.
еще — — 1 р. 80 к.; — —
еще — — — — — —70 к.;

П. А. ОСИПОВА. Запись в календаре в марте 1825 г. *Пушкин и его с-ки*, I, 140.

Нынче день смерти Байрона—я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просвиру вынутую за упокой раба Божия боярина Георгия. Отсылаю ее к тебе... Прощай, милый, у меня хандра и нет ни единой мысли в голове моей.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 7 апр. 1825 г.

Я заказал обедню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти), А. Н. *(Вульф)* также, и в обеих церквах,—Тригорском и Вороничe,—происходили молебствия. Это немножко напоминает обедню Фридриха II за упокой души г-на Вольтера. Вяземскому посылаю вынутую просвиру отцом Шкодой за упокой поэта.

ПУШКИН—брату Льву, 7 апр. 1825 г., из Тригорского.

Вино, вино, ром (12 бут.), горчицы, fleur d'orange, чемодан дорожный; сыру лимбургского; книгу о верховой езде—хочу жеребцов выезжать: вольное подражание Alfieri и Байрону.

Как я рад баронову приезду *(барона А. А. Дельвига)*. Он очень мил! Наши барышни все в него влюбились,—а он равнодушен, как колода, любит лежать на постеле, восхищаясь «Чигиринским Старостою» *(Рылеева)*.

ПУШКИН — брату Льву, 23 апреля 1825 г., из Михайловского.

---

[1]) Нетти Вульф, которой впоследствии Пушкин написал стихотворение «За Нетти сердцем я летаю».

Пушкин готовился издать собрание своих стихотворений, которое и явилось в 1826 году. В этих приготовлениях, не прерывавших и других многочисленных занятий поэта, застал его Дельвиг. По свидетельству знавших того и другого, Пушкин советовался в настоящем случае с Дельвигом, дорожа его мнением и вполне доверяя его вкусу. В этих литературных беседах, чтениях и спорах проходило почти все утро. После нескольких партий на бильярде и позднего обеда, друзья отправлялись в соседнее село Тригорское, принадлежавшее П. А. Осиповой, и проводили вечер в ее умном и любезном семействе.

В. П. ГАЕВСКИЙ. «Дельвиг». *Современник*, 1854, № 9, Критика, стр. 2.

Тебе скучно в Петербурге, а мне скучно в деревне. Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа. Как быть.

ПУШКИН—К. Ф. Рылееву, в конце мая 1825 г.

Когда псковский архиепископ Евгений посетил Святогорский монастырь, к нему внезапно явился с ярмарки Пушкин в одежде русского мужика, чем очень удивил преосвещенного.

П. В. КИРЕЕВСКИЙ по записи П.И. Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 53.

Из Михайловского Пушкин любил ходить в Святые Горы, при чем, как передают, всегда входил в монастырь восточными воротами, обращенными в сторону села Михайловского. По преданию, ему в монастыре отводилась келья, стены которой он испещрял своими стихами. Придя в Св. Горы в «Девятник», т.-е. в девятую пятницу по Пасхе, когда бывает там ярмарка, Пушкин часто останавливался у святых ворот монастыря, выходящих на запад по направлению к слободе Тоболенец, и здесь он прислушивался к пению нищих, распевающих и доселе духовные стихи о Лазаре, об архангеле Михаиле, о страшном суде и тому подобные канты, а иногда подпевал им и сам.

Л. И. СОФИЙСКИЙ. *Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем*, 202.

1825 год... 29 маия в Св. Горах был о девятой пятницы... издесь имел щастие видеть Александру Сергеевича Г-на Пушкина, которой некоторым образом удивил странною своею одежною, а на прим. У него была надета на голове соломенная шляпа—в ситцевой красной рубашке, опоясовши голубою ленточкою с железною в руке тростию с предлинными чор. бакинбардами, которые более походят на бороду так же с предлинными ногтями

с которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим апетитом я думаю около $^1/_2$ дюж.

ТОРГОВЕЦ И. И. ЛАПИН. Из дневника. *Л. Софийский. Город Опочка*, 203.

Когда в монастыре была ярмарка в девятую пятницу, Пушкин, как рассказывают очевидцы-старожилы, одетый в крестьянскую белую рубаху с красными ластовками, опоясанный красною лентою, с таковою же—и через плечо, не узнанный местным уездным исправником, был отправлен под арест за то, что вместе с нищими, при монастырских воротах, участвовал в пении стихов о Лазаре, Алексее, человеке божием и других, тростию же с бубенчиками давал им такт, чем привлек к себе большую массу народа и заслонил проход в монастырь,—на ярмарку. От такого ареста был освобожден благодаря лишь заступничеству здешнего станового пристава.

ИГУМЕН ИОАНН. *Описание Святогорского Успенского Монастыря Псковской епархии*. Псков. 1899. Стр. 111.

Ярмарка тут в монастыре бывает в дявятую пятницу перед Петровками; народу много собирается; и он туда хаживал, как есть, бывало, как дома: рубаха красная, не брит, не стрижен, чудно так, палка железная в руках; придет в народ, тут гулянье, а он сядет на-земь, соберет к себе нищих, слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают. Так вот было раз, еще спервоначалу, приехал туда капитан-исправник на ярмарку: ходит, смотрит, что за человек чудной в красной рубахе с нищими сидит? Посылает старосту спросить, кто, мол, такой? А Александр-то Сергеич тоже на него смотрит, зло так, да и говорит эдак скоро (грубо так он всегда говорил): «скажи капитану-исправнику, что он меня не боится и я его не боюсь, а если надо ему меня знать, так я—Пушкин». Капитан ничто взяло, с тем и уехал, а Ал. Сер. бросил слепцам беленькую, да тоже домой пошел.

ДВОРОВЫЙ ПЕТР, служивший у Пушкина в кучерах. К. Я. Тимофеев. Могила Пушкина и село Михайловское. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1859, т. 103, отд. II, 148.

Одевался Пушкин, хотя, повидимому, и небрежно, подражая и в этом, как во многом другом, прототипу своему Байрону, но эта небрежность была кажущаяся: Пушкин относительно туалета был очень щепетилен. Рассказывают, будто, живя в деревне, он ходил все в русском платье. Совершеннейший вздор: Пушкин не изменял обыкновенному светскому костюму. Всего только раз, заметьте себе, раз, во все пребывание в деревне, и именно в девятую пятницу после Пасхи, Пушкин вышел на святогорскую ярмарку в русской красной рубахе, подпоясан-

ный ремнем, с палкою, в корневой шляпе, привезенною им еще из Одессы. Весь новоржевский бо-монд, с'езжавшийся на эту ярмарку закупать сахар, вино, увидя Пушкина в таком костюме, весьма был этим скандализирован.

АЛ. Н. ВУЛЬФ в передаче М. И. Семевского. *Спб. Ведомости*, 1866, № 139.

Монастырь Святые Горы построен на горах; восходить к нему надо по ступеням, сложенным из целых, довольно больших камней; кругом монастыря обрывы, обнесенные стеною; горы, занятые монастырем, покрыты деревьями.

А. Ф. Поэтический уголок Псковской губернии. *Новое Время*, 1880, № 1598.

Святогорский монастырь называется Успенским, и в нем хранится очень чтимая местным населением икона Одигитрии Божьей Матери. На главных входных воротах монастыря с одной стороны имеется надпись: «Богородице, дверь небесная, отверзи нам двери милости твоея». А на другой: «Возведи очи мои в горе от ню дуже прийдет помощь моя». Возле этих ворот, по преданию, Пушкин пел когда-то с нищими Лазаря.

П. М. УСТИМОВИЧ. По пушкинским местам. *Истор. Вест.*, 1908, № 3, стр. 1037.

Прошу тебя отвечать как можно скорее на это письмо, но отвечай человечески, а не сумасбродно. Я слышал от твоего брата и твоей матери, что ты болен. Правда ли это? Правда ли, что у тебя в ноге есть что-то похожее на аневризм, и что ты уже около десяти лет угощаешь у себя этого постояльца, не говоря никому ни слова? Теперь это уже не тайна, и ты должен позволить друзьям твоим вступиться в домашние дела твоего здоровья. У вас в Опочке некому хлопотать о твоем аневризме. Сюда перетащить тебя теперь невозможно. Но можно, надеюсь, сделать, чтобы ты переехал на житье и леченье в Ригу... Напиши ко мне немедленно о своем аневризме.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—Пушкину, во второй половине мая 1825 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина*, 1, 216.

Вот тебе человеческий ответ: мой аневризм носил я десять лет и с божией помощью могу проносить еще года три. Следственно, дело не к спеху, но Михайловское душно для меня. Если бы царь меня до излечения отпустил за границу, то это было бы благодеяние, за которое я бы вечно был ему и друзьям моим благодарен. Вяземский пишет мне, что друзья мои в отношении властей изверились во мне: напрасно. Я обещал Н. М.

(Карамзину) два года ничего не писать противу правительства и не писал. «Кинжал» не против правительства писан, и хоть стихи и не совсем чисты в отношении слога, но намерение в них безгрешно. Теперь же все это мне надоело, и если меня оставят в покое, то верно я буду думать об одних пятистопных без рифм. Смело полагаясь на решение твое, посылаю тебе черновое к самому Белому *(царю)*; кажется, подлости с моей стороны ни в поступке ни в выражении нет.

ПУШКИН—В. А. Жуковскому, в конце мая—нач. июня 1825 г., из Михайловского.

Я бы почел долгом переносить немилость ко мне в почтительном молчании, если бы необходимость не заставила меня нарушить его. Здоровие мое сильно пострадало в первой моей молодости, до настоящего времени я не имел возможности лечиться. Аневризм, который у меня уже десять лет, тоже требовал бы быстрой операции. Легко убедиться в правдивости того, что я сообщаю... Я умоляю ваше величество разрешить мне уехать куда-нибудь в Европу, где я не был бы лишен всякой помощи.

ПУШКИН—в прошении Александру I, в конце мая—начале июня 1825 г. *(фр.)*.

Видел ли ты Н. М. *(Карамзина)*? Идет ли вперед История? Где он остановится? Не на избрании ли Романовых? Неблагодарные! Шесть Пушкиных подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неумением писать! А я, грамотный потомок их, что я? где я...

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, в перв. пол. июня 1825 г., из Михайловского.

(Повидимому, Пушкин, действительно, страдал варикозным расширением вен нижних конечностей. Но, конечно, все его жалобы на эту болезнь имели одну цель,—чтобы его отпустили для лечения за границу. Родственники же его и приятели, непосвященные в тайные замыслы Пушкина, из сил выбивались, чтоб доставить ему возможность лечить свой «аневризм»).

Плетнев поручил мне сказать тебе, что он думает, что Пушкин хочет иметь пятнадцать тысяч, чтобы иметь способы *бежать* с ними в Америку или Грецию. Следственно, не надо их доставать ему.

А. А. ВОЕЙКОВА— В. А. Жуковскому, в конце июня—нач. июля 1825 г., из Петербурга. *П—н и его совр—ки*, VIII, 86.

Пушкин препоручил ходатайство по своей просьбе своей матери в Петербурге. Надежда Осиповна заменила его деловую

просьбу каким-то патетическим письмом на имя императора Александра. Результатом ее домогательства было дозволение Пушкину жить и лечиться в Пскове с тем, чтоб губернатор имел наблюдение за поведением и разговорами больного.

П. В. АННЕНКОВ. *П—н в алекс. эпоху*, 285.

Неожиданная милость его величества тронула меня несказанно, тем более, что здешний губернатор предлагал уже мне иметь жительство в Пскове; но я строго придерживался повеления высшего начальства. Я справлялся о псковских операторах: мне указали там на некоторого Всеволожского, очень искусного по ветеринарной части и известного в ученом свете по своей книге об лечении лошадей. Несмотря на все это, я решился остаться в Михайловском, тем не менее чувствуя отеческую снисходительность его величества. Боюсь, чтобы медленность мою пользоваться монаршей милостью не почли за небрежение или возмутительное упрямство. Но можно ли в человеческом сердце предполагать такую адскую неблагодарность? Я все жду от человеколюбивого сердца императора, авось-либо позволит он мне современем искать стороны мне по сердцу и лекаря по доверчивости собственного рассудка, а не по приказанию высшего начальства.

ПУШКИН—В. А. Жуковскому, в июне—июле 1825 г., из Михайловского.

* (Июль 1825 г.). Не доезжая села Михайловского, встретили мы в лесу Пушкина: он был в красной рубахе, без фуражки, с тяжелой железной палкой в руке. Когда подходили мы к дому, на крыльце стояла пожилая женщина, вязавшая чулок; она, приглашая нас войти в комнату, спросила:—«откудова к нам пожаловали?» Александр Сергеевич ответил:—«Это те гусары, которые хотели выкупать меня в шампанском.»—«Ах ты, боже мой! Как же это было?»—сказала няня Александра Сергеевича, Арина Родионовна. В Михайловском мы провели четыре дня. Няня около нас хлопотала, сама приготовляла кофе, поднося, приговаривала: — «Крендели вчерашние, ничего, кушайте на доброе здоровье, а вот мой Александр Сергеевич изволит с маслом кушать ржаной...». Пушкин выходил к нам около 12 часов; на нем виден был отпечаток грусти; обедали мы в час, а иногда и позднее.

На другой день нашего приезда, Александр Сергеевич пригласил нас прогуляться к соседке его, П. А. Осиповой, в Тригорское, где до позднего вечера мы провели очень приятно время, а в день нашего от'езда были на раннем обеде; милая хозяйка нас обворожила приветливым приемом, а прекрасный букет дам и девиц одушевлял общество. Александр Сергеевич особенно был внимателен к племяннице Осиповой, А. П. Керн.

Няня, Арина Родионовна, на дорогу одарила нас своей работы пастилой и напутствовала добрым пожеланием.

А. РОСПОПОВ. *Рус. Стар.*, 1876, т. 15, стр. 466.

Желание мое увидеть Пушкина исполнилось во время пребывания моего в доме тетки моей *(П. А. Осиповой)* в Тригорском, в 1825 году в июне месяце. Вот как это было. Мы сидели за обедом. Вдруг вошел Пушкин с большою, толстою палкой в руках. Он после часто к нам являлся во время обеда, но не садился за стол; он обедал у себя гораздо раньше и ел очень мало. Приходил он всегда с большими дворовыми собаками, chien-loup. Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила; он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было с ним вдруг сблизиться; он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, и нельзя было угадать, к каком он будет расположении духа через минуту. Раз он был так нелюбезен, что сам в этом сознался сестре, говоря: «ai-je été assez vulgaire aujourd'hui?». Вообще же надо сказать, что он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно и был неописанно хорош, когда что-нибудь приятно волновало его. Так, один раз мы восхищались его тихою радостию, когда он получил от какого-то помещика при любезном письме охотничий рог на бронзовой цепочке, который ему нравился. Читая это письмо и любуясь рогом, он сиял удовольствием и повторял: «Charmant, charmant!». Однажды явился он в Тригорское со своею большою черною книгою, на полях которой были начерчены ножки и головки, и сказал, что он принес ее для меня. Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам своих «Цыган». Я была в упоении как от текучих стихов поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаевала от наслаждения; он имел голос певучий, мелодический, как он говорит про Овидия в своих «Цыганах»: «И голос, шуму вод подобный». Через несколько дней после этого чтения тетушка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское. Пушкин очень обрадовался этому, и мы поехали. Погода была чудесная, лунная июльская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах; тетушка с сыном в одном, сестра *(Анна Ник. Вульф)*, Пушкин и я—в другом. Ни прежде, ни после я не видала его так добродушно веселым и любезным. Он шутил без острот и сарказмов, хвалил луну, не называл ее глупою, а говорил: «я люблю луну, когда она освещает прекрасное лицо». Хвалил природу и говорил, что торжествует, воображая в ту минуту,

будто Александр Полторацкий остался на крыльце у Олениных, а он уехал со мною; это был намек на то, как он завидовал, при нашей первой встрече *(в 1819 г., в Петербурге)* Александру Полторацкому, когда тот уехал со мною. Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад, «приют задумчивых дриад», с длинными аллеями старых дерев, корни которых, сплетясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, приехавшая туда вслед за нами, сказала: «мой дорогой Пушкин, окажите честь вашему саду, покажите его г-же Керн». Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться. Он вспоминал нашу первую встречу у Олениных, выражался о ней увлекательно, восторженно и в конце разговора сказал: «У вас был такой девственный вид; и неправда ли,—как-будто вы несли на себе крест?».

На другой день я должна была уехать в Ригу вместе с сестрою А. Н. Вульф. Он пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр II главы «Онегина», в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами: «Я помню чудное мгновенье»... Когда я сбиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю.

Во время пребывания моего в Тригорском я пела Пушкину стихи Козлова «Ночь весенняя дышала». Мы пели этот романс на голос «Benedetta sia la madre», баркароллы венецианской. Пушкин с большим удовольствием слушал эту музыку.

А. П. КЕРН (Маркова-Виноградская). Воспоминания. *Л. Майков*, 240—243.

Все Тригорское поет: «Не мила ей прелесть ночи» *(песню Козлова «Ночь весенняя дышала»,—см. выше)*, и это сжимает мне сердце; вчера мы с Алексеем Николаевичем *(Вульфом)* говорили четыре часа под ряд. Никогда у нас с ним не было такого долгого разговора. Угадайте, что нас вдруг соединило? Скука? Сходство чувства? Не знаю. Я все ночи хожу по саду, я говорю: «она была здесь»,—камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе, рядом с ним—завядший гелиотроп; я пишу много стихов,—все это, если угодно, очень похоже на любовь; но клянусь вам, что ее нет. Если бы я был влюблен, мною в воскресение[1]) овладели бы судороги бешенства и ревности, а я был только задет,—однако мысль, что я для нее—ничто,

[1]) 19 июля, в день от'езда А. П. Керн, Алексей Вульф, счастливый соперник Пушкина, провожая сестру, поехал с нею и Анной Петровной Керн в их карете.

что, разбудив, заняв ее воображение, я только тешил ее любопытство, что воспоминание обо мне ни на минуту не сделает ее ни более рассеянной среди ее триумфов, ни более пасмурной во дни ее печали, что ее прекрасные глаза будут останавливаться на каком-нибудь рижском фате с тем же разрывающим душу сладострастным выражением,—нет, эта мысль для меня невыносима!..

ПУШКИН—Ан. Ник-не Вульф, 21 июля 1825 г. *(фр.)*.

Студент Ал. Н. Вульф, сделавшийся поверенным Пушкина в его замыслах об эмиграции, сам собирался за границу; он предлагал Пушкину увезти его с собой под видом слуги. Но сама поездка Вульфа была еще мечтой. Тогда оба заговорщика наши остановились на мысли заинтересовать в деле освобождения Пушкина известного дерптского профессора хирургии, И. Ф. Мойера. Он имел влияние на самого начальника края, маркиза Паулуччи. Дело состояло в том, чтобы согласить Мойера взять на себя ходатайство перед правительством о присылке к нему Пушкина в Дерпт, как интересного и опасного больного, а впоследствии, может быть, предпринять и защиту его, если Пушкину удастся пробраться из Дерпта за границу под тем же предлогом безнадежного состояния своего здоровья.—Город Дерпт стоял тогда если не на единственном, то на кратчайшем тракте за границу, излюбленном всеми нашими туристами.

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в александровскую эпоху*, 287—288.

Будь щастлив, хоть это чертовски мудрено.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, 23 июля 1825 г.

Я в совершенном одиночестве: единственная соседка, которую я посещал, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, кроме моей старой няни и моей трагедии *(«Борис Годунов»)*; последняя подвигается вперед, и я доволен ею... Я пишу и думаю. Большая часть сцен требует только рассуждения; когда же я подхожу к сцене, требующей вдохновения, я или выжидаю, или перескакиваю через нее. Этот прием работы для меня совершенно нов. Я чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития и что я могу творить.

ПУШКИН—Н. Н. Раевскому, в конце июля 1825 г., из Михайловского *(фр.)*.

Теперь оказывается, что почти одновременно с прошением Пушкина новые хлопоты о помиловании сына предприняла и мать поэта, Н. О. Пушкина: проводя лето 1826 года, как и

предыдущее, в Ревеле, на морских купаньях, с мужем и дочерью, она обратилась к императору Николаю с прошением, в котором из'ясняла, что «ветреные поступки, по молодости, вовлекли сына ее в несчастье заслужить гнев покойного государя, и он третий год живет в деревне, страдая аневризмом, без всякой помощи,—но что ныне, сознавая ошибки свои, он желает загладить оные, а она, как мать, просит обратить внимание на сына ее, даровав ему прощение».

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Эпизод из жизни Пушкина. *Красная Газета*, 1927, № 34.

Сей час получено мною известие, что В. А. Жуковский писал вам о моем аневризме и просил вас приехать во Псков для совершения операции. Умоляю вас, ради бога, не приезжайте и не беспокойтесь обо мне. Операция, требуемая аневризмом, слишком маловажна, чтоб отвлечь человека знаменитого от его занятий и местопребывания. Благодеяние ваше было бы мучительно для моей совести. Я не должен и не могу согласиться принять его.

ПУШКИН—проф. И. Ф. Моейру, знаменитому дерптскому хирургу, 29 июля 1825, из Михайловского.

У нас очень дождик шумит, ветер шумит, лес шумит, шумно, а скучно!

ПУШКИН—П. А. Плетневу, в нач. авг. 1825 г.

До сих пор ты тратил жизнь с недостойною тебя и с оскорбительною для нас расточительностью, тратил и физически, и нравственно. Пора уняться. Она была очень забавною эпиграммою, но должна быть возвышенною поэмою.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—Пушкину, 9 авг. 1825 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина*, I, 258.

Я совершенно один; царь позволил мне ехать во Псков для операции моего аневризма, и Мойер хотел ко мне приехать,—но я просил его не беспокоиться и думаю, не тронусь из моей деревни. Друзья мои за меня хлопотали против воли моей, и, кажется, только испортили мою участь.

ПУШКИН—В. И. Туманскому. 13 авг. 1825 г., из Михайловского.

Здесь мне Кюхельбекерно; согласен, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегией в роде Коншина.

ПУШКИН—В. А. Жуковскому, 17 авг. 1825 г.

Пушкин и Вульф положили учредить между собою символическую переписку, основанием которой должна была служить тема о судьбе коляски, будто бы взятой Вульфом для переезда. Положено было так: в случае согласия Мойера замолвить слово перед маркизом Паулуччи о Пушкине, Вульф должен был уведомить Пушкина по почте о своем намерении выслать коляску обратно в Псков. Наоборот, если бы Вульф заявил решимость удержать ее в Дерпте, это означало бы, что успех сомнителен. На Вульфа возложена была также обязанность передавать Пушкину относящиеся до него новости, приняв за условную тему корреспонденции проект издания полных сочинений Пушкина в Дерпте.

П. В. АННЕНКОВ. *П—н в алекс. эпоху*, 288.

Я не успел благодарить вас за дружеское старание о проклятых моих сочинениях, чорт с ними и с цензором и с наборщиком и с tutti quanti—дело теперь не о том. Друзья мои и родители вечно со мною проказят. Теперь послали мою коляску к Мойеру с тем, чтобы он в ней ко мне приехал и опять уехал и опять прислал назад эту бедную коляску. Вразумите его. Дайте ему от меня честное слово, что я не хочу этой операции. А об коляске сделайте милость, напишите мне два слова, что она? где она? etc.—

ПУШКИН—Ал. Н. Вульфу, в конце авг. 1825 г., из Михайловского.

Вообще Пушкин был очень прост во всем, что касалось собственно до внешней обстановки. Одевался он довольно небрежно, заботясь преимущественно только о красоте длинных своих ногтей. Иметь простую комнату для литературных занятий было у него даже потребностью таланта и условием производительности. Он не любил картин в своем кабинете, и голая серенькая комната давала ему более вдохновения, чем роскошный кабинет с эстампами, статуями и богатой мебелью, которые обыкновенно развлекали его... Утро Пушкин посвящал литературным занятиям: созданию и приуготовительным его трудам, чтению, выпискам, планам. Осенью,—эту всегдашнюю эпоху его сильной производительности, он принимал чрезвычайные меры против рассеянности и вообще красных дней: он не покидал постели или не одевался вовсе до обеда. По замечанию одного из его друзей, он и в столицах оставлял до осенней деревенской жизни исполнение всех творческих своих замыслов, и, в несколько месяцев сырой погоды, приводил их к окончанию. Пушкин был, между прочим, неутомимый ходок пешком и много ездил верхом, но во всех его прогулках поэзия неразлучно сопутствовала ему. Раз, возвращаясь из соседней деревни верхом, обдумал он всю сцену свидания Димитрия с Мариной в «Годунове». Какое-то обстоятельство помешало ему положить

ее на бумагу тотчас же по приезде, а когда он принялся за нее через две недели, многие черты прежней сцены изгладились из памяти его. Он говорил потом друзьям своим, восхищавшимся этою сценою, что первоначальная сцена, совершенно оконченная в уме его, была несравненно выше, несравненно превосходнее той, какую он писал.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 111—112.

Пушкин сказывал Нащокину, что сцену у фонтана он сочинил, едучи куда-то на лошади верхом. Приехав домой, он не нашел пера, чернила высохли, это его раздосадовало, и сцена была записана не раньше, как недели через три; но в первый раз сочиненная им, она, по собственным его словам, была несравненно прекраснее.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о П—не*, 44.

С соседями Пушкин не знакомился... В досужное время он в течение дня много ходил и ездил верхом, а вечером любил слушать русские сказки и тем,—говорил он,—вознаграждал недостатки своего французского воспитания. Вообще образ его жизни довольно походил на деревенскую жизнь Онегина. Зимою он, проснувшись, также садился в ванну со льдом, а летом отправлялся к бегущей под горой реке, также играл в два шара на бильярде, также обедал поздно и довольно прихотливо. Вообще он любил придавать своим героям собственные вкусы и привычки. Нигде он так не выразился, как в описании Чарского (см. «Египетские Ночи»).

Л. С. ПУШКИН (брат поэта). *Л. Майков*, 11.

Что, может быть, неизвестно будет потомству, это то, что Пушкин с самой юности до гроба находился вечно в неприятном или стесненном положении, которое убило бы все мысли в человеке с менее твердым характером. Сосланный в псковскую деревню, он имел там развлечением старую няню, коня и бильярд, на котором играл один тупым кием. Его дни тянулись однообразно и бесцветно. Встав поутру, погружался он в холодную ванну и брал книгу или перо; потом садился на коня и скакал несколько верст, слезая, уставший ложился в постель и брал снова книги и перо; в минуты грусти перекатывал шары на биллиарде или призывал старую няню рассказывать ему про старину, про Ганнибалов, потомков Арапа Петра Великого. Так прошло несколько лет юности Пушкина, и в эти дни скуки и душевной тоски он написал столько светлых восторженных песен, в которых ни одно слово не высказало изменчиво его уныния.

Н. М. СМИРНОВ. Из памятных заметок. *Рус. Арх.*, 1882, I, 230.

Вставая рано, Пушкин тотчас принимался за дело. Не кончив утренних занятий своих, он боялся одеться, чтобы преждевременно не оставить кабинета для прогулки. Перед обедом, который откладывал до самого вечера, прогуливался во всякую погоду.

П. А. ПЛЕТНЕВ. *Сочч.*, т. I, 375.

Вы, вероятно, знаете, Байрон так метко стрелял, что на расстоянии 25 шагов утыкивал всю розу пулями. Пушкин, по крайней мере в те года, когда жил здесь, в деревне, решительно был помешан на Байроне; он его изучал самым старательным образом и даже старался усвоить себе многие привычки Байрона. Пушкин, напр., говаривал, что он ужасно сожалеет, что не одарен физической силой, чтобы делать, напр., такие подвиги, как английский поэт, который, как известно, переплыл Геллеспонт... А чтобы сравняться с Байроном в меткости стрельбы, Пушкин вместе со мною сажал пули в звезду над нашими воротами. Между прочим, надо и то сказать, что Пушкин готовился одно время стреляться с известным т. наз. «американцем» Толстым... Где-то в Москве Пушкин встретился с Толстым за карточным столом. Была игра. Толстой передернул. Пушкин заметил ему это.—«Да я сам это знаю,—отвечал ему Толстой;—но не люблю, чтобы мне это замечали». Впоследствие этого Пушкин намеревался стреляться с Толстым, и вот, готовясь к этой дуэли, упражнялся со мною в стрельбе.

АЛ. Н. ВУЛЬФ в передаче М. И. Семевского. *Спб. Ведом.*, 1866, № 139.

В усадьбе, оказалось, жив еще один старик, Петр, служивший кучером у Александра Сергеевича. Старик он лет за 60, еще бодрый, говорит хорошо, толково.

— Наш Ал. С—ч никогда этим не занимался, чтоб слушать доклады приказчика. Всем староста заведывал; а ему, бывало, все равно, хошь мужик спи, хошь пей; он в эти дела не входил.—Ходил эдак чудно: красная рубашка на нем, кушаком подвязана, штаны широкие, белая шляпа на голове: волос не стриг, ногтей не стриг, бороды не брил,—подстрижет эдак макушечку, да и ходит. Палка у него завсегда железная в руках, девять фунтов весу; уйдет в поля, палку вверх бросает, ловит ее налету. А не то дома вот с утра из пистолетов жарит, в погреб, вот тут за баней, да раз сто эдак и выпалит в утро-то.—А на охоту ходил он?—Нет, охотиться не охотился: так все в цель жарил...—Хорошо плавал Александр Сергеевич?—Плавать плавал, да не любил долго в воде оставаться. Бросится, уйдет во глубь и—назад. Он и зимою тоже купался в бане: завсегда ему была вода в ванне приготовлена. Утром встанет, пойдет в баню, прошибет кулаком лед в ванне, сядет, окатится, да и назад; потом сейчас на лошадь и гоняет тут по лугу; лошадь взмылит и пойдет к себе.

Он все с Ариной Родионовной, коли дома. Чуть встанет утром, уж бежит ее глядеть: «здорова ли, мама?». Он ее все *мама* называл. А она ему, бывало, эдак нараспев (она ведь из-за Гатчины у них взята, с Суйды, там эдак все певком говорят): батюшка ты, за что ты меня все мамой зовешь, какая я тебе мать?— Разумеется, ты мне мать: не то мать, что родила, а то, что своим молоком вскормила [1].—И уж чуть старуха занеможет там что ли, он уж все за ней.

К. Я. ТИМОФЕЕВ. Могила Пушкина и село Михайловское. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1859, т. 103, отд. II, 144—150.

Пушкин за время этих двух лет дома вел жизнь однообразную; все, бывало, пишет что-нибудь или читает разные книги. К нему изредка приезжали его знакомые, а иногда приходили монахи из монастыря, а если он когда выходил гулять, то всегда один и обязательно всегда пешком. Он любил гулять около крестьянских селений и слушал крестьянские рассказы, шутки и песни. В свое домашнее хозяйство он не входил никогда, как будто это не его дело, и не он хозяин. Во время бывших в Святогорском монастыре ярмарок, Пушкин любил ходить, где более было собравшихся старцев (нищих). Он, бывало, вмешается в их толпу и поет с ними разные припевки, шутит с ними и записывает, что они поют, а иногда даже переодевался в одежду старца и ходил с нищими по ярмарке... На ярмарке его всегда можно было видеть там, где ходили или стояли толпою старцы, а иногда ходил задумавшись, как будто кого или чего ищет.

А. Д. СКОРОПОСТ, заштатный псаломщик, по записи послушника Святогорского монастыря Владимирова. *Рус. Арх.*, 1892, I, 96.

Когда Пушкин приехал в Михайловское, он никакого внимания не обращал на свое сельское и домашнее хозяйство; ему было все равно, где находились его крепостные и дворовые крестьяне, на его ли работе (барщине) или у себя в деревне. Это было как-будто не его хозяйство. Его можно было видеть гулявшим по дороге около деревень или в лесу. Бывало, идет А. С. Пушкин, возьмет свою палку и кинет вперед, дойдет до нее, подымет и опять бросит вперед, и продолжает другой раз кидать ее до тех пор, пока приходил домой в село... Он всегда любил ходить пешком, и очень редко его можно было видеть ехавшим в экипаже. Больше же его можно было видеть одного гулявшим, но в крестьянские избы никогда не заходил, а любил иногда разговаривать с крестьянами на улице.

АФАНАСИЙ, крестьянин дер. Гайки, по записи Владимирова. *Русс. Арх.*, 1892, I, 97.

---

[1]) Арина Родионовна не была кормилицею Пушкина.

Жил он один, с господами не вязался, на охоту с ними не ходил, с соседями не бражничал, крестьян любил. И со всеми, бывало, ласково, по-хорошему обходился. Ребятишки в летнюю пору насбирают ягод, понесут ему продавать, а деньги заплатит и ягоды им же отдаст: «кушайте, мол, ребятки, сами; деньги, все равно, уплачены».

ИВАН ПАВЛОВ, крестьянин дер. Богомолы, по записи Евг. Шведера. *Ист. Вест.*, 1908, № 10, стр. 137.

Я с ним не раз и купался вместе в речке Сороти. В жаркие дни он покупаться любил... Был я с лакеем Александра Сергеича приятель, с Яким Архиповым, а он и на Кавказе с Александром Сергеичем был... С мужиками он больше любил знаться, но и господа к нему по вечерам наезжали и с барынями,—тогда фейерверки да ракеты пущали, да огни,—и с пушки палили для потехи. Пушка такая для потехи стояла завсегда около ворот, еще с давнишних пор. Как-же, дескать: у Пушкиных, да без пушки? Как увидит, девки навоз возят,—всем велит вкруг сойтись да песни петь, а сам слушает, да чего-то пишет, а после денег даст. Много по полям да по рощам гулял, и к мужикам захаживал для разговора. Он мужицкие разговоры любил.— Был он в те поры к нам прислан: под началом приходился; а он никого не боялся. С жандармом дерзко разговаривал.

ИВАН ПАВЛОВ по записи А. Мошина. *А. Мошин. Новое об 11 великих писателях*, 27—29.

Пушкин очень часто бывал у покойницы нашей барыни *(П. А. Осиповой)*, почти что каждодневно... Добрый был да ласковый, но только немного тронувшись был: идет, бывало, из усадьбы с нашими барышнями по Тригорскому с железной такой палочкой. Надо полагать, от собак он брал ее с собой. Бросит ее вверх, схватит свою шляпу с головы и почнет бросать на землю, али опять вверх, а сам подпрыгивает да прискакивает. А то еще чудней: раз это иду я по дороге в Зуево *(Михайловское)*, а он мне навстречу; остановился вдруг ни с того, ни с сего, словно столбняк на него нашел, ажно я испугался, да в рожь и спрятался, и смотрю; а он вдруг почал так громко разговаривать промеж себя на разные голоса, да руками все так разводит,—совсем как тронувшийся... Частенько мы его видали по деревням на праздниках. Бывало, придет в красной рубашке и смазных сапогах, станет с девками в хоровод и все слушает, да слушает, какие это они песни спевают, и сам с ними пляшет и хоровод водит.

СТАРИК-КРЕСТЬЯНИН СЕЛА ТРИГОРСКОГО, по записи, И. А. Вв—ского. *Витебские Ведомости*, 1899, № 27.

Плохие кони у Пушкина были, вовсе плохие! Один был вороной, а другой гнедко... гнедой—Козьяком звали... по мужику, у которого его жеребеночком взяли. (Козьяк или, вернее, Козляк—также названье болотного гриба). Этот самый Козьяк совсем дрянной конь был, а только долго жил. А вороной, тот скоро подох.

МИХАЙЛОВСКИЙ СТАРИК-КРЕСТЬЯНИН по записи И. Л. Щеглова. *Новое о Пушкине*. СПБ. 1902, стр. 202.

Пушкин любил ходить на кладбище, когда там «голосили» над могилками бабы и прислушиваться к бабьему «причитанию», сидя на какой-нибудь могилке.—На ярмарке в Святых Горах Пушкин любил разгуливать среди народа и останавливаться у групп, где нищие тянули «Лазаря», или где парни и девушки водили хоровод, плясали, или где крестьяне перебранивались и спорили. Пушкин простаивал с народом подолгу, заложив руки за спину, в одной руке у него была дощечка с наложенной бумагой, а в другой—карандаш. Заложив руки назад, Пушкин записывал, незаметно для других, передвигая пальцами левой руки бумагу на дощечке, а правой водя карандашом.— Пушкин летом устроил себе кабинет в «бане» и там работал. Когда Пушкин в этой «бане» запирался, слуга не впускал туда никого, ни по какому поводу: никто не смел беспокоить поэта. В эту баню Александр Сергеевич удалялся часто совершенно неожиданно для лиц, с которыми он только что беседовал. В барском доме было однажды вечером много гостей: Пушкин с кем-то крупно поговорил, был очень раздражен и вдруг исчез из общества. Кто-то, зная привычки поэта, полюбопытствовал, что он делает, и подкрался к освещенному окну бани. И вот что он увидел: поэт находился в крайнем волнении, он быстро шагал из угла в угол, хватался руками за голову; подходил к зеркалу, висевшему на стене, и жестикулировал перед зеркалом, сжимал кулаки. Потом вдруг садился к письменному столу, писал несколько минут. Вдруг вскакивал, опять шагал из угла в угол и опять размахивал руками и хватался за голову.

ДАН. СЕРГ. СЕРГЕЕВ-РЕМЕЗОВ по записи А. Н. Мошина. *А. Мошин. Новое об 11 великих писателях*. Спб. 1908. Стр. 17—20.

Пушкин, живя с деревне, мало сталкивался с народом. Бывало едем мы все с прогулки, и Пушкин, разумеется, с нами: все встречные мужики и бабы кланяются нам, на Пушкина же и внимания не обращают, так что он, бывало, не без досады заметит,—что это, на меня-де никто и не взглянет? А его и действительно крестьяне не знали. Он только ночевал у себя

в Михайловском, да утром, лежа в постели, писал свои произведения; затем появлялся в Тригорском и в нашем кругу проводил все свое время.

Бар. ЕВПР. Н. ВРЕВСКАЯ (урожд. ВУЛЬФ) в передаче М. И. Семевского. *Спб. Ведом.*, 1866, № 139.

Папенька мой тут *(в Вороничах)* священником был, по имени Ларивон, по фамилии Раевский, только его все больше по прозвищу знали,—Шкода. Его очень любил Ал. С—ч. Виделись они почти каждый день. Как папенька день или два к нему не поедет, глядишь, и сам А. С. к нам жалует...—«Что же это,—говорит,—поп, ко мне не заглядываешь?..». В парк Михайловский тоже, бывало, никого не допускали, а мне можно было ходить. Пойдем мы утром, чуть свет, с девушкой грибы собирать,—грибов там белых страсть сколько было,—смотришь, а А. С. уж вставши, идет навстречу и окликает: «кто это здесь?» Увидит меня, улыбнется.—«А, это ты,—скажет,—поповна? Ну, давай-ка, я помогу вам собирать грибы». Вот и начнет ходить по парку, палкой указывать, где больше грибов, зовет: «сюда, поповна, сюда, смотри, сколько их!». Насбираешь корзину и станешь просить: «батюшка А. С., вы бы хоть себе грибков на фриштык отобрали!». А А. С. улыбнется и спрашивает: «вас сколько собиральщиц?».—«Да две всего»,—говорю.—«Ну, а у меня их двадцать!». Так и уйдет. И к нам, как приезжал, никогда не выпьет и не откушает, а все папеньку к себе зазывает. Благодетелем он нашим был. Однажды возьми и подари папеньке семь десятинок... И сейчас же сам тут написал бумагу, что дарю, мол, священнику Раевскому семь десятин в вечное владение. А как был у нас пожар, так и сгорела эта бумага. Не стало нашего благодетеля, и отняли у меня землицу.

АКУЛИНА ЛАРИОНОВНА СКОРОПОСТИЖНАЯ, по записи Евг. Шведера. Пушкинские ветераны. *Ист. Вест.*, 1908, № 10, стр. 140.

Покойный Ал. С—вич очень любил моего тятеньку *(«попа-Шкоду»)*. И к себе в Михайловское приглашали, и сами у нас бывали совсем запросто. Под'едет верхом к дому и в окошко плетью цок: «Поп у себя?»—спрашивает (старуха произнесла это энергично, с достоинством закинув голову, видимо, подражая манере Пушкина). А если тятеньки не случится дома, всегда прибавит: «скажи, красавица, чтоб беспременно ко мне наведался, мне кой о чем потолковать с ним надо!». И очень они любили с моим тятенькой толковать; хотя он был совсем простой человек, но ум имел сметливый, и крестьянскую жизнь и всякие крестьянские пословицы и приговоры весьма примечательно знал. Только вот насчет божественного они с тятень-

кой не всегда сходились, и много споров у них через это выходило. Другой раз тятенька вернется из Михайловского туча тучей, шапку швырнет:—Разругался я,—говорит,—сегодня с михайловским барином вот до чего,—ушел, даже не попрощавшись... Книгу он мне какую-то богопротивную все совал,—так и не взял, осердился!». А глядишь, двух суток не прошло,—Пушкин сам катит на Воронич, в окошко плеткой стучит.—«Дома поп?—спрашивает.—Скажи,—говорит,—я мириться приехал». Простодушный был барин, отходчивый... Как был одет? Обыкновенно, как,—по-настоящему, по-барскому: брюки в одну полосу, завсегда во фраке, и ногти большущие, пребольшущие!.. А и потешник же был покойник. Иной раз вдруг возьмет, по-крестьянскому переоденется и в село на ярмарку отправится. Мужик мужиком, в армяке с круглым воротом, красный шелковый кушак у пояса... И как где много серого народу собравшись,—он тут, как тут... А они знай по-своему козыряют, всякие шутки промежду себя пропускают. Вот чудил покойник, вот чудил! Раз увязался со мной в рощу по грибы... Пойдем, говорит, грибы собирать, красавица,—у меня, говорит, острый глаз на всякий гриб!.. Наберешь грибов, болтая с-таким красно-баем! Какие уж там грибы,—все больше шутки шутил... Кузов-то вовсе пустой принесть пришлось... Никогда он не был красивый. Так, здоровый был на вид, полный, а только такой обрюзгший. А как в последний раз в Михайловское приезжал, что-то уж больно вдруг постарел,—видно, не сладко ему жилось в Петербурге.

АКУЛ. ЛАР. СКОРОПОСТИЖНАЯ по записи И. Л. Щеглова. *Новое о Пушкине.* 58—62.

Помню его: приезжал на красивой высокой лошади и был он во фраке с хвостом и под шеей широкий белый галстух-платок. Когда папеньку заставал, сиживал у него, но ничего не ел и не пил у нас. Папеньку тащил к себе закусывать и чай пить.—Чаще всего я видела его даже и в лесу—все во фраке с хвостом, да в широком белом галстухе. А как на ярмарку отправлялся, то просто в рубахе, а то видела,—в шинели серонемецкого сукна, с бархатным воротником, и подпоясан был широким красным поясом, а концы длинные сзади заткнуты.

АК. ИЛ. СКОРОПОСТИЖНАЯ по записи Мошина. *А. Н. Мошин. Новое об II писателях,* 22—24.

В 1825 году *(в перв. полов. сент.)* князь Ал. Мих. *(Горчаков, лицейский товарищ Пушкина, будущий канцлер)* возвратился в Россию из Спа, где лечился. Он посетил своего дядю, Пещурова, который жил в своей вотчине, Псковской губ., в селе Лямонове. Пещуров принимал большое участие в судьбе Пущ-

кина, жившего в изгнании в деревне. По приезде его из Одессы, к поэту был приставлен полицейский чиновник с специальною обязанностью наблюдать, чтобы Пушкин ничего не писал предосудительного. Понятно, как раздражал Пушкина этот надзор. Пещуров, из любви к нему, ходатайствовал у маркиза Паулуччи (тогдашнего рижского генерал-губернатора) о том, чтобы этот надзор был снят, а Пушкин отдан ему на поруки, обещая, что поэт ничего дурного не напишет. Ходатайство имело успех, и Пушкин вздохнул свободнее.

Узнав о приезде кн. Горчакова, Пушкин тотчас приехал из Михайловского в Лямоново. Целый день провел он у Пещурова и, сидя на постели вновь захворавшего кн. Горчакова, читал ему отрывки из «Бориса Годунова» и, между прочим, наброски сцены между Пименом и Григорием.—«Пушкин вообще любил читать мне свои вещи,—заметил князь с улыбкой,—как Мольер читал комедии своей кухарке». В этой сцене кн. Горчаков помнит, что было несколько стихов, в которых проглядывала какая-то изысканная грубость и говорилось что-то о «слюнях». Он заметил Пушкину, что такая искусственная тривиальность довольно неприятно отделяется от общего тона и слога, которым писана сцена...—«Вычеркни, братец, эти слюни. Ну, к чему они тут?».—«А посмотри у Шекспира и не такие еще выражения попадаются»,—возразил Пушкин.—«Да, но Шекспир жил не в XIX веке и говорил языком своего времени»,—заметил князь. Пушкин подумал и переделал свою сцену.

Кн. А. И. УРУСОВ со слов кн. А.М. Горчакова. 1883, *Рус. Арх.* II, 205—206.

Горчаков доставит тебе мое письмо. Мы встретились и расстались довольно холодно,—по крайней мере, с моей стороны. Он ужасно высох... От нечего делать я прочел ему несколько сцен из моей комедии, попроси его не говорить об них, не то об ней заговорят, а она мне опротивит, как мои Цыганы, которых я не мог докончить по сей причине.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, перв. пол. сент. 1825 г.

Н. С. Мосолов чрезвычайно любил Пушкина и рассказывал, что, встретив дядю поэта, Василия Львовича, поздравил его с знаменитым племянником. Вас. Львович отвернулся и проговорил: «есть с чем! Он негодяй.» [1])

ОЛЬГА N. (О. А. НОВИКОВА). Из воспоминаний. *Рус. Вест.*, 1887, № 11, стр. 161.

[1]) Негодование Вас. Львовича было вызвано, очевидно, «элегией», сочиненной Пушкиным совместно с Дельвигом на смерть Анны Львовны, сестры Вас. Львовича и тетки Ал. Сер—ча. Она начиналась:

Тетушка Прасковья Александровна *(Осипова)* сказала однажды Пушкину: «Что тут такого остроумного в ваших стихах: «Ах, тетушка, ах, Анна Львовна!». Пушкин ответил ей фразой,—такой оригинальной, такой для него характерной: «Я надеюсь, сударыня, что мне и барону Дельвигу разрешается не всегда быть умными».

А. П. КЕРН. *Л. Майков*, 256. *(фр.)*.

По-гишпански не знаю.

ПУШКИН—П. А. Катенину, перв. пол. сент. 1825 г.

Мне нужен английский язык,—и вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться, пока пора. Грех гонителям моим! И я, как А. Шенье, могу ударить себя в голову и сказать: il y avait quelque chose là. . . . Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру. Мочи нет сердит: не выспался и не вы . . . . . ся.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, перв. пол. сент. 1825 г.

По приезде в Псков Пушкин свидетельствован в Псковской врачебной управе и оказалось, что он имеет в нижних конечностях, особенно на правой голени, повсемственное (sic) расширение крововозвратных жил, от чего коллежский секретарь Пушкин затруднен в движении вообще.

Несколько слов о Пушкине. (Извлечено из дела Псковского губ. правления 1824 г.) *Псковские Губерн. Ведом.*, 1868, № 10 [1]).

Ох, тетенька! Ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!

И кончалась:

Увы! Зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил!

Эту элегию Пушкин послал Вяземскому в апреле 25-го года. Вяземский в ответ писал: «Если *Ах, тетушка*! *Ах, Анна Львовна*! попадется на глаза Вас. Львовичу, то заготовь другую песню, потому что он, верно, не перенесет удара». Про элегию эту Вас. Львович узнал, повидимому, в августе—сент. 1825 г.

[1]) Автор, повидимому, действительно имел в руках подлинное дело Губернского Правления, однако приводимая им хронология носит самый фантастический характер. Так, и приводимый отзыв относится им к 19 июля 1825 г., когда Пушкин в Псков еще не ездил. В Пскове он был в конце сентября 1825 г. и 6 октября писал Жуковскому: «теперь имею обстоятельные сведения о своем аневризме».

В Пскове Пушкин ходил по базарам, терся между людьми и весьма почтенные люди города видели его переодетым в мещанский костюм, в котором он даже раз явился в один из почетных домов Пскова.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 151.

Трагедия моя *(Борис Годунов)* кончена, я перечел ее вслух, один, бил в ладоши и кричал: ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, нач. окт. 1825 г.

Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с Якубовичем разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева etc.

ПУШКИН—А. А. Бестужеву, 30 ноября 1825 г.

В Пушкине был грешок похвастать в разговорах с дамами. Пред ними он зачастую любил порисоваться.

АЛ. Н. ВУЛЬФ в передаче М. И. Семевского. *Спб. Ведомости*, 1866, № 163.

Если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно они вспомнят обо мне... Если брать, так брать. Ради бога, не просить у царя позволения мне жить в Опочке или в Риге; чорт ли в них? а просить или о в'езде в столицу или о чужих краях. В столицу хочется мне для вас, друзья мои,—хочется с вами еще перед смертию поврать; но конечно, благоразумнее бы отправиться за море. Что мне в России делать?

ПУШКИН—П. А. Плетневу, в перв. пол. дек. 1825 г., из Михайловского.

Осень и зиму 1825 года,—так рассказывает одна из дочерей П. А. Осиповой,—мы мирно жили у себя в Тригорском. Пушкин, по обыкновению, бывал у нас почти каждый день, и если, бывало, заработается и засидится у себя дома, так и мы к нему с матушкой ездим... Вот однажды, под вечер, зимой,—сидели мы все в зале, чуть ли не за чаем. Пушкин стоял у печки. Вдруг матушке докладывают, что приехал Арсений. У нас был человек Арсений, повар. Обыкновенно каждую зиму посылали мы его с яблоками в Петербург; там эти яблоки и разную деревенскую провизию Арсений продавал и на вырученные деньги покупал сахар, чай, вино и т. п. нужные для деревни запасы. На этот раз он явился назад совершенно неожиданно: яблоки продал и деньги привез, ничего на них не купив. Оказалось, что он в

переполохе приехал даже на почтовых... Арсений рассказал, что в Петербурге бунт, всюду раз'езды и караулы, насилу выбрался за заставу, нанял почтовых и поспешил в деревню. Пушкин, услыша рассказ Арсения, страшно побледнел. В этот вечер он был очень скучен, говорил кое-что о существовании тайного общества,—но что именно, не помню. На другой день слышим,—Пушкин быстро собрался в дорогу и поехал; но доехав до погоста Врева, вернулся назад. Гораздо позднее мы узнали, что он отправился было в Петербург, но на пути заяц три раза перебежал ему дорогу, а при самом от'езде из Михайловского Пушкину попалось навстречу духовное лицо. И кучер, и сам барин сочли это дурным предзнаменованием. Пушкин отложил свою поездку, а между тем подошло известие о начавшихся в столице арестах, что окончательно отбило в нем желание ехать туда.

М. И. СЕМЕВСКИЙ. Прогулка в Тригорское. *Спб. Ведом.*, 1866, № 157.

Вот рассказ Пушкина, не раз слышанный мною при посторонних лицах. Известие о кончине императора Александра I и происходивших вследствие оного колебаниях о престолонаследии дошло до Михайловского около 10 дек. Пушкину давно хотелось увидеться с его петербургскими приятелями. Рассчитывая, что при таких важных обстоятельствах не обратят строго внимания на его непослушание, он решился отправиться в Петербург... Он положил заехать сперва на квартиру к Рылееву, и от него запастись сведениями. Итак Пушкин приказывает готовить повозку, а слуге собираться с ним в Питер; сам же едет проститься с Тригорскими соседками. Но вот, на пути в Тригорское, заяц перебегает через дорогу; на возвратном пути, из Тригорского в Михайловского,—еще раз заяц! Пушкин в досаде приезжает домой; ему докладывают, что слуга, назначенный с ним ехать, заболел вдруг белой горячкой. Распоряжение поручается другому. Наконец, повозка заложена, трогаются от под'езда. Глядь, в воротах встречается священник, который шел проститься с от'езжающим барином. Всех этих встреч не под силу суеверному Пушкину; он возвращается от ворот домой и остается у себя в деревне.

«А вот каковы были бы последствия моей поездки,—прибавлял Пушкин.—Я разсчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтобы не огласился слишком скоро мой приезд, и следовательно попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом; вероятно, я попал бы с прочими на Сенатскую площадь, и не сидел бы теперь с вами, мои милые!».

М. П. ПОГОДИН. *Простая речь о мудреных вещах*. Изд. 3. Москва, 1875. Отд. II, стр. 24.

О предполагаемой поездке Пушкина инкогнито в Петербург в дек. 1825 г. верно рассказано Погодиным в книге его «Простая речь». Так и я слыхал от Пушкина. Но, сколько помнится, двух зайцев не было, а только один. А главное, что он бухнулся бы в самый кипяток мятежа у Рылеева в ночь с 13-го на 14 декабря: совершенно верно.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—Я. К. Гроту в 1874 г. *К. Я. Грот. Пушкинский лицей.* СПБ. 1811. Стр. 107.

Вероятно правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 дек. связей политических не имел,—но оно в журналах об'явило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не об'явили о том полиции. Но кто же кроме правительства и полиции не знал о нем? О заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности. Всетаки я от жандарма еще не ушел, легко может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ими друзей моих довольно. Теперь положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов условливаться (буде условия необходимы), но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Мое будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства etc... Кажется, можно сказать царю: ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему вернуться?

ПУШКИН—В. А. Жуковскому, во втор. пол. янв. 1826 г., из Михайловского.

Не может ли Жуковский узнать, могу ли я надеяться на высочайшее снисхождение, я шесть лет нахожусь в опале, а что ни говори, мне всего 26. Покойный император в 1824 г. сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные,—других художеств за собою не знаю. Ужели молодой наш царь не позволит удалиться куда-нибудь потеплее?—если уж никак нельзя мне показаться в Петербурге,—а? Прости, душа, скучно,—мочи нет.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, во втор. пол. янв. 1826 г.

Конечно, я ни в чем не замешан, и, если правительству досуг подумать обо мне, то оно в том легко удостоверится. Но просить мне как-то совестно, особенно ныне; образ мыслей моих известен. Гонимый шесть лет сряду, замаранный по службе выключкою, сосланный в глухую деревню за две строчки перехваченного письма, я конечно не мог доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавал полную справедливость истинным его достоинствам. Но никогда я не проповедывал ни воз-

мущений, ни революции,—напротив. Как бы то ни было, я желал бы *вполне и искренно* помириться с правительством, и конечно, это ни от кого, кроме его, не зависит. В этом желании более благоразумия, нежели гордости с моей стороны.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, в перв. пол. февр. 1826 г., из Михайловского.

Вступление на престол государя Николая Павловича подает мне радостную надежду. Может быть, его величеству угодно будет переменить мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости.

ПУШКИН—В. А. Жуковскому, 7 марта 1826 г.

Ты ни в чем не замешан, это правда. Но в бумагах каждого из действовавших *(т.-е. декабристов)* находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством... Не просись в Петербург. Еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворят дверь свободы.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—Пушкину, 12 апр. 1826 г., *Переп. Пушкина*, I, 340.

(В апреле 1826 г.) Лев Сергеевич *(Пушкин)* сказал мне, что брат его связался в деревне с кем-то и обращается с предметом,—и уже не стихами, а практической прозой.

И. П. ЛИПРАНДИ. *Рус. Арх.*, 1866, стр. 1489.

Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится,—а потом отправь ее в Болдино. Ты видишь, что тут есть о чем написать целое послание во вкусе Жуковского о *попе;* но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах. При сем с отеческою нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в воспитательный дом мне не хочется,—а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню. Милый мой, мне совестно, ей-богу, но тут уж не до совести.

Пушкин—кн. П. А. Вяземскому, в нач. мая 1826 г., из Михайловского.

Видел ли ты мою Эду? Вручила ли она тебе мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?

ПУШКИН—Вяземскому, в серед. мая.

Сейчас получил я твое письмо, но живой чреватой грамоты твоей не видел, а доставлено мне оно твоим человеком. Твоя грамота едет завтра с отцом своим и семейством в Болдино, куда назначен он твоим отцом управляющим. Какой же способ остановить дочь здесь и для какой пользы? Без ведома отца ее сделать этого нельзя, а с ведома его лучше же ей быть при семействе своем. Мой совет: написать тебе полу-любовное, полураскаятельное, полу-помещичье письмо блудному твоему тестю, во всем ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущего творения, но поручить на его ответственность, напомнив, что некогда волею божьею ты будешь его барином, и тогда сочтешься с ним в хорошем или худом исполнении твоего поручения.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—Пушкину
10 мая 1826 г. *Переп. Пушкина*, I, 346.

Всемилостивейший государь! В 1824 году, имев несчастие заслужить гнев покойного императора легкомысленным суждением касательно афеизма, изложенным в одном письме, я был выключен из службы и сослан в деревню, где и нахожусь под надзором губернского начальства. Ныне с надеждой на великодушие вашего императорского величества, с истинным раскаянием и твердым намерением не противоречить моими мнениями общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпиской и честным словом) решился я прибегнуть к вашему имп. вел-ву со всеподданнейшею моею просьбою: здоровье мое, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и представляя свидетельство медиков, осмеливаюсь всеподданейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края.

Всемилостивейший государь, вашего императорского величества верноподданный

Александр Пушкин.

(Приложено обязательство):

Я, нижеподписавшийся, обязуюсь впредь ни в каким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них.

10-го класса АЛЕКСАНДР ПУШКИН.
11 мая 1826 года. *Соч. Пушкина под ред. Ефремова*, VII, 250.

Ты прав, любимец муз,—воспользуюсь правами блудного зятя и грядущего барина и письмом улажу все дело...

Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне слободу, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чу-

гунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и бордели, то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-ой песне Онегина я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно. Услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится,—ай да умница! Прощай!

Я теперь во Пскове, и молодой доктор спьяна сказал мне, что без операции я не дотяну до 30 лет. Не забавно умереть в Опоческом уезде.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 27 мая 1826 г., из Пскова.

Я писал царю тотчас по окончании следствия. Жду ответа, но плохо надеюсь. Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова. Если бы я был потребован комиссией, то я бы конечно оправдался, но меня оставили в покое, и кажется это не к добру. Впрочем, чорт знает.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 10 июля 1826 г., из Михайловского.

Пушкин сказывал, что, в бытность свою в деревне, ему приснилось накануне экзекуции над пятью известными преступниками *(казни пяти декабристов, 13 июля 1826 г.)*, будто у него выпало пять зубов.

В. Ф. ЩЕРБАКОВ. Из заметок о пребывании Пушкина в Москве. *Собр. соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова*, 1905, т. VIII, 110.

(19—24 июля 1826 г.) В Новоржеве от хозяина гостиницы Катосова узнал я, что на ярмарке Святогорского Успенского монастыря Пушкин был в рубашке, подпоясан розовою лентою, в соломенной широкополой шляпе и с железною тростью в руке; что он скромен и осторожен, о правительстве не говорит, и вообще никаких слухов о нем по народу не ходит... От уездного заседателя Чихачева я услышал, что он, Чихачев, с Пушкиным сам лично знаком, что Пушкин ведет себя весьма скромно и говаривал не раз: «Я пишу всякие пустяки, что в голову придет, а в дело ни в какое не мешаюсь. Пусть кто виноват, тот и пропадает; я же сам никогда на галерах не буду»... Пробыв целый день в селе Жадрицах у отст. генерал-майора П. С. Пущина, в общих разговорах узнал я, что иногда видали Пушкина в русской рубашке и в широкополой соломенной шляпе; что Пушкин дружески обходился с крестьянами и брал за руку знакомых, здороваясь с ними; что иногда ездил верхом и, до-

стигнув цели путешествия, приказывает человеку своему отпустить лошадь одну, говоря, что всякое животное имеет право на свободу; Пушкин ни с кем не знаком и ни к кому не ездит, кроме одной г-жи Есиповой *(Осиповой)*; чаще же всего бывает в Святогорском монастыре. Впрочем, полагали, что Пушкин ведет себя несравненно осторожнее противу прежнего; что он говорун, часто взводящий на себя небылицу, что нельзя предполагать, чтобы он имел действительные противу правительства намерения; что он столь болтлив, что никакая злонамеренная шайка не решится его себе присвоить; наконец, что он человек, желающий отличить себя странностями, но вовсе не способный к основанному на расчете ходу действий... По прибытии моем в монастырскую слободу, при Святогорском монастыре состоящую, я остановился у богатейшего в оной крестьянина Столарева. На расспросы мои о Пушкине Столарев сказал мне, что Пушкин живет в $3^1/_2$ в. от монастыря, в селе Зуеве *(Михайловском)*, где, кроме церкви и господского строения, нет ни церковно-служительских, ни крестьянских домов; что Пушкин обыкновенно приходит в монастырь по воскресениям; что ему всегда случалось видать его в сюртуке и иногда, в жары, без косынки; что Пушкин—отлично-добрый господин, который награждает деньгами за услуги даже собственных своих людей; ведет себя весьма просто и никого не обижает; ни с кем не знается и ведет жизнь весьма уединенную. Слышно о нем только от людей его, которые не могут нахвалиться своим барином... От игумена Ионы о Пушкине узнал я следующее: Пушкин иногда приходит в гости к игумену Ионе, пьет с ним наливку и занимается разговорами; кроме Святогорского монастыря и г-жи Осиповой он нигде не бывает, но иногда ездит в Псков; обыкновенно ходит он в сюртуке, но на ярмонках монастырских иногда показывался в русской рубашке и в соломенной шляпе. На вопрос мой: «не возмущает ли Пушкин крестьян?» — игумен Иона отвечал: «он ни во что не мешается и живет, как красная девка».

А. К. БОШНЯК, секретный агент, в рапорте генералу графу Витту. *Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором.* Спб. 1922. Стр. 13—16.

Я помню вас! Вы неизменно
Блестите в памяти моей,—
Звезда тех милых, светлых дней,
Когда, гуляка вдохновенный,
Я в мир прохлады деревенской
Весь свой разгул души студентской—
В ваш дом и сад переносил;
Когда прекрасно, достохвально
Вы угощали там двоих
Певцов,—и был один из них
Сам Пушкин (в оны дни опальный
Певец свободы), а другой...

Другой был я, его послушник,
Его избранник и подручник,
И собутыльник молодой.—
Как хорошо тогда мы жили!
Какой огонь нам в душу лили
Стаканы жженки ромовой!
Ее вы сами сочиняли:
Сладка была она, хмельна;
Ее вы сами разливали,—
И горячо пилась она!..
Примите ж ныне мой поклон
За восхитительную сладость
Той жженки пламенной, за звон,
Каким звучали те стаканы
Вам похвалу; за чистый хмель,
Каким в ту пору были пьяны
У вас мы ровно шесть недель...
Я верно, живо помню вас,
И взгляд радушный и огнистый
Победоносных ваших глаз,
И ваши кудри золотисты
На пышных склонах белых плеч,
И вашу сладостную речь,
И ваше сладостное пенье,
Там, у окна, в виду пруда...

Н. М. ЯЗЫКОВ—баронессе Евпр. Н. Вревской (урож. Вульф). *Пушкин и его с-ки*, вып. I, 120.

(Среди достопримечательностей села Голубова, имения Вревских): серебряный ковшичек на длинной ручке, в котором бар. Евпр. Н. Вревская, будучи еще не замужем, варила жженку для Пушкина, Языкова и Вульфа.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Поездка в Тригорское в 1902 г. *П—н и его совр-ки*, I, 6.

Сестра Euphrosine, бывало, заваривает всем нам, после обеда, жженку: сестра прекрасно ее варила, да и Пушкин, ее всегдашний и пламенный обожатель, любил, чтоб она заваривала жженку. И вот мы из больших бокалов—сидим, беседуем да распиваем пунш. И что за речи несмолкаемые, что за звонкий смех, что за дивные стихи то Пушкина, то Языкова сопровождали нашу дружескую пирушку! Языков был страшно застенчив, но и тот, бывало, разгорячится,—куда пропадет застенчивость,—и что за стихи, именно языковские стихи, говорил он то за «чашей пунша», то у ног той же Евпраксии Николаевны.

АЛ. Н. ВУЛЬФ по записи М. И. Семевского. *Спб. Ведомости*, 1866, № 139.

И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне,
И там, у берега, тень ивы,
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых, вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один—
Вольтер, и Гете, и Расин—
Являлся Пушкин знаменитый;
И ту площадку, где в тиши
Нас нежила, нас веселила
Вина чарующая сила,—
Оселок сердца и души;
И все божественное лето...

Н. М. ЯЗЫКОВ—*П. А. Осиповой* («Благодарю вас за цветы...»).

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
. . . . . .
Всегда, приветами сердечной доброты,
Встречала ты меня, мне здравствовала ты;
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника поэта,
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой *(Ал. Вульф)*,
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство!
С каким радушием,—красою древних лет,—
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас, добра и весела,
Про стародавних бар пленительным рассказом.
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе, и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летели беззаботно!

Н. М. ЯЗЫКОВ. *К няне А. С. Пушкина.*

Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор
В виду реки и двух озер
И нив с извилистой дорогой,
Где, древним садом окружен,
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елисаветиных времен,—
Нас, полных юности и вольных,
Там было трое... *(Пушкин, Языков и Вульф)*
Вон там,—обоями худыми

Где-где прикрытая стена,
Пол нечиненый, два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу,
Да пара стульев: стол украшен
Богатством вин и сельских брашен,
И ты, пришедшая к столу,—
Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли—и порой
К своей весне переносилась
Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры,
И звон стакана об стакан.
Уж гасит ночь свои светила,
Зарей алеет небосклон;
Я помню, что-то нам про сон
Давным-давно ты говорила.
Напрасно! Взял свое Токай,
Шумней удалая пирушка:
Садись-ка, добрая старушка,
И с нами бражничать давай!

Н. М. ЯЗЫКОВ. *На смерть няни А. С. Пушкина.*

Каждый день, часу в третьем пополудни, Пушкин являлся к нам из своего Михайловского. Приезжал он обыкновенно верхом на прекрасном аргамаке, а то, бывало, приволочится и на крестьянской лошаденке. Бывало, все сестры мои, да и я, тогда еще подросточек, выйдем к нему навстречу... Раз тащится он на лошаденке крестьянской, ноги у него чуть не по земле волочатся,—я и ну над ним смеяться и трунить. Он потом за мной погнался, все своими ногтями грозил; ногти же у него такие длинные, он их очень берег... Приходил, бывало, и пешком; подберется к дому тогда совсем незаметно; если летом, окна бывали раскрыты, он влезет в окно... Что? Ну, уж, батюшка, в какое окно влезал, не могу указать: мало ли окон-то? Он кажется, во все перелазил... Все у нас, бывало, сидят за делом: кто читает, кто работает, кто за фортепиано. Сестра Alexandrine дивно играла на фортепиано. Я, бывало, за уроками сижу. Ну, пришел Пушкин,—все пошло вверх дном; смех, шутки, говор так и раздаются по комнатам... Немецкий язык он плохо знал, да и не любил его; бывало, к сестрам принесет книгу, если что ему нужно перевесть с немецкого. А какой он был живой! Никогда не посидит на месте, то ходит, то бегает... Пушкин, бывало, нередко говорит нам экспромты, но так, чтобы прочесть что-нибудь длинное,—это делал редко, впрочем читал превосходно, по крайней мере, нам очень нравилось его чтение. Нередко мы угощали его моченными яблоками; жила у нас в то время ключницей Акулина Памфиловна,—ворчунья ужасная. Бывало, беседуем мы все до поздней ночи,—Пушкину и хочется яблок;

вот и пойдем мы просить Акулину Памфиловну: «принеси, да принеси моченых яблок», а та и разворчится. Вот Пушкин раз и говорит ей шутя: «Акулина Памфиловна, полноте, не сердитесь! Завтра же вас произведу в попадьи». И точно, под именем ее,—чуть ли не в «Капитанской дочке»,—и вывел попадью... Я, бывало, все дразню и подшучиваю над Пушкиным; в двадцатых годах была мода вырезывать и наклеивать разные фигурки из бумаги; я вырежу обезьяну и дразню Пушкина, он страшно рассердится, а потом вспомнит, что имеет дело с ребенком и скажет только:—«Вы юны, как апрель». И что за добрая душа был этот Пушкин, всегда в беде поможет. Маменьке вздумалось было, чтоб я принялась зубрить грамматику, да ведь какую,—ни больше, ни меньше, как ломоносовскую! Я принялась было, но, разумеется, это дело показалось мне адским мучением.—«Пушкин, заступитесь!». Стал он говорить маменьке, и так убедительно, что она совсем смягчилась; когда же Пушкин сказал: «я вот отродясь не учил грамматики и никогда ее не знал, а, слава богу, пишу помаленьку и не совсем безграмотен»,—тогда маменька окончательно отставила Ломоносова.

М. И. ОСИПОВА в передаче М. И. Семевского. *Спб. Ведомости*, 2866, № 139.

От Ек. Ив. Фок *(урожд. Осиповой, дочери Пр. Ал. Осиповой)* я неоднократно слышал воспоминания о Пушкине. Она в то время была ребенком, неоднократно играла с Пушкиным в прятки, причем он залезал под диван, и вытащить его оттуда было очень трудно; она рассказывала, что А. С. был необыкновенно веселый, игривый, находчивый и милый, любил детей, умел говорить с ними и охотно играл.

Н. Ф. БЫКОВСКИЙ. *Рус. Стар.* 1906, т. 136, стр. 491.

Секретно. Г. псковскому гражданскому губернатору. По высочайшему государя императора повелению, последовавшему по всеподданейшей просьбе, прошу покорнейше ваше превосходительство, находящемуся во вверенной вам губернии чиновнику 10 класса, Александру Пушкину, позволить отправиться сюда при посылаемом вместе с сим нарочным фельд'егерем. Г. Пушкин может ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельд'егеря; по прибытии же в Москву имеет явиться прямо к дежурному генералу главного штаба его императорского величества.

Барон И. И. ДИБИЧ (начальник главного штаба)—псковскому губернатору Б. А. фон-Адеркасу, 31 авг. 1826 г., из Москвы. *П. Анненков. Пушкин в алекс. эпоху*, 321.

Сей час получил я прямо из Москвы с нарочным фельд'егерем высочайшее разрешение по всеподданнейшему прошению вашему. Я не отправляю к вам фельд'егеря, который остается здесь до прибытия вашего, прошу вас поспешить приехать сюда и прибыть ко мне.

Б. А. фон-АДЕРКАС—Пушкину, 3 сент. 1826 г., из Пскова. *Переп. Пушкина,* I, 368.

Послан был нарочный к псковскому губернатору с приказом отпустить Пушкина из Михайловского в Москву. С письмом губернатора этот нарочный прискакал к Пушкину. Он в это время сидел перед печкою, подбрасывал дрова, грелся. Ему сказывают о приезде фельд'егеря. Встревоженный этим и никак не ожидавший чего-либо благоприятного, он тотчас схватил свои бумаги и бросил в печь: тут погибли его записки и некоторые стихотворные пьесы, между прочим стихотворение *Пророк*, где предсказывались совершившиеся уже события 14 декабря. («Пророк» приехал в Москву в бумажнике Пушкина. *Прим. С. А. Соболевского).*

П. В. НАЩОКИН по записи П. И. Бартенева. Рассказы о П—не, 34.

Приехал вдруг ночью жандармский офицер из городу, велел сейчас в дорогу собираться, а зачем,—неизвестно. Арина Родионовна растужилась, навзрыд плачет. Александр-то Сергеич ее утешать: «не плачь, мама, говорит, сыты будем; царь хоть куды ни пошлет, а все хлеба даст». Жандарм торопил в дорогу, да мы все позамешкались: надо было в Тригорское посылать за пистолетами, они там были оставши: ну, Архипа-садовника и послали. Как привез он пистолеты-то, маленькие такие были в ящичке, жандарм увидел и говорит: «господин Пушкин, мне очень ваши пистолеты опасны».—«А мне какое дело? Мне без них никуда нельзя ехать; это моя утеха».

ДВОРОВЫЙ ПЕТР, служивший у Пушкина кучером. К. Я. Тимофеев. Могила Пушкина. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1859, т. 103, отд. II, стр. 148.

Вот как об этом рассказывает одна из моих тригорских собеседниц. 1 или 2 сент. 1826 г. Пушкин был у нас; погода стояла прекрасная, мы долго гуляли; Пушкин был особенно весел. Часу в одиннадцатом вечера, сестры и я проводили Пушкина по дороге в Михайловское... Вдруг рано, на рассвете, является к нам Арина Родионовна, няня Пушкина. Это была старушка чрезвычайно почтенная, лицом полная, вся седая, страстно любившая своего питомца, но с одним грешком,—любила выпить. Она прибежала, вся запыхавшись; седые волосы ее беспорядочными космами спадали на лицо и плечи; она плакала навзрыд.

Из расспроса ее оказалось, что вчера вечером, незадолго до прихода А. С—ча, в Михайловское прискакал какой-то не то офицер, не то солдат (впоследствии оказалось,—фельд'егерь). Он об'явил Пушкину повеление немедленно ехать вместе с ним в Москву. Пушкин успел только взять деньги, накинуть шинель, и через полчаса его уже не было.—«Что же, взял этот офицер какие-нибудь бумаги с собой?».—«Нет, родные, никаких бумаг не взял, и ничего в доме не ворошил; после только я сама кой-что поуничтожила».—«Что такое?».—«Да сыр этот проклятый, что А. С. кушать любил, а я так терпеть его не могу, и дух-то от него, от сыра-то этого немецкого,—такой скверный»...

М. И. СЕМЕВСКИЙ. *Спб. Вед.*, 1866, № 163.

Фельд'егерь настолько успокоил Пушкина, что поэт дорогою был очень весел и шутлив,—шутлив до шаловливости. Во Пскове, во время перекладки лошадей, он попросил закусить в тамошней харчевне. Подали щей с неизбежною приправкою нашей народной кухни,—малою толикою тараканов. Преодолев брезгливость, Пушкин хлебнул несколько ложек и, уезжая, оставил—углем или мелом, на дверях (говорят, нацарапал перстнем на оконном стекле) следующее четверостишее:

Господин фон-Адеркас,
Худо кормите вы нас:
Вы такой же ресторатор,
Как великий губернатор!

М. И. Семевский со слов псковского уроженца П. РОСЛОВА. *Рус. Стар.*, 1880, т. 27, стр. 131.

Один из сторажилов рассказывает, что Пушкин ехал в Псков с Пещуровым. Переезд до Пскова был сопряжен в то время с большими неудобствами: почтовых лошадей по тракту от Острова было немного: от последней станции Черехи в Пскове начинались сыпучие пески до самого города. На станции путешественники ничего не могли найти с'естного; лошади были в разгоне, нужно было ожидать, и путники находились в самом невеселом настроении духа; но Пушкин развлекал декламацией стихов и, подойдя к окну, перстнем начертил два стиха, которые оканчивались: «Адеркас накормит нас». Неизвестно, однако же, накормил ли их Адеркас, п. ч. они дотащились едва-едва к ночи в Псков, и вероятно, не нашли удобным беспокоить губернатора напоминанием, что они не ели.

Псковские Губернские Ведомости, 1868, № 10.

Я предполагаю, что мой неожиданный от'езд с фельд'егерем поразил вас так же, как и меня. Вот факт: у нас ничего не делается без фельд'егеря. Мне дают его для вящей безопасности. После любезнейшего письма барона Дибича зависит только от меня очень этим возгордиться. Я еду прямо в Москву, где рассчитываю быть 8 числа текущего месяца: как только буду свободен, со всею поспешностью возвращусь в Тригорское, к которому отныне сердце мое привязано навсегда.

ПУШКИН—П. А. Осиповой, 4 сент. 1826 г., из Пскова. *(фр.)*.

VIII

ОТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ ССЫЛКИ ДО ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗЕРУМ

(Сентябрь 1826—май 1829 г.).

Фельд'егерь вырвал меня из моего насильственного уединения и привез в Москву, прямо в Кремль, и, всего покрытого грязью, меня ввели в кабинет императора, который сказал мне:—«Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?» Я отвечал, как следовало. Государь долго говорил со мною, потом спросил:—«Пушкин, принял ли бы ты участие в 14 декабря, если б был в Петербурге»?—«Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю бога»!—«Довольно ты подурачился,—возразил император,— надеюсь, теперь будешь рассудителен, и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне все, что сочинишь; отныне я сам буду твоим цензором».

ПУШКИН в передаче А. Г. Хомутовой.
Рус. Арх., 1867, стр. 1066 *(фр.)*.

Однажды, за небольшим обедом у государя, при котором и я находился, было говорено о Пушкине. «Я,—говорил государь,—впервые увидел Пушкина, после моей коронации, когда его привезли из заключения ко мне в Москву совсем больного и покрытого ранами—от известной болезни. Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге?—спросил я его между прочим.—Стал бы в ряды мятежников,—отвечал он. На вопрос мой, переменился ли его образ мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать иначе, если я пущу его на волю, он наговорил мне пропасть комплиментов насчет 14 декабря,

но очень долго колебался прямым ответом и только после длинного молчания протянул руку, с обещанием—сделаться другим».

Граф М. А. КОРФ. Записки. *Рус. Стар.*, 1900, т. 101, стр. 574.

По рассказу Арк. Ос. Россета, император Николай, на аудиенции, данной Пушкину в Москве, спросил его между прочим: «Что же ты теперь пишешь»?—«Почти ничего, ваше величество: цензура очень строга».—«Зачем же ты пишешь такое, чего не пропускает цензура»?—«Цензура не пропускает и самых невинных вещей: она действует крайне нерассудительно».—«Ну, так я сам буду твоим цензором,—сказал государь.—Присылай мне все, что напишешь».

Я. К. ГРОТ, 288.

Лишь только учредилась жандармская часть, некто донес ей в Москве, что у офицера Молчанова находятся возмутительные стихи, будто Пушкина, в честь мятежников 14 декабря. Молчанова схватили, засадили, допросили, от кого он их получил. Он указал на Алексеева. Как за ним, так и за Пушкиным, который все еще находился ссыльным во псковской деревне, отправили гонцов. Это послужило к пользе последнего. Государь пожелал сам видеть у себя в кабинете поэта, мнимого бунтовщика, показал ему стихи и спросил, кем они писаны. Тот не обинуясь сознался, что он. Но они были писаны за пять лет до преступления, которое будто бы они восхваляют, и даже напечатаны под названьем Андрей Шенье. В них Пушкин нападает на революцию, на террористов, кровожадных безумцев, которые погубили гениального человека. Небольшую только часть его стихотворения цензура не пропустила, и этот непропущенный лоскуток, который хорошенько не поняли малограмотные офицерики, послужил обвинительным актом против них. Среди бесчисленных забот государь, вероятно, не захотел взять труд прочитать стихи; без того при малейшем внимании увидел бы он, что в них не было ничего общего с предметом, на который будто они были написаны. Пушкин умел ему это об'яснить, и его умная, откровенная, почтительно-смелая речь полюбилась государю. Ему дозволено жить, где он хочет, и печатать, что хочет. Государь взялся быть его цензором с условием, чтобы он не употреблял во зло дарованную ему совершенную свободу.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, VII, 111.

Государь принял Пушкина с великодушной благосклонностью, легко напомнил о прежних проступках и давал ему наставления, как любящий отец. Поэт и здесь вышел поэтом,

ободренный снисходительностью государя, он делался более, и более свободен в разговоре; наконец дошло до того, что он незаметно для себя самого, приперся к столу, который был позади его, и почти сел на этот стол. Государь быстро отвернулся от Пушкина и потом говорил:—«С поэтом нельзя быть милостивым!»

(М. М. ПОПОВ, чиновник III Отделения). *Русс. Стар.*, 1874, № 8, 691.

Когда Пушкина перевезли из псковской деревни в Москву, прямо в кабинет государя, было очень холодно. В кабинете топился камин. Пушкин обратился спиною к камину и говорил с государем, обогревая себе ноги; но вышел оттуда со слезами на глазах и был до конца признателен государю.

П. В. НАЩОКИН по записи П. И. Бартенева. *Рассказы о П—не*, 32.

По приезде в Москву Пушкин введен прямо в кабинет государя; дверь замкнулась, и, когда снова отворилась, Пушкин вышел со слезами на глазах, бодрым, веселым, счастливым. Государь его принял, как отец сына, все ему простил, все забыл, обещал покровительство свое.

Н. М. СМИРНОВ. Памятные заметки. *Рус. Арх.*, 1882, I, 231.

Александр был представлен, говорил более часу и осыпан милостивым вниманием: вот что мне пишут видевшие его в Москве.

Бар. А. А. ДЕЛЬВИГ—П. А. Осиповой, 15 сент. 1826 г. *Р. А.*, 1894, III, стр. 141.

Говорят, что его величество дал Пушкину отдельную аудиенцию, длившуюся более двух часов.

ЛОКАТЕЛЛИ, секретный агент, донесение фон-Фоку, *Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором*, 30 *(фр.)*.

Выезжая из Пскова, Пушкин написал своему близкому другу и школьному товарищу Дельвигу письмо, извещая его об этой новости и прося его прислать ему денег, с тем, чтобы употребить их на кутежи и на шампанское.—Этот господин известен за *мудрствователя* (philosophiste), в полном смысле этого слова, который проповедует последовательный эгоизм с презрением к людям, ненависть к чувствам, как и к добродетелям, наконец,—деятельное стремление к тому, чтобы доставлять себе житейские наслаждения ценою всего самого священного. Этот честолюбец, пожираемый жаждою вожделений,

как примечают, имеет столь скверную голову, что его необходимо будет проучить при первом удобном случае. Говорят, что государь сделал ему благосклонный прием, и что он не оправдает тех милостей, которые его величество оказал ему.

М. Я. фон-ФОК, в донесении графу Бенкендорфу 17 сент. 1826 г. *Б. Л. Модзалевский, П—н под тайным надзором*, 30.

Рассказ о каких-то очень подозрительных стихах, потерянных Пушкиным на лестнице кремлевского дворца, сохранился в кругу его знакомых, уверявших, будто бы они слышали о том от самого Ал. С—ча. Государь выразил (будто бы) желание узнать, нет ли при Пушкине какого-нибудь нового стихотворения. Пушкин вынул из кармана бумаги, захваченные им второпях при от'езде из Михайловского, не нашел между ними никакого стихотворения. Выходя из дворца и спускаясь по лестнице, Пушкин заметил на ступеньке лоскут бумажки, поднял и узнал в нем свои стихи к друзьям, сосланным в Сибирь... Эту бумажку он выронил, вынимая из кармана платок. Возвратясь в гостинницу, он тотчас же сжег это стихотворение. Близкий приятель Пушкина С. А. Соболевский повторял впоследствии этот рассказ, но с некоторыми только вариантами. По его словам, потеря листка с стихами сделана; листок отыскался не во дворце, а в собственной квартире Соболевского, куда Пушкин приехал из дворца; самый листок заключал «Пророка», с первоначальным, впоследствии измененным, текстом последней строфы:

Восстань, восстань, пророк России!
Позорной ризой облекись,
Иди—и с вервием на выи и пр.

(П. А. ЕФРЕМОВ), А. С. Пушкин. *Рус. Стар.*, 1880, т. 27, стр. 133.

А. В. Веневитинов (брат поэта Д. В. Веневитинова) рассказывал мне, что Пушкин, выезжая из деревни с фельд'егерем, положил себе в карман стихотворение «Пророк», которое, в первоначальном виде, оканчивалась следующею строфою:

Восстань, восстань, пророк России,
Позорной ризой облекись
И с вервьем вкруг смиренной выи
К царю. . . . . явись!

Являясь в кремлевский дворец, Пушкин имел твердую решимость, в случае неблагоприятного исхода его об'яснений с государем, вручить Николаю Павловичу, на прощание, это стихотворение. Счастливая судьба сберегла для России певца «Онегина», и благосклонный прием государя заставил Пуш-

кина забыть о своем прежнем намерении. Выходя из кабинета вместе с Пушкиным, государь сказал, ласково указывая на него своим приближенным:—«Теперь он мой!»

А. П. ПЯТКОВСКИЙ. Пушкин в кремлевском дворце. *Рус. Стар.*, 1880, т. 27, стр. 674.

Окончание «Пророка»:

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием вкруг шеи (выи?—рукой,
кажется, Соболевского),
К У. Г. явись.

(От Погодина, то же сообщил и Хомяков).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 31. По догадке М. А. Цявловского буквы «У. Г.» не значат ли «убийце гнусному», как назвал Пушкин Николая I за казнь пяти декабристов? *Там же*, 94.

«Пророк», — бесспорно, великолепнейшее произведение русской поэзии,—получил свое значение, как вы знаете, по милости цензуры (смешно, а правда) [1]).

А. С. ХОМЯКОВ—И. С. Аксакову. *Сочч. А. С. Хомякова*, VIII, М. 1904, Стр. 366.

Во время коронации государь послал за Пушкиным нарочного курьера (обо всем этом сам Пушкин рассказывал) везти его немедленно в Москву. Пушкин перед тем писал какое-то сочинение в возмутительном духе, и теперь, воображая, что его везут не на добро, дорогой обдумывал это сочинение; а между тем известно, какой прием ему сделал император; тотчас после этого Пушкин уничтожил свое возмутительное сочинение и более не поминал о нем.

С. П. ШЕВЫРЕВ. Воспоминания. *Л. Майков*, 329.

Пушкин приехал в Москву в коляске с фельд'егерем и прямо во дворец. В этот же день на балу у маршала Мармона, герцога Рагузского, королевско-французского посла, государь подозвал к себе Блудова и сказал ему: «Знаешь, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России?» На вопросительное недоумение Блудова, Николай Павлович назвал Пушкина.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1865, стр. 96 и 389.

---

[1]) *Примеч. Бартенева*: Первоначально пушкинский Пророк кончался четырьмя стихами политического содержания («Восстань, восстань» и т. д.). После свидания с импер. Николаем Павловичем 8 сент. 1826 г. Пушкин прекрасно заменил эту строфу нынешнею. *Там, же*.

Из дворца Пушкин прямо приехал к своему дяде Василию Львовичу Пушкину, который жил в своем доме на Басманной.— Вскоре потом он поселился у С. А. Соболевского на Собачьей Площадке в угольном флигеле нынешнего дома Левенталя.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1865, стр. 390—391.

В самое то время, когда царская фамилия и весь двор, пребывавшие тогда в Москве по случаю коронации, с'езжались на бал к французскому чрезвычайному послу, маршалу Мармону, в великолепный дом кн. Куракина на Старой Басманной, наш поэт направлялся в дом жившего по соседству (близ Новой Басманной) дяди своего Василия Львовича, оставивши пока свой багаж в гостиннице дома Часовникова (ныне Дубицкого), на Тверской. Один из самых близких приятелей Пушкина (*С. А. Соболевский)*, узнавши на бале у французского посла, от тетки его Е. Л. Солнцевой, о неожиданном его приезде, отправился к нему для скорейшего свидания в полной бальной форме, в мундире и башмаках.

М. Н. ЛОНГИНОВ. *Сочинения*, т. I. Москва, 1915, стр. 165.

Один из давних приятелей поэта тотчас же из дому кн. Куракина на старой Басманной, где был бал у маршала Мармона, отправился в дом Василия Львовича, и застал Пушкина за ужином. Тут же, еще в дорожном платье, Пушкин поручил ему на завтрашнее утро с'ездить к известному «американцу» графу Толстому с вызовом на поединок. К счастью, дело уладилось: графа Толстого не случилось в Москве, а впоследствии противники помирились.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1865, стр. 390.

Возвращенный Пушкин тотчас явился к княгине В. Ф. Вяземской. Из его рассказа о свидании с царем княгиня помнит заключительные слова: «ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин». К последним праздникам коронации возвратился в Москву князь Вяземский. Узнав о том, Пушкин бросился к нему, но не застал дома, и когда ему сказали, что князь уехал в баню, Пушкин явился туда, так что первое их свидание после многолетнего житья в разных местах было в номерной бане.

П. И. Бартенев со слов Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 307.

Приезд Пушкина в Москву в 1826 г. произвел сильное впечатление, не изгладившееся из моей памяти до сих пор.— «Пушкин, Пушкин приехал»!—раздалось по нашим детским,

и все,—дети, учителя, гувернантки,—все бросились в верхний этаж, в приемные комнаты, взглянуть на героя дня... И детская комната, и девичья с 1824 года *(когда княгиня Вяземская жила в Одессе и дружила там с Пушкиным)* были неувядающим рассадником легенд о похождениях поэта на берегах Черного Моря. Мы жили тогда в Грузинах, цыганском предместье Москвы,—на сельско-хозяйственном подворье П. А. Кологривова, вотчина моей матушки.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ (сын поэта). *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского.* Спб. 1893. Стр. 508.

Впечатление, произведенное на публику появлением Пушкина в московском театре после возвращения из ссылки, может сравниться только с волнением толпы в зале дворянского собрания, когда вошел в нее А. П. Ермолов, только что оставивший кавказскую армию. Мгновенно разнеслась по зале весть, что Пушкин в театре; имя его повторялось в каком-то общем гуле; все лица, все бинокли обращены были на одного человека, стоявшего между рядами и окруженного густою толпою.

ЕЛ. Н. КИСЕЛЕВА (УШАКОВА) в передаче ее сына Н. С. Киселева. *Л. Майков,* 361.

Когда Пушкин, только что возвратившийся из изгнания, вошел в партер Большого театра, мгновенно пронесся по всему театру говор, повторявший его имя: все взоры, все внимание обратились на него. У раз'езда толпились около него и издали указывали его по бывшей на нем светлой пуховой шляпе. Он стоял тогда на высшей степени своей популярности.

Н. В. ПУТЯТА. Из записной книжки. *Рус. Арх.,* 1899, II, 350.

Надобно было видеть участие и внимание всех при появлении Пушкина в обществе!.. Когда в первый раз Пушкин был в театре, публика глядела не на сцену, а на своего любимца-поэта.

(КС. А. ПОЛЕВОЙ). Некролог Пушкина. *Живоп. Обозр.,* 1837, т. III, лист 10, стр. 79. Цит. по *Р. А.,* 1901, II, стр. 250.

Вспомним первое появление Пушкина, и мы можем гордиться таким воспоминанием. Мы еще теперь видим, как во всех обществах, на всех балах, первое внимание устремлялось на нашего гостя, как в мазурке и котильоне наши дамы выбирали поэта беспрерывно... Прием от Москвы Пушкину одна из замечательнейших страниц его биографии.

С. П. ШЕВЫРЕВ. *Москвитянин,* 1841, ч. I, стр. 522.

Пушкин автор в Москве и всюду говорит о вашем величестве с благодарностью и глубочайшей преданностью, за ним всетаки следят внимательно.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ—императору Николаю I, в 1826 г. *Старина и Новизна*, VI, 5 *(фр.)*.

Веневитинов рассказывал о суеверии Пушкина. Ему предсказали судьбу какая-то немка Кирнгоф и грек в Одессе.—«До сих пор все сбывается, напр., два изгнания. Теперь должно начаться счастье. Смерть от белого человека или от лошади, и я с боязнию кладу ногу в стремя,—сказал он,—и подаю руку белому человеку».—Между прочим, приезжает сам Пушкин. Пробыл минут пять,—превертлявый и ничего не обещающий снаружи человек.

М. П. ПОГОДИН. Дневник. 11 сент. 1826 г. *П—н и его совр-ки*, XIX—XX, 74.

А. Пушкин, в бытность свою в Москве, рассказывал в кругу друзей, что какая-то в С.-Петербурге угадчица на кофе, немка Кирш... предсказала ему, что он будет *дважды в изгнании*, и какой-то грек предсказатель в Одессе подтвердил ему слова немки. Он возил Пушкина в лунную ночь в поле, спросил час и год его рождения и, сделав заклинания, сказал ему, что он умрет от лошади или от беловолосого человека. Пушкин жалел, что позабыл спросить его: человека белокурого или седого должно опасаться ему. Он говорил, что всегда с каким-то отвращением ставит свою ногу в стремя.

В. Ф. ЩЕРБАКОВ. Из заметок о пребывании Пушкина в Москве в 1826—1827 гг. *Собр. соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова, 1905 г.*, т. VIII, стр. 109.

Вот уж неделя, как я в Москве, и не нашел еще времени написать вам; это доказывает, как я занят. Император принял меня самым любезным образом. В Москве шум и празднества, так что я уже устал от них и начинаю вздыхать о Михайловском, т.-е. о Тригорском; я рассчитываю уехать отсюда не позже, как через две недели.

ПУШКИН—П. А. Осиповой, 15 сент. 1826 г.

Был у А. Пушкина, который привез мне, как цензору, свою пьесу Онегин... Талант его виден и в глазах его: умен и остр, благороден в из'яснении и скромнее прежнего. Опыт не шутка.

И. М. СНЕГИРЕВ. Дневник, 18 сент. 1826 г. *П—н и его сов-ки*, XVI, 47.

К Веневитиновым. Рассказ о Пушкине: «У меня кружится голова после чтения Шекспира, я как-будто смотрю в бездну»

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 24 сент. 1826 г. *П—н и его с-ки*, XIX—XX, 77.

Я должен вам сказать о том, что очень в настоящее время занимает Москву, особенно московских дам. Пушкин, молодой и знаменитый поэт, здесь. Все альбомы и лорнеты в движении; раньше он был за свои стихи сослан в свою деревню. Теперь император позволил ему возвратиться в Москву. Говорят, у них был долгий разговор, император обещал лично быть цензором его стихотворений и, при полном зале, назвал его первым поэтом России. Публика не может найти достаточно похвал для этой императорской милости.

ФР. МАЛЕВСКИЙ — своим сестрам, 27 сент. 1826 г., из Москвы. Ladislas Mickiewicz. Adam Mickiewicz, sa vie et son oeuvre. Paris. Albert Savine, éd., 1888 p. 81.

Помнится и слышится еще, как княгиня Зинаида Волконская, в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним, пропела элегию его «Погасло дневное светило». Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению, краска вспыхивала на лице его. В нем этот детский и женский признак сильной впечатлительности был несомненное выражение внутреннего смущения, радости, досады, всякого потрясающего ощущения.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.*, VII, 329.

Я познакомился с поэтом Пушкиным. Рожа ничего не обещающая. Он читал у Вяземского свою трагедию Борис Годунов.

А. Я. БУЛГАКОВ (московский почт-директор)—К. Я. Булгакову, 5 окт. 1826 г. *Рус. Арх.*, 1901, II, 405.

Пушкин у Веневитиновых—читал песни, коими привел нас в восхищение.—Вот предмет для романа: поэт в обществе.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 12 окт. 1926 г. *П—н и его совр-ки*, XIX—XX, 79.

(Чтение Пушкиным «Годунова» в Москве, у Веневитиновых, 12 октября 1826 г., днем. В 12 час. приехал Пушкин). Какое действие произвело на всех нас это чтение,—передать невозможно. Мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихах Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которых все мы знали наизусть. Учителем нашим был Мерзляков. Надо

припомнить и образ чтения стихов, господствовавший в то время. Это был распев, завещанный французскою декламацией. Наконец, надо себе представить самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрец высокого искусства—это был среднего роста, почти низенький человечек, вертлявый, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми, быстрыми глазами, с тихим, приятным голосом, в черном сюртуке, в черном жилете, застегнутом наглухо, небрежно повязанном галстухе. Вместо высокопарного языка богов, мы услышали простую, ясную, обыкновенную и, между тем,—поэтическую, увлекательную речь!

Первые явления выслушаны тихо и спокойно или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорием всех ошеломила... А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков «да ниспошлет Господь покой его душе, страдающей и бурной», мы просто все как-будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Кто вдруг вскочит с места, кто вскрикнет. То молчанье, то взрыв восклицаний, например, при стихах самозванца: «Тень Грозного меня усыновила». Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго, и потом бросились к Пушкину. Начались об'ятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления. Эван, эвое, дайте чаши!.. Явилось шампанское, и Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему было приятно наше волнение. Он начал нам, поддавая жару, читать песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью на Волге на востроносой своей лодке, предисловие к «Руслану и Людмиле»: «У лукоморья дуб зеленый»... Потом Пушкин начал рассказывать о плане Дмитрия Самозванца, о палаче, который шутит с чернью, стоя у плахи на Красной площади в ожидании Шуйского, о Марине Мнишек с самозванцем, сцену, которую написал он, гуляя верхом, и потом позабыл в половину, о чем глубоко сожалел. О, какое удивительное то было утро, оставившее следы на всю жизнь. Не помню, как мы разошлись, как докончили день, как улеглись спать. Да едва кто и спал из нас в эту ночь. Так был потрясен весь наш организм.

М. П. ПОГОДИН. *Рус. Арх.*, 1865, стр. 97.

Вообще читал он чрезвычайно хорошо... Это был удивительный чтец: вдохновение так пленяло его, что за чтением «Бориса Годунова» он показался Шевыреву красавцем.

П. В. АННЕНКОВ со слов С. П. Шевырева. *Л. Майков*, 329, 331.

Читал Пушкин предвосходно, и чтение его, в противность тогдашнему обыкновению читать стихи нараспев и с некоторою вычурностью, отличалось, напротив, полною простотою.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1876, I, 489.

Ив. Серг. Тургенев читал стихи нараспев и с торжественной интонацией, согласно Пушкинской традиции. Он говорил нам, что не слыхал, как читал сам Пушкин, но что манеру его чтения ему воспроизводил один из его друзей, слышавший самого Пушкина.

ЕВГ. М. ГАРШИН Воспоминания о Тургеневе, *Историч. Вестник*, 1883 т. XIV, 392.

Лев Сергеевич Пушкин превосходно читал стихи и представлял мне, как читал их покойный брат его Александр Сергеевич. Из этого я заключил, что Пушкин стихи свои читал как бы нараспев, как бы желая передать своему слушателю всю музыкальность их.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ. Кое-что о Пушкине. Cosmopolis, 1898, март, 202.

Нет, добрый друг, не думай, что Александр Сергеевич почувствует когда-нибудь свою неправоту передо мною. Если он мог в минуту своего благополучия, и когда он не мог не знать, что я делал шаги к тому, чтобы получить для него милость, отрекаться от меня и клеветать на меня, то как возможно предполагать, что он когда-нибудь снова вернется ко мне? Не забудь, что в течение двух лет он питает свою ненависть, которую ни мое молчание, ни то, что я предпринимал для смягчения его участи изгнания, не могли уменьшить. Он совершенно убежден в том, что просить прощения должен я у него, но он прибавляет, что если бы я решил это сделать, то он скорее выпрыгнул бы в окно, чем дал бы мне это прощение... Я еще ни минуты не переставал воссылать мольбы о его счастии и, как повелевает Евангелие, я люблю в нем моего врага и прощаю его, если не как отец,—так как он от меня отрекается,—то как христианин, но я не хочу, чтоб он знал об этом: он припишет это моей слабости или лицемерию, ибо те принципы забвения обид, которыми мы обязаны религии, ему совершенно чужды.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта)—брату своему В. Л. Пушкину, 17 окт. 1826 г., из Петербурга. *Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором*, 31 *(фр.)*.

Более всего в поведении Александра Сергеевича вызывает удивление то, что, как он меня ни оскорбляет и ни разрывает наши сердечные отношения, он предполагает вернуться в нашу

деревню и, естественно, пользоваться всем тем, чем он пользовался раньше, когда он не имел возможности оттуда выезжать. Как примирить это с его манерой говорить обо мне,—ибо не может ведь он не знать, что это мне известно. Александр Тургенев и Жуковский, чтобы утешить меня, говорили, что я должен стать выше того, что он про меня говорил, что это он делал из подражания лорду Байрону, на которого он хочет походить. Байрон ненавидел свою жену и всюду скверно говорил об ней, а Александр Сергеевич выбрал меня своей жертвой. Но эти все рассуждения не утешительны для отца,—если я еще могу называть себя так. В конце концов: пусть он будет счастлив, но пусть оставит меня в покое.

С. Л. ПУШКИН — зятю своему М. М. Солнцеву, 17 окт. 1826 г. *Б. Модзалевский*, стр. 32 *(фр.)*.

Общий обед—очень приятно было взглянуть на всех вместе. Неловко представился Баратынскому. Обед чудно, но жаль, что общего разговора не было. С удовольствием пили за здоровье Мицкевича, потом Пушкина. Подпили. Представление Оболенского Пушкину и проч.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 24 окт. 1826 г. *П—н и его совр-ки*, XIX—XX, 80.

26 окт. 1826 г. Поутру получаю записку от *(Мар. Ив.)* Корсаковой: «Приезжайте непременно, нынче вечером у меня будет Пушкин». К 8 часам я в гостиной у Корсаковой; там собралось уже множество гостей. Дамы разоделись и рассчитывали привлечь внимание Пушкина, так что, когда он вошел, все дамы устремились к нему и окружили его. Каждой хотелось, чтоб он сказал ей хоть слово... Я издали наблюдала это африканское лицо, на котором отпечатлелось его происхождение, это лицо, по которому так и сверкает ум. Я слушала его без предупредительности и молча. Так прошел вечер. За ужином кто-то назвал меня, и Пушкин вдруг встрепенулся, точно в него ударила электрическая искра. Он встал и, поспешно подойдя ко мне, сказал: «вы сестра Михаила Григорьевича? Я уважаю, люблю его и прошу вашей благосклонности». Он стал говорить о лейб-гусарском полке, который, по словам его, был его колыбелью, а брат мой был для него нередко ментором.

А. Г. ХОМУТОВА. *Рус. Арх.*, 1867, стр. 1067, *(фр.)*.

Вероятно встречусь с Пушкиным, с которым и желал бы познакомиться; но с другой стороны слышал так много дурного насчет его нравственности, что больно встретить подобные свой-

ства в таком великом гении. Он, говорят, несет большую дичь и—публично.

НЕИЗВЕСТНЫЙ—гр. Мих. Ю. Виельгорскому, 6 ноября, 1826 г. из Москвы. *Б. Модзалевский,* 33.

Иван Головин (*впоследствии известный публицист-эмигрант*) писал мне, что его брат Николай рассказал ему, что он случайно был свидетелем первой (?) встречи Адама Мицкевича и Пушкина. Их знакомство произошло за карточной игрой. Пушкин любил волнения, вызываемые выигрышем и проигрышем, тогда как Адам Мицкевич не имел никакой склонности к азартным играм. По словам Николая Головина, «у Пушкина была в полном разгаре игра в фараон, когда вошел Мицкевич и занял место за столом. Дело было летом. Пушкин, с засученными рукавами рубашки, погружал свои длинные ногти в ящик, полный золота, и редко ошибался в количестве, какое нужно было каждый раз захватить. В то-же время он следил за игрою своими большими глазами, полными страсти. Мицкевич взял карту, поставил на нее пять рублей ассигнациями, несколько раз возобновил ставку и простился с обществом без какого-либо серьезного разговора».

ВЛАДИСЛАВ МИЦКЕВИЧ. Ladislas Mickiewicz. Adam Mickiewiz, sa vie et son oeuvre. Paris. 1888, p. 81—82.

Пушкин, приехавший в Москву осенью 1826 г., вскоре понял Мицкевича и оказывал ему величайшее уважение. Любопытно было видеть их вместе. Проницательный русский поэт, обыкновенно господствовавший в кругу литераторов, был чрезвычайно скромен в присутствии Мицкевича, больше заставлял его говорить, нежели говорил сам, и обращался с своими мнениями к нему, как бы желая его одобрения. В самом деле, по образованности, по многосторонней учености Мицкевича, Пушкин не мог сравнивать себя с ним, и сознание в том делает величайшую честь уму нашего поэта.

КС. А. ПОЛЕВОЙ. *Записки,* 171.

В прибавлениях к посмертному собранию сочинений Мицкевича, писаных на французском языке, рассказывается следующее: Пушкин, встретясь где-то на улице с Мицкевичем, посторонился и сказал: «с дороги двойка, туз идет!». На что Мицкевич тут же отвечал: «козырная двойка туза бьет!».

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Полн. собр. сочч., VII, 309.

(Осенью 1826 г. Пушкин с Соболевским в гостях у Н. А. Полевого). Перед конторкою, на которой обыкновенно писал

Н. А—вич, стоял человек, немного превышавший эту конторку, худощавый, с резкими морщинами на лице, с широкими бакенбардами, покрывавшими всю нижнюю часть его щек и подбородка, с тучею кудрявых волосов. Ничего юношеского не было в этом лице, выражавшем угрюмость, когда оно не улыбалось. Он был невесел этот вечер, молчал, когда речь касалась современных событий, почти презрительно отзывался о новом направлении литературы, о новых теориях... Пушкин несколько развеселился бутылкой шампанского (тогда необходимая принадлежность литературных бесед!) и даже диктовал Соболевскому комические стихи в подражание Виргилию. Тут я видел, как богат был Пушкин средствами к составлению стихов: он за несколько строк уже готовил мысль или созвучие и находил прямое выражение, не заменимое другим. И это шутя, между разговором!

Прошло еще несколько дней, когда, однажды утром, я заехал к нему. Он, временно, жил в гостиннице, бывшей на Тверской, в доме кн. Гагарина, отличавшемся вычурными уступами и крыльцами снаружи. Там занимал он довольно грязный нумер в две комнаты, и я застал его, как обыкновенно заставал потом утром в Москве и в Петербурге, в татарском серебристом халате, с голою грудью, не окруженного ни малейшим комфортом: так живал он потом в гостиннице Демута в Петербурге. На этот раз он был, как мне показалось сначала, в каком-то раздражении, и тотчас начал речь о «Московском Телеграфе» *(журнал Н. А. Полевого)*, в котором находил множество недостатков, выражаясь об иных подробностях саркастически. Я возражал ему, как умел, и разговор шел довольно запальчиво, когда в комнату вошел Шевырев... Пушкин начал горячо расхваливать стихи Шевырева, вообще оказывая Шевыреву самое приязненное расположение, хотя и с высоты своего величия, тогда как со мною он разговаривал почти неприязненно, как неприятель. Вскоре ввалился в комнату М. П. Погодин. Пушкин и к нему обратился дружески. Я увидел, что буду лишний в таком обществе, и взялся за шляпу. Провожая меня до дверей и пожимая мне руку, Пушкин сказал:—«sans rancune, je vous en prie!»—и захохотал тем простодушным смехом, который памятен всем знавшим его.

Пушкин соображал свое обхождение не с личностью человека, а с положеньем его в свете, и потому-то признавал своим собратом самого ничтожного барича и оскорблялся, когда в обществе встречали его, как писателя, а не как аристократа... Аристократ по системе, если не в действительности, Пушкин увидал себя еще более чуждым Полевому, когда блестящее светское общество встретило с распростертыми об'ятиями знаменитого поэта, бывшего диковинкою в Москве. Он как будто не видал, что в нем чествовали не потомка бояр Пушкиных, а писателя и современного *льва*, в первое время, по крайней

мере. Увлекшись в вихрь светекой жизни, которую всегда любил он, Пушкин почти стыдился звания писателя.

КС. А. ПОЛЕВОЙ. *Записки*, 1888. Стр. 198—204.

Я слежу за сочинителем Пушкиным, насколько это возможно. Дома, которые он наиболее часто посещает, суть дома княгини Зинаиды Волконской, князя Вяземского, поэта, бывшего министра Дмитриева и прокурора Жихарева. Разговоры там вращаются, по большей части, на литературе... Дамы кадят ему и балуют молодого человека; напр., по поводу выраженного им в одном обществе желания вступить в службу, несколько дам вскричали сразу: «Зачем служить! Обогащайте нашу литературу вашими высокими произведениями, и разве, к тому же, вы уже не служите девяти сестрам? Существовала ли когда-нибудь более прекрасная служба?» Другая сказала: «Вы уже служите в инженерах, а также в свите» *(Игра слов*: Vous servez déjà dans le genie et ainsi de suite).—8 ноября 1826 г.—Сочинитель Пушкин только что покинул Москву, чтобы отправиться в свое псковское имение.

И. П. БИБИКОВ, жандармский полковник, в донесении Бенкендорфу. *Б. Модзалевский*, 33 *(фр.)*.

С. П. *(Софья Федоровна Пушкина, однофамилица поэта, которою он увлекся в Москве)*—мой добрый ангел: но другая—мой демон; это совершенно некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях. Прощайте, княгиня,—еду похоронить себя среди моих соседок. Молитесь за упокой моей души.

ПУШКИН—кн. В. Ф. Вяземской, 9 ноября 1826 г., из Торжка.

Мой милый Соболевский,—я снова в моей избе. Восемь дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных. Дорогою бранил тебя немилосердно, но в доказательство дружбы посылаю тебе мой intinéraire от Москвы до Новгорода. Это будет для тебя инструкция.

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармезаном макарони,
Да яишницу свари.
На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (имянно котлет)
И отправься налегке.
Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растаращит
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели.
Как увидишь: посинели,
Влей в уху стакан Шабли.
Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок—

Яжельбицы первая станция после Валдая. — В Валдае спроси, есть-ли свежие сельди? если-же нет,—

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.

ПУШКИН—С. А. Соболевскому, 9 ноября 1826 г., из Михайловского.

Гальяни в Пушкинское время содержал в Твери лучшую гостинницу, с залом для танцев и других увеселений, так что гостинница Гальяни заменяла клуб. Дом, где находилась гостинница, был на углу, двухэтажный, низ каменный, верх деревянный; в 1879 г. этот дом сгорел, а на его месте построен большой дом, принадлежащий теперь А. А. Пржецлавской.

И. А. ИВАНОВ. О пребывании Пушкина в Тверской губ. *Изд. Тверского Об-ва Любит. Археол.* Тверь 1899, стр. 15.

Итальянец Гальяни имел в то время в Твери ресторан или гостинницу, которая считалась тогда лучшею. В ней останавливались обыкновенно более состоятельные проезжающие. По этому ресторану в Твери и доселе называется Гальянова улица[1]), на левом углу которой, рядом с Мироносицкой улицей, и стоял этот ресторан. Здесь-то неоднократно и бывал Пушкин. Одна современница Пушкина передавала нам, что однажды ее муж, тогда еще молодой человек 16-ти лет, встретил здесь Пушкина и рассказывал об этом так: «Я сейчас видел Пушкина. Он сидит у Гальяни на окне, поджав ноги, и глотает персики. Как он напомнил мне обезьяну!».

В. И. КОЛОСОВ. Пушкин в Тверской губернии. *Рус. Стар.*, 1888, т. 60, стр. 85.

Вот я в деревне. Доехал благополучно без всяких замечательных пассажей; самый неприятный анекдот было то, что сломались у меня колесы, растресенные в Москве другом и благоприятелем моим Соболевским. Деревня мне пришла, как-то, по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться

[1]) Ныне—Пушкинская.

вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни,—ей-богу приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву *о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости*, молитвы, вероятно сочиненной при ц. Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом... Буду у вас к 1-му... она велела! Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но все-таки лучше с вами видеться, чем переписываться.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 9 нояб. 1826 г., из Михайловского.

Еду к вам и не доеду. Какой! Меня доезжают!.. Из'ясню после.—В деревне я писал презренную прозу, а вдохновение не лезет. Во Пскове, вместо того, чтобы писать 7-ую главу Онегина, я проигрываю в штосс четвертую: не забавно.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 1 дек. 1826 г., из Пскова.

Выехал я тому пять-шесть дней из моей проклятой деревни на перекладной, в виду отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня. У меня помят бок, болит грудь, и я не могу двигать рукою. Взбешенный, я играю и проигрываю. Как только мне немного станет лучше, буду продолжать мой путь почтой... Так как я, вместо того, чтобы быть у ног Софи *(С. Ф. Пушкиной)*, нахожусь на постоялом дворе во Пскове, то поболтаем, т.-е., станем разсуждать. Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, т.-е., познать счастье. Ты мне говоришь, что оно не может быть вечным: прекрасная новость! Не мое личное счастье меня тревожит,—могу ли я не быть самым счастливым человеком с нею,—я трепещу, лишь думаю о судьбе, быть может, ее ожидающей,—я трепещу перед невозможностью сделать ее столь счастливою, как это мне желательно. Моя жизнь,—такая доселе кочующая, такая бурная, мой нрав—неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вместе с тем, слабый,—вот что внушает мне тягостное раздумие. Следует ли мне связать судьбу столь нежного, столь прекрасного существа с судьбою до такой степени печальною, с характером до такой степени несчастным?—Боже мой, до чего она хороша! И как смешно было мое поведение по отношению к ней. Дорогой друг, постарайся изгладить дурное впечатление, которое оно могло на нее произвести. Скажи ей, что я разумнее, чем кажусь с виду... Мерзкий этот Панин! Два года влюблен, а свататься собирается на Фоминой неделе,—а я вижу ее раз в ложе,—в другой раз на бале, а в третий сватаюсь!.. Об'ясни же ей, что, увидев ее, нельзя колебаться, что, не претендуя увлечь ее

собою, я прекрасно сделал, прямо придя к развязке, что, полюбив ее, нет возможности полюбить ее сильнее... Ангел мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Паниным скверным и—жени меня!

ПУШКИН—В. П. Зубкову, 1 дек. 1826 г. из Пскова *(фр.-русс.)*.

Софья Федоровна Пушкина была стройна и высока ростом, с прекрасным греческим профилем и черными, как смоль, глазами и была очень умная и милая девушка[1]).

Е. П. ЯНЬКОВА по записи Д. Благово. *Рассказы бабушки*. Спб. 1885, стр. 460.

Ответ Ф. Т. *** (*«Нет, не черкешенка она...»*). Здесь говорится о г-же Паниной, урожденной Пушкиной, в которую Пушкин был влюблен. (Да. *Приписка Соболевского*). Стихотворение написано в Москве.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 29.

Я имел щастие представить государю императору комедию вашу о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Его величество изволил прочесть оную с большим удовольствием и на поднесенной мною по сему предмету записке собственноручно написал следующее: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие Валтера Скота».

Граф А. Х. БЕНКЕНДОРФ—Пушкину, 14 дек. 1626 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина*, I, 393.

---

[1]) Б. Л. Модзалевский доказывает *(Пушкин и его с-ки*, вып. IV, стр. 102), что бабушка Янькова перепутала сестер, и что приведенная характеристика относится к Анне Федоровне Пушкиной, к Софье же Федоровне относится следующая: «меньшая, маленькая и субтильная блондинка, точно саксонская куколка, была прехорошенькая, прживая и превеселая, и хотя не имела ни той поступи, ни осанки, как ее сестра, но личиком была, кажется, еще милее».—В первом издании этой книги я выразил свое согласие с Б. Л. Модзалевским. Теперь, однако, думаю, что он неправ. Два ближайшие друга Пушкина, Нащокин и Соболевский, свидетельствуют (см. след. выписку), что в стихотворении «Ответ Ф. Т.» поэт говорит о С. Ф. Пушкиной. Вот это стихотворение:

Нет, не черкешенка она:
Но в долы Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.
Нет, не агат в глазах у ней:
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

Описание вполне подходит к описанию, даваемому Яньковою Софии Федоровне. Да и на дошедших портретах Софии Пушкиной мы видим совершенно «полуденную» брюнетку.

Я устал и болен, потому Вам и не пишу более.

ПУШКИН—Н. М. Языкову, 21 дек. 1826 г., из Москвы.

(Приехав в Москву 19 дек., Пушкин остановился у Соболевского на Собачьей Площадке в доме Ренкевича, впосл. Левенталь). Мы ехали с Лонгиновым через Собачью Площадку; сравнявшись с углом ее, я показал товарищу дом Ренкевича, в котором жил я, а у меня Пушкин. Сравнялись с прорубленною мною дверью в переулок—видим на ней вывеску: «продажа вина» и пр... Вылезли из возка и пошли туда. Дом совершенно не изменился в расположении: вот моя спальня, мой кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин, и где заседал Александр Сергеевич в самоедском ергаке. Вот где стояла кровать его; вот где так нежно возился и няньчился он с маленькими датскими щенятами. Вот где он выронил,—к счастью, что не в кабинете императора,—свое стихотворение на 14 декабря, что с час времени так его беспокоило, что оно не нашлось. Вот где собирались Веневитинов, Киреевский, Шевырев, Рожалин, Мицкевич, Баратынский, вы, я... и другие мужи, вот где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!

С. С. (С. А. СОБОЛЕВСКИЙ). «*Русский*», *газета политич. и литерат.*, 1867, лист 7 и 8, стр. 111.

Помню, помню живо этот знаменитый уголок, где жил Пушкин в 1826 и 1827 году, помню его письменный стол между двумя окнами, над которым висел портрет Жуковского с надписью: «ученику-победителю от побежденного учителя». Помню диван в другой комнате, где за вкусным завтраком,—хозяин был мастер этого дела,—начал он читать мою повесть «Русая коса» и, дойдя до места, где один молодой человек выдумал новость другому, любителю словесности, чтобы вырвать его из задумчивости: «Жуковский перевел байронова Мазепу», вскрикнул с восторгом: «как! Жуковский перевел Мазепу!» Там переписал я ему его Мазепу, поэму, которая после получила имя Полтавы. Однажды мы пришли к Пушкину рано с Шевыревым за стихотворением для «Московского Вестника», чтоб застать его дома, а он еще не возвращался с прогульной ночи и приехал при нас. Помню, как нам было неловко, в каком странном положении мы очутились из области поэзии в область прозы.

М. П. (М. П. ПОГОДИН). *Там же*, стр. 112.

27 дек. 1826 г.—Вчера провел я вечер, незабвенный для меня. Я видел несчастную княгиню Марию Волконскую, коей муж сослан в Сибирь и которая сама отправляется в путь, вслед

за ним, вместе с Муравьевой. Она нехороша собой, но глаза ее чрезвычайно много выражают. Третьего дня ей минуло двадцать лет. Эта интересная и вместе могучая женщина—больше своего несчастия. Она его преодолела, выплакала; источник слез уже изсох в ней.

Она чрезвычайно любит музыку. В продолжение всего вечера она все слушала, как пели, и когда один отрывок был отпет, она просила другого. До двенадцати часов ночи она не входила в гостинную, потому что у кн. З. *(Зинаиды Николаевны Волконской: она и Мария Николаевна были жены двух братьев Волконских)* много было, но сидела в другой комнате за дверью, куда к ней беспрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить. Отрывок из «Agnes» del Maestro Paer был пресечен в самом том месте, где несчастная дочь умоляет еще несчастнейшего родителя о прощении своем. Невольное сближение злосчастия Агнесы или отца ее с настоящим положением невидимо присутствующей родственницы своей отняло голос и силу у кн. Зинаиды, а бедная сестра ее по сердцу принуждена была выйти, ибо залилась слезами и не хотела, чтобы это приметили в другой комнате. Остаток вечера был печален. Когда все раз'ехались, и осталось только очень мало самых близких и вхожих к кн. Зинаиде, *она* вошла сперва в гостиную, села в угол, все слушала музыку, которая для нее не переставала, потом приблизилась к клавикордам, села на диван, говорила тихим голосом очень мало, изредка улыбалась. Для нее велела кн. Зинаида изготовить ужин; ибо становилось уже очень поздно и приметно было, что она устала. Во время ужина старалась нас всех развлечь от себя, говоря вообще очень мало, но говоря о предметах посторонних. Когда встали из-за стола, она тотчас пошла в свою комнату. И мы уехали уж после двух часов.

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ (?) *Рус. Стар.*, 1875, т. 12, стр. 822.

В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской, моей невестки, которая приняла меня с такой нежностью и добротой, которых я никогда не забуду: она окружила меня заботами, вниманием, любовью и состраданием. Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, которые были тогда в Москве, и несколько талантливых девиц. Прекрасное итальянское пение привело меня в восхищение, а мысль, что я слышу его в последний раз, делала его для меня еще прекраснее. Дорогой я простудилась и совершенно потеряла голос, а они пели как раз те вещи, которые я изучила лучше всего, и я мучилась от невозможности принять участие в пении. Я говорила им: «Еще, еще! Подумайте только, ведь я никогда больше не услышу музыки»! Пушкин, наш великий поэт, тоже был здесь... Во время добровольного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения: он хотел передать мне

свое «Послание к узникам» *(«Во глубине сибирских руд»)* для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александрине Муравьевой. Пушкин говорил мне: «Я хочу написать сочинение о Пугачеве. Я отправлюсь на места, перееду через Урал, проеду дальше и приду просить у вас убежища в Нерчинских рудниках».

Кн. М. Н. ВОЛКОНСКАЯ. *Записки.* Изд. 2, книг-ва «Прометей». Стр. 61—64.

О, ты, пришедшая отдохнуть в моем жилище! Образ твой овладел моей душой. Твой высокий стан встает передо мною, как великая мысль, и мне кажется, что твои грациозные движения создают мелодию, какую древние приписывали небесным звездам. У тебя глаза, волосы и цвет лица, как у дочери Ганга, и жизнь твоя, как ее, запечатлена долгом и жертвою. «Когда-то, говорила ты, мой голос был звучен, но страдания заглушили его»... Как ты вслушивалась в наши голоса, когда мы пели около тебя хором!—«Еще, еще!»—повторяла ты.—«Ни завтра, никогда уже не услышу музыки!».

Кн. З. Н. ВОЛКОНСКАЯ. Oeuvres choisies de la pr-sse Zénéide Volkonsky. Paris et Carlsruhe. 1865, p. 253. *(фр.)*.

28 дек. 1826 г. У Пушкина *(т.-е., в описанной выше квартире Соболевского)*. Досадно, что свинья Соболевский свинствует при всех. Досадно, что Пушкин в развращенном виде пришел при Волкове.

М. П. ПОГОДИН. Дневник. *Ник. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина.* Кн. II, изд. 2, стр. 64.

Как поэт, как человек минуты, Пушкин не отличался полною определительностью убеждений. Стихи *(«Во глубине сибирских руд»...)* были принесены в Москве, в начале 1827 г., самим Пушкиным А. Г. Муравьевой, перед от'ездом ее в Сибирь к ее супругу. Прощаясь с нею, Пушкин так крепко сжал ее руку, что она не могла продолжать письма, которое писала, когда он к ней вошел.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх., 1874,* II, 703.

В 1827 г., когда Пушкин пришел проститься с А. Г. Муравьевой, ехавшей в Сибирь к своему мужу, Пушкин сказал ей:—«Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество: я не стоил этой чести».

И. Д. ЯКУШКИН. *Записки. М.* 1908. Стр. 48.

(1826—1827). Мы увидали Пушкина с хор Благородного Собрания. Внизу было многочисленное общество, среди которого

вдруг сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодые человека. Один был блондин, высокого роста; другой—брюнет, роста среднего, с черными, кудрявыми волосами и выразительным лицом,—«Смотрите,—сказали нам:—блондин—Баратынский, брюнет—Пушкин». Они шли рядом, им уступали дорогу. В конце залы Баратынский с кем-то заговорил. Пушкин стал подле белой мраморной колонны, на которой был бюст государя, и облокотился на него.

Т. П. ПАССЕК. *Из дальних лет. Воспоминания.* Т. I. Спб. 1878, стр. 221.

(1826—1827). Особенно памятна мне одна зима или две, когда не было бала в Москве, на который бы не приглашали Григ. Ал. Корсакова и меня. После пристал к нам и Пушкин. Знакомые и незнакомые зазывали нас и в Немецкую слободу, и в Замоскворечье. Наш триумвират в отношении к балам отслуживал службу свою, на подобие бригадиров и кавалеров св. Анны, непременных почетных гостей, без коих обойтиться не могла ни одна купеческая свадьба, ни один именинный обед.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. сочч.*, VII, 171.

Помню, что в те времена я не раз носилась в вихре вальса с Ал. Серг. Пушкиным. Веселое и беззаботное было время.

Е. А. САБАНЕЕВА. *Воспоминания о былом.* СПБ. 1914. Стр. 92.

(Зимою 1826—1827 г.). Приветливо встретил меня Пушкин и показал живое участие к молодому писателю, без всякой литературной спеси или каких-либо следов протекции, потому что, хотя он и чувствовал всю высоту своего гения, но был чрезвычайно скромен в его заявлении.—Общим центром для литераторов и вообще для любителей всякого рода искусств, музыки, пения, живописи, служил тогда блестящий дом княгини Зинаиды Волконской, урожденной княжны Белозерской. Эта замечательная женщина, с остатками красоты и на склоне лет, хотела играть роль Коринны, и действительно была нашей русскою Коринною. Она писала и прозою, и стихами. Все дышало грацией и поэзией в необыкновенной женщине, которая вполне посвятила себя искусству. По ее аристократическим связям, собиралось в ее доме самое блестящее общество первопрестольной столицы; литераторы и художники обращались к ней, как бы к некоторому меценату. Страстная любительница музыки, она устроила у себя не только концерты, но и итальянскую оперу, и являлась сама на сцене в роли Танкреда, поражая всех ловкою игрою и чудным голосом: трудно было найти равный ей контральто. В великолепных залах Белосель-

ского дома оперы, живые картины и маскарады часто повторялись во всю эту зиму, и каждое представление обстановлено было с особенным вкусом, ибо княгиню постоянно окружали итальянцы. Тут-же, в этих салонах, можно было встретить и все, что только было именитого на русском парнасе. Часто бывал я на ее вечерах и маскарадах, и тут однажды, по моей неловкости, случилось мне сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мне злую эпиграмму Пушкина, который, не разобрав стихов, сейчас же написанных мною, в свое оправдание, на пьедестале статуи[1]), думал прочесть в них, что я называю себя соперником Аполлона[2]).

А. Н. МУРАВЬЕВ. *Знакомство с русскими поэтами.* Киев. 1871. Стр. 11.

Княгиня Зин. Ал. Волконская занимала Белосельский огромный дом на Тверской, напротив церкви св. Димитрия Солунского... Ее салон был сборным местом художников и литературных знаменитостей... А. Н. Муравьев, тогда армейский драгунский молодой офицер... раз, отломив *нечаянно* (упираю на это слово) руку у гипсового Аполлона на парадной лестнице Белосельского дома, тут-же начертил какой-то акростих. Могу сказать почти утвердительно, что А. С. Пушкина при том не было.

Граф М. Д. БУТУРЛИН. Записки. *Рус. Арх.*, 1897, II, 178.

Встречался я с Пушкиным довольно часто в салонах княгини Зинаиды Волконской. На этих вечерах любимою забавою

---

[1]) Вот эти стихи Муравьева:

О, Аполлон! Поклонник твой
Хотел померяться с тобой,
Но оступился и упал.
Ты горделивца наказал;
Хотя пожертвовал рукой,
Зато остался он с ногой.
(*Рус. Арх.*, 1885, I, 132).

[2]) Эпиграмма Пушкина:

Лук звенит, стрела трепещет,
И, клубясь, издох Пифон,
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто-ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан!

Ответная эпиграмма Муравьева:

Как не злиться Митрофану?
Аполлон обидел нас:
Посадил он обезьяну
В первом месте на Парнас.

молодежи была игра в шарады. Однажды Пушкин придумал слово; для второй части его нужно было представить переход евреев через аравийскую пустыню. Пушкин взял себе красную шаль княгини и сказал нам, что он будет изображать «скалу в пустыне». Мы все были в недоумении от такого выбора: живой, остроумный Пушкин захотел вдруг изображать неподвижный, неодушевленный предмет. Пушкин взобрался на стол и покрылся шалью. Все зрители уселись, действие началось. Я играл Моисея. Когда я, по уговору, прикоснулся жезлом (роль жезла играл веер княгини) к скале, Пушкин вдруг высунул из-под шали горлышко бутылки, и струя воды с шумом полилась на пол. Раздался дружный хохот и зрителей, и действующих лиц. Пушкин соскочил быстро со стола, очутился в минуту возле княгини, а она, улыбаясь, взяла Пушкина за ухо и сказала: «Mauvais sujet que vous êtes, Alexandre, d'avoir represanté de la sorte le rocher! (Этакий вы плутишка, Александр,—как вы изобразили скалу!»).

Л. Н. ОБЕР. Мое знакомство с Пушкиным. *Русский Курьер*, 1880, № 158.

Нужно отобрать суду показание от прикосновенного к делу А. Пушкина: им ли сочинены известные стихи, когда, с какою целью они сочинены, почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах из'явленное, и кому от него сии стихи переданы. В случае же отрицательства, неизвестно ли ему, кем оные сочинены.

КОМИССИЯ ВОЕННОГО СУДА, учрежденная лейб-гвардии при конно-егерском полку (*по делу Леопольдова, Молчанова и Алексеева*)—в отношении своем к московскому оберполицмейстеру, 13 янв. 1827 г. *Пушкин и его совр-ки*, XI, 27.

Призывал я к себе сочинителя А. Пушкина и требовал от него показание, но г-н Пушкин дал мне отзыв, что он не знает, о каких известных стихах идет дело, и просит их увидеть, и что не помнит стихов, могущих дать повод к заключению, почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах из'ясненных, по получении же оных он даст надлежащее показание.

А. С. ШУЛЬГИН (московский обер-полицмейстер) — Комиссии военного суда, 19 янв. 1827 г. *Пушкин и его совр-ки*, XI,28.

Комиссия постановила послать к г. московскому обер-полицмейстеру список с имеющихся при деле стихов, в особо запечатанном от комиссии конверте на имя самого А. Пушкина и в собственные его руки; но с тем однакож, дабы г. полицмейстер по получении им означенного конверта, не медля ни сколько времени, отдал оный лично Пушкину и, по прочтении им тех

стихов, приказал ему тотчас же оные запечатать в своем присутствии его, Пушкина, собственною печатью и таковою же другою своею; а потом сей конверт, а следующее от него, А. Пушкина, надлежащее показание по взятии у него не оставил бы, в самой наивозможной поспешности, доставить в сию комиссию при отношении.

КОМИССИЯ ВОЕННОГО СУДА—москов. оберполицмейстеру, 22 янв. 1827 г. *П—н и его совр-ки*, XI, 29.

Я, приглася Пушкина к себе, отдал ему пакет лично, который им при мне и распечатан. По отобрании же от него, г. Пушкина, надлежащего показания, оное вместе с теми стихами запечатаны в присутствии моем его собственною печатью и таковою же моею в особый конверт, который при сем честь имею препроводить.

А. С. ШУЛЬГИН, моск. оберполицмейстер,—Комиссии военного суда, 27 янв. 1827 г. *П—н и его совр-ки*, XI, 30.

(Стихи оказались непропущенным цензурою отрывком из пушкинской элегии «Андрей Шенье», над которым кто-то надписал: «На 14 декабря»).

Сии стихи действительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде последних мятежей и помещены в элегии *Андрей Шенье*, напечатанной с пропусками в собрании моих стихотворений. Они явно относятся к французской революции, коей А. Шенье погиб жертвою *(Следует подробное об'яснение отдельных стихов отрывка)*. Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабрю. Не знаю, кто над ними поставил сие ошибочное заглавие. Не помню, кому мог я передать мою элегию А. Шенье. Для большей ясности повторяю, что стихи, известные под заглавием: «14 декабря», суть отрывок из элегии, названной мною *Андрей Шенье*.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН. 27 янв. 1827 г. Москва *П—н и его совр-ки*, XI, 31.

Просьба Н. О. Пушкиной *(матери поэта,—поданная летом 1826 года)* лишь 4 января 1827 года была заслушана в заседании комиссии прошений, и постановлено было довести прошение Пушкиной до высочайшего сведения. Это было сделано 30 января 1827 г., при чем прошение Пушкиной при представлении его царю было изложено несколько иначе: «Надежда Пушкина,—читаем здесь,—из'ясняя, что сын ее имел несчастие навлечь на себя гнев покойного государя императора, почему последовало высочайшее повеление жить ему в деревне, где находится уже третий год, одержим болезнью и без всякой помощи, но ныне, усматривая, что сознание

ошибок и желание загладить поведением следы молодости успели остепенить ум и страсти,—просит о возвращении его к семейству по даровании прощения». — Прочтя подлинный доклад комиссии, Николай I поставил условный карандашной знак его рассмотрения, а рукою докладчика статс-секретаря Н. М. Лонгинова сделана на докладе помета: «Высочайшего соизволения не последовало 30 генваря 1827 г.».

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Эпизод из жизни Пушкина. *Красная Газета*, 1927, № 34.

Зимой 1826—1827, по переезде в наш дом в Чернышевском переулке, я решился, по тогдашней моде, поднести Пушкину, вслед за прочими членами семейства, и мой альбом, недавно подаренный мне. То была небольшая книжка в 32 долю листа, в красном сафьянном переплете; я просил Пушкина написать мне стихи. Дня три спустя, Пушкин возвратил мне альбом, вписав в него:

Душа моя Павел!
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прости, мой прекрасный!

Со времени написания стихов в мой альбом кличка моя в семействе стала: «душа моя Павел».

Кн. ПАВ. ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. сочч.*, 508.

Здесь тоска попрежнему. Наша с'езжая в исправности—частный пристав Соболевский бранится и дерется попрежнему, шпионы, драгуны, бл..и и пьяницы толкутся у нас с утра до вечера.

ПУШКИН—П. П. Каверину, 18 февр. 1827 г., из Москвы.

Это было в Москве. Пушкин, как известно, любил играть в карты, преимущественно в штосс. Играя однажды с А. М. Загряжским, Пушкин проиграл все бывшие у него деньги. Он предложил, в виде ставки, только что оконченную им пятую главу своего «Онегина». Ставка была принята, так как рукопись эта представляла собою тоже деньги, и очень большие (Пушкин получал по 25 руб. асс. за строку),—и Пушкин проиграл. Следующей ставкой была пара пистолетов, но здесь счастье перешло на сторону поэта: он отыграл и пистолеты, и рукопись, и еще выиграл тысячи полторы.

Н. П. КИЧЕЕВ со слов А. М. Загряжского. *Рус. Стар.*, 1874, т. 9, стр. 564.

Никакая игра не доставляет столь живых и разнообразных впечатлений, как карточная, потому что во время самых больших неудач надеешься на тем больший успех, или просто в величайшем проигрыше остается надежда, вероятность выигрыша. Это я слыхал от страстных игроков, напр., от Пушкина (поэта)... Пушкин справедливо говорил мне однажды, что страсть к игре есть самая сильная из страстей.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник. *Л. Майков*, 190, 211.

Всю зиму и почти всю весну Пушкин пробыл в Москве... Московская его жизнь была рядом забав и вместе рядом торжеств... Он вставал поздно после балов и, вообще, долгих вечеров, проводимых накануне. Приемная его уже была полна знакомых и посетителей, между которыми находился один пожилой человек, не принадлежавший к обществу Пушкина, но любимый им за прибаутки, присказки, народные шутки. Он имел право входа к Пушкину во всякое время и платил ему своим добром за гостеприимство. В городской жизни, в ее шуме и волнении Пушкин был в настоящей своей сфере.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 167.

Москва приняла его с восторгом; везде его носили на руках. Он жил вместе с приятелем своим Соболевским на Собачьей Площадке... Здесь в 1827 г. читал он своего «Бориса Годунова»; вообще читал он чрезвычайно хорошо... В Москве об'явил он свое живое сочувствие тогдашним молодым литераторам, в которых особенно привлекала его новая художественная теория Шеллинга, и под влиянием последней, проповедывавшей освобождение искусства, были написаны стихи «Чернь»... Пушкин очень любил играть в карты; между прочим, он употребил в плату карточного долга тысячу рублей, которые заплатил ему Московский Вестник за год его участия в нем.

С. П. ШЕВЫРЕВ. *Л. Майков*, 329.

В начале 1827 г. Пушкин жил в Москве. Тогда в Москве читал лекции о французской поэзии некто Декамп (обожатель В. Гюго и новейшей школы и отвергавший авторитеты Буало, Расина и проч.). Эти лекции читались в зале М. М. Солнцева, дяди Пушкина по Елизавете Львовне. А. П. Елагина по знакомству с Декампом взяла билет и ездила слушать. В самую первую лекцию она встретила там Пушкина, который подсел к ней и во все время чтения смеялся над бедным французом и притом почти вслух. Это совсем уронило лекции. Декамп принужден был не докончить курса, и после долго в этом упрекали Пушкина.

П. И. Бартенев со слов А. П. ЕЛАГИНОЙ. *Рассказы о П—не*, 54.

(17 февр. 1827 г.). В креслах (итальянской оперы) встретил я Пушкина... Я узнал от него о месте его жительства и на другой же день поехал его отыскивать... Он весь еще исполнен был молодой живости и вновь попался на разгульную жизнь: общество его не могло быть моим. Особенно не понравился мне хозяин его квартиры, некто Соболевский... Находка был для него Пушкин, который так охотно давал тогда фамильярничать с собою: он поместил его у себя, подчивал славными завтраками, смешил своими холодными шутками и забавлял его всячески.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, VII, 134.

Милый мой, на-днях, рассердясь на тебя и на твое молчание, написал я Веневитинову суровое письмо—Извини: у нас была весна, оттепель—и я ни слова от тебя не получал около двух месяцев—поневоле взбесишься. Теперь у нас опять мороз, весну дуру мы опять спровадили, от тебя письмо получено—все слава богу благополучно... Ты пеняешь мне за Моск. Вестник и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать! собрались ребяты теплые, упрямые: поп свое, а чорт свое.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, 2 марта 1827 г. *М. Цявловский. Письма Пушкина и к Пушкину. 195. Стр. 11.*

К Пушкину. Декламировал против философии, а я не мог возражать дельно, и больше молчал, хотя очень уверен в нелепости им говоренного.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 4 марта 1827 г. *П—н и его с-ки*, XIX—XX, 84.

О поэте Пушкине сколько краткость времени позволила мне сделать разведание,—он принят во всех домах хорошо и, как кажется, не столько теперь занимается стихами, как карточной игрой, и променял Музу на Муху, которая теперь из всех игр в большой моде.

А. А. ВОЛКОВ. жандармский генерал, в донесении Бенкендорфу, 5 марта 1827 г. *Б. Модзалевский*, 35.

Зима наша хоть куда, т.-е. новая. Мороз, и снегу более теперь, нежели когда-либо, а были дни такие весенние, что я поэта Пушкина видал на бульваре в одном фраке.

А. Я. БУЛГАКОВ—К. Я. Булгакову, 11 марта 1827 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1901, II, 24.

Март. В субботу на Тверском я в первый раз увидел Пушкина; он туда пришел с Корсаковым, сел с несколькими знако-

мыми на скамейку и, когда мимо проходили советники гражданской палаты Зубков и Данзас, он подбежал к первому и сказал: «Что ты на меня не глядишь? Жить без тебя не могу». Зубков поцеловал его.

В. Ф. ЩЕРБАКОВ. Из заметок о пребывании Пушкина в Москве. *Собр. соч. Пушкина, ред. Ефремова*, 1905, т. VIII, стр. 111.

Судя по всему, что я слышал и видел, Пушкин здесь на розах. Его знает весь город, все им интересуются, отличнейшая молодежь собирается к нему, как древле к великому Аруэту сбирались все имевшие немного здравого смыслу в голове. Со всем тем, Пушкин скучает! Так он мне сам сказал... Пушкин очень переменился и наружностью: страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выражение; впрочем, он все тот же,—так же жив, скор и попрежнему в одну минуту переходит от веселости и смеха к задумчивости и размышлению.

П. Л. ЯКОВЛЕВ—А. Е. Измайлову, 21 марта 1827 г., из Москвы. *Сборник памяти Л. Н. Майкова*, Спб. 1902. Стр. 249.

В 1827. г., когда мы издавали «Московский Вестник», Пушкин дал мне напечатать эпиграмму: «Лук звенит». *(На А. Н. Муравьева)*. Встретясь со мною через два дня по выходе книжки[1]) он сказал мне: «А как бы нам не поплатиться за эпиграмму».— Почему?—«Я имею предсказание, что должен умереть от белого человека или от белой лошади. Муравьев может вызвать меня на дуэль, а он не только белый человек, но и лошадь».

М. П. ПОГОДИН. *Русс. Арх.*, 1870, стр. 1947.

В 1827 году Пушкин учил меня боксировать по-английски, и я так пристрастился к этому упражнению, что на детских балах вызывал желающих и нежелающих боксировать, последних вызывал даже действием во время самых танцев. Всеобщее негодование не могло поколебать во мне сознания поэтического геройства, из рук в руки переданного мне поэтом-героем Пушкиным. Последствия геройства были, однако, для меня тягостны: меня перестали возить на семейные праздники.

Пушкин научил меня еще и другой игре.

Мать моя запрещала мне даже касаться карт, опасаясь развития в будущем наследственной страсти к игре. Пушкин во время моей болезни научил меня играть в дурачки, употребив для того визитные карточки, накопившиеся в новый 1827 год.

---

[1]) Книжка вышла 19 марта 1827 г. См. *Н. Синявский и М. Цявловский „Пушкин в печати“, стр. 41.*

Тузы, короли, дамы и валеты козырные определялись Пушкиным, значение остальных не было определенно, и эта-то неопределенность и составляла всю потеху: завязывались споры, чья визитная карточка бьет ходы противника. Мои настойчивые споры и цитаты в пользу первенства попавшихся в мои руки козырей потешали Пушкина, как ребенка.

Эти непедагогические забавы поэта об'ясняются его всегдашним взглядом на приличие. Пушкин неизменно в течение всей своей жизни утверждал, что все, что возбуждает смех,—позволительно и здорово, все, что разжигает страсти,—преступно и пагубно... Он так же искренно сочувствовал юношескому пылу страстей и юношескому брожению впечатлений, как и чистосердечно, ребячески забавлялся с ребенком.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ (род. в 1820 г., сын поэта кн. П. А. Вяземского). *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского.* СПБ. 1893, стр. 511—513.

Княгиня Вяземская говорит, что Пушкин был у них в доме, как сын. Иногда, не заставая их дома, он уляжется на большой скамейке перед камином и дожидается их возвращения или возится с молодым князем Павлом. Раз княгиня застала, как они барахтались и плевали друг в друга.

П. И. Бартенев со слов кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус Арх.*, 1888, II, 310.

Любила В. Ф. Вяземская вспоминать о Пушкине, с которым была в тесной дружбе, чуждой всяких церемоний. Бывало, зайдет к ней поболтать, посидит и жалобным голосом попросит: «княгиня, позвольте уйти на суденышко!» и, получив разрешение, уходил к ней в спальню за ширмы.

С. Ш. (Граф С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ). «Из семейной старины». *Старина и Новизна*, VI. 331.

Князь Вяземский, во время приезда Петра Андреевича Габбе в Москву, доставил ему случай познакомиться с Пушкиным. При входе Габбе к князю Вяземскому в гостиную, Пушкин,—как рассказывал мне Габбе,—увивался около супруги князя и других тут бывших дам. Князь, обменявшись со своим гостем приветами, обратился к Пушкину с приглашением на пару слов. Знакомство началось без представления одного другому, и это, кажется, показывало, что один, как либеральный поэт, а другой, как либеральная высокого ума личность, не должны были входить в расчет представлений, чем обыкновенно представляемый всегда становится ниже того, кому его представляют. Пушкин сел на лежанку камина, свеся одну ногу на угол лежанки и, несколько согнувшись, принял участие

в разговоре стоявших подле него князя и Габбе. Речь пошла о недавно вышедшей какой-то поэме Языкова; князь находил в тех местах красоты, которыми Пушкин не сильно восхищался. Разговор продолжался с час, и Габбе убедился, что знаменитый наш народный поэт более гениальный, нежели ученый поэт.

Н. В. ВЕРИГИН. Записки. *Рус. Стар.*, 1893, т. 78, стр. 115.

Я знаком с Пушкиным и мы часто встречаемся. Он в беседе очень остроумен и увлекателен; читал много и хорошо, хорошо знает новую литературу; о поэзии имеет чистое и возвышенное понятие.

АДАМ МИЦКЕВИЧ — Э. А. Одыньцу, в марте 1827. *П—н и его соврем-ки*, вып. VII, 88.

В конце двадцатых годов в Москве славился радушием и гостеприимством дом кн. Александра Мих. и кн. Екат. Пав. Урусовых. Три дочери кн. Урусова, красавицы, справедливо считались украшением московского общества. Старшая из них, Мария, была замужем за гр. А. И. Мусиным-Пушкиным; вторая, Софья, вышла впоследствии за кн. Льва Радзивила, а третья была потом в замужестве за гр. Кутайсовым. Почти каждый день собирался у Урусовых тесный кружок друзей и знакомых преимущественно молодых людей. Здесь бывал А. А. Муханов, блестящий ад'ютант знаменитого графа П. А. Толстого; сюда же постоянно являлся родственник кн. Урусовой, артиллерийский офицер, В. Д. Соломирский, человек образованный, хорошо знавший английский язык, угрюмый поклонник поэзии Байрона и скромный подражатель ему в стишках. Соломирский был весьма неравнодушен к одной из красавиц-княжен Урусовых. В том же доме особенно часто появлялся весною 1827 г. Пушкин. Он, проводя почти каждый вечер у кн. Урусова, бывал весьма весел, остер и словоохотлив. В рассказах, импровизациях и шутках бывал в это время неистощим. Между прочим, он увлекал присутствовавших прелестною передачею русских сказок. Бывало, все общество соберется вечерком кругом большого круглого стола, и Пушкин поразительно увлекательно переносит слушателей своих в фантастический мир, населенный ведьмами, домовыми, лешими и пр. Материал, добытый им в долговременное пребывание в деревне, разукрашаем был вымыслами его неистощимой фантазии, при чем Пушкин ловко подделывался под колорит народных сказаний.—Во время этих посещений Пушкин, еще по петербургской своей жизни бывший коротким приятелем Муханова, сблизился и с Соломирским; Пушкин подарил ему сочинения Байрона, сделав на книге надпись в весьма дружественных выражениях. Тем не менее ревнивый и крайне самолюбивый Соломирский, чем чаще сходился с Пушкиным у кн. Урусова, тем становился угрюмее и

холоднее к своему приятелю. Особенное внимание, которое встречал Пушкин в этом семействе, и в особенности внимание молодой княжны, возбуждало в нем сильнейшую ревность. Однажды Пушкин, шутя и балагуря, рассказал что-то смешное о графине А. В. Бобринской. Соломирский, мрачно поглядывавший на Пушкина, по окончании рассказа счел нужным обидеться.—«Как вы смели отозваться неуважительно об этой особе?—задорно обратился он к Пушкину.—Я хорошо знаю графиню, это во всех отношениях почтенная особа, и я не могу допустить оскорбительных об ней отзывов»...—«Зачем же вы не остановили меня, когда я только начинал рассказ?—отвечал Пушкин.—Почему вы мне не сказали раньше, что знакомы с граф. Бобринской? А то вы спокойно выслушали весь рассказ, и потом каким-то дон-кихотом становитесь в защитники этой дамы и берете ее под свою протекцию». Вся эта сцена произошла в довольно тесном кружке обычных гостей кн. Урусова: тут же был и А. А. Муханов, передавший нам подробности происшествия. Затем разговор в тот же вечер не имел никаких последствий, и все раз'ехались по домам, не обратив на него никакого внимания. Но на другой же день рано утром на квартиру к Муханову является Пушкин. С обычною своею живостью он передал, что в это утро получил от Соломирского письменный вызов на дуэль и, ни минуты не мешкав, отвечал ему, письменно же, согласием, что у него был уже секундант Соломирского, А. В. Шереметев, и что он послал его для переговоров об условиях дуэли к нему, Муханову, которого и просит быть секундантом.—Только что уехал Пушкин, к Муханову явился Шереметев. Муханов повел переговоры о мире. Но Шереметев, войдя серьезно в роль секунданта, требовал, чтобы Пушкин, если не будет драться, извинился перед Соломирским. *(Муханову долго пришлось убеждать Шереметева)*. Шереметев понял наконец, что эта история падет всем позором на головы секундантов в случае, если будет убит или ранен Пушкин, и что надо предотвратить эту роковую случайность и не подставлять лоб гениального поэта под пистолет взбалмошного офицера... Шереметев поспешил уговориться с Мухановым о средствах к примирению противников. В то же утро Шереметев привел Соломирского к С. А. Соболевскому, на Собачью Площадку, у которого жил в это время Пушкин. Сюда же пришел Муханов, и, при дружных усилиях обоих секундантов и при посредничестве Соболевского, имевшего, по свидетельству Муханова, большое влияние на Пушкина, примирение состоялось. Подан был роскошный завтрак, и, с бокалами шампанского, противники, без всяких извинений и об'яснений, протянули друг другу руки.

М. И. СЕМЕВСКИЙ со слов А. А. Муханова. К биографии Пушкина. *Русс. Вестн.*, 1869, № 11, стр. 81—85. Ср. Н. О. Лернер, *Русс. Стар.*, 1907, т. 131, стр. 104.

«Княжне С. А. Урусовой» *(впоследствии княгине Радзивил) («Не веровал я Троице донынѣ»...)*. Не полагаю, чтобы эти стихи принадлежали Пушкину... Во всяком случае, не написаны они княжне Урусовой. Пушкин был влюблен в сестру ее, графиню Пушкину.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Старина и Новизна*, кн. VIII, стр. 38.

Соболевский был недоволен приглаженными и припомаженными портретами Пушкина, какие тогда появлялись. Ему хотелось сохранить изображение поэта, как он есть, как он бывал чаще, и он просил известного художника Тропинина нарисовать ему Пушкина в домашнем его халате, растрепанного, с заветным мистическим перстнем на большом пальце. Кажись, дело шло также и об изображении какого-то ногтя на руке Пушкина, особенно отрощенного. Тропинин согласился. Пушкин стал ходить к нему.

Н. В. БЕРГ со слов В. А. Тропинина. *Рус. Арх.*, 1871, стр. 191.

Сходство *(тропининского)* портрета с подлинником поразительно, хотя нам кажется, что художник не мог совершенно схватить быстроты взгляда и живого выражения лица поэта. Впрочем, физиогномия Пушкина,—столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить ее,—вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы *один* портрет Пушкина мог дать о нем истинное понятие.

Н. А. ПОЛЕВОЙ. *Московский Телеграф*, 1827, часть XV, отд. 2, стр. 33.

В доме Ушаковых Пушкин стал бывать с зимы 1826—1827 годов. Вскоре он сделался там своим человеком. «Пушкин,—записывает Н. С. Киселев,—езжал к Ушаковым часто, иногда во время дня заезжал раза три. Бывало, рассуждая о Пушкине, старый выездной лакей Ушаковых, Иван Евсеев, говаривал, что сочинители всё делают не по-людски: «Ну, что, прости господи, вчера он к мертвецам-то ездил? Ведь до рассвета прогулял на Ваганькове»! Это значило, что Ал. С—ч, уезжая вечером от Ушаковых, велел кучеру повернуть из ворот направо, и что на рассвете видели карету его возвращающеюся обратно по Пресне. Часто приезжал он верхом, и если случалось ему быть на белой лошади, то всегда вспоминал слова какой-то известной петербургской предсказательницы (которую посетил он вместе с актером Сосницким и другими молодыми людьми), что он умрет или от белой лошади, или от белокурого человека—из-за жены. Кстати, об этом предсказании Пушкин рассказывал, что, когда он был возвращен из ссылки и в первый раз увидел императора Николая, он подумал: «не это ли—тот белокурый

человек, от которого зависит его судьба?».—Охотно беседовал Пушкин со старухой Ушаковой и часто просил ее диктовать ему известные ей русские народные песни и повторять их напевы. Еще более находил он удовольствия в обществе ее дочерей. Обе они были красавицы, отличались живым умом и чувством изящного.

Л. Н. МАЙКОВ по записям Н. С. Киселева, сына Ел. Н. Киселевой-Ушаковой. *Л. Майков*, 361.

Екатерина Ушакова была в полном смысле красавица: блондинка с пепельными волосами, темно-голубыми глазами, роста среднего, густые косы нависли до колен, выражение лица очень умное. Она любила заниматься литературою. Много было у нее женихов; но по молодости лет она не спешила замуж. Старшая, Елизавета, вышла за С. Д. Киселева.—Является в Москву Пушкин, видит Екат. Ник. Ушакову в благородном собрании, влюбляется и знакомится. Завязывается полная сердечная дружба.

П. И. БАРТЕНЕВ. Записная книжка. *Рус. Арх.*, 1912, III, 300.

Вчерась мы обедали у *(Ушаковых)*, а сегодня ожидаем их к себе. Меньшая очень, очень хорошенькая, а старшая чрезвычайно интересует меня, потому, что, повидимому, наш поэт, наш знаменитый Пушкин, намерен вручить ей судьбу жизни своей, ибо уж положил оружие свое у ног ее, т.-е., сказать просто, влюблен в нее. Это общая молва. Еще не видавши их, я слышала, что Пушкин во все пребывание свое в Москве только и занимался, что *(Ушаковою)*: на балах, на гуляниях он говорил только с нею, а когда случалось, что в собрании *(Ушаковой)* нет, то Пушкин сидит целый вечер в углу задумавшись, и ничто уже не в силах развлечь его!.. Знакомство же с ними удостоверило меня в справедливости сих слухов. В их доме все напоминает о Пушкине: на столе найдете его сочинения, между нотами—«Черную шаль» и «Цыганскую песню», на фортопианах—его «Талисман» и «Копеечку» (?), в альбоме—несколько листочков картин, стихов и каррикатур, а на языке беспрестанно вертится имя Пушкина.

Е. С. ТЕЛЕПНЕВА. Из дневника, 22 июня 1827 г. *П—н и его с-ки*, V, 121.

Семейные обстоятельства требуют моего присутствия в Петербурге: приемлю смелость просить на сие разрешения у вашего превосходительства.

ПУШКИН—гр. А. Х. Бенкендорфу, 24 апр. 1827 г., из Москвы.

Его величество, соизволяя на прибытие ваше в С. Петербург, высочайше отозваться изволил, что не сомневается в том,

что данное русским дворянином государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле сдержано.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ—Пушкину, 3 мая 1827 г., из Петербурга. *Дела III Отдел.* Спб. 1906, Стр. 49.

Москва неблагородно поступила с Пушкиным: после неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвинения в ласкательстве, наушничестве и шпионстве перед государем. Это и было причиной, что он оставил Москву.—Шекспира (а равно Гете и Шиллера) он не читал в подлиннике, а во французском старом переводе, поправленном Гизо, но понимал его гениально. По-английски выучился он гораздо позже, в Петербурге, и читал Вордсворта.

С. П. ШЕВЫРЕВ. *Л. Майков,* 330.

15 мая 1827 г. Туманное небо—мелкий дождик. Обедню слушал в Страстном монастыре... Зашел к Погодину на завтрак, где я нашел Пушкина, К. Вяземского... За столом Пушкин с Баратынским написали на Шаликова след. по случаю рассказанного анекдота:

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Елегию семье своей читал,
А козачок огарок свечки сальной
В руках со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.—
Вот, вот с кого пример берите, дуры!
Он дочерям в восторге закричал.—
Откройся мне, о милый сын натуры,
Ах! что слезой твой осребрило взор?
А тот ему в ответ: *мне хочется на двор.*

И. М. СНЕГИРЕВ. Из дневника. *П—н и его с-ки,* XVI, 50.

Погодин, делая прощанье Пушкину перед от'ездом сего последнего из Москвы, пригласил многих литераторов и поэтов... Они все вместе составляли эпиграммы на кн. Шаликова. Между прочим был рассказан анекдот о последнем. *(Эпиграмма: «Кн. Шаликов, газетчик наш печальный»...).*

В. Ф. ЩЕРБАКОВ. Из заметок о пребывании Пушкина в Москве. *Собр. соч. Пушкина, ред. Ефремова,* 1905, т. VIII, стр. 111.

16 мая 1827 г. Когда лег было спать, приехал Пушкин с Соболевским и увезли меня к Полевому на вечеринку.

И. М. СНЕГИРЕВ. Из дневника. *П—н и его соврем-ки,* XVI, 52.

Пушкин и его сотрудники *(по «Московскому Вестнику»)* бывали у Н. А. Полевого и при встрече казались добрыми приятелями. Весною 1827 года у брата был литературный вечер, где собрались все пишущие друзья и недруги; ужинали, пировали всю ночь и раз'ехались уже утром. Пушкин казался председателем этого сборища и, попивая шампанское с сельтерской водой, рассказывал смешные анекдоты, читал свои непозволенные стихи, хохотал от резких сарказмов И. М. Снегирева, вспоминал шутливые стихи Дельвига, Баратынского и заставил последнего припомнить написанные им с Дельвигом когда-то рассказы о житье-бытье в Петербурге. Его особенно смешило то место, где в пышных гексаметрах изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоих поэтов, которые «в лавочку были должны, руки держали в карманах (перчаток они не имели!)»...

КС. А. ПОЛЕВОЙ, 209.

Весною 1827 г. Пушкин спешил отправиться в Петербург, и мы были приглашены проводить его. Местом общего сборища для проводин была назначена дача С. А. Соболевского, близ Петровского дворца. В то время, вокруг исторического Петровского дворца, где несколько дней укрывался Наполеон от московского пожара, было несколько старинных, очень незатейливых дач, стоявших отдельно одна от другой, а все остальное пространство, почти вплоть до заставы, было изрыто, заброшено или покрыто огородами, и даже полями с хлебом.—В эту-то пустыню, на дачу Соболевского, около вечера стали собираться знакомые и близкие Пушкина. Мы увидели там Мицкевича... Постепенно собралось много знакомых Пушкина, а он не являлся. Наконец, приехал А. М. Муханов *(А. А.)* и об'явил, что он был вместе с Пушкиным на гулянье в Марьиной роще (в этот день пришелся семик), и что поэт скоро приедет. Уже поданы были свечи, когда он явился, рассеянный, невеселый, говорил не улыбаясь (что всегда показывало у него дурное расположение) и тотчас после ужина заторопился ехать. Коляска его была подана, и он, почти не сказавши никому ласкового слова, укатил в темноте ночи. Помню, что это произвело на всех неприятное впечатление. Некоторые об'ясняли дурное расположение Пушкина, рассказывая о неприятностях его по случаю дуэли, окончившейся не к славе поэта. В толстом панегирике своем Пушкину, г. Анненков умалчивает о подобных подробностях жизни его, заботясь только выставить поэта мудрым, непогрешительным, чуть не праведником.

КС. А. ПОЛЕВОЙ, 210.

Александр Пушкин, отправляющийся нынче в ночь, доставит тебе это письмо. Постарайся с ним сблизиться; нельзя до-

вольно оценить наслаждение быть с ним часто вместе, размышляя о впечатлениях, которые возбуждаются в нас его необычайными дарованиями. Он стократ занимательнее в мужском обществе, нежели в женском, в котором, дробясь беспрестанно на мелочь, он только тогда делается для этих самок понятным.

А. А. МУХАНОВ—Н. А. Муханову, из Москвы, 19 мая 1827 г. *Щукинский Сборник*, X, 353.

Смирдин сказал о Пушкине: «Сочинил *Цыгане*—и продает ее, как *Цыган*—за 2 листа 8 рублей. Странно напечатано—несколько белых страниц между печатными».

Б. М. ФЕДОРОВ. Из дневника. (Май 1827 г.) *Русский Библиофил*. 1911, № 5, стр. 32.

С Пушкиным я опять увиделся в Петербурге, в доме его родителей, куда он приехал из своей ссылки в 1827 г., прожив в Москве несколько месяцев. Он был тогда весел, но чего-то ему недоставало. Он как-будто не был так доволен собою и другими, как в Тригорском и Михайловском... Он приехал в Петербург с богатым запасом выработанных мыслей. Тотчас по приезде он усердно начал писать, и мы его редко видели. Он жил в трактире Демута, его родители—на Фонтанке, у Семеновского моста... Мать его, Надежда Осиповна, горячо любившая детей своих, гордилась им и была очень рада и счастлива, когда он посещал их и оставался обедать. Она заманивала его к обеду печеным картофелем, до которого Пушкин был большой охотник. В год возвращения его из Михайловского именины свои *(2 июня)* праздновал он в доме родителей, в семейном кружку и был очень мил. Я в этот день обедала у них и имела удовольствие слушать его любезности. После обеда Абр. Серг. Норов, подойдя ко мне с Пушкиным, сказал:—«Неужели вы ему сегодня ничего не подарили, а он так много вам писал прекрасных стихов?».—«И в самом деле,—отвечала я,—мне бы надо подарить вам что-нибудь; вот вам кольцо моей матери, носите его на память обо мне». Он взял кольцо, надел на свою маленькую прекрасную ручку и сказал мне, что даст мне другое.—На другой день Пушкин привез мне обещанное кольцо с тремя бриллиантами и хотел было провести у меня несколько часов; но мне нужно было ехать с графинею Ивелич, и я предложила ему прокатиться к ней на лодке. Он согласился, и я опять увидела его почти таким же любезным, каким он бывал в Тригорском. Он шутил с лодочником, уговаривал его быть осторожным и не утопить нас. Потом мы заговорили о Веневитинове, и он сказал: «почему вы дали ему умереть? Он тоже был влюблен в вас, не правда ли?». На это я отвечала ему, что Веневитинов оказывал мне только

нежное участие и дружбу, и что сердце его давно уже принадлежало другой. Тут кстати я рассказала ему о наших беседах с Веневитиновым... Пушкин слушал внимательно, выражая только по временам досаду, что так рано умер чудный поэт. Вскоре мы пристали к берегу, и наша беседа кончилась.

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Л. Майков*, 247—249.

(Летом 1827 г.). Когда я возвратился летом в Москву, я спросил Соболевского: «какая могла быть причина, что Пушкин, оказывавший мне столь много приязни, написал на меня такую злую эпиграмму *(«Лук звенит, стрела трепещет!»* — см. выше*)*. Соболевский отвечал: «вам покажется странным мое об'яснение, но это сущая правда: у Пушкина всегда была страсть выпытывать будущее и он обращался ко всякого рода гадальщицам. Одна из них предсказала ему, что он должен остерегаться высокого белокурого молодого человека, от которого придет ему смерть. Пушкин довольно суеверен, и потому, как только случай сведет его с человеком, имеющим все сии наружные свойства, ему сейчас приходит на мысль испытать: не это ли роковой человек? Он даже старается раздражать его, чтобы скорее искусить свою судьбу. Так случилось и с вами, хотя Пушкин к вам очень расположен».

А. Н. МУРАВЬЕВ. «*Знакомство с русскими поэтами*». Киев. 1871. Стр. 14.

8 июня 1827 г. Я просидел у г-жи Керн до десяти часов вечера. Когда я уже прощался с нею, пришел поэт Пушкин. Это человек небольшого роста, на первый взгляд не представляющий из себя ничего особенного. Если смотреть на его лицо, начиная с подбородка, то тщетно будешь искать в нем, до самых глаз, выражения поэтического дара. Но глаза непременно остановят вас: в них вы увидите лучи того огня, которым согреты его стихи. Об обращении его и разговоре ничего не могу сказать, потому что я скоро ушел.

А. В. НИКИТЕНКО. *Моя повесть о самом себе*. Спб. 1905. Т. I, стр. 168.

Был у Карамзиных—виделся там с Пушкиным. Коля *(сын Федорова)* сидел на коленах его и читал ему его стихи.

Б. М. ФЕДОРОВ. Из дневника, июнь 1827 г. *Русский Библиофил*, 1911, № 5, стр. 33.

Небольшая поэма Пушкина под названием *Цыгане*, только что напечатанная в Москве, в типографии Августа Семена, заслуживает особенного внимания своей виньеткой, которая на-

ходится на обложке. Потрудитесь внимательно посмотреть на нее, дорогой генерал, и вы легко убедитесь, что было бы очень важно узнать наверное, кому принадлежит ее выбор, — автору или типографу, потому что трудно предположить, чтоб она была взята случайно. Я очень прошу вас сообщить мне ваши наблюдения, а также и результат ваших расследований по этому предмету *(См. рис. 2)*.

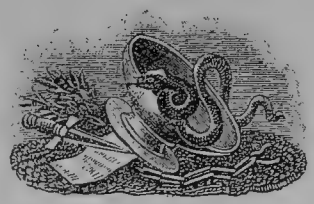

Рис. 2.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ—А. А. Волкову (жандармскому генералу в Москве), 30 июня 1827 г. *Дела III Отделения об А. С. Пушкине*. Спб. 1906. Изд. И. Балашова. Стр. 260 *(фр.)*.

Выбор виньетки достоверно принадлежит автору, который ее отметил в книге образцов типографских шрифтов, представленной ему г. Семеном; г. Пушкин нашел ее вполне подходящей к своей поэме. Впрочем, эта виньетка делалась не в Москве. Г. Семен получил ее из Парижа. Она имеется в Петербурге во многих типографиях и, вероятно, из того же источника. Г. Семен говорит, что употреблял уже эту виньетку два или три раза в заголовках трагедий.

А. А. ВОЛКОВ—гр. А. Х. Бенкендорфу, 6 июля 1827 г., из Москвы. *Дело III Отделения*, стр. 261 *(фр.)*.

Пушкин, после свидания со мной, говорил в английском клубе с восторгом о Вашем Величестве и заставил лиц, обедавших с ним, пить здоровье Вашего Величества. Он все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ в донесении имп. Николаю 12 июля 1827 г. *Старина и Новизна*, VI, 6 *(фр.)*.

Тайная полиция не упускала из виду поведение и связи графа Завадовского... Главное занятие его в настоящее время—игра. Он нанял сельский домик на Выборгской Стороне, у Пфлуга, где почти каждый вечер собираются следующие господа:... Пушкин, сочинитель, был там несколько раз. Он кажется очень изменившимся и занимается только финансами, стараясь продавать свои литературные произведения на выгодных условиях. Он живет в гостинице Демута, где его обыкновенно посещают: полковник Безобразов, поэт Баратынский, литератор Федоров и игроки Шихмаков и Остолопов. Во время дружеских излия-

ний он совершенно откровенно признается, что он никогда не натворил бы столько безумия и глупостей, если бы не находился под влиянием Александра Раевского, который, по всем данным, собранным с разных сторон, должен быть человеком весьма опасным.

М. Я. фон-ФОК в донесении Бенкендорфу, 13 июля 1827 г. *Б. Модзалевский*, 37 *(фр.)*.

Пушкина я вовсе не вижу, встречаю его иногда в клубе, он здесь в кругу шумном и веселом молодежи, в котором я не бываю; впрочем, мы сошлись с ним хорошо, не часто видимся, но видимся дружески, без церемоний... С Пушкина списал Кипренский портрет необычайно похожий.

Н. А. МУХАНОВ—А. А. Муханову, 15 июля 1827 г., из Петербурга. *Щукинский Сборник*, X, 354.

О. Кипренский жил в доме гр. Шереметевых на Фонтанке до своего последнего от'езда в Италию; предание добавляет, что в этом доме позировал ему для портрета А. С. Пушкин.

В. К. СТАНЮКОВИЧ. *Фонтанный дом Шереметевых. Путеводитель.* Изд. Брокгауз—Ефрон. Пбг. 1923, стр. 8.

(Портрет кисти Кипренского). Положение поэта не довольно хорошо придумано: оборот тела и глаз не свойствен Пушкину; драпировка умышленна; пушкинской простоты не видно; писан со всем достоинством живописи Кипренского.

(Н. В. КУКОЛЬНИК). *Художественная Газета* на 1837 г., № 9—10, стр. 160.

Лучший портрет сына моего есть тот, который написан Кипренским и гравирован Уткиным.

С. Л. ПУШКИН. *Отечеств. Записки*, 1841, т. XV, особ. прилож., 4.

(На выставке картин в Академии Художеств). Вот поэт Пушкин. Не смотрите на подпись: видев его хоть раз живого, вы тотчас признаете его проницательные глаза и рот, которому недостает только беспрестанного вздрагивания: этот портрет писан Кипренским.

А. В. НИКИТЕНКО, т. I, 174.

Большую известность получил портрет Кипренского в сделанной с него гравюре Н. И. Уткина (известного профессора-гравера), изданный в 1827—29 гг. отчасти отдельно, отчасти

в приложении к альманаху «Северные цветы» на 1828 г. и др. изд. Уткинская гравюра хотя и сделана по Кипренскому, но с многими отступлениями от оригинала: так, на гравюре не показано рук, есть отличия в изображении костюма (заметен край выреза жилета, иначе представлен левый воротничок манишки), но главным образом отличается изображение лица. Шевелюра и баки выделаны тщательнее, с более натуральной передачей спиральных завитков; лицо представлено более удлиненным и немного более повернутым кпереди; скулы выступают более натурально; в глазах более выразительности, и смотрят они более кверху; нос имеет несколько иную форму, он вообще прямее, но спинка его на конце шире и загнутее, ноздри обозначены резче; выступление челюсти и губ показано явственнее. Отличия эти заслуживают внимания, так как Уткин работал при жизни поэта и видал его лично.

Д. Н. АНУЧИН. *А. С. Пушкин. Антропологический этюд*. М. 1899, Стр. 36.

Без сомнения, величайшая услуга, какую бы мог я оказать вам, это—держать Пушкина на узде, да не имею к тому способов. Дома он бывает только в девять часов утра, а я в это время иду на службу царскую; в гостях бывает только в клубе, куда входить не имею права, к тому же, с ним надо няньчиться, до чего я не охотник и не мастер... Дельвиг имеет влияние на Пушкина.

В. П. ТИТОВ—М. П. Погодину, 18 июля 1827 г., из Петербурга. *Н. Барсуков. Жизнь и труды Погодина*, кн. II, изд. 2, стр. 71.

(Середина 1827 г.). Братья Критские с товарищами неоднократно совещались о ходе и развитии своего тайного общества и предполагали вербовать членов среди студенчества, а председателем, по предложению Михаила Критского, избрать А. С. Пушкина. На последнее возражал Лушников, говоря, что «Пушкин-ныне предался большому свету и думает более о модах и остреньких стишках, нежели о благе отечества».

М. К. ЛЕМКЕ. Тайное общество братьев Критских (по данным архива Третьего Отделения). *Былое*, 1906, июнь, 46.

Я в деревне и надеюсь много писать. В конце осени буду у вас. Вдохновения еще нет, покамест принялся я за прозу.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, 31 июля 1827 г., из Михайловского.

(1827—1831 гг.). Никто не имел столько друзей, сколько Пушкин, и, быв с ним очень близок, я знаю, что он вполне оце-

нил сие счастие. Осенью он обыкновенно удалялся на два и три месяца в деревню, чтобы писать и не быть развлекаемым. В деревне он вел всегда одинаковую жизнь, весь день проводил в постеле с карандашом в руках, занимался иногда по 12 часов в день, поутру освежался холодной ванною; перед обедом, несмотря даже на непогоду, скакал несколько верст верхом, и когда уставшая под вечер голова требовала отдыха, он играл один на биллиарде или призывал с рассказами свою старую няню. Однажды он взял с собою любовницу. «Никогда более не возьму никого с собою»,—говорил он мне после,—«бедная Лизанька едва не умерла со скуки: я с нею почти там не виделся». Ибо, как скоро приезжал он в деревню и брался за перо, лихорадка переливалась в его жилы, и он писал, не зная ни дня, ни ночи. Так писал он, не покидая почти пера, каждую главу Онегина; так написал он почти без остановки Графа Нулина и Медного Всадника. Он писал всегда быстро, одним вдохновением, но иногда, недовольный некоторыми стихами, потом с гневом их марал, переправлял, ибо в его глазах редко какой-нибудь стих выражал вполне его мысль.

Н. М. СМИРНОВ. Из памятных заметок.
Рус. Арх., 1882, I, 232.

(16 сент. 1827 г.). Вчера обедал я у Пушкина в селе его матери, недавно бывшем еще местом его ссылки, куда он недавно приехал из Петербурга с намерением отдохнуть от рассеянной жизни столиц и чтобы писать на свободе (другие уверяют, что он приехал оттого, что проигрался). По шаткому крыльцу взошел я в ветхую хижину первенствующего поэта русского. В молдаванской красной шапочке и халате увидел я его за рабочим столом, на коем были разбросаны все принадлежности уборного столика поклонника моды; дружно также на нем лежали Montesquieu с «Bibliothèque de campagne» и «Журналом Петра I»; виден был также Альфиери, ежемесячники Карамзина и из'яснение снов, скрывшееся в полдюжине русских альманахов; наконец две тетради в черном сафьяне остановили мое внимание на себе: мрачная их наружность заставила меня ожидать что-нибудь таинственного, особливо, когда на большей из них я заметил полустертый масонский треугольник. Пушкин, заметив внимание мое к этой книге, сказал мне, что она была счетною книгою масонского общества, а теперь пишет он в ней стихи; в другой же книге показал он мне только что написанные первые две главы романа в прозе, где главное лицо представляет его прадед Ганнибал, сын абиссинского эмира, похищенный турками, а из Константинополя русским посланником присланный в подарок Петру I, который его сам воспитывал и очень любил. Главная завязка этого романа будет—как Пушкин говорит—неверность жены сего арапа, которая родила ему белого ребенка и за то была посажена в монастырь. Вот истори-

ческая основа этого сочинения. Мы пошли обедать, запивая рейнвейном швейцарский сыр; рассказывал мне Пушкин, как государь цензирует его книги; он хотел мне показать «Годунова» с собственноручными его величества поправками. Высокому цензору не понравились шутки старого монаха с харчевницею. В «Стеньке Разине» не пошли стихи, где он говорит воеводе астраханскому, хотевшему у него взять соболью шубу: «Возьми с плеч шубу, да чтобы не было шуму.» Смешно рассказывал Пушкин, как в Москве цензировали его «Графа Нулина»: нашли, что неблагопристойно его сиятельство видеть в халате! На вопрос сочинителя, как-же одеть, предложили сюртук. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною: просили, чтобы он дал ей хотя салоп. Говоря о недостатках нашего частного и общественного воспитания, Пушкин сказал: «Я был в затруднении, когда Николай спросил мое мнение о сем предмете. Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтоб сделать добро. Однако, я между прочим сказал, что должно подавить частное воспитание. Несмотря на то, мне вымыли голову».

Играя на биллиарде, сказал Пушкин: «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей «Истории», говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову—пером Курбского. Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая, и об 14-м декабря».

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник. *Л. Майков*, 176.

15 окт. 1827 г.—Вчерашний день был для меня замечателен: приехав в Боровичи в 12 час утра, застал я проезжего в постели. Он метал банк гусарскому офицеру. Перед тем я обедал. При расплате недоставало мне 5 рублей, я поставил их на карту. Карта за картой, проиграл 1600. Я расплатился довольно сердито, взял взаймы двести рублей и уехал очень недоволен сам собой. На следующей станции нашел я Шиллерова «Духовидца»; но едва успел я прочитать первые страницы, как вдруг под'ехали четыре тройки с фельд'егерем. Я вышел взглянуть на них. Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, во фризовой шинели... Увидев меня, он с живостью на меня взглянул; я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга—и я узнаю Кюхельбекера.[1]) Мы кинулись друг другу в об'ятия. Жандармы нас расстащили. Фельд'егерь взял меня за руку с угрозами и ругательством. Я его не слышал.

[1]) В. К. Кюхельбекер, лицейский товарищ Пушкина, декабрист.

Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали.

ПУШКИН. Встреча с Кюхельбекером.

Отправлен я был сего месяца 12 числа в г. Динабург с государственными преступниками, и на пути приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новорожева в С. Петербург некто г. Пушкин, начал после поцелуев с ним разговаривать. Я, видя сие, наипоспешнейше отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать; а сам остался для написания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег; я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал, и угрожая мне, говорил, что: по прибытии в Петербург в ту же минуту доложит его императорскому величеству как за недопущение распроститься с другом, так и дать ему на дорогу денег; сверх того не премину также сказать и генерал-ад'ютанту Бенкендорфу. Сам же г. Пушкин между прочими угрозами, об'явил мне, что он посажен был в крепость и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь ему сношение с арестантом; а преступник Кюхельбекер мне сказал: это тот Пушкин, который сочиняет.

ФЕЛЬДЕГЕРЬ ПОДГОРНЫЙ в рапорте дежурному генералу главн. штаба Потапову 28 окт. 1827 г. *Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Изд. Р. Вагнера.* Берлин. 1861. Стр. 192.

(Осень 1827 г.). Я познакомился с Пушкиным. Другой человек, как мне его описывали, и каковым он был прежде в самом деле. Скромен в суждениях, любезен в обществе и дитя по душе. Гусары испортили его в лицее. Москва подбаловала, а несчастия и тихая здешняя жизнь его образумили.

Ф. В. БУЛГАРИН—В. А. Ушакову, 6 янв. 1828 г. *Щукинский Сборник,* IX, 161.

На-днях вышла третья глава «Онегина». Разговор Филипьевны седой с Татьяной удивительно природен. Груша утверждает, что он списан с натуры.

Н. А. МУХАНОВ—А. А. Муханову, 31 окт. 1827 г. *Щукинский Сборник,* X, 356.

(Октябрь 1827 г.). Поэт Пушкин здесь *(в Петербурге).* Он редко бывает дома. Известный Соболевский возит его по трактирам, кормит и поит на свой счет. Соболевского прозвали

брюхом Пушкина. Впрочем сей последний ведет себя весьма благоразумно в отношении политическом.

М. Я. фон-ФОК в донесении ген. А. Х. Бенкендорфу. *Б. Модзалевский,* 40.

Пушкина, после его возвращения из ссылки, я увидела в 1827 году, когда я уже была замужем за Каратыгиным. Это было на Малом театре (он находился на том самом месте, где теперь Александринский). В тот вечер играли комедию Мариво: «Обман в пользу любви», в переводе П. А. Катенина[1]). Он привел ко мне в уборную «кающегося грешника», как называл себя Пушкин. *(Ср. вып. I, стр. 59, изд. 2—стр. 64).* «Размалеванные брови»... напомнила я ему смеясь.—«Полноте, бога ради,—перебил он меня, конфузясь и целуя мою руку,—кто старое помянет, тому глаз вон! Позвольте мне взять с вас честное слово, что вы никогда не будете вспоминать о моей глупости, о моем мальчишестве!?». Слово было дано; мы вполне примирились.

А. М. КАРАТЫГИНА-КОЛОСОВА. Воспоминания. *Рус. Стар.,* 1880, т. 28 стр. 571.

Мой разбор «Цыган» Пушкина *(напечатанный в № 10 «Московского Телеграфа» за 1827 г.)* навлек или мог бы навлечь облачко на светлые мои с ним сношения. О том я долго не догадывался и узнал случайно, гораздо позднее. А. А. Муханов, тогда общий приятель наш, сказал мне однажды, что из слов, слышанных им от Пушкина, убедился он, что поэт не совсем доволен отзывом моим о поэме его... Между тем Пушкин сам ничего не говорил мне о своем неудовольствии: напротив, помнится мне, даже благодарил меня за статью. Взаимные отношения наши остались самыми дружественными. Он молчал, молчал и я, опасаясь дать словам Муханова вид сплетни. Мог я думать, что Пушкин забыл или изменил свое первоначальное впечатление, но Пушкин не был забывчив. В то самое время, когда между нами все обстояло благополучно, Пушкин однажды спрашивает меня в упор: может ли он напечатать следующую эпиграмму: «О чем, прозаик, ты хлопочешь?» Полагая, что вопрос его относится до цензуры, отвечаю, что не предвижу никакого с ее стороны препятствия. Между тем замечаю, что при этих словах моих лицо его вдруг вспыхнуло и озарилось краскою, обычайною в нем приметою какого-нибудь смущения, или внутреннего сознания в неловкости положения своего. Тем дело кончилось. Уже после смерти Пушкина как-то припомнилась мне вся эта сцена; загадка нечаянно сама разгадалась передо мною, я понял, что этот *прозаик*—я, что Пушкин, легко оскорблявшийся,

[1]) Пьеса эта (единственный раз) шла на сцене Малого театра во вторник 27 сент. 1827 г. (См. *Северная Пчела, 1827, № 116.*) Пушкин в это время был в деревне. Встреча, вероятно, произошла позднее.

оскорбился некоторыми заметками в моей статье, и, наконец, хотел узнать от меня, не оскорблюсь ли я сам напечатанием эпиграммы, которая сорвалась с пера его против меня. Досада его, что я, в невинности своей, не понял нападения, бросила в жар лицо его... Пушкин был вообще простодушен, уживчив и снисходителен, даже иногда с излишеством... Я держался того мнения, что в литературе добрая, т.-е. явная ссора лучше худого, т.-е. недобросовестного мира. Он, пока самого его не заденут, более был склонен мирволить и часто мирволил. Натура Пушкина более была открыта к сочувствиям, нежели к отвращениям. В нем было более любви, нежели негодования; более благоразумной терпимости и здравой оценки действительности, нежели своевольного враждебного увлечения. На политическом поприще, если оно открылось бы перед ним, он без сомнения был бы либеральным консерватором, а не разрушающим либералом. Т. наз. либеральная, молодая пора поэзии его не может служить опровержением слов моих... Многие из тогдашних стихов его были более отголоском того времени, нежели исповедью внутренних чувств и убеждений его. Он часто был Эолова арфа либерализма на пиршествах молодежи и отзывался теми веяниями, теми голосами, которые налетали на него. Не менее того, он был искренен; но не был сектатором в убеждениях или предубеждениях своих, а тем более не был сектатором чужих предубеждений. Он любил чистую свободу, как любить ее должно, но из того не следует, чтобы каждый свободолюбивый человек был непременно и готовым революционером. Политические сектаторы двадцатых годов очень это чувствовали. Многие из них были приятелями его, но они не находили в нем готового соумышленника и, к счастию его самого и России, оставили его в покое. Этому соображению и расчету их можно скорее приписать спасение Пушкина от крушений 25 года, нежели желанию, как многие думают, сберечь дарование его и будущую славу России.—При всем добросердечии своем Пушкин был довольно злопамятен, и не столько по врожденному свойству и увлечению, сколько по расчету; он, так сказать, вменял себе в обязанность, поставил себе за правило помнить зло и не отпускать должникам своим. Кто был в долгу у него, или кого почитал он, что в долгу, тот, рано или поздно, расплачивался с ним, волею или неволею. Для подмоги памяти своей он держался в этом отношении бухгалтерного порядка: он вел письменный счет своим должникам настоящим или предполагаемым; он выжидал только случая, когда удобнее взыскать недоимку. Он не спешил взысканием, но отметка *должен* не стиралась с имени. Это буквально было так. На лоскутках бумаги были записаны у него некоторые имена, ожидавшие очереди своей; иногда были уже заранее заготовлены про них отметки, как и когда взыскать долг, значившийся за тем или другим. Вероятно, так и мое имя было записано на подобном

роковом лоскутке, и взыскание с меня было совершено известною эпиграммою. Таковы, по крайней мере, мои догадки, основанные на вышеприведенных обстоятельствах [1]). Но если Пушкин и был злопамятен, то разве мимоходом и беглым почерком пера напишет он эпиграмму, внесет кого-нибудь в свой «Евгений Онегин» или в послание, и дело кончено... В действиях, в поступках его не было и тени злопамятства, он никому не желал повредить.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.* т. I, стр. 321—324.

Поэт Пушкин ведет себя отлично хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит государя и даже говорит, что ему обязан жизнью, ибо жизнь так ему наскучила в изгнании и вечных привязках, что он хотел умереть. Недавно был литературный обед, где шампанское и венгерское вино пробудили во всех искренность. Шутили много и смеялись и, к удивлению, в это время, когда прежде подшучивали над правительством, ныне хвалили государя откровенно и чистосердечно. Пушкин сказал: «меня должно прозвать или Николаевым, или Николаевичем, ибо без него я бы не жил. Он дал мне жизнь и, что гораздо более,—свободу: виват!».

М. Я. фон-ФОК в донесении ген. А. Х. Бенкендорфу, в октябре 1827 г. *Б. Модзалевский*, 40.

26 ноября 1827 г. Я пошел во втором часу к барону Дельвигу. У него застал Ф. В. Булгарина и Ал. С. Пушкина. В беседе с ними я просидел до трех часов. Последнего я желал давно видеть и увидел—маленькую белоглазую штучку, более мальчика и ветренного шалуна, чем мужа. Но его шутки, рассказы, критика—совершенно пиетические; мне не понравилось только, что он считает «дряным» Гнедичеву идиллию «Рыбаки».

И. А. ВТОРОВ. Из дневника. *М. Ф. де-Пуле. Отец и сын. Рус. Вестник*, 1875, авг., 579.

Приехав в конце 27 года в Тверь, напитанный мнениями Пушкина и его образом обращения с женщинами, предпринял я сделать завоевание Кат. *(Кат. Ив. Гладковой-Вульф, двоюродной его сестры)*. Слух о моих подвигах любовных давно уже дошел и в глушь Берновскую. Кат. рассказывала мне, что она

[1]) Догадки совершенно неправильные. Эпиграмма Пушкина «Прозаик и поэт» была напечатана в книжке «Московского Вестника», вышедшей около 15 февраля 1827 г., за три месяца до выхода в свет «Цыган» и месяцев за восемь до появления статьи Вяземского. Это обстоятельство, конечно, не отнимает интереса от общих замечаний Вяземского о характере Пушкина.

сначала боялась приезда моего, как бы и Пушкина. Столь же неопытный в практике, сколько знающий теоретик, я первые дни был застенчив с нею и волочился, как 16-летний юноша. Я никак не умел постепенно ее развращать, врать ей, раздражать ее чувственность.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник. *П—н и его с-ки*, XXI—XXII, 87.

Пушкин был живой волкан, внутренняя жизнь била из него огненным столбом. Теперь приостыл и, как обыкновенно водится около волканов, окружен изобилием, цветом и плодами.

Ф. Н. ГЛИНКА—А. А. Ивановскому, 27 ноября 1827 г., из Петрозаводска. *Рус. Стар.*, 1889, т. 63, апр. 123.

В день св. Николая *(6 дек.)* журналист Николай Греч давал обед для празднования своих именин и благополучного окончания грамматики. Гостей было 62 человека: все литераторы, поэты, ученые и отличные любители словесности. Никогда не видывано прежде подобных явлений, чтоб столько умных людей, собравшись вместе и согрев головы вином, не говорили, по крайней мере, двухсмысленно о правительстве и не критиковали мер оного. Теперь напротив только и слышны были анекдоты о правосудии государя, похвала новых указов и из'явление пламенного желания, чтобы государь выбрал себе достойных помощников в трудах... Под конец стола один из собеседников, взяв бокал в руки, пропел следующие забавные куплеты, относящиеся к положению Греча и его грамматики. *(Четыре куплета; между прочим):*

В отчаяньи уж Греч наш был,
Грамматику чуть-чуть не с'ели:
Но царь эгидой осенил,
И все педанты присмирели.
И так, молитву сотворя,
Во-первых здравие царя!

Трудно вообразить, какое веселие произвели сии куплеты. Но приятнее всего было то, что куплеты государю повторены были всеми гостями с восторгом и несколько раз.—Куплеты начали тотчас после стола списывать на многие руки. Пушкин был в восторге и беспрестанно напевал, прохаживаясь:

И так, молитву сотворя,
Во-первых здравие царя!

Он списал эти куплеты и повез к Карамзиной.

М. Я. фон-ФОК в донесении А. Х. Бенкендорфу (дек. 1827 г.). *Б. Модзалевский*, 41.

Пушкин ежедневно у нас: и так не повесничает.

Е. А. КАРАМЗИНА (вдова историка)—И. И. Дмитриеву, 13 дек. 1827 г.[1]). *Письма Карамзина к Дмитриеву*. СПБ. 1866. Стр. 230.

Зиму и весну 1827—1828 г. Пушкин очень часто видался с Дельвигом. По свидетельству жившего в то время у Дельвига родного его брата, Александра Антоновича, Пушкин бывал у них почти всякий вечер... Беседы происходили обыкновенно в кабинете Дельвига. Пушкин сидел на диване, по-турецки, с ногами, Дельвиг подле него на кресле, а перед ним на столе лежала бумага и карандаш. Разговоры их нередко перемешивались экспромпами Пушкина, которые Дельвиг немедленно записывал, показывал Пушкину, а иногда, не показывая, отдавал в печать, так что Пушкин, не придававший важности этим шуткам и немедленно забывавший их, уверял, что Дельвиг подписывает его фамилию под чужими стихами. Мы сомневаемся, однако ж, в справедливости последнего мнения, несмотря на свидетельство очевидца: Пушкин, всегда тщательно отделывавший все свои произведения, вообще не любил экспромптов.

Литературные чтения в обществе, весьма обыкновенные в то время, особенно часто бывали у Дельвига. Стихотворения и прозаические статьи, присылавшиеся Дельвигу для помещения в его альманахе (*«Северные Цветы»*), прочитывались и обсуждались в этой приятельской беседе; здесь же обыкновенно читались новые произведения Пушкина, Баратынского и Жуковского. В один из таких вечеров Пушкин читал свою «Комедию о Царе Борисе и Гришке Отрепьеве». При чтении присутствовал и Мицкевич. По совету Дельвига и Мицкевича, Пушкин исключил из своей трагедии сцену между Григорием и злым чернецом, предшествовавшую сцене между Пименом и Григорием в Чудовом монастыре. Исключенная сцена, по мнению обоих поэтов, ослабляла впечатление, производимое рассказом Пимена.

В. П. ГАЕВСКИЙ. «Дельвиг». *Современник 1854, № 9. Критика*, стр. 12.

Пушкин в дружеском обществе был очень приятен... Дельвиг со всеми товарищами по лицею был одинаков в обращении, но Пушкин обращался с ними разно. С Дельвигом он был вполне дружен и слушался, когда Дельвиг его удерживал от излишней картежной игры и от слишком частого посещения знати, к чему Пушкин был очень склонен. С некоторыми же из своих товарищей лицеистов, в которых Пушкин не видел ничего замечательного, и в том числе с М. Л. Яковлевым, обходился несколько надменно, за что ему часто доставалось от Дельвига. Тогда

[1]) В подлиннике — очевидная опечатка: вм. 1827 г. — 1828.

Пушкин видимо на несколько времени изменял свой тон и с этими товарищами.

Бар. А. И. ДЕЛЬВИГ (племянник поэта Дельвига). *Мои воспоминания*. I, 72.

Сознаюсь вам, что мое существование в Петербурге—достаточно глупое, и что я горю желанием изменить его тем или другим образом. Не знаю, приеду ли я еще в Михайловское. Однако, это было моим желанием. Петербургская суетня и шум стали мне совершенно невыносимыми,—я переношу их с нетерпением. Я предпочитаю ваш прекрасный сад и прекрасные берега Сороти. Вы видите, что мои вкусы еще достаточно поэтичны, несмотря на скверную прозу моего нынешнего существования.

ПУШКИН—П. А. Осиповой, 24 янв. 1828 г., из Петербурга *(фр.)*.

Формальное предложение отца моего *(Н. И. Павлищева)* встретило со стороны родителей Ольги Сергеевны *(сестры Пушкина)* решительный отказ, несмотря на красноречие Александра Сергеевича, Василия Львовича *(Пушкиных)* и Жуковского; Сергей Львович замахал руками, затопал ногами и—бог весть почему—даже расплакался, а Надежда Осиповна распорядилась весьма решительно: она приказала не пускать отца моего на порог. Этого мало: когда, две недели спустя, Надежда Осиповна увидела на бале отца, то запретила дочери с ним танцовать. Во время одной из фигур котильона отец сделал с нею тура два. Об этом доложили Над. Осиповне, забавлявшейся картами в соседней комнате. Та в негодовании выбежала и в присутствии общества, далеко не малочисленного, не задумалась толкнуть свою тридцатилетнюю дочь. Мать моя упала в обморок. Чаша переполнилась; Ольга Сергеевна не стерпела такой глубоко оскорбительной выходки и написала на другой же день моему отцу, что она согласна венчаться, никого не спрашивая. Это случилось во вторник, 24 января 1828 года, а на следующий день, 25 числа, в среду, в час пополуночи, Ольга Сергеевна тихонько вышла из дома; у ворот ее ждал мой отец; они сели в сани, помчались в церковь св. Троицы Измайловского полка и обвенчались в присутствии четырех свидетелей—друзей жениха. После венца отец отвез супругу к родителям, а сам отправился на свою холостую квартиру. Рано утром Ольга Сергеевна послала за братом Александром Сергеевичем, жившим особо, в Демутовой гостинице. Он тотчас приехал и после трехчасовых переговоров с Надеждой Осиповной и Сергеем Львовичем, послал за моим отцом. Новобрачные упали к ногам родителей и получили прощение. Однако Надежда Осиповна до самой кончины своей относилась недружелюбно к зятю.—По этому случаю Александр Сергеевич сказал сестре: «Ты мне

испортила моего Онегина: он должен был увезти Татьяну, а теперь... этого не сделает».

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ (племянник Пушкина). *Воспоминания*, 47—49.

Пушкина, Ольга Сергеевна, одним утром приходит к брату Александру и говорит ему: Милый брат, поди скажи нашим общим родителям, что я вчера вышла замуж за... (не помню, кого). Брат удивился, немного рассердился, но, как умный человек, тотчас увидел, что худой мир лучше доброй ссоры, и понес известие к родителям. Сергею Львовичу сделалось дурно: привели цырюльника пустить кровь, и Пушкин замечает, что отец его в беспамятстве горя поднял спор с цырюльником и начал учить его, как пускать кровь, но тем и кончил, а теперь все помирились.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—А. А. Воейковой, 4 февр. 1828 г. Н. В. Соловьев. *История одной жизни*. Петроград. 1916. Т. II, 65.

(26 янв. 1828 г.). В квартире Дельвига (сам он был тогда в отлучке) мы, вместе с Александром Сергеевичем, имели поручение от его матери, Надежды Осиповны, принять и благословить образом и хлебом новобрачных Павлищева и сестру Пушкина Ольгу. Мы отправились вместе с Александром Сергеевичем в старой фамильной карете его родителей на квартиру Дельвига, которая была приготовлена для новобрачных. Был январь месяц, мороз трещал страшный; Пушкин, всегда задумчивый и грустный в торжественных случаях, не прерывал молчания. Но вдруг, стараясь показаться веселым, вздумал заметить, что еще никогда не видал меня одну: «вот, однако, первый раз, как мы одни». Мне показалось, что эта фраза была внушена желанием скрыть свои размышления по случаю важного события в жизни нежно любимой им сестры, а потому без лишних об'яснений я сказала только, что этот необыкновенный случай отмечен сильным морозом.—«Эта правда, 27 градусов»,—повторил Пушкин, плотнее закутавшись в шубу, и прижался в угол кареты. Так кончилась эта попытка завязать разговор и быть любезным. Она уже не возобновилась во всю дорогу. На квартире новобрачных мы долго прождали молодых, молча прогуливаясь по освещенным комнатам, тоже весьма холодным, отчего я, несмотря на важность лица, мною представляемого (пасаженой матери), оставалась, как ехала, в кацавейке. Несмотря на озабоченность, Пушкин и на этот раз был очень нежен, ласков со мною... Я заметила в этом и еще в нескольких других случаях, что в нем было до чрезвычайности развито чувство *благодарности;* самая малейшая услуга ему или кому-нибудь из его близких трогала его несказанно. Так, я помню однажды потом батюшка мой, разговаривая с ним на этой же квартире Дельвига, коснулся

этого события, т.-е. свадьбы его сестры, мною нежно любимой, и сказал ему, указывая на меня: «и эта дура, несмотря на морозную ночь, в одной почти рубашке побежала через Фонтанку». В это время Пушкин сидел рядом с отцом моим на диване, против меня, поджавши по своему обыкновению ноги, и, ничего не отвечая, быстро схватил мою руку и крепко поцеловал: красноречивый протест против шуточного обвинения сердечного порыва.

А. П. КЕРН. *Л. Майков*, 263, и *Пушкин и его с-ки*, V, 143—144 *(Сводный текст)*.

Столь скучный больной, как я, почти недостоин иметь такую милую сиделку, как вы, Madame, но я очень признателен за это милосердие... Я бы поспешил получить еще ваших отзывов, если бы не хромал немного и если бы не боялся лестниц. До сих пор я позволяю себе подниматься не выше первого этажа.

ПУШКИН—Ел. Мих. Хитрово, 3 или 10 февр. 1828 г. *Красн. Газета*, веч. выпуск, 1925, № 260 *(фр.)*.

Это можно распространять, но нельзя печатать.

НИКОЛАЙ I. Надпись на переданном ему Бенкендорфом стих. Пушкина «Друзьям» *(Нет, я не льстец, когда царю...)*. *Дела III Отд.* стр. 66 *(фр.)*.

П у ш к и н! известный уже сочинитель! который, не взирая на благосклонность Государя! Много уже выпустил своих сочинений! как стихами, так и прозой!! колких для правительствующих даже, и к Государю! Имеет знакомство с Жулковским! у которого бывает почти ежедневно!!! К примеру вышесказанного, есть оного сочинение под названием Т а н я! которая будто уже и напечатана в Северной Пчеле!! Средство же имеет к выпуску чрез благосклонность Жулковского!!

СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ ТРЕТЬЕГО ОТДЕЛЕНИЯ—М. Я. фон-Фоку, в февр. 1828 г. *Б. Модзалевский*, 42.

В первое время по приезде в Петербург *(приехал в марте 1828 г.)*, я жил в гостиннице «Демут», где обыкновенно квартировал А. С. Пушкин. Я каждое утро заходил к нему, потому что он встречал меня очень любезно и привлекал к себе своими разговорами и рассказами. Как-то в разговоре с ним я спросил у него,—знакомиться ли мне с издателями «Северной Пчелы» *(Булгариным и Гречем)*?—«А почему же нет?—отвечал не задумываясь Пушкин.—Чем они хуже других? Я нахожу в них людей умных. Для вас они будут особенно любопытны!». Тут он

вошел в некоторые подробности, которые показали мне, что он говорит искренно (268).

О Пушкине любопытны все подробности, и потому я посвящу ему здесь несколько страниц. Жил он в гостиннице Демута, где занимал бедный нумер, состоявший из двух комнаток, и вел жизнь странную. Оставаясь дома все утро, начинавшееся у него поздно, он, когда был один, читал лежа в постели, а когда к нему приходил гость, он вставал с своей постели, усаживался за столик с туалетными принадлежностями и, разговаривая, обыкновенно чистил, обтачивал и приглаживал свои ногти, такие длинные, что их можно назвать когтями. Иногда заставал я его за другим столиком—карточным, обыкновенно с каким-нибудь неведомым мне господином, и тогда разговаривать было нельзя; после нескольких слов я уходил, оставляя его продолжать игру. Известно, что он вел довольно сильную игру, и чаще всего продувался в пух! Жалко бывало смотреть на этого необыкновенного человека, распаленного грубою и глупою страстью! Зато он был удивительно умен и приятен в разговоре, касавшемся всего, что может занимать образованный ум. Многие его замечания и суждения невольно врезывались в памяти. Говоря о своем авторском самолюбии, он сказал мне:—«Когда читаю похвалы моим сочинениям, я остаюсь равнодушен: я не дорожу ими; но злая критика, даже бестолковая, раздражает меня». Я заметил ему, что этим доказывается неравнодушие его к похвалам.—«Нет, а может быть, авторское самолюбие?»—отвечал он смеясь.

Вообще, как критик, он был умнее на словах, нежели на бумаге. Иногда вырывались у него чрезвычайно меткие, остроумные замечания, которые были бы некстати в печатной критике, но в разговоре поражали своею истиною. Рассуждая о стихотворных переводах Вронченки, производивших тогда впечатление своими неот'емлемыми достоинствами, он сказал:—«Да, они хороши, потому что дают понятие о подлиннике своем; но та беда, что к каждому стиху Вронченки привешена гирька!».

Самолюбие его проглядывало во всем. Он хотел быть прежде всего светским человеком, принадлежащим к аристократическому кругу; высокое дарование увлекало его в другой мир, и тогда он выражал свое презрение к *черни*, которая гнездится, конечно, не в одних рядах мужиков. Эта борьба двух противуположных стремлений заставляла его по временам покидать столичную жизнь и в деревне свободно предаваться той деятельности, для которой он был рожден. Но дурное воспитание и привычка опять выманивали его в омут бурной жизни, только отчасти светской. Он ошибался, полагая, будто в светском обществе принимали его как законного сочлена; напротив, там глядели на него, как на приятного гостя из другой сферы жизни, как на артиста, своего рода Листа или Серве. Светская молодежь любила с ним покутить и поиграть в азартные игры, а это было

для него источником бесчисленных неприятностей, так что он вечно был в раздражении, не находя или не умея занять настоящего места. Очень заметно было, что он хотел и в качестве поэта играть роль Байрона, которому подражал не в одних своих стихотворениях... Пушкин, кроме претензии на аристократство и несомненных успехов в разгульной жизни, считал себя отличным танцором и наездником.

В 1828 году Пушкин был уже далеко не юноша, тем более, что, после бурных годов первой молодости и тяжких болезней, он казался по наружности истощенным и увядшим; резкие морщины виднелись на его лице; но он все еще хотел казаться юношею. Раз как-то, не помню, по какому обороту разговора, я произнес стих его, говоря о нем самом:

Ужель мне *точно* тридцать лет?—

Он тотчас возразил: «Нет, нет! У меня сказано:Ужель мне *скоро* тридцать лет? Я жду этого рокового термина, а теперь еще не прощаюсь с юностью». Надобно заметить, что до *рокового термина* оставалось несколько месяцев! Кажется, в этот же раз я сказал, что в сочинениях его встречается иногда такая искренняя веселость, какой нет ни в одном из наших поэтов. Он отвечал, что в основании характер его—грустный, меланхолический, и если иногда он бывает в веселом расположении, то редко и недолго. Мне кажется и теперь, что он ошибался, так определяя свой характер. Ни один глубокочувствующий человек не может быть всегда веселым и гораздо чаще бывает грустен. Однако человек, не умерший душою, приходит и в светлое, веселое расположение. Пушкин, как пламенный лирический поэт, был способен увлекаться всеми сильными ощущениями, и, когда предавался веселости, то предавался ей, как неспособны к тому другие. В доказательство можно указать на многие стихотворения Пушкина из всех эпох его жизни. Человек грустного, меланхолического характера не был бы способен к тому.

Однажды я был у него вместе с Пав. Петр. Свиньиным. Пушкин, как увидел я из разговора, сердился на Свиньина за то, что очень неловко и некстати тот вздумал где-то на бале рекомендовать его славной тогда своей красотой и любезностью девице Л. Нельзя было оскорбить Пушкина более, как рекомендуя его *знаменитым поэтом;* а Свиньин сделал эту глупость. За то поэт и отплатил ему, как я был свидетелем, очень зло. Кроме того, что он горячо выговаривал ему и просил вперед не принимать труда знакомить его с кем бы то ни было, Пушкин, поуспокоившись, навел разговор на приключения Свиньина в Бессарабии, где тот был с важным поручением от правительства, но поступал так, что его удалили от всяких занятий по службе. Пушкин стал расспрашивать его об этом очень ловко и смело, так что несчастный Свиньин вертелся, как береста на огне.—«С чего же взяли,—спрашивал он у него,—

что будто вы в'езжали в Яссы с торжественною процессиею, верхом, с многочисленною свитой, и внушили такое почтение молдавским и валахским боярам, что они поднесли вам сто тысяч серебряных рублей»?—«Сказки, милый Александр Сергеевич сказки! Ну, стоит ли повторять такой вздор»!—«Ну, а ведь вам подарили шубы»?—спрашивал опять Пушкин и такими вопросами преследовал Свиньина довольно долго, представляя себя любопытствующим, тогда как знал, что речь о бессарабских приключениях была для Свиньина — нож острый! (273—277).

Уважение Пушкина к поэтическому гению Мицкевича можно видеть из слов его, сказанных мне в 1828 году, когда и Мицкевич, и Пушкин жили оба уже в Петербурге... Невольно увлекшись в похвалы Мицкевичу, Пушкин сказал, между прочим: «Недавно Жуковский говорит мне: знаешь ли, брат, ведь он заткнет тебя за пояс.—Ты не так говоришь,—отвечал я:—он уже *заткнул* меня».—У Пушкина был рукописный подстрочный перевод «Конрада Валенрода», потому что наш поэт, восхищенный красотами подлинника, хотел, в из'явление своей дружбы к Мицкевичу, перевести всего «Валенрода». Он сделал попытку, перевел начало, но увидел, как говорил он сам, что не *умеет* переводить, т.-е. не умеет подчинить себя тяжелой работе переводчика (171—174).

КС. А. ПОЛЕВОЙ. *Записки.*

Одна из импровизаций Мицкевича вырвала у Пушкина такую похвалу: «Какой гений! Какой священный огонь! Что́ я перед ним!»

ВЛАДИСЛАВ МИЦКЕВИЧ. *L. Mickewicz. Adam Mickewicz, sa vie, son oeuvre,* 84.

Демутов трактир до наших дней не сохранился, и петербуржец, проходя по набережной Мойки, мимо дома № 24, где красуется вывеска ресторана Донона, и не подозревает, что этот ресторан существует на месте Демутова трактира... Купец Демут приобрел сквозной участок с Мойки на Конюшенную улицу и в 1796 году построил на Конюшенной улице новый каменный, на сводах, дом. Гостинница Демут или, как ее тогда звали, трактир Демутов, была, особенно по тому времени, значительная, число но-

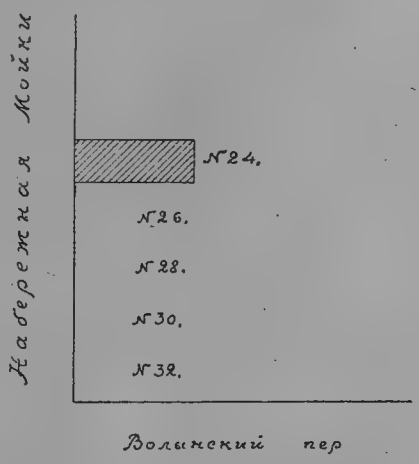

Рис. 3.

меров превышало несколько десятков... В трактире была и большая зала, в которой устраивались аукционы и концерты. В 1823 г. дом Демута перешел к метрдотелю Рекету, а с конца 20-х или начала 30-х годов годов стал принадлежать купцам Калугиным, сохраняя долгое время старое прозвище Демутов Трактир *(см. рис. 3)*.

П. ЗЕТ (П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ). В старом Петербурге. *Новое Время*, 1912, № 12889.

Ты ничего не пишешь мне о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь о M-de Керн, которую с помощью божией я на-днях(...)

ПУШКИН—С. А. Соболевскому, в конце марта 1828 г., из Петербурга.

(Псковский помещик И. Е. Великопольский, мало даровитый поэт и страстный картежный игрок, выпустил в свет стихотворную «Сатиру на игроков», в которой живописал страшные последствия картежной игры. Пушкин напечатал в булгаринской «Северной Пчеле» «Послание к В., сочинителю Сатиры на игроков», где высмеивал проповедников, учащих свет тому, в чем сами грешны:

Некто мой сосед
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком-ли сей проказник?
и т. д.

Великопольский написал стихотворный ответ Пушкину и отправил его Булгарину для помещения в «Северной Пчеле». Булгарин передал стихи Пушкину с запросом, согласен-ли он на их напечатание).

Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не могу согласиться:

Глава Онегина вторая
С'езжала скромно на тузе—

и ваше примечание—конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Мне кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда-ли? По крайней мере, отзывается чем-то горьким ваше последнее стихотворение. Неужели вы хотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в восьмую главу Онегина? NB. Я не проигрывал второй главы, а ее экземплярами заплатил свой долг, так точно, как вы заплатили мне свой—родительскими алмазами и 35-ю томами энци-

клопедии. Что, если напечатать мне сие благонамеренное возражение? Но я надеюсь, что я не потерял вашего дружества и что мы при первом свидании мирно примемся за карты и за стихи.

ПУШКИН—И. Е. Великопольскому, в конце марта—начале апр. 1828 г., из Петербурга [1]).

Здесь Пушкин ведет жизнь самую рассеянную, и Петербург мог бы погубить его. Ратная жизнь переварит его и напитает воображение существенностью. До сей поры главная поэзия его заключалась в нем самом. Онегин хорош Пушкиным, но, как создание, оно слабо.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 18 апр. 1828 г., из Петербурга. *Арх. бр. Тургеневых*, вып. VI, стр. 65.

Вы говорите, что писатель Пушкин и князь Вяземский просят о дозволении следовать за главной императорской квартирой. Поверьте мне, любезный генерал, что, в виду прежнего их поведения, как бы они ни старались выказать теперь свою преданность службе его величества, они не принадлежат к числу тех, на кого можно бы было в чем-нибудь положиться; точно также нельзя полагаться на людей, которые придерживались одинаких с ними принципов и число которых перестало увеличиваться лишь благодаря бдительности правительства.

Вел. Кн. КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ—ген. А. Х. Бенкендорфу, 14 апреля 1828 г., из Варшавы. *Рус. Арх.*, 1884, II, 319 *(фр.)*.

Началась турецкая война. Пушкин пришел к Бенкендорфу проситься волонтером в армию. Бенкендорф отвечал ему, что государь строго запретил, чтобы в действующей армии находился кто-либо не принадлежащий к ее составу, но при этом благосклонно предложил средство участвовать в походе: хотите, сказал он, я определю вас в мою канцелярию и возьму с собою? Пушкину предлагали служить в канцелярии 3-го Отделения!

Н. В. ПУТЯТА. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1899, I. 351.

---

[1]) По этому поводу Великопольский писал Булгарину: «А разве его ко мне послание не личность? В чем оного цель и содержание? Не в том-ли, что сатирик на игроков сам игрок? Не в обнаружении-ли частного случая, долженствовавшего остаться между нами? Почему-же цензура полагает себя в праве пропускать личности на меня, не сказав мне ни слова, и не пропускает личности на Пушкина без его согласия?.. Пушкин, называя свое послание одною шуткою, моими стихами огорчается более, нежели сколько я мог предполагать. Он даже дает мне чувствовать, что следствием напечатания оных будет непримиримая вражда. Надеюсь, что он ко мне имеет довольно почтения, чтобы не предполагать во мне боязни».

В половине апреля 1828 года Пушкин обратился к А. Х. Бенкендорфу с просьбою об исходайствовании у государя милости к определению его в турецкую армию. Когда ген. Бенкендорф об'явил Пушкину, что его величество не из'явил на это соизволения, Пушкин впал в болезненное отчаяние, сон и аппетит оставили его, желчь сильно разлилась в нем, и он опасно занемог. *(21 апреля, накануне заболевания, он написал Бенкендорфу письмо, в котором просился в Париж. Бенкендорф поручил автору, знакомому с Пушкиным, заехать к нему и его успокоить).* Тронутый вестию о болезни поэта, я поспешил к нему. В этот час обыкновенно заезжал ко мне приятель мой, А. П. Бочков.—«Едем вместе к Пушкину».—«Очень рад»,—отвечал мой приятель, и мы отправились.

Пушкин квартировал в трактире Демута, по канаве направо, в той части нумеров, которые обращены были окнами на двор, к северо-западу (теперь эти номера уже не существуют). Человек поэта встретил нас в передней словами, что Александр Сергеевич очень болен и никого не принимает.

— Кроме сожаления об его положении, мне необходимо сказать ему несколько слов. Доложи Александру Сергеевичу, что *Ивановский* хочет видеть его.

Лишь только выговорил я эти слова, Пушкин произнес из своей комнаты:

— Андрей Андреевич, милости прошу!

Мы нашли его в постели худого, с лицом и глазами, совершенно пожелтевшими.

— Правда ли, что вы заболели от отказа в определении вас в турецкую армию?

— Да, этот отказ имеет для меня обширный и тяжкий смысл,—отвечал Пушкин.—В отказе я вижу то, что видеть должно,—немилость ко мне государя.

(Автор убеждает Пушкина, что подозрения его несправедливы, что царь отказал ему, потому что его пришлось бы определять в войска юнкером, что царь не хочет подвергать опасности его, «царя скудного царства родной поэзии»).

При этих словах Пушкин живо поднялся на постели, глаза и улыбка его заблистали жизнью и удовольствием; но он молчал, погруженный в глубину отрадной мысли. Я продолжал:

— Еслиб вы просили о присоединении вас к одной из походных канцелярий: Александра Христофоровича *(Бенкендорфа)*, или графа К. В. Нессельроде или И. И. Дибича—это иное дело, весьма сбыточное, вовсе чуждое неодолимых препятствий.

— Ничего лучшего я не желал бы!.. И вы думаете, что это можно еще сделать?—воскликнул он с обычным своим одушевлением.

— Конечно, можно.

— Вы не только вылечили и оживили меня, вы примирили с самим собою, со всем, и раскрыли предо мною очаровательное

будущее! Я уже вижу, сколько прекрасных вещей написали бы мы с вами под влиянием бусурманского неба для второй книжки вашего альбома «Альбома Северных Муз»!

(Автор подает Пушкину мысль отправиться в кавказскую армию Паскевича).

— Превосходная мысль! Об этом надо подумать!—воскликнул Пушкин, очевидно оживший.

— Итак, теперь можно быть уверенным, что вы решительно отказались от намерения своего—ехать в Париж?

Здесь печально-угрюмое облако пробежало по его челу.

— Да, после неудачи моей я не знал, что делать мне с своею особою и решился на просьбу о поездке в Париж.

... Мы обнялись.

— Мне отрадно повторить вам, что вы воскресили и тело, и душу мою!

Товарищ мой, в первый раз увидевший Пушкина и зорко в эти минуты наблюдавший его, был поражен удивлением при очевидности столь раздражительной чувствительности поэта, так тяжко заболевшего от отказа в удовлетворении его желания и так мгновенно воскресшего от верных, гармонировавших с его восприимчивою душою представлений.

А. А. ИВАНОВСКИЙ (чиновник III Отделения).«А.С. Пушкин 21 и 23 апреля 1828 г.». *Рус. Стар.*, 1874, т. IX, стр. 394—399.

Неужели вы думаете, что Пушкин и князь Вяземский, действительно, руководствовались желанием служить его величеству, как верные подданные, когда они просили позволения следовать за главной императорской квартирой? Нет, не было ничего подобного; они уже так заявили себя и так нравственно испорчены, что не могли питать столь благородного чувства. Поверьте мне, что в своей просьбе они не имели другой цели, как найти новое поприще для распространения своих безнравственных принципов, которые доставили бы им в скором времени множество последователей среди молодых офицеров.

Вел. Кн. КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ— ген. А. Х. Бенкендорфу, 27 апр. 1828 г., из Варшавы. *Рус. Арх.*, 1884, II, 319 (*фр.*).

С 1826 года я довольно часто встречался с Пушкиным в Москве и Петербурге, куда он скоро потом переселился. Он легко знакомился, сближался, особенно с молодыми людьми, вел, повидимому, самую рассеянную жизнь, танцовал на балах, волочился за женщинами, играл в карты, участвовал в пирах тогдашней молодежи, посещал разные слои общества. Среди всех светских развлечений он порой бывал мрачен; в нем было заметно какое-то грустное бесспокойствие, какое-то неравенство духа; казалось, он чем-то томился, куда-то порывался. По мно-

гим признакам я мог убедиться, что покровительство и опека императора Николая Павловича тяготили его и душили.

Н. В. ПУТЯТА. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1899, II, 350.

Пушкин читал своего Годунова, еще немногим известного, у Алексея Перовского. В числе слушателей был и Крылов. По окончании чтения,—я стоял тогда возле Крылова,—Пушкин подходит к нему и, добродушно смеясь, говорит:—«Признайтесь, Иван Андреевич, что моя трагедия вам не нравится, и на глаза ваши нехороша».—«Почему же нехороша?—отвечает он.—А вот что я вам расскажу: проповедник в проповеди своей восхвалял божий мир и говорил, что все так создано, что лучше созданным быть не может. После проповеди подходит к нему горбатый: не грешно ли вам, пеняет он ему, насмехаться надо мною и в присутствии моем уверять, что в божьем создании все хорошо и все прекрасно? Посмотрите на меня».—«Так что же,—возражает проповедник:—для горбатого и ты очень хорош». Пушкин расхохотался и обнял Крылова [1]).

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. сочч.* т. I. 184.

Апреля 24. 1828. Вторник. Виделся с Пушкиным—Алекс. Серг. и был разговор весьма замечательный... Пушкин пересматривал со мною весь мой разбор [2])—и со множеством мест согласился. «Чувствий—у Баратынского, Языкова и Дельвига не найдете. Баратынский и Языков мои ученики—я уж у них учиться не буду» (Вот голос самолюбия). Лакея сам Пушкин не защищает, это выражение *пышет бурно*—правда, что дурно.

Маия 6. 1828. Воскресенье. Ходил в Летнем Саду. Видел Пушкина, Плетнева и Вяземского. Пушкин взял под руку—*походите с нами*, и я ходил в саду. Вы здесь гуляете в качестве чиновника, а не в качестве наблюдателя и поэта (на мне орден).—«У меня нет детей, а все *(выблядки)*. Не присылайте ко мне вашего журнала» *(Федоров в то время издавал журнал: «Новая Детская Библиотека»)*.

Б. М. ФЕДОРОВ. Из дневника. *Русский Библиофил*, 1911, № 5 стр. 34.

---

[1]) В письме к А. И. Тургеневу от 17 мая 1828 г. *(«А. С. Пушкин». Сборник Бартенева, т. II, 39)* Вяземский сообщает о чтении Пушкиным своей трагедии, но это чтение происходило у гр. Лаваль, и в числе присутствовавших Вяземский не упоминает Крылова. Он пишет, что слушал трагедию «несколько раз». А так как в 20-х числах мая или в начале июня Вяземский уже уехал из Петербурга, то, очевидно, чтение у Перовского происходило раньше.

[2]) Разбор четвертой и пятой глав «Онегина», напечатанный в № 1 *С. Петербургского Зрителя* за 1828 г. В описании сна Татьяны Федоров находил неудачным выражение «косматый лакей» (о медведе) и по поводу стихов: «пышет бурно, в ней тайный жар, ей душно, дурно»,—замечает: «Дурно! Особенно—*пышет бурно*».

(1828 г.) Пушкин Озерова не любил... Из всего Озерова затвердил он одно полустишие: «я Бренского не вижу». Во время одной из своих молодых страстей, это было весною, он почти ежедневно встречался в Летнем Саду с тогдашним кумиром своим. Если же в саду ее не было, он кидался ко мне, или к Плетневу, и жалобным голосом восклицал:

Где Бренский? Я Бренского не вижу!

Разумеется, с того времени и красавица пошла у нас под прозванием Бренской.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собран. соч.* I, 58.

(По поводу стихотворений «Город пышный» и «Ты и вы», написанных к А. А. Олениной). Несмотря на чувство, которое проглядывает в этих прелестных стихах, Пушкин никогда не говорил об Олениной с нежностью и однажды, рассуждав о маленьких ножках, сказал: «вот, напр., у ней вот какие маленькие ножки, да чорт ли в них»? В другой раз, разговаривая со мною, он сказал: «Сегодня Крылов просил, чтобы я написал что-нибудь в ее альбом».—«А вы что сказали»?—спросил я.—«А я сказал: ого»! В таком роде он часто выражался о предмете своих вздыханий.

А. П. Керн. *Л. Майков.* 252.

(По поводу стихотворения «Ты и вы»). Анна Алексеевна Оленина ошиблась, говоря Пушкину *вы*, и на другое воскресенье он привез эти стихи.

А. А. ОЛЕНИНА. Заметка на собственноручной копии этого стихотворения. *Рус. Стар.*, 1890, т. 67, 398.

С тех пор, как я себя помню, я помню себя в доме Олениных... У него я в первый раз видел Пушкина, влюбленного в дочь Оленина.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Из воспоминаний. *Рус. Арх.*, 1865, стр. 1206.

Мы в Приютине *(имении Олениных под Петербургом)* остановились, вспомнил я Пушкина, горелки, комары.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Из записных книжек. *Полн. Собр. сочч.*, т. IX, 117.

А. Н. Оленин был чрезвычайно общительный и гостеприимный человек. О количестве гостей, посещающих семейство Оленина, можно судить по тому, что на даче Алексея Николаевича, Приютино, за Пороховыми заводами, находилось 17 коров,—а сливок никогда не доставало. Гостить у Олениных, особенно на даче,

было очень привольно: для каждого отводилась особая комната, давалось все необходимое и затем об'являли: в 9 час. утра пьют чай, в 12—завтрак, в 4 часа обед, в 6 часов полудничают, в 9—вечерний чай; для этого все гости сзывались ударом в колокол; в остальное время дня и ночи каждый мог заниматься, чем угодно: гулять, ездить верхом, стрелять в лесу из ружей, пистолетов и из лука, причем Алексей Николаевич показывал, как нужно натягивать тетиву. Как на даче, так и в Петербурге, игра в карты у Олениных никогда почти не устраивалась, разве в каком-нибудь исключительном случае; за то всегда, особенно при Алексее Николаевиче, велись очень оживленные разговоры. А. Н. Оленин никогда не просил гостей-художников рисовать, а литераторов читать свои произведения.

Ф. Г. СОЛНЦЕВ. Моя жизнь и худ. археол. труды. *Русс. Стар.*, 1876. т.15, 610.

Кружок Олениных состоял, с одной стороны, из представителей высшей аристократии,—и писателей, художников и музыкантов—с другой; никакого раздвоения в этом кружке не было; все жили дружно, весело, душа в душу; особенно весело проводил время оленинский кружок в Приютине,—так называлась дача Елизаветы Марковны *(Олениной)* около Петербурга, за Охтой; дача эта отличалась прекрасным местоположением: барский дом стоял здесь над самою рекою и прудом, окаймленными дремучими лесами. Из забав была здесь особенно в ходу игра в шарады, которая в даровитой семье оленинского кружка являлась особенно интересною; особенно уморителен был в этой игре Крылов, когда он изображал героев своих басен. Между играми тут же часто читали молодые писатели свои произведения, а М. И. Глинка разыгрывал свои произведения.

Семнадцати лет Анна Алексеевна была назначена фрейлиною к императрицам: Марии Федоровне и Елизавете Алексеевне; при дворе она считалась одною из выдающихся красавиц, выделяясь, кроме того, блестящим и игривым умом и особенною любовью ко всему изящному.

П. М. УСТИМОВИЧ. А. А. Андро. *Рус. Стар.*, 1890, т. 67, стр. 389.

Подобно тому, как в черновых тетрадях южных Пушкин беспрестанно рисовал женские ножки в стременах и без стремян, так в той тетради, которою он пользовался в 1828 году, он беспрестанно чертил анаграмму имени и фамилии Олениной: Aninelo, Etenna, Aninelo рассыпаны в тетради. На одной странице нам попалась даже тщательно зачеркнутая, но все же поддающаяся разбору запись Annete Pouschkine.

П. Е. ЩЕГОЛЕВ. *«Пушкин». Очерки.* СПБ. 1912. Стр. 177.

О Пушкине m-me Андро *(рожденная Оленина, Анна Алексеевна)* говорит, что он был замечательно остроумен и весел только в маленьком интимном кружке добрых знакомых; в большом же обществе он, по словам Анны Алексеевны, казался напыщенным,—желая привлечь внимание всех своими остротами и шутками. Он хотел «briller»,—пояснила мне Анна Алексеевна.

П. М. УСТИМОВИЧ. *Рус. Стар.*, 1887, т. 55, стр. 126.

Когда я был еще в младшем курсе лицея, весною 28 или 29 года (вернее 28), Пушкин однажды навестил нас. Мы следовали за ним тесной толпой, ловя каждое слово его. Пушкин был в черном сюртуке и белых летних панталонах. На лестнице оборвалась у него штрипка; он остановился, отстегнул ее и бросил на пол; я с намерением отстал и завладел этою драгоценностью, которая после долго хранилась у меня.

Я. К. ГРОТ. «Автобиографические заметки». *Несколько данных к биографии Я. К. Грота.* СПБ. 1895. Стр. 20.

Шурин Александр заглядывает к нам, но или сидит букою, или на жизнь жалуется; Петербург проклинает, хочет то заграницу, то к брату на Кавказ.

Н. И. ПАВЛИЩЕВ (зять Пушкина)—своей матери Л. М. Павлищевой, 1 июня 1828 г. *Л. Павлищев*, 97.

(В июне 1828 г. три дворовых человека отставного штабс-капитана Митькова подали Петербургскому митрополиту Серафиму жалобу, что господин их развращает их в понятиях православной веры, прочитывая им некоторое развратное сочинение под заглавием «Гаврилиада». 4 июля Митьков был арестован).

Комиссия в заседании 25 июля... между прочим, положила... предоставить с.-петербургскому генерал-губернатору, призвав Пушкина к себе, спросить: им ли была писана поэма Гаврилиада? В котором году? Имеет ли он у себя оную, и если имеет, то потребовать, чтоб он вручил ему свой экземпляр. Обязать Пушкина подпискою впредь подобных богохульных сочинений не писать, под опасением строгого наказания.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ 25 июля 1828 г. *Дела III Отделения об А. С. Пушкине.* Спб. 1906, стр. 326.

Слышу от Карамзиных жалобы на тебя, что ты пропал для них без вести, а несется один гул, что ты играешь не на живот, а на смерть. Правда ли?

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Пушкину, 26 июля 1828 г. *Переп. Пушкина*, II, 69.

Ты прыгал бы и катался от смеха.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—Пушкину 26 июля 1828 г. *(там же)*.

Г. с.-Петербургский военный генерал-губернатор представляет, что г. Пушкин, в допросе о поэме, известной под заглавием «Гаврилиада», решительно отвечал: что сия поэма писана не им, что он в первый раз видел ее в Лицее в 1815 или 1816 году, и переписал ее, но не помнит, куда девал сей список, и что с того времени он не видал ее.

Ген. П. В. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ, в авг. 1828 г. *Дела III Отдел., 328*.

Пушкин учится английскому языку, а остальное время проводит на дачах.

П. А. МУХАНОВ—М. П. Погодину 11 авг. 1828 г. *Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина*, II, 185. Ср. *М. Цявловский. Пушкин и его совр-ки*, вып. XVII—XVIII, 70.

По докладной вашего сиятельства записке о допросах, сделанных чиновнику 10-го класса Пушкину, касательно поэмы, известной под заглавием «Гаврилиады»,—последовало высочайшее соизволение, чтоб вы, милостивый государь, поручили г. военному генерал-губернатору, дабы он, призвав снова Пушкина, спросил у него, от кого получил он в 15-м или 16-м году, как то об'явил, находясь в Лицее упомянутую поэму, из'яснив, что открытие автора уничтожит всякое мнение по поводу обращающихся экземпляров сего сочинения под именем Пушкина: о последующем же донести его величеству.

Секретное отношение статс-секретаря Н. П. МУРАВЬЕВА главнокомандующему в столице гр. П. А. Толстому, 12 авг. 1828 г. *Дела III Отделения*, 329.

По уголовному делу, о кандидате 10-го класса Леопольдове производившемуся и в Государственный Совет по порядку поступившему, замешан был известный стихотворец Александр Пушкин *(дело об отрывке из элегии «Андрей Шенье», озаглавленном кем-то «На 14 декабря»,—см. выше, январь 1827 г.)*. Правительствующий сенат, освобождая его от суда и следствия силою

всемилостивейшего манифеста 22 августа 1826 года, определил обязать подпискою, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику, под опасением строгого по законам взыскания. Такое все положение Правительствующего Сената удостоено высочайшего утверждения. Но вместе с сим Государственный Совет признал нужным к означенному решению Сената присовокупить: чтобы по неприличному выражению Пушкина в ответах насчет происшествия 14 декабря 1825 года и по духу самого сочинения его, в октябре месяце того года напечатанного, поручено было иметь за ним в месте его жительства секретный надзор.

Гр. В. П. КОЧУБЕЙ (председатель Госуд. Совета)—графу П. А. Толстому (главнокомандующему в столице), 13 августа 1828 года. *Дела III Отд.*, 75. Ср. *П-н и его совр-ки*. XI, 49.

Рукопись *(«Гавриилиады»)* ходила между офицерами гусарского полка, но от кого из них именно я достал оную, я никак не упомню. Мой же список сжег я, вероятно, в 20-м году. Осмеливаюсь прибавить, что ни в одном из моих сочинений, даже из тех, в коих я наиболее раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религиею. Тем прискорбнее для меня мнение, приписывающее мне произведение жалкое и постыдное.

10-го класса АЛЕКСАНДР ПУШКИН. Показание петербургскому военному губернатору 19 августа 1828 года. *Дела III Отделения*, 332.

Во исполнение высочайше утвержденного положения Государственного Совета *(по делу об отрывке из «Андрея Шенье»)*, известный стихотворец Пушкин обязан подпискою в том, чтоб он впредь никаких сочинений без рассмотрения и пропуска оных цензурою не выпускал в публику. Между тем учрежден за ним секретный со стороны полиции надзор.

П. В. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ (петерб. военный ген.-губернатор)—гр. П. А. Толстому (главнокомандующему в столице), 28 авг. 1828 г. *Дела III Отделения*, 80.

Твое письмо застало меня посреди хлопот и неприятностей всякого рода... Пока Киселев и Полтарацкий были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом:

А в ненастные дни собирались они часто.
Гнули, ... их ..., от 50 на 100.
И выигрывали, и отписывали мелом.
Так в ненастные дни занимались они делом.

Но теперь мы все разбрелись... Я пустился в свет, потому что бесприютен. Если б не твоя медная Венера *(Агр. Фед. Закревская)*, то я бы с тоски умер, но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи, а она произвела меня в свои сводники (к чему влекли меня всегда и всегдашняя склонность, и нынешнее состояние моего Благонамеренного [1]), о коем можно сказать то же, что было сказано о его печатном тезке: ей-ей намеренье благое, да исполнение плохое).

Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди что я поеду далее, «прямо, прямо на восток». Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец Гаврилиада; приписывают ее мне; донесли на меня, и я вероятно отвечу за чужие проказы, если кн. Дм. Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность. Это да будет между нами. Все это не весело.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 1 сент. 1828 г., из Петербурга.

Закревская была очень хороша собой, что доказывает ее портрет, написанный Дау. Тетка моя изображена на нем в голубом бархатном платье александровского времени с короткой талией и в необыкновенных жемчугах. И глядя на нее теперь, всякий скажет, что Закревская была смолоду красавица. Кроме того, она была бесспорно умная, острая женщина (немного легкая на слово), но это не мешало тому, чтоб Пушкин любил болтать с ней, читал ей свои произведения и считал ее другом.

М. Ф. КАМЕНСКАЯ. Воспоминания. *Истор. Вестн.*, 1894, окт., стр. 94.

Графиня Закревская была женщина умная, бойкая и имевшая немало приключений, которым была обязана, как говорили, своей красоте. Графиня вполне властвовала над своим мужем.

Кн. АЛ. ВАС. МЕЩЕРСКИЙ. *Воспоминания*. Москва. 1901, стр. 135—136.

Стихи «Как в ненастные дни» Пушкин написал у князя Голицына, во время карточной игры, мелом на рукаве. Пушкин очень любил карты и говорил, что это единственная его привязанность. Он был, как все игроки, суеверен, и раз, когда я попросила у него денег для одного бедного семейства, он, отдавая последние пятьдесят рублей, сказал: «Счастье ваше, что я вчера проиграл».

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Л. Майков*, 252.

---

[1]) Ср. «Бекетов extend malice à votre vers: с благонамеренным в руках и полагает, что ты суешь в руки дамские то, что у нас между...». Кн. Вяземский Пушкину, 26 июля 1828 г. *(Переп. Пушкина*, II, 70).

Пушкин, сказывают, поехал в деревню; теперь самое время случки его с музою: глубокая осень. Целое лето кружился он в вихре петербургской жизни, воспевал Закревскую; вот четыре стиха, которые дошли до меня:

И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленных светил.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 15 окт. 1828 г. *Ост. Арх.*, III, 179.

Пушкин был необыкновенно впечатлителен и при этом имел потребность высказаться первому встретившемуся ему человеку, в котором предполагал сочувствие или который мог понять его. Так, я полагаю, рассказал он мне ходатайство свое у графа Бенкендорфа и разговор с государем *(осенью 1829 г., по возвращении с Кавказа,—см. ниже)*. Такую же необходимость имел он сообщать только что написанные им стихи. Однажды утром я заехал к нему в гостинницу Демута, и он тотчас начал читать мне свои великолепные стихи из «Египетских Ночей»: «Чертог сиял» и пр. На вечере, в одном доме на островах, он подвел меня к окну и в виду Невы, озаряемой лунным светом, прочел наизусть своего «Утопленника» чрезвычайно выразительно. У меня на квартире читал он свои стихи: «Таи, таи свои мечты» *(Наперсник: «Твоих признаний, жалоб нежных»...)* и, по просьбе моей, тут же написал мне их на память.

Н. В. ПУТЯТА. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1899, II, 352.

Однажды Пушкин прислал мне французскую записку со своим кучером и дрожками. Содержание записки меня смутило, вот она:

Когда я вчера подошел к одной даме, которая разговаривала с г. де-Лагрене *(секретарь французского посольства)*, он сказал ей достаточно громко, чтобы мне услышать: «отошлите его прочь!» Будучи вынужден потребовать удовлетворения за эти слова, я прошу Вас, Милостивый Государь, не отказаться отправиться к г. де-Лагрене и переговорить с ним.

Пушкин.

Я тотчас сел на дрожки Пушкина и поехал к нему. Он с жаром и негодованием рассказал мне случай, утверждал, что точно слышал обидные для него слова, об'яснил, что записка написана им в такой форме и так церемонно именно для того, чтобы я мог показать ее Лагрене и настаивал на том, чтоб я требовал у него удовлетворения. Нечего было делать: я отправился к Лагрене, с которым был хорошо знаком, и показал ему записку. Лагрене, с видом удивления отозвался, что он никогда не произносил приписываемых ему слов, что вероятно Пушкину дурно

послышалось, что он не позволил бы себе ничего подобного, особенно в отношении к Пушкину, которого глубоко уважает, как знаменитого поэта России, и рассыпался в из'явлениях этого рода. Пользуясь таким настроением, я спросил у него, готов ли он повторить то же самое Пушкину. Он согласился, и мы тотчас отправились с ним к Ал. Серг—чу. Об'яснение произошло в моем присутствии, противники подали руку друг другу, и дело тем кончилось [1]).

Н. В. ПУТЯТА. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1899, II, 353.

11—12 сент. 1828 г. Я видел Пушкина, который хочет ехать с матерью в Малинники, что мне весьма неприятно, ибо от того пострадает доброе имя и сестры, и матери, а сестре и других ради причин это вредно.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник. *Пушкин и его с-ки*, XXI—XXII, 9.

В Костроме узнал я, что ты проигрываешь деньги Каратыгину. Дело нехорошее. По скверной погоде, я надеялся, что ты уже бросил карты и принялся за стихи.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Пушкину, 18 сент. 1828 г. *Переп. Пушкина*, II, 76.

Стихи Пушкина «К друзьям»—просто дрянь. Этакими стихами никого не выхвалишь, никому не польстишь, и доказательством тонкого вкуса в ныне царствующем государе есть то, что он не позволил их напечатать.

Н. М. ЯЗЫКОВ (поэт)—А. М. Языкову, 20 сент. 1828 г. *Истор. Вест.*, 1883, № 12, 527.

Когда Пушкин решался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, остротой и увлекательностью его речи. В одном из таких настроений он, собравши нас в кружок, рассказал сказку про чорта, который ездил на извозчике на Васильевский Остров. Эту сказку с его же слов записал некто Титов. Пушкин был невыразимо мил, когда задавал себе тему угощать и занимать общество.

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Л. Майков*, 241.

---

[1]) На основании указания Бартенева *(Рус. Арх., 1903, кн. 10, обложка, стр. 3)* редакторы новейших изданий Пушкина приурочивают приведенную записку Пушкина к июлю—октябрю 1828 г. или к январю—марту 1829, при чем записку помещают под 1829 г. *(Акад. изд., Венгеров)*. Мы думаем, правильнее приурочить записку к первому из указанных сроков. Путята раз'езжает «на дрожках». В начале 1829 года Пушкин пробыл в Петербурге от 18 января до 9 марта. Навряд ли в эту пору можно было раз'езжать на дрожках.

(Рассказ «Уединенный домик на Васильевском Острове»). В строгом смысле это не продукт Тита Космократова, а А. С. Пушкина, мастерски рассказавшего всю эту чертовщину уединенного домика на Васильевском Острове, поздно вечером, у Карамзиных, к тайному трепету всех дам, и в том числе обожаемой тогда самим Пушкиным и всеми нами Екат. Никол., позже бывшей женою кн. П. И. Мещерского. Апокалипсическое число 666, игроки-черти, метавшие на карту сотнями душ, с рогами, зачесанные под *высокие* парики—честь всех этих вымыслов и главной нити рассказа принадлежит Пушкину. Сидевший в той же комнате Космократов подслушал, воротясь домой, не мог заснуть почти всю ночь и несколько времени спустя положил с памяти на бумагу. Не желая однако быть ослушником заповеди «не укради», пошел с тетрадью к Пушкину в гостинницу Демут, убедил его послушать от начала до конца, воспользовался многими, поныне очень памятными его поправками и потом, по настоятельному желанию Дельвига, отдал в «Северные Цветы».

В. П. ТИТОВ (ТИТ КОСМОКРАТОВ)—
А. В. Головнину, 29 авг. 1879 г. *Бар. А. И. Дельвиг. Мои воспоминания,* т. I, 158.

Живо воспринимая добро, Пушкин, однако, как мне кажется, не увлекался им в женщинах; его гораздо более очаровывало в них остроумие, блеск и внешняя красота. Кокетливое желание ему понравиться не раз привлекало внимание поэта гораздо более, чем истинное и глубокое чувство, им внушенное. Сам он почти никогда не выражал чувств; он как бы стыдился их и в этом был сыном своего века. Острое, красное словцо, la repartie vive,—вот что несказанно тешило его. Впрочем, Пушкин увлекался не одними остротами; ему, напр., очень понравилось однажды, когда я на его резкую выходку отвечала выговором: «Pourquoi vous attaquer à moi, qui suis si inoffensive»? И он повторял: «Comme c'est réellement celà: si inoffensive»! Продолжая далее, он заметил: «Да, с вами невесело и ссориться: voilà votre cousine (Анна Николаевна Вульф), avec elle on trouve à qui s'en prendre»,—Причина того, что Пушкин скорее очаровывался блеском, нежели достоинством и простотой в характере женщин, заключалась, конечно, в его невысоком о них мнении, бывшем совершенно в духе того времени. При этом мне пришла на память еще одна забавная сцена, разыгранная Пушкиным в квартире Дельвига, занимаемой мною с семейством по случаю отсутствия хозяев. Сестра его и я сидели у окна, читая книгу. Пушкин подсел ко мне и между прочими нежностями сказал: «Дайте ручку, c'est si satin»! Я отвечала: «Satan»! Тогда сестра поэта заметила, что не понимает, как можно отказывать просьбам Пушкина, и это так понравилось поэту, что он бросился перед нею на колени; в эту минуту входит Алексей Ник. Вульф и хлопает в ладоши... Сюда же можно отнести и от-

зыв поэта о постоянстве в любви, которою он, казалось, всегда шутил, как и поцелуем руки; но это, по всей вероятности, было притворною данью веку... Однажды, говоря о женщине, которая его страстно любила, он сказал: «Et puis, vous savez qu'il n'y a rien de si insipide que la patience et la résignation».

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Л. Майков*, 263—264.

Из всех времен года Пушкин любил более всего осень, и чем хуже она была, тем для него было лучше. Он говорил, что только осенью овладевал им бес стихотворства, и рассказывал по этому поводу, как была им написана «Полтава». Это было в Петербурге. Погода стояла отвратительная. Он уселся дома, писал целый день. Стихи ему грезились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда, он ел на скорую руку, что попало, и убегал домой, чтоб записать то, что набралось у него на бегу и за обедом. Таким образом слагались у него сотни стихов в сутки. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им прозой. Но затем следовала отделка, при которой из набросков не оставалось и четвертой части. Я видел у него черновые листы, до того измаранные, что на них нельзя было ничего разобрать: над зачеркнутыми строками было по нескольку рядов зачеркнутых же строк, так что на бумаге не оставалось уже ни одного чистого места. Несмотря, однакож, на такую работу, он кончил «Полтаву», помнится, в три недели.

Он был склонен к движению и рассеянности. Когда было хорошо под небом, ему не сиделось под кровлей, и потому его любовь к осени, с ее вдохновительным на него влиянием, можно об'яснить тем, что осень, с своими отвратительными спутниками, дождем, слякотью, туманами и нависшим до крыш свинцовым небом, держала его, как бы под арестом, дома, где он сосредоточивался и давал свободу своему творческому бесу.

М. В. ЮЗЕФОВИЧ. Воспоминания о Пушкине. *Рус. Арх.*, 1880, III, 441.

Недавно, заходя к Пушкину, застал я его пишущим новую поэму, взятую из истории Малороссии: донос Кочубея на Мазепу и похищение последним его дочери.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник, 4—5 окт. 1828 г. *П—н и его современники*, XXI—XXII, 13.

Полтаву написал я в несколько дней; далее не мог бы ею заниматься и бросил бы все.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, окт. 1829 г.

Был у Пушкина, который мне читал почти уже конченную свою поэму. Она будет под названием *Полтавы*, потому что ни *Кочубеем*, ни *Мазепой* ее назвать нельзя по частным причинам.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник, 13 октября 1828 г. *П—н и его совр-ки*, XXI—XXII, 15.

Зимой *(осенью)* 1828 года Пушкин писал «Полтаву» и, полный ее поэтических образов и гармонических стихов, часто входил ко мне в комнату, повторяя последний, написанный им стих; так он раз вошел, громко произнося:

Ударил бой, Полтавский бой!

Он это делал всегда, когда его занимал какой-нибудь стих, удавшийся ему, или почему-нибудь запавший ему в душу. Он, напр., в Тригорском беспрестанно повторял:

Обманет, не придет она!

По от'езде отца и сестры из Петербурга я перешла на маленькую квартирку в том же доме, где жил Дельвиг, и была свидетельницей свидания его с Пушкиным. Последний, узнавши о приезде Дельвига *(7 окт. 1828 г.)*, тотчас приехал, быстро пробежал через двор и бросился в его об'ятия; они целовали друг у друга руки и, казалось, не могли наглядеться один на другого. Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях.

Посещая меня, Пушкин рассказывал иногда о своих беседах с друзьями и однажды, встретив у меня Дельвига с женою, передал свой разговор с Крыловым, во время которого между прочим был спор о том, можно ли сказать: «бывывало». Кто-то заметил, что можно даже сказать «бывывывало».—«Очень можно,—проговорил Крылов,—да только этого и трезвому не выговорить». Рассказав это, Пушкин много шутил. Во время этих шуток, ему попался под руку мой альбом, совершенный слепок с того уездной барышни альбома, который описал Пушкин в «Онегине», и он стал переводить в нем французские стихи на русский язык и русские на французский. Так несколько часов было проведено среди самых живых шуток, и я никогда не забуду его игривой веселости, его детского смеха, которым оглашались в тот день мои комнаты.

А. П. КЕРН. *Л. Майков*, 249—253.

Пушкин и Дельвиг всегда гордились тем преимуществом, что родились в Москве, утверждая, что тот из русских, кто не родился в Москве, не может быть судьею ни по части хорошего выговора на русском языке, ни по части выбора истинно-русских выражений. Вот почему Пушкин бесился, слыша, если кто про

женщину скажет: «она тяжела» или даже «беременна», а не *брюхата*,—слово самое точное и на чистом русском языке обыкновенно употребляемое. Пушкин тоже терпеть не мог, когда про доктора говорили: «он у нас пользует». Надобно просто «лечит».

П. А. ПЛЕТНЕВ—Я. К. Гроту. *Переписка Грота с Плетневым*, III, 400.

По записке комиссии от 28 августа, при коей препровождены были на высочайшее усмотрение ответы стихотворца Пушкина на вопросы, сделанные ему касательно известной поэмы Гавриилиады, его императорскому величеству угодно было собственноручно повелеть: «Г. Толстому призвать Пушкина к себе и сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтоб он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем».

Главнокомандующий в С. Петербурге и Кронштадте, исполнив вышеупомянутую собственноручную его величества отметку, требовал от Пушкина: чтоб он, видя такое к себе благоснисхождение его величества, не отговаривался от об'явления истины, и что Пушкин, по довольном молчании и размышлении, спрашивал: позволено ли будет ему написать прямо государю-императору, и получив на сие удовлетворительный ответ, тут же написал к его величеству письмо, и, запечатав оное, вручил графу Толстому. Комиссия положила, не раскрывая письма сего, представить оное его величеству, донося и о том, что графом Толстым комиссии сообщено.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ 7 окт. 1828 г. Секретно. *Дела III Отделения* стр. 343.

Пушкин сказал, что не может отвечать на допрос, но так как государь позволил ему писать к себе, то он просит, чтобы ему дали об'ясниться с самим царем. Пушкину дали бумаги, и он у самого губернатора написал письмо к царю. Вследствие этого письма государь прислал приказ прекратить преследование, ибо он сам знает, кто виновник этих стихов.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 42.

Ссора между отцом и сыном *(Сергеем Львовичем и Александром Сергеевичем)* длилась вплоть до 1828 г., когда они примирились, благодаря усилиям Дельвига и особенно тому обстоятельству, что Пушкин был уже освобожден от правительственного надзора и ласково принят, незадолго перед тем, молодым государем. Во второй раз (первый случай относится к 1815 г.)

Сергей Львович искал сойтись с сыном, озадаченный его успехами и приобретенным положением между людьми.

П. В. АННЕНКОВ. *П—н в александр. эпоху*, 274.

18 окт. 1828 г. *(Алексей Вульф на квартире А. П. Керн с баронессой Соф. Мих. Дельвиг, женою поэта)*. Мы были наедине, исключая несносной девки, пришедшей качать ребенка. Я не знал, что говорить, она, кажется, не менее моего была в замешательстве, и видимо мы не знали оба, с чего начать— вдруг явился тут Пушкин. Я почти был рад такому помешательству. Он пошутил, поправил несколько стихов, которые он отдает в Северные Цветы, и уехал. Мы начали говорить об нем; она уверяла, что его только издали любит, а не вблизи; я удивлялся и защищал его; наконец она, приняв одно общее мнение его о женщинах за упрек ей, заплакала, говоря, что это ей тем больнее, что она его заслуживает. Странно было для меня положение быть наедине с женщиною, в которую я должен быть влюблен, плачущею о прежних своих грехах.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник. *Пушкин и его с-ки*, XXI—XXII, 17.

19 октября 1828 г. Спб. Собрались на пепелище скотобратца куриофеиуса Тыркова (по прозвищу кирпичного бруса) 8 человек скотобратцев, а именно: Дельвиг—Тося, Илличевский—Олосенька, Яковлев—Паяс, Корф—дьячок-мордан, Стевен—Швед, Тырков (смотри выше), Комовский—лиса, Пушкин—Француз (смесь обезианы с тигром):

a) пели известный лицейский пэан Лето, знойна. NB. Пушкин-Француз открыл, и согласил с ним соч. Олосенька, что должно вместо общеупотребительного «Лето знойно» петь, как выше означено, b) вели беседу, c) выпили вдоволь их здоровий, d) пели рефутацию г. Беранжера, e) пели песню о царе Соломоне, f) пели скотобратские куплеты прошедших шести годов, g) Олосенька в виде французского тамбура мажора утешал собравшихся, h) Тырковиус бесмолствовал, j) толковали о гимне ежегодном и негодовали на вдохновения скотобратцев, k) Паяс представлял восковую персону, l) и завидели на дворе час первый и стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелав доброго пути воспитаннику императорского лицея[1]) Пушкину-Французу, иже написа сию грамоту. *(Следуют собственноручные*

[1]) Выражение «воспитаннику лицея» требует пояснения: Пушкин, уволенный от службы с 1824 года и, по недоброжелательству ли начальства, или по своей беспечности, не имевшей письменного вида, пред'являл, при частых своих переездах, лицейский аттестат, в котором был назван воспитанником. *В. П. Гаевский. Празднование лиц. годовщин. Отеч. Зап., 1861, т. 139, стр. 36.*

подписи перечисленных восьми друзей с их прозвищами в скобках, а в заключение, опять рукою Пушкина,—его четверостишие):

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

ПОТОКОЛ ПРАЗДНОВАНИЯ ЛИЦЕЙСКОЙ ГОДОВЩИНЫ. *Пушкин и его с-ки, XIII, 47.*

Здесь мне очень весело. Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито. На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать; мать принесла им изюму и чернослив и думала тихонько от них убраться; но Петр Маркович *(отец А. П. Керн)* их взбудоражил; он к ним прибежал: «Дети, дети, мать вас обманывает! Не ешьте чернослив, поезжайте с нею; там будет Пушкин: он весь сахарный, а зад у него яблочный; его разрежут, и всем вам будет по кусочку». Дети разревелись: «Не хотим чернослив, хотим Пушкина!». Нечего делать: их повезли, и они сбежались ко мне облизываясь, но увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили.—Здесь очень много хорошеньких девчонок (или девиц, как приказывает звать Борис Михайлович); я с ними вожусь платонически, и от того толстею и поправляюсь в моем здоровьи.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, в сер. ноября 1828 г., из Малинников.

Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в Онегина, и стращают мною ребят, как букою; а я езжу на пароме, играю в вист по восьми гривен роббер, и таким образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, 26 ноября 1828 г., из Малинников.

Город Петербург полагает отсутствие твое не бесцельным. Первый голос сомневается, точно ли ты без нужды уехал, не проигрыш ли какой был причиною; второй уверяет, что ты для материалов 7-й песни отправился; третий утверждает, что ты остепенился и в Торжке думаешь жениться; четвертый же догадывается, что ты составляешь авангард Олениных, которые собираются в Москву.

Бар. А. А. ДЕЛЬВИГ—Пушкину, 3 дек. 1828 г. *Переп. Пушкина,* II, 82.

Здесь *(в Москве)* Александр Пушкин, я его совсем не ожидал. Он привез славную новую поэму Мазепу. Приехал он недели на три, как сказывает; еще ни в кого не влюбился, а ста-

рые любви его немного отшатнулись. Вчера должен он был быть у Корсаковой; не знаю еще, как была встреча. Я его все подзываю с собою в Пензу; он не прочь, но не надеюсь, тем более, что к тому времени вероятно он влюбится. Он вовсе не переменился, хотя, кажется, не так весел.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 12 дек. 1828 г., из Москвы. *Собр. сочч. кн. П. П. Вяземского*, 518.

В первый раз Пушкин читал нам «Полтаву» в Москве у Сергея Киселева при Американце Толстом, сыне Башилова, который за обедом нарезался и которого во время чтения вырвало чуть-ли не на Толстого.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.*, X, 3.

К Пушкину.—Написал «Чернь»—Отдал Мазепу переписать для государя.—Слушал его восклицания за буйными рассказами Голоховостова.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 16 дек. 1828 г. *Пушкин и его с-ки*, XIX—XX, 92.

В обращении Пушкин был добродушен, неизменен в своих чувствах к людям: часто в светских отношениях не смел отказаться от приглашения к какому-нибудь балу. Восприимчивость его была такова, что стоило ему что-либо прочесть, чтобы потом навсегда помнить. Особенная страсть Пушкина была поощрять и хвалить труды своих близких друзей. Про Боратынского стихи при нем нельзя было и говорить ничего дурного... Будучи откровенен с друзьями своими, не скрывая своих литературных трудов и планов, радушно сообщая о своих занятиях людям, интересующимся поэзией, Пушкин терпеть не мог, когда с ним говорили о стихах его и просили что-нибудь прочесть в большом свете. У княгини Зинаиды Волконской бывали литературные собрания понедельничные; на одном из них пристали к Пушкину, чтобы прочесть. В досаде он прочел «Чернь» и, кончив, с сердцем сказал: «В другой раз не станут просить».

С. П. ШЕВЫРЕВ по записи П. В. Анненкова. *Л. Майков*, 331.

Вообще Пушкин чрезвычайно редко читал свои произведения в большом обществе, отличаясь в этом отношении скромностью и даже застенчивостью. Он читал только людям более или менее близким, мнением которых дорожил и от которых надеялся услышать дельное замечание, а не безусловную похвалу, и притом читал как-нибудь невзначай.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1865, 391.

Баратынский не был с Пушкиным искренен, завидовал ему, радовался клевете на него, думал ставить себя выше его глубокомыслием, чего Пушкин в простоте и высоте своей не замечал.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о П—не*, 28.

«Я всякий раз чувствую жестокое угрызение совести,—сказал мне однажды Пушкин в откровенном со мною разговоре,—когда вспоминаю, что я, может быть, первый из русских начал *торговать* поэзией. Я, конечно, выгодно продал свой *Бахчисарайский Фонтан* и *Евгения Онегина;* но к чему это поведет нашу поэзию, а может быть, и всю нашу литературу? Уж конечно, не к добру. Признаюсь, я завидую Державину, Дмитриеву, Карамзину: они бескорыстно и безукоризненно для совести подвизались на благородном своем поприще, на поприще словесности, а я?»—Тут он тяжело вздохнул и замолчал.

(С. Е. РАИЧ.) *Галатея*, 1839, ч. IV, № 29, стр. 197 [1]).

Шевырев как был слаб перед всяким сильным влиянием нравственно, так был физически слаб пред вином, и как немного охмелеет, то сейчас растает и начнет говорить о любви, о согласии, братстве и о всякого рода сладостях: сначала, в молодости, и это у него выходило иногда хорошо, так что однажды Пушкин, слушая пьяного оратора, проповедующего довольно складно о любви, закричал: «Ах, Шевырев! Зачем ты не всегда пьян!».

С. М. СОЛОВЬЕВ. *Записки. Книг-во «Прометей» Н. Н. Михайлова.* Стр. 48.

В 1828 году я часто встречался с Пушкиным и однажды предложил ему вписать что-нибудь из своих стихов в мой альбом. Он при мне-же вписал известные стихи: *Муза.* На вопрос мой: от чего эти пришли ему на память прежде всяких других?—«Я их люблю, отвечал Пушкин: они отзываются стихами Батюшкова».

Н. Д. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ. Альбомные памяти. *Москвитянин*, 1842, № 3, 147.

К Пушкину. Бог всем дал орехи, а ему ядра. Слушал его суждения о Батюшкове.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 22 дек. 1828 г. *Пушкин и его с-ки*, XIX—XX, 92.

Пушкин поражен был красотой Н. Н. Гончаровой с зимы 1828—1829 года. Он, как сам говорил, начал помышлять о же-

[1]) Раич был плохой поэт, но восторженный почитатель поэзии, считавший великим позором для поэта брать за свои произведения деньги. Однажды один издатель предложил ему гонорар за его стихи. Раич гордо поднял голову и ответил: «Я—поэт, и не продаю своих вдохновений!»

нитьбе, желая покончить жизнь молодого человека и выйти из того положения, при котором какой-нибудь юноша мог трепать его по плечу на бале и звать в неприличное общество... Холостая жизнь и несоответствующее летам положение в свете надоели Пушкину с зимы 1828—1829 г. Устраняя напускной цинизм самого Пушкина и судя по-человечески, следует полагать, что Пушкин влюбился не на шутку около начала 1829 г.

Кн. ПАВ. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. сочч.*, 520.

Нат. Ник. Гончаровой только минуло шестнадцать лет, когда они впервые встретились с Пушкиным на балу в Москве. В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. Ал. Сер. не мог оторвать от нее глаз. Слава его уж тогда прогремела на всю Россию. Он всюду являлся желанным гостем; толпы ценителей и восторженных поклонниц окружали его, ловя всякое слово, драгоценно сохраняя его в памяти. Наталья Николаевна была скромна до болезненности; при первом знакомстве их его знаменитость, властность, присущие гению,—не то что сконфузили, а как-то придавили ее. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность только возвысила ее в глазах поэта.

А. П. АРАПОВА (урожд. Ланская, дочь Нат. Ник-ны от второго брака). «Н. Н. Пушкина-Ланская». *Новое Время*, 1907, № 11409, стр. 7.

Когда Пушкин принес стихи *(Е. Н. У-вой: «Вы избалованы природой»)* матушке, они были без подписи; на вопрос матушки: зачем он не подписал своего имени, он ответил: «Так вы находите, что под стихами Пушкина нужна подпись? Проститесь с этим листком: он недостоин чести быть в вашем альбоме». И Пушкин уже был готов уничтожить его; тут началась борьба, кончившаяся тем, что драгоценный листок остался в руках матушки, совершенно измятый и с оторванным углом. Пушкин был побежден и должен был подписать свое имя под трофеем, который матушка еще держала обеими руками.

Н. С. КИСЕЛЕВ (сын Ел. Ник. Ушаковой) по записи Л. Н. Майкова. *Л. Майков*, 371.

Он что-то во все время был не совсем по себе. Не умею об'яснить, ни угадать, что с ним было, mais il n'était pas en verve *(но он не был в ударе)*. Постояннейшие его посещения были у Корсаковых и у Цыганок; и в том и в другом месте видел я

его редко, но видал с теми и другими, и все не узнавал прежнего Пушкина.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 9 янв. 1829 г. *Собр. сочч. кн. П. П. Вяземского*, 518.

Мария Ивановна Римская-Корсакова должна иметь почетное место в преданиях хлебосольной и гостеприимной Москвы. Она жила открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы, маскарады, разные увеселения, зимою санные катания за городом, импровизированные завтраки. Красавицы-дочери ее, и особенно одна из них, намеками воспетая Пушкиным в Онегине [1]), были душою и прелестью этих собраний. Сама Мария Ивановна была тип московской барыни в хорошем и лучшем значении этого слова. Старый век и новый век сливались в ней в разнообразной стройности и придавали личности ее особенное и привлекательное значение.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Заметка из воспоминаний. *Полн. собр. сочч.*, VII, 171.

Здесь *(в Старице, Тверской губ.)* я нашел две молодых красавицы: Катиньку Вельяшеву, мою двоюродную сестру, в один год, который я ее не видал, из 14-летнего ребенка расцвевшую прекрасною девушкою, лицем хотя не красавицею, но стройною, увлекательною в каждом движении, прелестною, как непорочность, милую и добродушную, как ее лета [2]). Другая, Машенька Борисова, теперь тоже заслуживала мое внимание. Не будучи красавицею, она имела хорошенькие глазки и для меня весьма приятно картавила. Пушкин, бывший здесь осенью, очень ввел ее в славу [3]). Первые два дня я провел очень приятно, слегка волочившись за двумя красавицами... В Крещение *(6 янв. 1829 г.)* приехал к нам в Старицу Пушкин. Он принес в наше общество немного разнообразия. Его светский блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском. С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, отчего его и прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен (Катин. В.—*Катенька Вельяшева*), несмотря ни на советы Мефистофеля, ни на волокитство Фауста, осталась холодною; все старания были напрасны. Мы имели одно только удовольствие бесить Ивана Петровича *(Вульфа, двоюродного брата Алексея Вульфа, тридцатилетнего местного помещика, влюбленного в Катеньку Вельяшеву)*; образ мыслей

[1]) Александра Александровна Корсакова, в седьмой главе «Онегина»: «у ночи много звезд прелестных, красавиц много на Москве»...

[2]) К ней обращено стихотворение Пушкина: «Под 'езжая под Ижоры».

[3]) Ср. письмо Пушкина к Ал. Вульфу от 27 окт. 1828 г. из Малинников: «доношу вам, что Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перло в море, и что я намерен на-днях в нее влюбиться».

наших оттого он назвал американским.—Мне жаль, что из-за таких пустяков он, вероятно, теперь меня не очень жалует: он очень добрый и благородный малый. Если еще сведет нас бог, то я уже не стану волокитством его бесить (50).

В Старице Машенька Борисова и Наталья Кознакова прошли у меня между пальцев. Дай бог мне быть впредь умнее, а то «дурно, дурно брат Александр Андреевич»,—как говорил Пушкин[1]) (96).

После праздников поехали все по деревням; я с Пушкиным, взяв по бутылке шампанского, которое морозили, держа на коленях, поехали к Павлу Ивановичу *(Вульфу, одному из дядей Алексея)*.—За обедом мы напоили люнелем, привезенным Пушкиным из Москвы, Фрициньку (гамбургскую красавицу, которую дядя привез из похода и после женился на ней), немку из Риги, полу-гувернантку, полу-служанку, обрученную невесту его управителя, и молодую, довольно смешную девочку, дочь прежнего берновского попа, тоже жившую под покровительством Фридерики. Я упоминаю об ней потому, что имел после довольно смешную с ней историю. Мы танцовали и дурачились с ними много, и молодая селянка вовсе не двухсмысленно показывала свою благосклонность ко мне. Это обратило мое внимание на нее, потому что прежде, в кругу первостатейных красавиц, я ее совсем и не заметил. Я вообразил себе, что очень легко можно будет с ней утешиться за неудачи с другими, почему через несколько дней, приехав опять в Павловское, я сделал посещение ей в роде графа Нулина, с тою только разницею, что не получил пощечины.—В таких занятиях, в охоте и в поездках то в Берново, то к Петру Ивановичу *(другой дядя Алексея Вульфа)* или в Павловское, где вечера мы играли в вист,—провел я еще с неделю до от'езда с Пушкиным в Петербург (51).

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник. *Пушкин и его с-ки*, XXI—XXII.

В Старице, на семейном бале у тогдашнего старицкого исправника, В. И. Вельяшева, я встретила в первый раз Пушкина. Я до этого времени ничего про Пушкина не слыхала, но он прямо бросился мне в глаза. Показался он мне иностранцем, танцует, ходит как-то по особому, как-то особенно легко, как будто летает; весь какой-то воздушный, с большими ногтями на руках.—«Это не русский?»—спросила я у матери Вельяшева, Катерины Петровны.—«Ах, матушка! Это Пушкин, сочинитель,

[1]) Ср. дневник Вульфа от 14 ноября 1830 г.: «молодую красавицу трактира вчера начал я знакомить с техническими терминами любви; потом, по методе Мефистофеля *(Пушкина)*, надо ее воображение занять сладострастными картинами; женщины, вкусив однажды этого соблазнительного плода, впадают во власть того, который им питать может их, и теряют ко всему другому вкус: им кажется все пошлым и вялым после языка чувственности» *(Там же*, стр. 141).

прекрасные стихи пишет»,—отвечала она. Здесь мне не пришлось познакомиться с Александром Сергеевичем. Заметила я только, что Пушкин с другим молодым человеком постоянно вертелись около Кат. Вас. Вельяшевой. Она была очень миленькая девушка; особенно чудные у нее были глаза. Как говорили после, они старались не оставлять ее наедине с Алексеем Николаевичем Вульфом, который любил влюблять в себя молодых барышень и мучить их.

Через два дня поехали мы в Павловское. Следом за нами к вечеру приехал и Ал. Серг—ч вместе с Ал. Н. Вульфом и пробыли в Павловском две недели. Тут мы с Александром Сергеевичем сошлись поближе. На другой день сели за обед. Подали картофельный клюквенный кисель. Я и вскрикнула на весь стол:—«Ах, боже мой! Клюквенный кисель!».—«Павел Иванович! Позвольте мне ее поцеловать!»—проговорил Пушкин, вскочив со стула.—«Ну, брат, это уж ее дело»,—отвечал тот.—«Позвольте поцеловать вас»,—обратился он ко мне.—«Я не намерена целовать вас»,—отвечала я, как вполне благовоспитанная барышня.—«Ну, позвольте хоть в голову»,—и, взяв голову руками, пригнул и поцеловал. П. А. Осипова, вместе с своей семьей бывшая в одно время с Пушкиным в Малинниках или Бернове, высказала неудовольствие на то, что тут, наравне с ее дочерьми, вращается в обществе какая-то поповна. «Павел Иванович,—говорила она,—всем открывает в своем доме дорогу, вот какую-то поповну поставил на одной ноге с нашими дочерьми». Все это говорилось по-французски, я ничего и не знала, и только после уже Фредерика Ивановна *(жена хозяина, Пав. Ив. В-льфа)* рассказала мне все это.—«Прасковья Александровна осталась очень недовольна,—говорила она,—но спасибо Александру Сергеевичу, он поддержал нас». Когда вслед за этим пошли мы к обеду, Ал. Серг—ч предложил одну руку мне, а другую дочери Прасковьи Александровны, Евпраксии Николаевне, бывшей в одних летах со мной. За столом он сел между нами и угощал с одинаковою ласковостью как меня, так и ее. Когда вечером начались танцы, то он стал танцовать с нами по очереди,—протанцует с ней, потом со мной и т. д. Осипова рассердилась и уехала. Евпраксия Николаевна почему-то в этот день ходила с заплаканными глазами. Может быть, и потому, что Ал. С—ч после обеда вынес портрет какой-то женщины и восхвалял ее за красоту; все рассматривали его и хвалили. Может быть, и это тронуло ее,—она на него все глаза проглядела. Вообще Ал. Серг. был со всеми всегда ласков, приветлив и в высшей степени прост в обращении. Часто вертелись мы с ним и в неурочное время.—«Ну, Катерина Евграфовна, нельзя ли нам с вами для аппетита протанцовать вальс-казак».—«Ну, вальс-казак-то мы с вами, Катерина Евграфовна, уж протанцуем!»—говаривал он до обеда или во время обеда или ужина.

Вставал он по утрам часов в девять-десять и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгой в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы. Павла Ивановича он за это время сам и выучил играть в шахматы, раньше он не умел, но только очень скоро тот стал его обыгрывать. Ал. С—ч сильно горячился при этом. Однажды он даже вскочил на стул и закричал: «ну, разве можно так обыгрывать учителя?». А Павел Иванович начнет играть снова, да опять с первых же ходов и обыгрывает его.—«Никогда не буду играть с вами... Это ни на что не похоже»,—загорячится обыкновенно при этом Пушкин.

Много играл Пушкин также и в вист. По вечерам часто угощали Ал. С—ча клюквой, которую он особенно любил. Клюкву с сахаром обыкновенно ставили ему на блюдечке.

Пушкин был очень красив; рот у него был очень прелестный, с тонко и красиво очерченными губами и чудные голубые глаза. Волосы у него были блестящие, густые и кудрявые, как у мерлушки, немного только по-длиннее. Ходил он в черном сюртуке. На туалет обращал он большое внимание. В комнате, которая служила ему кабинетом, у него было множество туалетных принадлежностей, ногточисток, разных щеточек и т. п.

Павел Иванович был в это время много старше его, но отношения их были добродушные и искренние.—«На Павла Ивановича упади стена, он не подвинется, право, не подвинется»,—неоднократно, шутя, говаривал Пушкин. Павел Иванович, действительно, был очень добрый, но флегматичный человек, и Александр Сергеевич обыкновенно старался расшевелить его и бывал в большом восторге, когда это удавалось ему.

Был со мной в это время и такой случай. Один из родственников Павла Ивановича *(Алексей Вульф)* пробрался ночью ко мне в спальню, где я спала с одной старушкой-прислугой. Только просыпаюсь я, у моей кровати стоит этот молодой человек на коленях и голову прижал к моей голове.—«Ай! Что вы?»—закричала я в ужасе.—«Молчите, молчите, я сейчас уйду»,—проговорил он и ушел. Пушкин, узнав это, остался особенно доволен этим и после еще с большим сочувствием относился ко мне.—«Молодец вы, Катерина Евграфовна, он думал, что ему везде двери отворены, что нечего и предупреждать, а вышло не то»,—несколько раз повторял Александр Сергеевич. Задал этому молодцу нагоняй и Павел Иванович.—«Ты нанес оскорбление мне, убирайся из моего дома!»—говорил он ему. Узналось это так. Загадала Фредерика Ивановна мне на картах... «Ты оскорблена, говорит, трефовым королем», я и заплакала, и рассказала все.

Все относились к Александру Сергеевичу с благоговением. Все барышни были от него без ума.

ЕК. ЕВГР. СИНИЦЫНА, урожд. СМИРНОВА (дочь бывш. берновского священника) по записи В. И. Колосова. «Пушкин в Тверской губ.». *Рус. Стар.*, 1888, т. 60, стр. 90—93.[1])

В Старицком уезде *(Тверской губ.)*, по берегам быстрой, мелководной Тьмы, на пространстве десяти верст находились три помещичьи усадьбы: Берново *(Ив Ив. Вульфа)* и Малинники *(Пр. А. Осиповой)* по краям, Павловское *(Пав. Ив. Вульфа)* в середине. Берново отстоит от Старицы в 25 в., Малинники—в 35.

Теперь Малинники очень скучное место, и думается, что оно всегда таким и было. Там нет ни парка, ни сада. Старый помещичий одноэтажный дом времен Пушкина отлично сохранился; он выстроен из корабельного леса. Посредине широкое, открытое крыльцо поддерживается колоннами из толстых сосновых бревен, комнаты низкие, глубокие и мрачные; кое-где остались еще потолки с матицами; окна небольшие, и их мало (не очень давно под'емные рамы заменены обыкновенными створчатыми); мебель старинная, красного дерева, кресла жесткие, неудобные, с закругленными цельными деревянными спинками; на стенах висят два-три зеркала в старинных красивых рамах красного дерева.

Берново. Барскую усадьбу отделяет от села обширный сад, раскинувшийся на 12 десятин. Сад делится на две части,—собственно сад из правильно разбитых липовых аллей и парк, похожий на лес. Прочно выстроенный каменный дом потерпел мало изменений; в нем теперь до тридцати комнат, но в пушкинские времена верхний этаж и мезонин были почему-то неотделаны; средняя комната нижнего этажа с дверью в сад была гостиной... В Берновском парке есть курган, названный, вероятно, в честь Пушкина, Парнасом; вблизи его высятся вековые деревья,—есть ели и березы в два обхвата.

В Павловском барского дома теперь не существует. Имение купили крестьяне и распорядились с усадьбою по-своему.

И. А. ИВАНОВ. О пребывании А. С. Пушкина в Тверской губ. *Изд. Тверск. Общ. Любит. истории, археол. и ест-знания.* Тверь. 1899. Стр. 1—11.

В Бернове до сих пор существует прежний помещичий дом, выстроенный в стиле русского ампира. В прошлом году он на-

[1]) Синицына относит рассказанные события к 1827 г. Но после опубликования дневника Вульфа совершенно несомненно, что все это происходило в январе 1829 г.

ходился в ведении совхоза «Берново». Дранка, которой покрыт дом, износилась и уже не может служить защитой от дождя; провалившаяся местами крыша и упавшие в некоторых комнатах потолки свидетельствовали о происходящем разрушении здания. Дом производит впечатление заброшенности и запустения: из тридцати его комнат лишь незначительная часть занята рабочими и служащими совхоза; везде грязь, обломки мебели, в некоторых комнатах содержатся кролики. При доме до сих пор находится парк с отлично сохранившимися липовыми аллеями времен Пушкина. В парке имеется небольшой курган, который называется Парнасом.

В Бернове, кроме того, обращают на себя внимание остатки сгоревшей в июне 1922 г. мельницы. Уцелело ее основание, сложенное из крупного известняка. Про эту часть мельницы в Бернове говорят, что она существовала уже в те времена, когда Пушкин посещал Берново, и с ней связывают легенду о том, что будто бы один из приезжавших к Вульфам князей полюбил дочь мельника; она ответила ему взаимностью; князь обманул девушку, и она утопилась в омуте, который находится неподалеку от мельницы, вниз по течению. Существует предание, что под влиянием этой легенды Пушкиным написана «Русалка».—Не менее легендарным является и распространенный в Бернове рассказ о трех соснах на левом берегу Тьмы, посаженных, по преданию, самим Пушкиным. Сохранившиеся две сосны (третья сгорела летом 1916 г.), повидимому, моложе ста лет.

В Павловском от времени Пушкина ничего не сохранилось. Еще в конце прошлого столетия последний владелец имения продал его крестьянам. К 1923 году от поместья уцелели лишь остатки скотных дворов, да колонны от бывшего барского дома, находившиеся на фасаде одного из сельских домов.

В Малинниках наибольший интерес представлял еще совсем недавно деревянный дом, с оберегавшейся в нем Пушкинской комнатой, которая отводилась поэту при его приездах в Малинники. Дом этот, незадолго до приезда экспедиции, рухнул; обрушилась крыша, потолок и некоторые стены; часть стен держится еще до сих пор. Бывший владелец дома, желая сохранить его на возможно долгое время, обложил снаружи стены дома кирпичем; вследствие прекращения доступа воздуха, стены начали преть. Это значительно ускорило разрушение старинного Малинниковского дома. Все имущество и мебель из рухнувшего здания перенесены в соседнее здание.

С. ФЕССАЛОНИЦКИЙ. Уголок Пушкина в Старицком уезде в 1923 г. (По материалам экспедиции студентов Тверского Педагогического Института). *Материалы Общества Изучения Тверского Края.* Вып. 3. Апрель 1925 г., стр. 22—23.

И Пушкина я так живо вспоминаю, и refrain его:

Хоть малиной не корми,
Да в Малинники возьми!

АННА НИК. ВУЛЬФ—бар. Евпр. Н. Вревской, 12 окт. 1847 г. *Пушкин и его с-ки*, XXI—XXII, 351.

Ник. Ив. Вульф *(владелец с. Бернова, сын И. И. Вульфа)* неоднократно видал Пушкина в с. Бернове, где он не один раз гостил по одному, по два дня, но ему было в то время только 12 лет и поэтому только немногое сохранилось в его памяти. По его словам, Пушкин писал свои стихотворения обыкновенно утром, лежа в постели, положив бумагу на подогнутые колена. В постели же он пил и кофе. Не один раз писал так А. С—ч тут свои произведения, но никогда не любил их читать вслух, для других. Однажды мать Ник. Ив-ча долго и сильно упрашивала Пушкина прочесть вслух что-нибудь из своих стихов. После долгих отказов Пушкин, повидимому, согласился и пошел за книгой; придя с книгой, он уселся и начал, к ее удивлению и разочарованию, читать по стихам псалтырь. Не один раз видал Ник. Ив—ч, как Пушкин большими шагами ходил по гостинной, обыкновенно вполголоса разговаривая с своим собеседником, чаще, впрочем, с собеседницей.

В. И. КОЛОСОВ. Пушкин в Тверской губернии. *Рус. Стар.*, 1888, т. 60, стр. 99.

Путешествие мое в Петербург с Пушкиным было довольно приятно, довольно скоро и благополучно, исключая некоторых прижимок от ямщиков. Мы понадеялись на честность их, не брали подорожной, а этим они хотели пользоваться, чтобы взять с нас более. На станциях, во время перепрягания лошадей, играли мы в шахматы, а дорогою говорили про современные отечественные события, про литературу, про женщин, любовь и пр. Пушкин говорит очень хорошо; пылкий, проницательный ум обнимает быстро предметы; но эти же самые качества причиною, что его суждения об вещах иногда поверхностны и односторонни. Нравы людей, с которыми встречается, узнает он чрезвычайно быстро; женщин же он знает, как никто. От того, не пользуясь никакими наружными преимуществами, всегда имеющими большое влияние на прекрасный пол, одним блестящим своим умом он приобретает благосклонность оного.—Пользовавшись всем достопримечательным по дороге от Торжка до Петербурга, приехали мы на третий день вечером в Петербург прямо к Андриё (где обедают все люди лучшего *тону*). Вкусный обед, нам еще более показавшийся таким после трехдневного путешествия, в продолжении которого, несмотря на все, мы порядочно не ели, запили мы каким-то, не помню, новым родом

шампанского (Bourgogne mousseux, которое одно только месяц назад там пили, уже потеряло славу у его гастрономов). Я остановился у Пушкина в Демутовой гостиннице, где он всегда живет, несмотря на то, что его постоянное пребывание—Петербург.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник, 16 янв. 1829 г. *Пушкин и его с-ки*, XXI—XXII, 51.

Я в Петербурге с неделю, не больше. Нашел здесь все общество в волнении удивительном. Веселятся до упаду и в стойку, т.-е., на раутах, которые входят здесь в большую моду. Давно бы нам догадаться: мы сотворены для раутов, ибо в них не нужно ни ума, ни веселости, ни общего разговора, ни политики, ни литературы. Ходишь по ногам, как по ковру, извиняешься,— вот уж и замена разговору. С моей стороны, я от раутов в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды *(кн. З. А. Волконской)*.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, в 20-х числах января 1829 г., из Петербурга.

Тотчас по приезде в Петербург, Гоголь, движимый потребностью видеть поэта, который занимал все его воображение еще на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и наконец у самых дверей квартиры развилась до того, что он убежал в кондитерскую и потребовал рюмку ликера... Подкрепленный им, он снова возвратился на приступ, смело позвонил и на вопрос свой: «дома ли хозяин», услыхал ответ слуги: «почивают!». Было уже поздно на дворе. Гоголь с великим участием спросил: «верно всю ночь работал?».— «Как же, работал,—отвечал слуга.—В картишки играл». Гоголь признавался, что это был первый удар, нанесенный школьной идеализации его. Он иначе не представлял себе Пушкина до тех пор, как окруженного постоянно облаком вдохновения.

П. В. АННЕНКОВ со слов Гоголя. *Материалы*, 360.

В Филармонической зале давали всякую субботу концерты: Requiem Моцарта, Création Гайдна, симфонии Бетховена, одним словом, серьезную немецкую музыку. Пушкин всегда их посещал.

А. О. СМИРНОВА. Записки. *Рус. Арх.*, 1895, II, 191.

У А. Н. Оленина нередко бывал А. С. Пушкин, которому, видимо, отчасти нравилось общество А. Н—ча. Он даже сватался за Анну Алексеевну. Однако же брак этот не состоялся, так как против него была Елизавета Марковна *(жена А. Н—ча)*.

По этому случаю Пушкин говорил, что недаром же ему светила луна с левой стороны, когда он приезжал в Приютино *(имение Олениных)* [1]).

Ф. Г. СОЛНЦЕВ. Моя жизнь и художарчеологич. труды. *Рус. Стар.*, 1876, т. 15, стр. 633.

Рассказ профессора Солнцева *(о сватовстве Пушкина)*, лица, весьма близкого семейству Олениных, вполне верен, хотя Анна Алексеевна никогда при жизни не говорила о таком сватовстве Пушкина.

П. М. УСТИМОВИЧ. А. А. Андро. *Рус. Стар.* 1890, т. 67, стр. 390.

(В связи с делом о Гавриилиаде). А. А. Оленина, на которой Пушкин думал жениться, отказала ему по приказанию своих родителей.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Русс. Арх.*, 1908, I, 545.

Пушкин посватался к Олениной и не был отвергнут. Старик Оленин созвал к себе на обед своих родных и приятелей, чтобы за шампанским об'явить им о помолвке своей дочери за Пушкина. Гости явились на зов; но жених не явился. Оленин долго ждал Пушкина и наконец предложил гостям сесть за стол без него. Александр Сергеевич приехал после обеда, довольно поздно. Оленин взял его под руку и отправился с ним в кабинет для об'яснений, окончившихся тем, что Анна Алексеевна осталась без жениха.

Н. Д. БЫКОВ по записи художника Железнова в воспоминаниях о К. П. Брюллове. *Сборник Пушкинского Дома на 1923 год.* Петроград. 1922. Стр. 33.

(На балу у Ел. Мих. Хитрово). Элиза *(Хитрово)* гнусила, была в белом платье, очень декольте; ее пухленькие плечи вылезали из платья. Пушкин был на этом вечере и стоял в

---

[1]) Если Пушкин, действительно, сватался к Олениной, то это, всего вероятнее, произошло за время пребывания Пушкина в Петербурге в январе—марте 1829 года. Н. О. Лернер высказывает догадку, не на неудачное ли сватовство Пушкина намекал Вяземский, когда, придравшись к словам поэта: «я пустился в свет, потому что бесприютен», писал ему в сентябре 1828 года: «ты говоришь, что ты бесприютен,—разве уже тебя не пускают в Приютино?» *(Пушкин. Брокгауз-Ефрон, IV т.*, стр. LXX). Мы думаем, в каламбуре Вяземского не было никакой задней мысли. Еще 3 дек. 1828 г. Дельвиг писал Пушкину в деревню, что, по мнению некоторых, Пушкин составляет «авангард Олениных, которые собираются в Москву» *(Переписка Пушкина, II, 82)*. Навряд ли мог бы писать так Дельвиг, если бы Пушкин уже получил отказ. Еще невероятнее предположить, чтобы Пушкин сватался за Оленину позже указанного времени: позже все матримониальные стремления Пушкина направлены уже на Москву.

уголке за другими кавалерами. Мы все были в черных платьях. Я сказала Стефани *(фрейлина княжна Радзивил, подруга Россет по институту)*:—«мне ужасно хочется танцовать с Пушкиным».—«Хорошо, я его выберу в мазурке», и точно, подошла к нему. Он бросил шляпу и пошел за ней. Танцовать он не умел. Потом я его выбрала и спросила: «Quelle fleur?».—«Celle de votre couleur»,—был ответ, от которого все были в восторге. *(«Какой цветок?»—«Вашего цвета»)*. Элиза пошла в гостиную, грациозно легла на кушетку и позвала Пушкина [1]).

А. О. СМИРНОВА (урожд. РОССЕТ).
Записки. *Рус. Арх.*, 1895, II, 190.

«Ни я не ценила Пушкина, ни он меня. Я смотрела на него слегка, он много говорил пустяков, мы жили в обществе ветреном. Я была глупа и не обращала на него особенного внимания».—В первый раз [2]) Смирнова встретила Пушкина на бале у Е. М. Хитровой и уговорилась с своей приятельницей княжною Радзивил как-нибудь с ним познакомиться. Они выбрали его в мазурке, и хотя Пушкин обыкновенно не танцовал, но тут прошелся с каждой из них. Потом он сам пожелал, чтоб ее пригласили Карамзины слушать «Полтаву». Он читал плохо. Смирнова нарочно молчала, и он не получил о ней хорошего понятия. Как-то во дворце (у А. В. Сенявина) были живые картины, а с них она проехала к Карамзиным, где были танцы. Она застала его уже уходящим и, проходя мимо, сказала: «пойдемте со мною танцовать, но так как я не особенно люблю танцы, то в промежутках мы проболтаем». Пушкину понравилось, что посреди

---

[1]) Смирнова отмечает, что это происходило в конце 1828 г., после похорон императрицы Марии Федоровны (умерла 24 окт. 1828 г.). Но в то время Пушкина не было в Петербурге,—он туда приехал только 18 янв. 1829 г. Навряд ли описываемый случай мог произойти раньше 24 января, до миновения первого, наиболее строгого квартала годового траура, наложенного при дворе по случаю смерти императрицы-матери. (См. Об'явление верховного маршала графа Мусина-Пушкина-Брюса в прилож. к № 131 *Северной Пчелы* за 1828 г.) Навряд ли до этого срока возможны были танцы и белое платье Элизы.

[2]) Повидимому, память изменила старухе-Смирновой,—знакомство с Пушкиным произошло у нее раньше. Когда,—мы не можем определить. В. И. Шенрок, повидимому, со слов пресловутой Ольги Николаевны Смирновой (дочери Ал. Ос-ны), сообщает: «Пушкина Жуковский поспешил представить Александре Осиповне, когда он, освобожденный из своего заточения в Михайловском и уже побывавший в Москве, только что приехал в Петербург» («Материалы для биографии Гоголя», т. I. М. 1892. Стр. 310.) Фальсифицированные тою-же Ольгою Николаевною «Записки» ее матери, изданные «Северным Вестником», сообщают, что знакомство Смирновой с Пушкиным произошло на вечере у Карамзиных,—повидимому, осенью 1828 г. (ч. 1. 1895, стр. 17). Если-же они, действительно, познакомились на описываемом балу у Хитрово, то совершенно спутывается общепринятая хронология некоторых пушкинских стихотворений, как напр., «Ее глаза», «За Нетти сердцем я летаю».

высшего круга Смирнова хорошо и выразительно говорила по-русски. Тут началось их сближение.

А. О. СМИРНОВА по записи Бартенева. «*Ветвь*». *Сборник Клуба Московских Писателей*. Москва. 1917. Стр. 303.

Ее красота, столько раз воспетая поэтами,—не величавая и блестящая красота форм (она была очень невысокого роста), а южная красота тонких, правильных линий смуглого лица и черных, бодрых, проницательных глаз, вся оживленная блеском острой мысли, ее пытливый, свободный ум и искреннее влечение к интересам высшего строя,—искусства, поэзии, знания,—скоро создали ей при дворе и в свете исключительное положение. Дружба с Плетневым и Жуковским свела ее с Пушкиным, и скромная фрейлинская келия на четвертом этаже Зимнего Дворца сделалась местом постоянного сборища всех знаменитостей тогдашнего литературного мира. Она и пред лицом императора Николая, который очень ценил и любил ее беседу, являлась представительницею, а иногда и смелой защитницей лучших в ту пору стремлений русского общества и своих непридворных друзей.

И. С. АКСАКОВ. Некролог А. О. Смирновой. *Русь*, 1882, № 37, стр. 10.

В то время расцветала в Петербурге одна девица, и все мы, более или менее, были военнопленными красавицы. Кто-то из нас прозвал смуглую, южную, черноокую девицу Donna Sol, главною действующею личностью драмы В. Гюго «Эрнани». Жуковский прозвал ее *небесным дьяволенком*. Кто хвалил ее черные глаза, иногда улыбающиеся, иногда огнестрельные; кто—стройное и маленькое ушко, кто любовался ее красивою и своеобразною миловидностью. Несмотря на светскость свою, она любила русскую поэзию и обладала тонким и верным поэтическим чутьем. Она угадывала (более того, она верно понимала) и все высокое, и все смешное. Обыкновенно женщины худо понимают плоскости и пошлости; она понимала их и радовалась им, разумеется, когда они были не плоско-плоски и не пошло-пошлы. Вообще увлекала она всех живостью своею, чуткостью впечатлений, остроумием, нередко поэтическим настроением. Прибавьте к этому, в противоположность не лишенную прелести, какую-то южную ленивость, усталость. Вдруг она расшевелится или теплым сочувствием всему прекрасному, доброму, возвышенному, или ощетинится скептическим и язвительным отзывом на жизнь и людей. Она была смесь противоречий, но эти противоречия были, как музыкальное разнозвучие, которые, под рукою художника, сливаются в странное, но увлекательное созвучие.—Сведения ее были разнообразные, чтения поучительные и серьезные, впрочем, не в ущерб романам и га-

зетам. Даже богословские вопросы, богословские прения были для нее заманчивы... Прямо от беседы с Григорием Назианзином или Иоанном Златоустом влетала она в свой салон и говорила о делах парижских с старым дипломатом, о петербургских сплетнях, не без некоторого оттенка дозволенного и всегда остроумного злословия, с приятельницею, или обменивалась с одним из своих поклонников загадочными полусловами, т.-е., по английски flirtation.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. сочч.*, т. VIII, стр. 233.

А. О. Смирнова была небольшого роста, брюнетка, с непотухающей искрой остроумия в ее черных и добрых глазах. Высокое ее положение в свете и изящество манер не помешали многим находить, что наружностью она походила на красивую молодую цыганку.

Кн. А. В. МЕЩЕРСКИЙ. *Воспоминания.* М. 1901. Стр. 154.

Недоступная атмосфера целомудрия, скромности, это благоухание, окружающее прекрасную женщину, никогда ее не окружало, даже в цветущей молодости.

С. Т. АКСАКОВ—И. С. Аксакову, 3 дек. 1845 г. *И. С. Аксаков в его письмах.* Ч. I. М. 1888. Стр. 299.

Я не верю никаким клеветам на ее счет, но от нее иногда веет атмосферою разврата, посреди которого она жила. Она показывала мне свой портфель, где лежат письма, начиная от государя до всех почти известностей включительно. Есть такие письма, писаные к ней чуть ли не тогда, когда она была еще фрейлиной, которые она даже посовестилась читать вслух... Столько мерзостей и непристойностей. Много рассказывала про всех своих знакомых, про Петербург, об их образе жизни, и толковала про их гнусный разврат и подлую жизнь таким равнодушным тоном привычки, не возмущаясь этим.

И. С. АКСАКОВ—С. Т. Аксакову, из Калуги, 14 янв. 1847 г. *И. С. Аксаков в его письмах*, I, 410.

(В середине пятидесятых годов.) Я застал Смирнову далеко уже не первой молодости... Сухое, бледное лицо ее, черные строгие глаза и правильный тонкий профиль, может быть, и сохраняли еще слабые следы прежней молодой красоты, — но всеже, глядя на них, мне не верилось, чтобы она была так хороша, что обвораживала всех, кто случайно попадал в ту атмосферу, где цвела ее молодость. Мне казалась она больной, нервной, беспрестанно собирающейся умереть и чем-

то глубоко разочарованной, удрученной женщиной... Иногда при гостях она вдруг как бы оживала. Самым добродушным тоном говорила колкости, — она-же умела говорить, — но так, что сердиться на нее никто не мог, даже и те немногие, которые очень хорошо понимали, в чей огород она бросает камешки,—словом, бывали минуты, когда она была неузнаваема. Я не раз удивлялся ей, в особенности ее колоссальной памяти,— выучиться по-гречески ей ничего не стоило... Я уважал ее за ум, но, по правде сказать, не очень любил ее... Из-под маски простоты и демократизма просвечивался аристократизм самого утонченного и вонючего свойства, под видом кротости скрывался нравственный деспотизм, не терпящий свободомыслия, разумеется, только в тех случаях, когда эта свобода не облечена в ту блистательную, поэтическую дерзость, которая приятно озадачивает светских женщин, и о которой они сами любят всем рассказывать, как о чем-то оригинальном и приятном, великодушно прощать врагам своим. Несмотря на эти недостатки, я все готов был простить Смирновой за ее ум, правда, парадоксальный, но всетаки ум, и за ее колоссальную память. Чего она не знала? На каких языках не говорила? Теперь, когда я пишу эти строки, я не прощаю ей даже этого ума, от этого ума никому не тепло, ни холодно. Он хорош для гостиной, для разговоров с литераторами, с учеными; но для жизни он лишняя, бесполезная роскошь.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ (поэт; в 1855—1857 г.г. был учителем сына Смирновой) *Голос Минувшего*, 1917, № 11—12, стр. 143, 199.

Пушкин живет у Демута. Он помышляет о напечатании «Мазепы», но игра занимает его более, и один приезд твой может обратить его на путь истины.

С. Д. КИСЕЛЕВ—Н. М. Языкову (поэту), 29 февр. 1829 г. *Истор. Вест.*, 1883, XIV, 15. 8

В 1829 году, находясь в Петербурге, я, посредством Шевырева, от'езжавшего заграницу, познакомился с Пушкиным, жившим тогда в гостиннице Демута, № 33... Очень хорошо помню первое впечатление, сделанное Пушкиным. Тотчас можно было приметить в нем беспокойную, порывистую природу гения,—сына наших времен, который не находит в себе центра тяжести между противоположностями нашего внутреннего дуализма. Почти каждое движение его было страстное, от избытка жизненной силы его существа; *ею* он еще более пленял и увлекал, нежели своими сочинениями; личность его довершала очаровательность его музы, в особенности, когда, бывало, беседуешь с ним наедине в его кабинете. В обществе же, при обыкновенном

разговоре, он казался уже слишком порывистым и странным, даже бесхарактерным: он там будто страдал душою (12—13).

Пушкин всегда советовал не пренебрегать, при серьезном, продолжительном занятии драмою, и минутами лирического вдохновения.—«Помните,—сказал он мне однажды,—что только до 35 лет можно быть истинно-лирическим поэтом, а драмы можно писать до 70 лет и далее»! (12).

Однажды передаю Дельвигу критическое замечание, сделанное мне Пушкиным, когда я читал ему в рукописи одно из моих стихотворений. Дельвиг удивился.—«Неужели Пушкин сделал вам критическое замечание?»—«Что же тут мудреного? Кому же, как не ему, учить новобранца?»—«Поздравляю вас: это значит, что вы будете не в числе его обычных знакомств! Пушкин в этом отношении чрезвычайно осторожен и скрытен, всегда отделывается светскою вежливостью. Я вместе с ним воспитан—и только недавно начал он делать мне критические замечания: это вернейший признак приятельского расположения к автору». (16).

Бар. Е. Ф. РОЗЕН. Ссылка на мертвых. *Сын Отечества*. 1847. Кн. шестая, отд. 3-й.

В эту зиму Пушкин часто бывал по вечерам у Дельвига, где собирались два раза в неделю лицейские товарищи его: Лангер, князь Эристов, Яковлев, Комовский и Илличевский. Кроме этих, приходили на вечера Подолинский, Щастный, молодые поэты, которых выслушивал и благословлял Дельвиг, как патриарх. Иногда также являлся Мих. Ив. Глинка, гений музыки, добрый и любезный человек, как и свойственно гениальному существу. Тут кстати заметить, что Пушкин говорил часто: «злы только дураки и дети». Несмотря однако ж на это убеждение, и он бывал часто зол на словах, но всегда раскаивался. В поступках он всегда был добр и великодушен. На вечера к Дельвигу являлся и Мицкевич.

Пушкин в эту зиму бывал часто мрачным, рассеянным и апатичным. В минуты рассеянности он напевал какой-нибудь стих и раз был очень забавен, когда повторял беспрестанно стих барона Розена:

Неумолимая, ты не хотела жить,

передразнивая его и голос, и выговор.

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Л. Майков*, 253—255.

Однажды у Дельвига, проходя гостинную, я был остановлен словами Пушкина, подле которого сидел Шевырев: «Помогите нам состряпать эпиграмму». Но я спешил в соседнюю комнату. Возвратясь к Пушкину, я застал дело уже оконченным. Это была эпиграмма: «В Элизии Василий Тредьяковский». На-

сколько помог Шевырев, я, конечно, не знаю.—На этих же вечерах Дельвига мне неоднократно случалось слышать продолжительные и упорные прения Пушкина с Мицкевичем то на русском, то на французском языке. Первый говорил с жаром, часто остроумно, но с запинками, второй тихо, плавно и всегда очень логично.

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ. Воспоминания. *Русс. Арх.*, 1872, I, 859—860.

Через два месяца по приезде в Петербург, утомление и какая-то нравственная усталость нападают на Пушкина. Он начинает томиться жаждой физической деятельности, которая всегда являлась у него, как верный признак отсутствия деятельности духовной.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 208.

В бумагах Пушкина сохранился вид, данный ему от Спб. Почт-директора 4 марта 1829 г., на получение лошадей, по подорожной, без задержания, до Тифлиса и обратно.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 209.

(Пушкин выехал из Петербурга в Москву 9 марта 1829 года).

По словам Н. С Киселева, Пушкин питал к Екат. Ник. Ушаковой нежное чувство; но, уехав в Петербург в исходе 1827 года, он увлекся там другою красавицей—Анной Алексеевной Олениной. Есть известие, что он даже сватался за нее, но получил отказ. Затем, когда Пушкин возвратился в Москву (вероятно, уже в марте 1829 года), то «при первом посещении Пресненского дома, он узнал плоды своего непостоянства: Екатерина Николаевна помолвлена за князя Д—го.—«С чем же я остался»?—вскрикивает Пушкин.—«С оленьими рогами»,—отвечает ему невеста. Впрочем, этим не кончились отношения Пушкина к бывшему своему предмету. Собрав сведения о Д—ом, он упрашивает Н. В. Ушакова расстроить эту свадьбу. Доказательства о поведении жениха, вероятно, были слишком явны, потому что упрямство старика было побеждено, а Пушкин остался прежним другом дома».

Л. Н. МАЙКОВ. *«Пушкин»*, 364.

В альбоме Ел. Ник. Ушаковой есть рисунки, но не руки Пушкина, а другой, еще менее искусной, по крайней мере, менее твердой, и сопровождаются они надписями, которые сделаны почти все женским почерком, едва ли не Екат. Ник. Ушаковой. На одном из этих рисунков изображен пруд, на берегу которого стоит нарядная молодая особа и удит; на поверхности воды видно несколько мужских голов; вдали, на берегу, стоит

молодой человек в круглой шляпе, с тростью в руке. Против мужской фигуры написано: «Madame, il est temps de finir», а против женской:

Как поймаю рыбочку
Я себе на удочку,
То-то буду рада,
То-то позабавлюсь,
То-то разгуляюсь!

По об'яснению Н. С. Киселева, представленная здесь молодая особа есть Анна Алексеевна Оленина. В мужчине, стоящем на берегу, следует угадывать Пушкина, хотя изображение и не отличается сходством. Барышню с тем же профилем, какой мы видим на сейчас описанной картине, можно узнать и на другом рисунке: тут она протягивает руку молодому человеку, который ее почтительно целует. Здесь мужская фигура, с лицом, обрамленным бакенбардами, уже гораздо более напоминает портреты Пушкина. К этой картинке относится следующая подпись:

Прочь, прочь отойди!
Какой беспокойный!
Прочь, прочь! Отвяжись,
Руки недостойный!

Л. Н. МАЙКОВ. *Пушкин*, 337—374.

Между Ек. Ник. Ушаковой и Пушкиным завязывается тесная сердечная дружба, и наконец, после продолжительной переписки, Екатерина Ушакова соглашается выйти за него замуж. В это время в Москве жила известная гадальщица, у которой некогда был или бывал даже государь Александр Павлович. Пушкин не раз высказывал желание побывать у этой гадальщицы; но Е. Н. Ушакова постоянно отговаривала его. Однажды Пушкин пришел к Ушаковым и в разговоре сообщил, что он был у гадальщицы, которая предсказала ему, что он «умрет от своей жены». Хотя это сказано было как бы в шутку, как нелепое вранье гадальщицы, однако Е. Н. Ушакова взглянула на это предсказание заботливо и об'явила Пушкину, что, так как он не послушался ее и был у гадальщицы, то она сомневается в силе его любви к ней; а с другой стороны, предвещание хотя бы и несбыточное, всетаки заставило бы ее постоянно думать и опасаться за себя и за жизнь человека, которого она безгранично полюбит, если сделается его женою; поэтому она и решается отказать ему для него же самого. Дело разошлось... Когда Екатерина Николаевна умирала, то приказала дочери подать шкатулку с письмами Пушкина и сожгла их. Несмотря на просьбы дочери, она никак не желала оставить их, говоря: «мы любили друг друга горячо, это была наша сердечная тайна: пусть она и умрет с нами».

П. И. БАРТЕНЕВ. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1912, III, 300.

Давно к нам просится поэт Пушкин в дом; я болезнию отговаривался, теперь он напал на Вигеля, чтобы непременно его к нам ввести. Я видал его всегда очень maussade *(угрюмый, скучный)* у Вяземского, где он, как дома, а вчера был очень любезен, ужинал и пробыл до 2 час.—Восхищался детьми и пением Кати *(дочь Булгакова)*, которая пела ему два его стихотворения, положенные на музыку Геништою и Титовым. Он едет в армию Паскевича узнать ужасы войны, послужить волонтером, может быть, и воспеть это все.—Ах, не ездите!—сказала ему Катя:—там убили Грибоедова.—«Будьте покойны, сударыня: неужели в одном году убьют двух Александров Сергеевичев? Будет и одного»! Но Лелька *(другая дочь Булгакова)* ему сделала комплимент хоть куда. «Байрон поехал в Грецию и там умер; не ездите в Персию, довольно вам и одного сходства с Байроном». Какова Курноска! Пушкина поразило это рассуждение. Ему очень понравилось, что дети, да и мы вообще все, говорили более по-русски, т.-е. как всегда. Наташа *(жена Булгакова)* все твердила ему, чтобы избрал большой, исторический, отечественный сюжет и написал бы что-нибудь достойное его пера; но Пушкин уверял, что никогда не напишет эпической поэмы.

А. Я. БУЛГАКОВ.—К. Я. Булгакову, из Москвы, 21 марта 1829 г. *Рус. Арх.*, 1901, III, 298.

В какой-то элегии находятся следующие два стиха, с которыми поэт обращается к своей возлюбленной:

Все неприятности по службе
С тобой, мой друг, я забывал.

Пушкин, отыскавши эту элегию, говорил, что изо всей русской поэзии эти два стиха самые чисто-русские и самые глубоко и верно прочувствованные.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. сочч.*, VIII, 82.

Не уступавший никому, Пушкин, за малейшую против него неосторожность, готов был отплатить эпиграммой или вызовом на дуэль. В самой наружности его было много особенного: он то отпускал кудри до плеч, то держал в беспорядке свою курчавую голову; носил бакенбарды большие и всклокоченные; одевался небрежно; ходил скоро, повертывая тросточкой или хлыстиком, насвистывая или напевая песню. В свое время многие подражали ему, и эти люди назывались à la Пушкин... Он был первым поэтом своего времени и первым шалуном.

Молодость Пушкина продолжалась во всю его жизнь, и в тридцать лет он казался хоть менее мальчиком, чем был прежде, но всетаки мальчиком, лицейским воспитанником. Между про-

чим, в нем оставалась студенческая привычка—не выставлять ни знаний, ни трудов своих. От этого многие в нем обманывались и считали его талантом природы, не купленным ни размышлением, ни ученостью, и не ожидали от него ничего великого. Но в тишине кабинета своего он работал более, нежели думали другие... В обществах на него смотрели, как на человека, который ни о чем не думал и ничего не замечал; в самом деле, он постоянно терялся в мелочах товарищеской беседы и равно был готов вести бездельный разговор с умным и глупцом, с людьми почтенными и самыми пошлыми; но он все видел, глубоко понимал вещи, замечал каждую черту характеров и видел насквозь людей. Чего другие достигали долгим учением и упорным трудом, то он светлым умом своим схватывал налету. Не показываясь важным и глубокомысленным, слывя ленивым и праздным, он собирал опыты жизни и в уме своем скопил неистощимые запасы человеческого сердца.

Ветреность была главным, основным свойством характера Пушкина. Он имел от природы душу благородную, любящую и добрую. Ветреность препятствовала ему сделаться человеком нравственным, и от той же ветрености пороки не глубоко пускали корни свои в его сердце.

(М. М. ПОПОВ). «А. С. Пушкин». *Рус. Стар.*, 1874, № 8, стр. 684—685.

Господин поэт столь же опасен для государства, как неочиненное перо. Ни он не затеет ничего в своей ветреной голове, ни его не возьмет никто в свои затеи. Это верно! Предоставьте ему слоняться по свету, искать девиц, поэтических вдохновений и игры. Можно сильно утверждать, что это путешествие *(на Кавказ)* устроено игроками, у коих он в тисках. Ему верно обещают золотые горы на Кавказе, а когда увидят деньги или поэму, то выиграют—и конец. Пушкин пробудет, как уверяют его здешние друзья, несколько времени в Москве, и как он из тех людей, у которых семь пятниц на неделе, то, может быть, или вовсе останется в Москве, или прикатит сюда *(в Петербург)* назад.

А. Н. МОРДВИНОВ(?)—гр. А. Х. Бенкендорфу, 21 марта 1829 г. *Сочч. Пушкина, ред. Ефремова*, 1903, т. VII, стр. 347 *(русс.-фр.)*.

Поездка Пушкина на Кавказ и в Малую Азию могла быть устроена, действительно, игроками. Они, по связям в штабе Паскевича, могли выхлопотать ему разрешение отправиться в действующую армию, угощать его живыми стерлядями и замороженным шампанским, проиграв ему безрасчетно деньги на его путевые издержки. Устройство поездки могло быть придумано игроками в простом расчете, что они на Кавказе и

Закавказьи встретят скучающих богатых людей, которые с игроками не сели бы играть и которые охотно будут целыми днями играть с Пушкиным, а с ним вместе и со встречными и поперечными его спутниками. Рассказ без подробностей, без комментариев, есть тяжелое согрешение против памяти Пушкина. В голом намеке слышится как-будто заподозревание сообщничества Пушкина в игрецком плане. Пушкин до кончины своей был ребенком в игре, и в последние дни жизни проигрывал даже таким людям, которых кроме него обыгрывали все.

Кн. ПАВ. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. сочч.*, 515.

В полицейском списке московских картежных игроков за 1829 год в числе 93 нумеров значится: «1. Граф Федор Толстой—тонкий игрок и планист.—22. Нащокин—отставной гвардии офицер. Игрок и буян. Всеизвестный по делам, об нем производившимся.—36. Пушкин—известный в Москве банкомет».

П. А. ЕФРЕМОВ. *Соч. Пушкина*, изд. 1903. Т. VII, 677.

В числе коротко знакомых, не коренных москвичей, а заезжих, бывали у нас Сергей Львович Пушкин и сын его Александр Сергеевич. Внешность первого не допускала и мысли о присутствии в жилах его даже капли африканской, «ганнибаловской» крови, которою так гордился знаменитый сын его; это был человек небольшого роста, с проворными движениями, с носиком вроде клюва попугая. Он постоянно петушился, считал себя, неизвестно почему, аристократом, хвастал своим сыном (всегда в отсутствии последнего), которого *не любил*. Когда, бывало, батюшка столкнется у нас с сынком, у них непременно начнутся пререкания, споры, даже ссоры, если Сергей Львович вздумает сделать сыну какое-нибудь замечание о необходимости поддержания родственных связей и связей света. Ссоры эти заходили иногда так далеко, что отец мой находил нужным останавливать ссорившихся и, пользуясь почтенными своими годами, давал крепкую нотацию отцу и сыну, говоря первому, что он не кстати чопорен, а второму, что «порядочному человеку, хотя бы и даже гению стихотворства, следует всегда уважать своего отца».

Я должен сознаться, что великий наш поэт оставил во мне, как ребенке, самое неприятное впечатление: бывало, приедет к нам и тотчас отправится в столовую, где я с братом занимался рисованием глаз и носов или складыванием вырезных географических карт: Пушкин, первым делом, находил нужным испортить нам наши рисунки, нарисовав очки на глазах, нами нарисованных, а под носами черные пятна, говоря, что теперь у всех насморк, а потому без этих «капель» (черных пятен)

носы не будут натуральны. Если мы занимались складными картами, Александр Сергеевич непременно переломает, бывало, кусочки и в заключение ущипнет меня или брата довольно больно, что заставляло нас кричать. За нас обыкновенно заступалась «девица из дворян» Ольга Алексеевна Борисова, заведывавшая в доме чайным хозяйством и необыкновенно хорошо приготовлявшая ягодные наливки. Она говорила Пушкину, что так поступать с детьми нельзя, и что пожалуется на него «господам».

Тут Пушкин принимался льстить Ольге Алексеевне, целовал у нее ручку, превозносил искусство ее приготовлять наливки чуть не до небес, и дело кончалось тем, что старуха смягчалась, прощала «шалопуту», как она его называла, и, обратив гнев на милость, угощала Пушкина смородиновкой, которую он очень любил.

Ни один приезд к нам Александра Сергеевича не проходил без какой-нибудь с его стороны злой шалости [1]).

И. А. АРСЕНЬЕВ. Слово живое о неживых. (Из моих воспоминаний). *Истор. Вестник*, 1887, янв., 78.

В прошедшем году я встретился в театре с одним из первоклассных наших поэтов и узнал из его разговоров, что он намерен отправиться в «Грузию.—«О, боже мой,—сказал я горестно,—не говорите мне о поездке в Грузию. Этот край может назваться врагом нашей литературы. Он лишил нас Грибоедова»!—«Так что же?—ответил поэт.—Ведь Грибоедов сделал свое. Он уже написал «Горе от ума».

В. У. (В. А. УШАКОВ). *Моск. Телеграф*, 1830, № 12, стр. 515.

Бенкендорф и его помощник фон-Фок ошибочно стали смотреть на Пушкина не как на ветреного мальчика, а как на опасного вольнодумца, постоянно следили за ним и приходили в тревожное положение от каждого его действия, выходившего из общей колеи. Не восхищавшиеся ничем в литературе и не считавшие поэзию делом важным, они передавали царскую волю Пушкину всегда пополам со строгостью, хотя в самых вежливых выражениях. Они как бы беспрестанно ожидали, что вольнодумец или предпримет какой-либо вредный замысел, или сделается коноводом возмутителей. Между тем Пушкин беспрестанно впадал в проступки, выслушивал замечания, приносил извинения и опять проступался. Он был в полном смысле

[1]) Точная датировка рассказа представляет трудности. Нам неизвестно время, когда бы взрослый Пушкин проживал в Москве одновременно со своим отцом. Автор воспоминаний родился в 1820 г., описываемое могло происходить приблизительно между 1826 и 1832 г.г.

дитя и, как дитя, никого не боялся. Зато люди, которые должны бы быть прозорливыми, его боялись. Отсюда начался ряд, с одной стороны, напоминаний, выговоров, а с другой—извинений, обещаний и вечных проступков.

(М. М. ПОПОВ, чиновник III Отделения). *Рус. Стар.*, 1874, т. 10, стр. 694.

С неделю тому назад завтракал я с Пушкиным, Мицкевичем и другими у Мих. Петровича *(Погодина)*. Первый держал себя ужасно гадко, отвратительно; второй—прекрасно. Посудите, каковы были разговоры, что *второй* два раза принужден был сказать: «г.г., порядочные люди и наедине и сами с собою не говорят о таких вещах!»

С. Т. АКСАКОВ—С. П. Шевыреву, 26 марта 1829 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1878, II, 50.

27 марта 1829 г. Завтрак у меня: представители русской общественности и просвещения: Пушкин, Мицкевич, Хомяков, Щепкин, Венелин, Аксаков, Верстовский, Веневитинов.—Разговор от *(не разборчиво)* до Евангелия, без всякой последовательности, как и обыкновенно.—Ничего не удержал, потому что не было ничего для меня нового, а надо бы помнить все Пушкинское. Верстовскому и Аксакову не понравилось.—Нечего было сказать о разговоре Пушкина и Мицкевича кроме: предрассудок холоден, а вера горяча.

М. ПОГОДИН. Дневник. *Пушкин и его с-ки*, XIX—XX, 94.

У меня обедали: Пушкин, Мицкевич, Аксаков, Верстовский etc. Разговор был занимателен от... до Евангелия. Но много было сального, которое не понравилось.

М. П. ПОГОДИН—С. П. Шевыреву, 28 апр. 1829 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1882, III, 81.

Пушкин увлекал, изумлял слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума своего, был одарен необыкновенною памятью, суждением верным, вкусом утонченным и превосходным. Когда говорил он о политике внешней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человека заматеревшего в государственных делах и пропитанного ежедневным чтением парламентарных прений. Я довольно близко и довольно долго знал русского поэта; находил я в нем характер слишком впечатлительный, а иногда легкомысленный, но всегда искренний, благородный и способный к сердечным излияниям. Погрешно-

ети его казались плодами обстоятельств, среди которых он жил: все, что было в нем хорошего, вытекало из сердца. В этой эпохе он прошел только часть того поприща, на которое был призван: ему было тридцать лет. Те, которые знали его в это время, замечали в нем значительную перемену. Вместо того, чтобы с жадностью пожирать романы и заграничные журналы, которые некогда занимали его исключительно, он ныне более любил вслушиваться в разсказы народных былин и песней и углубляться в изучение отечественной истории. Казалось, он окончательно покидал чуждые области и пускал корни в родную почву. Одновременно разговор его, в котором часто прорывались задатки будущих творений его, становился обдуманнее и степеннее. Он любил обращать рассуждения на высокие вопросы религиозные и общественные, о существовании коих соотечественники его, казалось, и понятия не имели. Очевидно, поддавался он внутреннему преобразованию.

АДАМ МИЦКЕВИЧ. Биографическое и литературное известие о Пушкине. Le Globe, 25 мая 1837 г. Перевод кн. П. А. Вяземского. *Сочч.*, т. VII, 315.

Когда П. В. Нащокин был еще холост, Пушкин, проездом через Москву, остановившись у него, слушал, как какой-то господин, живший в мезонине против квартиры Нащокина, целый день пиликал на скрипке одно и то же. Это надоело поэту и он послал лакея сказать незнакомому музыканту:—«Нельзя ли сыграть второе колено?» Конечно, тот вломился в амбицию [1]).

В. А. НАЩОКИНА. Воспоминания. *Нов. Время*, 1898, № 8122, илл. прилож.

Пушкин, после бурных годов своей молодости, был страстно влюблен в московскую красавицу Гончарову, которая действительно могла служить идеалом греческой правильной красоты.

А. Н. МУРАВЬЕВ. *Знакомство с русскими поэтами.* Киев. 1871. Стр. 10.

Пушкин, влюбившись в Гончарову, просил Американца графа Толстого, старинного знакомого Гончаровых, чтоб он с'ездил к ним и испросил позволения привезти Пушкина. На первых порах Пушкин был очень застенчив, тем более, что вся семья обращала на него большое внимание. Пушкину позволили ездить. Он беспрестанно бывал. А. П. Малиновская (супруга известного археолога) по его просьбе уговаривала в его

[1]) У холостого Нащокина Пушкин останавливался в Москве в марте—апреле 1829 г. и в декабре 1831 г. Навряд ли в декабре, при закрытых окнах, Пушкин мог слышать музыканта из противоположной квартиры.

пользу; но с Натальей Ивановной (матерью) у них бывали частые размолвки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявлениях благочестия и об императоре Александре Павловиче, а у Натальи Ивановны была особая молельня со множеством образов, и про покойного государя она выражалась не иначе, как с благоговением. Пушкину напрямик не отказали, но отозвались, что надо подождать и посмотреть, что дочь еще слишком молода и пр.

С. Н. ГОНЧАРОВ (брат буд. жены Пушкина) по записи Бартенева. *Рус Арх.*, 1881, II, 497.

Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее только что начинали замечать в обществе. Я ее полюбил, голова у меня закружилась; я просил ее руки. Ответ ваш, при всей его неопределенности, едва не свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию. Спросите,—зачем? Клянусь, сам не умею сказать; но тоска непроизвольная гнала меня из Москвы: я бы не мог в ней вынести присутствия вашего и ее.

ПУШКИН—Нат. Ив. Гончаровой (матери будущей его жены), в перв. полов. апреля 1830 г. *(фр.)*.

На коленях, проливая слезы благодарности,—вот как должен бы я писать вам теперь, когда граф Толстой привез мне ваш ответ: этот ответ—не отказ, вы мне позволяете надеяться. Тем не менее, если я еще ропщу, если грусть и горечь примешиваются к чувству счастия,—не обвиняйте меня в неблагодарности. Простите нетерпение сердца больного и пьяного от счастия. Я еду сейчас, я увожу в глубине души образ небесного существа, обязанного вам своим существованием.

ПУШКИН—Нат. Ив. Гончаровой, 1 мая 1829 г. *(фр.)*.

IX

ОТ ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗЕРУМ ДО ЖЕНИТЬБЫ

(май 1829—февраль 1831 г.)

Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом двести верст лишних, за то увидел Ермолова.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. I.

(Начало мая 1829 г.). Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе сообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения.

Генерал А. П. ЕРМОЛОВ—Денису Вас. Давыдову. *Старина и Новизна*, XXII, стр. 38.

Мне предстоял путь через Курск и Харьков: но я своротил на прямую Тифлисскую дорогу. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи Одесской. Мне случалось в целые сутки проехать не более пятидесяти верст. Наконец, увидел я Воронежские степи, свободно покатился по зеленой равнине и благополучно прибыл в Новочеркасск, где нашел гр. Вл. Пушкина, тоже едущего в Тифлис. Я сердечно ему обрадовался, и мы согласились путешествовать вместе. Он едет в огромной бричке. Это род укрепленного местечка; мы ее прозвали *Отрадною*. В северной ее части хранятся вина и с'естные припасы; в южной—книги, мундиры, шляпы, etc. etc. С западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станции выгружается часть северных запасов, и таким образом мы проводим время как нельзя лучше.

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет... Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их

пасутся уродливые, косматые козы. На-днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать; котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. Как тебя зовут?—***.—Сколько тебе лет?—Десять и восемь.—Что ты шьешь?—Портка.—Кому?—Себя. (*В черновике:*—Поцелуй меня.—Неможна, стыдно.—Голос ее был чрезвычайно приятен). Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины; я был и тому рад. (*В черновике*: после сего подвига я думал, что имею право на некоторое вознаграждение, но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по голове). Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной цирцеи.

С Екатериноград начинается военная Грузинская дорога; почтовый тракт прекращается. Нанимают лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачий и пехотный и одна пушка. Почта отправляется два раза в неделю, и проезжие к ней присоединяются: это называется *оказией*.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. III.

* В Екатериноградской станице встретил я Пушкина... Все начало принимать воинственный вид, в ожидании скорого отправления. Пушкин из первых оделся в черкесский костюм, вооружился шашкой, кинжалом, пистолетом; подражая ему, многие из мирных людей накупили у казаков кавказских нарядов и оружия. Наконец, наступило раннее утро, и, под звуки барабана, все зашевелилось, и колонна выступила длинною вереницей; чтоб пехоту не утомлять, двигались очень медленно; но все-таки без привалов дело не обходилось. Палящее солнце днем, тихая езда, все это очень нам надоедало. Пушкин затевал скачки, другие, тоже подражая ему, далеко удалялись за цепь, но всегда были возвращаемы обратно командовавшим транспортом офицером, предупреждавшим об опасности быть захваченным или подстреленным хищниками. Тогда Пушкин, под'езжая к офицеру, брал под козырек и произносил: «слушаем, отец командир!» Переходы в длинные летние дни верст 20 и более тоже надоедали; в каждом укреплении располагались на ночлег. На ночлегах начиналось чаепитие, ужины, веселые разговоры, песни, иногда продолжавшиеся до рассвета. Пушкин очень любил расписывать двери и стены мелом и углем в отводившихся для ночлега казенных домиках. Его рисунки и стихи очень

забавляли публику,—но вместе с тем возбуждали неудовольствие и ворчание старых инвалидов-сторожей, которые немедленно стирали все тряпкой; когда же их останавливали, говоря: «братцы, не троньте, ведь это писал Пушкин»,—то раз один из старых ветеранов ответил: «Пушкин или Кукушкин—все равно, но зачем же казенные стены пачкать, комендант за это с нашего брата строго взыскивает». А. С—ч, подойдя к старику-инвалиду, просил не сердиться, потрепал его по плечу и дал на водку серебряную монету.

Н. Б. ПОТОКСКИЙ. *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 577.

(Между Владикавказом и Тифлисом). Скоро притупляются впечатления. Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания. Нетерпение доехать до Тифлиса исключительно овладело мною. Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага. Правда то, что дождливая и туманная погода мешала мне видеть его снеговую груду, по выражению поэта, *подпирающую небосклон.*

ПУШКИН: *Путешествие в Арзрум*, гл. I.

* Около заката солнца прибыли в Коби. В ожидании чая и ужина, наше общество разбрелось по окрестностям поста любоваться окружавшими его скалами. В двух верстах находится довольно большой аул. Пушкину пришла мысль осмотреть его; нас человек 20 отправилось в путь. Ал. С—ч набросил на плечи плащ и на голову надел красную турецкую фесс, захватив по дороге толстую, суковатую палку, и, так выступая впереди публики, открыл шествие. У самого аула толпа мальчишек встретила нас и робко начала отступать, но тут появилось множество горцев, взрослых мужчин и женщин с малютками на руках. Началось осматривание внутренностей саклей, которые охотно отворялись, но, конечно, ничего не было в них привлекательного; разумеется, при этом дарились мелкие серебряные деньги, принимаемые с видимым удовольствием; наконец, мы обошли весь аул и, собравшись вместе, располагали вернуться на пост к чаю. Густая толпа все-таки нас не оставляла. Осетины, обыватели аула, расспрашивали нашего переводчика о *красном человеке;* тот отвечал им, что это «большой господин». Ал. С—ч вышел вперед и приказал переводчику сказать им, что «красный—не человек, а шайтан (чорт); что его поймали еще маленьким в горах русские; между ними он привык, вырос и теперь живет подобно им». И когда тот передал им все это, толпа начала понемногу отступать, видимо, испуганная; в это время Ал. С—ч поднял руки вверх, состроил сатирическую гримасу и бросился в толпу. Поднялся страшный шум, визг, писк детей,—горцы

бросились врассыпную, но, отбежав, начали издали бросать в нас камнями, а потом и приближаться все ближе, так что камни засвистели над нашими головами. Эта шутка Ал. С—ча могла кончиться для нас очень печально, если бы постовый начальник не поспешил к нам с казаками; к счастию, он увидал густую толпу горцев, окружившую нас с шумом и гамом, и подумал о чем-то недобром. Известно, на сколько суеверный, дикий горец верит в существование злых духов в Кавказских горах. И так, мы отретировались благополучно.

Н. Б. ПОТОКСКИЙ. Воспоминания. *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 579.

(В Грузии). В Пайсанауре остановился я для перемены лошадей... Я пошел пешком, не дождавшись лошадей... Я дошел до Ананура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мне сказали, что до города Душета оставалось не более как десять верст, и я опять отправился пешком. Но я не знал, что дорога шла в гору. Наступал вечер; я шел вперед, подымаясь все выше. и выше. Местами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мне до колена. Я совершенно утомился. Темнота увеличивалась... Наконец, увидел я огни, и около полуночи очутился у домов, осененных деревьями. Первый встречный вызвался провести меня к городничему и требовал за то с меня *абаз*. Появление мое у городничего, старого офицера из грузин, произвело большое действие. Я требовал во первых комнаты, где бы мог раздеться, во-вторых стакана вина, в третьих абаза для моего провожатого. Городничий не знал, как меня принять, и посматривал на меня с недоумением. Видя, что он не торопится исполнить мои просьбы, я стал перед ним раздеваться, прося извинения de la liberté grande. К счастию, нашел я в кармане подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественник, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартия возымела тотчас свое действие: комната была мне отведена, стакан вина принесен, и абаз выдан моему проводнику, с отеческим выговором за его корыстолюбие, оскорбительное для грузинского гостеприимства. Я бросился на диван, надеясь после моего подвига заснуть богатырским сном: не тут-то было! Блохи напали на меня и во всю ночь не дали мне покою. По утру явился ко мне мой человек и об'явил, что граф Пушкин благополучно переправился на волах через снеговые горы и прибыл в Душет. Нужно было мне торопиться! Граф Пушкин и Шернваль посетили меня и предложили опять отправиться вместе в дорогу. Я оставил Душет с приятною мыслью, что ночую в Тифлисе.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. I.

(Пушкин приехал в Тифлис 27 мая, пробыл в нем около двух недель, до 10 июня). Ежедневно производил он странности и

шалости, ни на кого и ни на что не обращая внимания. Всего больше любил он армянский базар,—торговую улицу, узенькую, грязную и шумную... Отсюда шли о Пушкине самые поражающие вещи, там видели его, как он шел, обнявшись с татарином, в другом месте он переносил в открытую целую стопку чурехов. На Эриванскую площадь выходил в шинели, накинутой прямо на ночное белье, покупая груши, и тут же, в открытую и не стесняясь никем, поедал их... Перебегает с места на место, минуты не посидит на одном, смешит и смеется, якшается на базарах с грязным рабочим муштаидом и только что не прыгает в чехарду с уличными мальчишками. Пушкин в то время пробыл в Тифлисе, в общей сложности дней, всего лишь одну неделю, а заставил говорить о себе и покачивать многодумно головами не один год потом [1]).

Кн. Е. О. ПАЛАВАНДОВ по записи С. В. Максимова. *С. Максимов. Год на севере.* 4 изд. М. 1890. Стр. 408—409.

Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня обедать; по несчастию, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских

---

[1]) Для характеристики легенд, творившихся о Пушкине, приводим еще отрывок из этих же воспоминаний. «Наша грузинская аристократия приготовила в Тифлисе роскошный пир в честь нового наместника, графа Паскевича. За почетным обедом, между прочим, для парада прислуживали сыновья самых родовитых фамилий в качестве пажей. Так как и я числился в таких же, то также присутствовал тут. Я был поражен и не могу забыть испытанного изумления: резко бросилось мне в глаза на этом обеде лицо одного молодого человека. Он показался мне с растрепанной головой, непричесанным, долгоносым. Он был во фраке и белом жилете. Последний был испачкан так, что мне казалось, что он нюхал табак (кн. Палавандов особенно настаивал на этом предположении). Он за стол не садился, закусывал на ходу. То подойдет к графу, то обратится к графине, скажет им что-нибудь на-ухо, те рассмеются, а графиня просто прыскала от смеха. Эти штуки составляли потом предмет толков и разговоров во всех аристократических кружках: откуда взялся он, в каком звании состоит и кто он такой, смелый, веселый, безбоязненный? Все это казалось тем более поразительным и загадочным, что даже генерал-ад'ютанты, состоявшие при кавказской армии, выбирали время и добрый час, чтобы ходить к главнокомандующему с докладами, и опрашивали ад'ютантов, в каком духе на этот раз находится Паскевич. А тут—помилуйте!—какой-то господин безнаказанно заигрывает с этим зверем и даже смешит его. Когда узнали, что он русский поэт, начали смотреть на него, по нашему обычаю, с большею снисходительностью. Готовы были отдать ему должное почтение, как отмеченному божьим перстом, если бы только могли примириться с теми странностями и шалостями, какие ежедневно производил он... Не вяжется представление, не к таким видам привыкли. Наши поэты степеннее и важнее самих ученых» *(там же)*.—Пушкин приехал в Тифлис 27 мая. Между тем уже 19 мая Паскевич со штабом прибыл из Тифлиса на фронт, оставив в Тифлисе вновь назначенного военным губернатором Грузии ген.-ад'ютанта Стрекалова *(Кн. Щербатов. Генерал-фельдмаршал кн. Паскевич.* Том III. Спб. 1891. Стр. 177). И за все время пребывания Пушкина в Закавказьи Паскевич оставался на фронте и не приезжал в Тифлис.

эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Чорт побери тифлисского гастронома!

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. II.

Я с нетерпением ожидал разрешения моей участи (*разрешения приехать на фронт*). Наконец получил я записку от Раевского (*Ник. Ник—ча младшего, старинного приятеля Пушкина, в то время командовавшего Нижегородским драгунским полком*). Он писал мне, чтобы я спешил к Карсу, потому что через несколько дней войско должно было идти дальше. Я выехал на другой же день (*10-го июня*)... (*Действующие войска уже выступили из Карса и стояли за 25 верст от него*). Я вз'ехал на отлогое возвышение и вдруг увидел наш лагерь, расположенный на берегу Карс-чая; через несколько минут я был уже в палатке Раевского. Я приехал во время. В тот же день (13 июня) войско получило повеление идти вперед.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. II—III.

Я жил (*в одной палатке*) с братом Пушкина Львом, бок-о-бок с нашим двадцатисемилетним генералом (*Н. Н. Раевским*), при котором мы оба были ад'ютантами, но не в ад'ютантских, а дружеских отношениях. Я лежал в пароксизме лихорадки, бившей меня по-азиятски; вдруг я слышу, что кто-то подошел к палатке и спрашивает: дома ли? На этот вопрос Василий, слуга Льва Пушкина, отвечает, открывая палатку: «Пожалуйте, Александр Сергеевич!». При этом имени я понял, что Пушкин, которого мы ждали, приехал. Когда он вошел, я приподнялся на кровати и стал, со стуком зубов, выражать сожаление, что лихорадка мешает мне принять его, как бы я желал, в отсутствие его брата. Пушкин пустился, с своей стороны, в извинения и, по выходе, стал выговаривать Василию, что он впустил его, ничего не сказавши о больном. После пароксизма я отправился к Раевскому, где и познакомился с поэтом.

Как теперь вижу его, живого, простого в обращении, хохотуна, очень подвижного, даже вертлявого, с великолепными, большими, чистыми и ясными глазами, в которых, казалось, отражалось все прекрасное в природе, с белыми, блестящими зубами, о которых он очень заботился, как Байрон. Он вовсе не был смугл, ни черноволос, как уверяют некоторые, а был вполне белокож и с вьющимися волосами, каштанового цвета. В детстве он был совсем белокур, каким и остался брат его Лев. В его облике было что-то родное африканскому типу; но не было того, что оправдывало бы его стих о самом себе: «Потомок негров *безобразный*». Напротив того, черты лица у него были приятные, и общее выражение очень симпатичное. Его портрет,

работы Кипренского, похож безукоризненно. В одежде и во всей его наружности была заметна светская заботливость о себе.

М. В. ЮЗЕФОВИЧ. Воспоминания о Пушкине. *Рус. Арх.*, 1880, III, 434.

В пятом часу войско выступило. Я ехал с Нижегородским драгунским полком, разговаривая с Раевским, с которым уже несколько лет не видался. Настала ночь. Мы остановились в долине, где все войско имело привал. Здесь имел я честь быть представлен графу Паскевичу. Я нашел графа дома, перед бивачным огнем, окруженного своим штабом. Он был весел и принял меня ласково. Здесь увидел я нашего Вальховского *(начальник штаба Паскевича, лицейский товарищ Пушкина)*, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел однако время побеседовать со мною, как старый товарищ. Здесь увидел я и Михаила Пущина, раненого в прошлом году *(разжалованный декабрист, брат Ивана Пущина, лицейского товарища Пушкина)*. Многие из старых моих приятелей окружили меня. Я воротился к Раевскому и ночевал в его палатке. На заре войско двинулось. Мы благополучно прошли опасное ущелие и стали на высотах Саган-лу в десяти верстах от неприятельского лагеря. Только успели мы отдохнуть и отобедать, как услышали ружейные выстрелы. Раевский послал осведомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрелку на передовых наших пикетах. Я поехал с Семичевым посмотреть новую для меня картину.

ПУШКИН. Путешествие в Арзрум, гл. III.

Однажды, возвращаясь из раз'езда, я сошел с лошади прямо в палатку Николая Раевского, чтобы первого его порадовать скорою неминуемою встречею с неприятелем, которой все в отряде с нетерпением ожидали. Не могу описать моего удивления и радости, когда тут А. С. Пушкин бросился меня целовать, и первый его вопрос был: «Ну, скажи, Пущин: где турки, и увижу ли я их; я говорю о тех турках, которые бросаются с криком и оружием в руках. Дай, пожалуйста, мне видеть то, за чем сюда с такими препятствиями приехал!».— «Могу тебя порадовать: турки не замедлят представиться тебе на смотр; полагаю даже, что они сегодня вызовут нас из нашего бездействия». Живые разговоры с Пушкиным, Раевским и Сакеном (начальником штаба, вошедшим в палатку, когда узнал, что я возвратился), за стаканами чая, приготовили нас встретить турок грудью. Пушкин радовался, как ребенок, тому ощущению, которое его ожидает. Я просил его не отделяться от меня при встрече с неприятелем, обещал ему быть там, где более опасности, между тем как не желал бы его видеть ни раненым, ни убитым. Раевский не хотел его отпускать от себя, а сам на этот

раз, по своему высокому положению, хотел держать себя как можно дальше от выстрела турецкого, особенно же от их сабли или курдинской пики,—Пушкину же мое предложение более улыбалось. В это время вошел Семичев (майор Нижегородского драгунского полка, сосланный на Кавказ из Ахтырского гусарского полка) и предложил Пушкину находиться при нем, когда он выедет вперед с фланкерами полка.

Еще мы не кончили обеда у Раевского с Пушкиным, его братом Львом и Семичевым, как пришли сказать, что неприятель показался у аванпостов. Все мы бросились к лошадям, с утра оседланным... Не успел я выехать, как уже попал в схватку казаков с наездниками турецкими, и тут же встречаю Семичева, который спрашивает меня: не видал ли я Пушкина? Вместе с ним мы поскакали его искать и нашли отделившегося от фланкирующих драгун и скачущего, с саблею на-голо, против турок, на него летящих. Приближение наше, а за нами улан с Юзефовичем, скакавшим нас выручать, заставило турок в этом пункте удалиться,—и Пушкину не удалось попробовать своей сабли над турецкою башкою, и он, хотя с неудовольствием, но нас более не покидал, тем более, что нападение турок со всех сторон было отражено, и кавалерия наша, преследовав их до самого укрепленного их лагеря, возвратилась на прежнюю позицию до наступления ночи.

М. И. ПУЩИН. Встреча с Пушкиным за Кавказом. *Л. Майков,* 387—389.

Перестрелка 14 июня 1829 г. замечательна потому, что в ней участвовал славный поэт наш А. С. Пушкин... Когда войска, совершив трудный переход, отдыхали в долине Инжа-Су, неприятель внезапно атаковал передовую цепь нашу. Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва не настигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков, в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устремился противу неприятельских всадников. Можно поверить, что Донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев перед собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке. Это был первый и последний военный дебют любимца Муз на Кавказе.

Н. И. УШАКОВ. *История военных действий в Азиятской Турции в 1828 и 1829 гг.* Часть вторая. Варшава. 1843. Стр. 303.

С Раевским Пушкин занимал палатку в лагере его полка, от него не отставал и при битвах с неприятелем. Так было между

прочим в большом Саганлугском деле. Мы, пионеры, оставались в прикрытии штаба и занимали высоту, с которой, не сходя с коня, Паскевич наблюдал за ходом сражения. Когда главная масса турок была опрокинута, и Раевский с кавалерией стал их преследовать, мы завидели скачущего к нам во весь опор всадника: это был Пушкин, в кургузом пиджаке и маленьком цилиндре на голове. Осадив лошадь в двух-трех шагах от Паскевича, он снял свою шляпу, передал ему несколько слов Раевского и, получив ответ, опять понесся к нему же, Раевскому. Во время пребывания в отряде, Пушкин держал себя серьезно, избегал новых встреч и сходился только с прежними своими знакомыми, при посторонних же всегда был молчалив и казался задумчивым.

А. С. ГАНГЕБЛОВ. *Воспоминания декабриста*. М., 1888, стр. 188.

М. В. Юзефович рассказывал о Пушкине, с которым познакомился на Кавказе и был с ним под Эрзерумом. Он говорил, что Пушкину очень хотелось побывать под ядрами неприятельских пушек и, особенно, слышать их свист. Желание его исполнилось, ядра, однако, не испугали его, несмотря на то, что одно из них упало очень близко.

А. НИКИТЕНКО. II, 403.

Лагерная жизнь очень мне нравилась. Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах Таврийских.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум. гл.* III.

Пушкин носил и у нас щегольской черный сюртук, с блестящим цилиндром на голове; а потому солдаты, не зная, кто он такой, и видя его постоянно при Нижегородском драгунском полку, которым командовал Раевский, принимали его за полкового священника и звали драгунским батюшкой. Он был чрезвычайно добр и сердечен. Надо было видеть нежное участие, какое он оказывал Донцу Сухорукову, умному, образованному и чрезвычайно скромному литературному собрату, который имел несчастие возбудить против себя гонение тогдашнего военного министра Чернышева, по подозрению в какой-то интриге, по делу о преобразовании войска донского. У него, между прочими преследованиями, отняты были все выписки, относившиеся к истории Дона, собранные им в то время, когда он рылся в архивах, по поручению Карамзина. Пушкин, узнав об этом, чуть не плакал и все думал, как бы, по возвращении в Петербург, выхлопотать Сухорукову эти документы.—Во всех речах и поступках Пушкина не было уже и следа прежнего разнузданного

повесы. Он даже оказывался, к нашему сожалению, слишком воздержанным застольным собутыльником. Он отстал уже окончательно от всех излишеств... Я помню, как однажды один болтун, думая, конечно, ему угодить, напомнил ему об одной его библейской поэме, и стал было читать из нее отрывок. Пушкин вспыхнул, на лице его выразилась такая боль, что тот понял и замолчал. После Пушкин, коснувшись этой глупой выходки, говорил, как он дорого бы дал, чтоб взять назад некоторые стихотворения, написанные им в первой легкомысленной молодости. И ежели в нем еще иногда прорывались наружу неумеренные страсти, то мировоззрение его изменилось уже вполне и бесповоротно. Он был уже глубоко верующим человеком и одумавшимся гражданином, понявшим требования русской жизни и отрешившимся от утопических иллюзий.

В своем тесном кругу бывали у нас с Пушкиным откровенные споры. Я был ярый спорщик, он тоже. Раевский любил нас подзадоривать и стравливать. Однажды Пушкин коснулся аристократического начала, как необходимого в развитии всех народов; я же щеголял тогда демократизмом. Пушкин, наконец, с жаром воскликнул: «Я не понимаю, как можно не гордиться своими историческими предками! Я горжусь тем, что под выборною грамотой Михаила Федоровича есть пять подписей Пушкиных». Тут Раевский очень смешным сарказмом обдал его, как ушатом воды, и спор наш кончился. Уже после я узнал, по нескольким подобным случаям, об одной замечательной черте в характере Пушкина: об его почти невероятной чувствительности ко всякой насмешке, хотя бы самой невинной и даже пошлой. Против насмешки он оказывался всегда почти безоружным и безответным. Ее впечатление поражало его иногда так глубоко, что оно не сглаживалось в нем во всю жизнь.

Бориса Годунова и отрывки последней части «Онегина» Пушкин читал нам сам. Он, по-моему, не был чтецом-мастером: его декламация впадала в искусственность. Лев Сергеевич читал его стихи лучше, чем он. При чтении «Бориса Годунова» случился забавный эпизод. Между присутствующими был генерал М. *(Муравьев?)*, известный прежде всего своим колоссальным педантизмом. Во время сцены, когда самозванец, в увлечении, признается Марине, что он не настоящий Дмитрий, М. не выдержал и остановил Пушкина: «Позвольте, Александр Сергеевич, как же такая неосторожность со стороны самозванца? Ну, а если она его выдаст?». Пушкин с заметною досадой: «подождите, увидите, что не выдаст». После этой выходки, Пушкин об'явил решительно, что при М. он больше ничего читать не станет; и когда, потом, он собрался читать нам Онегина, то поставлены были маховые, чтоб дать знать, если будет к нам идти М. Он и шел; но, по данному сигналу, все мы разбежались из палатки Раевского. М. пришел, нашел палатку пустою и

возвратился во-свояси. Тогда мы собрались опять, и чтение состоялось.

В бывших у нас литературных беседах, я раз сделал Пушкину вопрос, всегда меня занимавший: как он не поддался тогдашнему обаянию Жуковского и Батюшкова и, даже в самых первых своих опытах, не сделался подражателем ни того, ни другого? Пушкин мне отвечал, что этим он обязан Денису Давыдову, который дал ему почувствовать еще в Лицее возможность быть оригинальным. Пушкин имел хорошее общее образование. Кроме основательного знакомства с иностранной литературой, он знал хорошо нашу историю, и вообще, для своего серьезного образования, воспользовался ссылкой. Так, между прочим, он выучился по-английски. С ним было несколько книг, и в том числе Шекспир. Однажды он, в нашей палатке, переводил брату и мне некоторые из него сцены. Я когда-то учился английскому языку, но не доучившись, как следует, забыл его впоследствии. Однакож все-таки мне остались знакомы его звуки. В чтении же Пушкина английское произношение было до того уродливо, что я заподозрил его знание языка и решил подвергнуть его экспертизе. Для этого, на другой день, я зазвал к себе его родственника Захара Чернышева, знавшего английский язык, как свой родной, и, предупредив его, в чем было дело, позвал к себе и Пушкина с Шекспиром. Он охотно принялся переводить нам его. Чернышев при первых же словах, прочитанных Пушкиным по-английски, расхохотался: «Ты скажи прежде, на каком языке читаешь?». Расхохотался в свою очередь и Пушкин, об'яснив, что он выучился по-английски самоучкой, а потому читает английскую грамоту, как латинскую. Но дело в том, что Чернышев нашел перевод его совершенно правильным и понимание языка безукоризненным.

М. В. ЮЗЕФОВИЧ. Воспоминания о Пушкине. *Рус. Арх.*, 1880, III, 435—445.

Мы стали подвигаться вперед, но с большою осторожностью. Через несколько дней, в ночном своем раз'езде, я наткнулся на все войско сераскира, выступившее из Гассан-Кале нам навстречу. По сообщении известия об этом Пушкину, в нем разыгралась африканская кровь, и он стал прыгать и бить в ладоши, говоря, что на этот раз он непременно схватится с турком; но схватиться опять ему не удалось, потому что он не мог из вежливости оставить Паскевича, который не хотел его отпускать от себя не только во время сражения, но на привалах, в лагере, и вообще всегда, на всех répos и в свободное от занятий время за ним посылал и порядочно—по словам Пушкина—ему надоел. Правду сказать, со всем желанием Пушкина убить или побить турка, ему уже на то не было возможности, потому что неприятель уже более нас не атаковал, а везде до самой сдачи без оглядки бежал, и все сражения, громкие в реляциях, были

только преследования неприятеля, который бросал на дороге орудия, обозы, лагери и отсталых своих людей. Всегда, когда мы сходились с Пушкиным у меня или Раевского, он бесился на турок, которые не хотят принимать столь желанного им сражения.

М. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 389.

(26 июня 1829 г., под Эрзерумом). Вокруг всего города были выстроены батареи, которые открыли по нас почти безвредный огонь. Тут я припоминаю немного смешной случай. Когда батарейная рота стала на позицию и снялась с передков, я со своею ротою следовал, чтобы занять подле нее место. Главнокомандующий *(Паскевич)*, со штабом, верхом на сером трухменском коне, стоял тут же; несколько офицеров были пешие; Пушкин стоял перед главнокомандующим на чистом месте один. Вдруг первый выстрел из батареи 21 бригады. Пушкин вскрикивает: «славно!». Главнокомандующий спрашивает: «Куда попало?» Пушкин, обернувшись к нему:—«Прямо в город!»—«Гадко, а не славно»,—сказал Ив. Фед—вич *(Паскевич)*.

Э. В. БРИММЕР. Служба артиллерийского офицера. *Кавказский сборник*, т. XVI, 1895, стр. 83.

Мы получили от Пушкина письмо из Арзерума, в котором, пишет он, ему очень весело. Дела делает он там довольно: ест, пьет и ездит с нагайкой на казацкой лошади.

Бар. А. А. ДЕЛЬВИГ—кн. П. А. Вяземскому, 30 авг. 1829 г. *Старина и Новизна*, 1902, кн. V, стр. 38.

* От В. Д. Вальховского я узнал некоторые подробности о ссоре Паскевича с Пушкиным. Мне передавали, что, когда Александр Сергеевич прибыл в армию, Паскевич принял его очень радушно и даже велел поставить ему палатку возле своей ставки. Разумеется, Пушкина более влекла к себе задушевная беседа с Вальховским и Раевским. У них-то он проводил все свободное время, и редко посещал свою палатку. До того он рыскал по лагерю, что иногда посланные от главнокомандующего звать Пушкина к обеду не находили его. При всякой же перестрелке с неприятелем, во время движения войск вперед, Пушкина видели всегда впереди скачущих казаков или драгун, прямо под выстрелы. Паскевич неоднократно предупреждал Пушкина, что ему опасно зарываться так далеко, и советовал находиться во время дела неотлучно при себе, точь-в-точь как-будто ад'ютанту. Это всегда возмущало пылкость характера и нетерпение Пушкина—стоять сложа руки и бездействовать. Он, как-будто нарочно, дразнил главнокомандующего и, не

слушая его советов, при первой возможности, скрывался от него, и являлся где-нибудь впереди в самой свалке сражения. После всего этого, вышла открытая ссора между Паскевичем и Пушкиным. Наконец, главнокомандующий, видя, что Пушкин явно удаляется от него, призвал к себе в палатку (во время доклада бумаг Вальховским) и резко об'явил:

— Господин Пушкин! мне вас жаль, жизнь ваша дорога для России; вам здесь делать нечего, а потому я советую немедленно уехать из армии обратно, и я уже велел приготовить для вас благонадежный конвой.

Вальховский передал мне, что Пушкин порывисто поклонился Паскевичу и выбежал из палатки, немедленно собрался в путь, попрощавшись с знакомыми и друзьями, и в тот же день уехал. Вальховский передавал мне под секретом еще то, что одною из главных причин неудовольствия главнокомандующего было нередкое свидание Пушкина с некоторыми из декабристов, находившимися в армии рядовыми. Говорили потом, что некоторые личности шпионили за поведением Пушкина и передавали свои наблюдения Паскевичу, разумеется, с прибавлениями, желая тем выслужиться.

Н. Б. ПОТОКСКИЙ. *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 583.

Возвращаясь во дворец, узнал я, что в Арзруме открылась чума. Мне тотчас представились ужасы карантина, и я в тот же день решился оставить армию. Мысль о присутствии чумы очень неприятна с непривычки. Желая изгладить это впечатление, я пошел гулять по базару. Остановясь перед лавкою оружейного мастера, я стал рассматривать какой-то кинжал, как вдруг ударили меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоял ужасный нищий. Он был бледен как смерть; из красных загноенных глаз его текли слезы. Мысль о чуме опять мелькнула в моем воображении. Я оттолкнул нищего с чувством отвращения неиз'яснимого, и воротился домой очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство, однако же, превозмогло: на другой день я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумленные. Я не сошел с лошади и взял предосторожность встать по ветру. Из палатки вывели нам больного; он был чрезвычайно бледен и шатался как пьяный. Другой больной лежал без памяти. Осмотрев чумного и обещав несчастному скорое выздоровление, я обратил внимание на двух турков, которые выводили его под руки, раздевали, щупали, как-будто чума была не что иное как насморк. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости в присутствии такого равнодушия, и поскорее возвратился в город.

19 июля пришел я проститься с графом Паскевичем. Он предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий; но

я спешил в Россию... Граф подарил мне на память турецкую саблю. В тот же день я оставил Арзрум.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. V.

(М. И. Пущин из Тифлиса в Пятигорск поехал с Дороховым, поставив ему условием ни с кем не драться по дороге. В Душете Дорохов избил по щекам своего и пущинского деньщиков, после чего Пущин уехал один). Во Владикавказе неожиданно прибегает ко мне Пушкин, об'являя, что он меня догонял, чтобы вместе ехать на воды. Он приехал вместе с Дороховым (который боялся ко мне идти), просил меня простить его и ручался за него, что он не будет более нарушать условие, а между тем в нем так много цинической грации, что сообщество его очень будет для нас приятно. Я согласился на просьбу Пушкина, он привел ко мне Дорохова с повинною, вытянутою фигурою, до того комическою, что мы с Пушкиным расхохотались, и я сделал с обоими новый договор—во все время нашего следования в товариществе до вод в карты между собой не играть. Оба на это согласились. Пушкин приказал притащить ко мне свои и Дорохова вещи и, между прочим, ящик отличного рейнвейна, который ему Раевский дал на дорогу. Мы тут же распили несколько бутылок.—Ехали мы втроем в коляске; иногда Пушкин садился на казачью лошадь и ускакивал от отряда, отыскивая приключений или встречи с горцами, встретив которых намеревался, ускакивая от них, навести их на наш конвой и орудие; но ни приключений, ни горцев он во всю дорогу не нашел. Тяжело было обоим во время привалов и ночлегов; один не смел бить своего деньщика, а другой не смел заикнуться о картах, пытаясь однако у меня несколько раз о сложении тягостного для него уговора. Один рейнвейн услаждал общую нашу скуку.

Приехали в Пятигорск. Я пошел осматривать источники. По возвращении домой я застал Пушкина с Дороховым и еще Павловского полка офицером Астафьевым, играющих в банк. На замечание мое, что они не исполняют условия, Пушкин отвечал, что условие ими свято выполнено, потому что оно дано было на время переезда к водам. Он был прав, и мне оставалось только присоединиться к их игре. Астафьев порядочно всех нас на первый же раз облупил. Пушкин в этот вечер выиграл несколько червонцев; Дорохов проиграл, кажется, более чем желал проиграть; Астафьев и Пушкин кончили игру в веселом расположении духа, а Дорохов отошел угрюмый от стола. Когда Астафьев ушел, я спросил Пушкина, как случилось, что, не будучи никогда знаком с Астафьевым, я нашел его у себя с ним играющего.—«Очень просто,—отвечал Пушкин;—мы, как ты ушел, послали за картами и начали играть с Дороховым; Астафьев, проходя мимо, зашел познакомиться; мы ему предложили поставить карточку, и оказалось, что он—добрый

малый и любит в карты играть».—Как бы я желал, Пушкин, чтобы ты скорей приехал в Кисловодск и дал мне обещание с Астафьевым в карты не играть».—«Нет, брат, дудки! Обещания не даю, Астафьева не боюсь и в Кисловодск приеду скорей, чем ты думаешь». Но на поверку вышло не так: более недели Пушкин и Дорохов не являлись в Кисловодск, наконец приехали вместе, оба продувшиеся до копейки. Пушкин проиграл тысячу червонцев, взятых им на дорогу у Раевского. Приехал он ко мне с твердым намерением вести жизнь правильную и много заниматься; приказал моему деньщику приводить ему по утрам одну из лошадей моих и ездил кататься верхом. Мне странна показалась эта новая прихоть; но скоро узнал я, что в Солдатской слободке около Кисловодска поселился Астафьев, и Пушкин каждое утро к нему заезжал. Однажды, возвратившись с прогулки, он высыпал при мне несколько червонцев на стол.—«Откуда, Пушкин, такое богатство?».—«Должен тебе признаться, что я всякое утро заезжаю к Астафьеву и довольствуюсь каждый раз выигрышем у него нескольких червонцев. Я его мелким огнем бью, и вот сколько уже вытащил у него моих денег». Всего было им наиграно червонцев двадцать. Я ему предсказывал, что весь свой выигрыш он разом оставит в один прекрасный день. Узнал я это тогда, когда он попросил у меня 50 червонцев, ехавши на игру... Несмотря на намерение свое много заниматься, Пушкин, живя со мною, мало чем занимался. Вообще мы вели жизнь разгульную, часто обедали у Шереметева, Петра Васильевича, жившего с нами в доме Реброва. Шереметев кормил нас отлично и к обеду своему собирал всегда довольно большое общество. Разумеется, после обеда «в ненастные дни занимались они делом: и приписывали, и отписывали мелом». Тут явилась замечательная личность, которая очень была привлекательна для Пушкина, сарапульский городничий Дуров *(брат «девицы-кавалериста» Дуровой)*. Цинизм Дурова восхищал и удивлял Пушкина; забота его была постоянная заставлять Дурова что-нибудь рассказывать из своих приключений, которые заставляли Пушкина хохотать от души; с утра он отыскивал Дурова и поздно вечером расставался с ним.

М. И. ПУЩИН. Встреча с Пушкиным на Кавказе. *Л. Майков,* 391—393.—ОН ЖЕ. Записки. *Рус. Арх.*, 1908, III, 546—548. *(Тексты «Встречи» и «Записок» значительно разнятся друг от друга; нами выбрано из обоих наиболее характерное).*

Лицейский твой товарищ Пушкин, который с пикою в руках следил турок перед Арзерумом, по взятии оного возвратился оттуда и приехал ко мне на воды, — мы вместе пьем по нескольку стаканов кислой воды и по две ванны принимаем в день.

М. И. ПУЩИН—И. И. Пущину, 25 авг. 1829 г., из Кисловодска. *Щукинский сборник*, вып. III, стр. 324.

Здание старой казенной гостиницы в Кисловодске выстроено в самом парке в 20-х годах из корабельных сосен, срубленных под Эльбрусом. Пушкин приехал в Кисловодск вместе с Дороховым и М. Пущиным, жил в этой, тогда только что отстроенной гостинице, а потом в доме доктора Реброва, в компании с П. В. Шереметевым... Дом, описанный Лермонтовым в рассказе «Княжна Мэри», цел до сих пор; это тот самый дом, бывший д-ра Реброва, в котором жил Пушкин, о чем, конечно, хорошо знал Лермонтов, а потому, может быть, и увековечил описание этого дома. Дом—деревянный, старой постройки и архитектуры, с мезонином и деревянными же толстыми колоннами. Из этого-то мезонина, в рассказе Лермонтова, и спускался по привязанной наверху шали Печорин.

И. Н. ЗАХАРЬИН. Кавказские минеральные воды. *Истор. Вестн.*, 1903, № 9, стр. 1019.

Приближалось время от'езда; Пушкин условился ехать с Дуровым до Москвы; но ни у того, ни у другого не было денег на дорогу. Я снабдил ими Пушкина на путевые издержки; Дуров приютился к нему. Из Новочеркасска Пушкин мне писал, что Дуров оказался chevalier d'industrie, выиграл у него пять тысяч рублей, которые Пушкин достал у наказного атамана Иловайского, и, заплативши Дурову, в Новочеркасске с ним раз'ехался и поскакал один в Москву.

М. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 394.

Я познакомился с Дуровым на Кавказе в 1829 г., возвращаясь из Арзрума. Он лечился от какой-то удивительной болезни в роде каталепсии, и играл с утра до ночи в карты. Наконец он проигрался, и я довез его до Москвы в моей коляске.

ПУШКИН. *Заметка о Дурове («Дуров— брат той Дуровой...»).*

С. Н. Гончаров помнит хорошо приезд Пушкина с Кавказа. Было утро; мать еще спала, а дети сидели в столовой за чаем. Вдруг стук на крыльце, и вслед за тем в самую столовую влетает из прихожей калоша. Это Пушкин, торопливо раздевавшийся. Войдя, он тотчас спрашивает про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смела выйти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая теща приняла Пушкина в постели.

С. Н. ГОНЧАРОВ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1881, II, 498.

Однажды мы сидели в кабинете Василия Львовича *(Пушкина)*: он, М. А. Салтыков, Шаликов и я; отворилась дверь и вошел А. С. Пушкин. Поэт обнял дядю, подал руку Салтыкову

и Шаликову; Вас. Л—вич назвал ему меня, мы раскланялись... А. С. рассказывал о своей поездке в Арзрум. Между тем кн. Шаликов присел к столу и писал.—«Недавно был день вашего рождения, Ал. С—ч,—сказал он поэту.—Я подумал, что никто не воспел такого знаменитого дня и написал вот что». Он подал бумагу Пушкину; тот прочитал, пожал руку автору и положил записку в карман, не делая нас участниками в высказанных ему похвалах.[1])

А. А. КОНОНОВ. Из записок. *Библиографич. Записки*, 1859, № 10, стр. 307.

Сохранился альбом младшей из девиц Ушаковых, Елизаветы Николаевны. Первоначально это был чистенький альбом, который разные неизвестные в литературе лица украшали своими русскими и французскими стихами; но потом тетрадка была предоставлена в распоряжение Пушкина, и он испестрил ее своими рисунками. Видно, что все это набрасывалось в течение долгих бесцеремонных бесед в домашнем кругу. Рисунки Пушкина изображают то мужские лица, то женские головки, то мужские и женские фигуры большею частью в восточных костюмах,— без сомнения, воспоминания из его кавказской поездки 1829 года. На одной картинке изображен человек верхом на лошади, в бурке и круглой шляпе, с пикой на перевес в руке; это Пушкин во время одной из схваток с турками (14 июня 1829 года). К числу кавказских воспоминаний относится и вид восточного города, с плоскими крышами домов и минаретами; набросав этот вид, Пушкин подписал над ним: «Арзрум, взятый помощью божией и молитвами Екатерины Николаевны 27 июня 1829 г. от Р. Х.», а другая, повидимому, женская рука вставила в эту подпись, после слов «взятый», еще следующие: *мною А. П.*

Альбом Елизаветы Николаевны хранит многие следы шалостей Пушкина. К числу их относятся те рисунки, в которых можно видеть намеки на расположение обладательницы альбома к С. Д. Киселеву. Своими набросками Пушкин как бы предсказывает их супружество. Он несколько раз рисует профиль Елизаветы Николаевны, и притом всегда изображает барышню уже в чепчике, в костюме молодой дамы. Один из рисунков представляет ее с кошкой на руках, и под ним стоит подпись: «Al. Pouch. pinxit. 5 октября 1829». Дважды рисует

---

[1]) В «*Дамском Журнале*» кн. Шаликова (1829, № 41, стр. 27) помещено стихотворение без подписи:

К А. С. ПУШКИНУ.

В день рожденія.

Когда рождался ты,—хор в Олимпійском мире
Средь небожителей пророчески воспел:
Младенца славный ждет удел—
Пленять сердца игрой на лире.

(Цензурная помета—30 сент. 1829 г.).

он и самого С. Д. Киселева, в очках и придавая ему вид пожилого толстяка. Еще одна картинка изображает Елизавету Николаевну, опять в чепчике, окруженною котятами и устремляющую свои вооруженные очками глаза на жирного кота, тоже в очках, который сидит перед нею с поднятою лапкою. Под этой картинкой подпись: «Елизавета Миколавна в день ангела Д.-Жуана». Понятно, кто в данном случае разумелся под этим именем. Дело в том, что обладательница прекрасных черных глаз Елизавета Николаевна была очень близорука и, когда пела, должна была надевать очки, чтобы видеть ноты, положенные на высоком пюпитре. В таком виде и нарисовал ее Пушкин, а перед нею—поместившегося на том же пюпитре кота, который дирижирует лапкой. Она поет одну из тех арий, исполнением которых особенно восхищался С. Д. Киселев. Рисунок, сейчас описанный, Пушкин называл: «Будущее семейное счастие Лизаветы Миколавны». Случалось, что, желая сконфузить ее намеком на того, кто ей нравился, Пушкин неожиданно принимался мяукать или звать кошку: «кис, кис, кис», как бы произнося начальные звуки фамилии Сергея Дмитриевича. Иногда Пушкин называл Елизавету Николаевну «кисанькой» и, согласно с таким названием, нарисовал на одном листке альбома кошку, которой придан профиль его обладательницы; у ее ног лежат трупы двух крыс, а вдали победоносно шествует очень маленького роста Дон-Жуан, на которого «кисанька» ласково поглядывает. По преданию, сохранившемуся в семье Киселевых, кошки были вообще любимым произведением Пушкинского карандаша; он рисовал их всегда и везде,—в альбоме знакомой барышни, на случайно подвернувшемся клочке бумаги, на зеленом сукне ломберного стола, рисовал их всегда одним и тем же приемом, в одном и том же виде, то-есть свернутыми калачиком,—и этими рисунками, в которых заключался известный намек, немало досаждал Елизавете Николаевне. Зато «Пушкинская кошка» и получила в ее семействе особенное, заветное значение.

Но если Пушкин не стеснялся там в шутках и шалостях, то в свою очередь молодые хозяйки нередко обращали на него свое остроумие. В особенности корили его за непостоянство его сердца, и Пушкин откровенно винился в обилии своих сердечных увлечений: в альбоме Елизаветы Николаевны он собственноручно написал имена женщин, которыми в течение своей жизни, с ранней юности, он увлекался. Одной молодой особе женского пола посвящены в том же альбоме три наброска. На одном она изображена en face с протянутою рукой, на другом—спиной, с обращенною влево головой и тоже с протянутою правою рукой; к этой женской руке тянутся с края листка две мужские (самой мужской фигуры не нарисовано за недостатком места): в левой руке письмо, а правая украшена очень длинными ногтями. Известно, что у Пушкина была привычка носить длинные ногти. На обеих картинках у барышни нарисованы большие ноги, и

на втором рисунке написаны произносимые ею слова: «Как вы жестоки! Мне в эдаких башмаках нельзя ходить: они мне слишком узки, жмут ноги: мозоли будут». Кроме этих надписей, на обоих рисунках есть еще по приписке, сделанной неизвестным почерком: на первом—«Kars, Kars», и на втором—«Карс, Карс, брат! Брат, Карс!». Та же особа представлена еще на одной картинке, о чем можно заключать по надписи на ней, сделанной женским почерком: «О горе мне! Карс, Карс! Прощай, бел свет! Умру!». Здесь изображена обращенная спиной женская фигура в пестром платье, с шляпой на голове и с веером в руке, на котором написано: «Stabat Mater dolorosa». Дополнением к этим трем рисункам является еще четвертый, изображающий очень отчетливо нарисованное, быть может, Пушкиным—лицо пожилой женщины сурового вида, в чепце, с подписью (неизвестного почерка): «Маменька Карса».

Предание, сохраненное Н. С. Киселевым, дает ключ к об'яснению этих рисунков: Пушкин называл Карсом Наталью Николаевну Гончарову, которая уже нравилась ему в то время, но казалась столь же неприступною, как знаменитая турецкая крепость. «Маменька Карса», как известно, долго держала влюбленного поэта на искусе, и, по свидетельству Н. С. Киселева, Пушкин намекал на это испытание, когда в альбоме Ушаковой рисовал себя облеченным в монашескую рясу и клобук.

По словам Н. С. Киселева, Пушкин носил на левой руке, между плечом и локтем, золотой браслет с зеленою яшмой с турецкою надписью. Браслет этот был подарен им Е. Н. Ушаковой.

Л. Н. МАЙКОВ. *Пушкин*, 365—377.

Всякое даяние благо, всяк дар совершен свыше есть. Катерине Николаевне Ушаковой. От А. П. 21 сентября 1829. Москва. Nec femina nec puer *(ни женщина, ни мальчик)*.

ПУШКИН. Надпись на обложке «Стихотворений Ал. Пушкина». I ч. СПБ. 1829. *Материалы общ-ва изучения Тверского Края*. Вып. 3. Апрель 1925 г. Тверь. Стр. 17.

Сколько мучений ждало меня при моем возвращении! Ваше молчание, ваш холодный вид, прием mademoiselle N. *(Нат. Ник—ны)*—такой равнодушный, такой невнимательный... У меня не хватило смелости об'ясниться, я уехал в Петербург со смертью в душе. Я чувствовал, что я играл роль довольно смешную, я был робок первый раз в моей жизни, а в людях моих лет может нравиться молодой особе в возрасте вашей дочери не робость.

ПУШКИН—Н. И. Гончаровой, перв. пол. апр. 1830 г. *(Фр.)*.

Государь император, узнав, по публичным известиям, что вы, милостивый государь, странствовали за Кавказом и посещали Арзерум, высочайше повелеть мне изволил спросить вас, по чьему позволению предприняли вы сие путешествие. Я же с своей стороны покорнейше прошу вас уведомить меня, по каким причинам не изволили вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предуведомив меня о намерении вашем сделать сие путешествие.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ—Пушкину, 14 окт. 1829 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина*, II, 96.

Проезжая из Арзрума в Петербург, я своротил вправо и прибыл в Старицкий уезд для сбора некоторых недоимок. Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились! То-то побесили бы баронов и простых дворян... В Бернове я не застал уже толсто...ую Минерву. Зато Netty, нежная, томная, истерическая, *потолстевшая* Netty, здесь. Вот уже третий день, как я в нее влюблен. Поповна (ваша Клариса) в Твери... Ив. Ив. на строгой диэте (. . . . . своих одалисок раз в неделю). Недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имеет привычку крестить все предметы, окружающие ее постелю. Постараюсь достать (как памятник непорочной моей любви) сосуд ею освященный. Сим позвольте заключить трогательное мое послание.

ПУШКИН—Алексею Ник. Вульфу 16 окт. 1829 г., из Малинников.

В одном из сестриных писем... приписка от Пушкина, в то время бывшего у них в Старице проездом из Москвы в Петербург. Как прошлого года в это же время писал он ко мне в Петерб. о тамошних красавицах, так и теперь, величая меня именем Ловласа, сообщает он известия очень смешные об них, доказывающие, что он не переменяется с летами и возвратился из Арзрума точно таким, каким и туда поехал,—весьма циническим волокидою... Во втором письме сестра пишет только о Пушкине, его волокидствах за Netty.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник. *Пушкин и его с-ки*, XXI—XXII, стр. 115—116.

Александр Сергеевич сообщает мне известия о тверских красавицах. Кажется, самое время не имеет власти над ним, он не переменяется: везде и всегда один и тот же. Возвращение наших барышень, вероятно, отвлекло его от Netty, которой он говорит нежности или относя их к другой, или от нечего делать. В следующих твоих письмах я верно узнаю, как продолжится и чем окончится любопытный его *заезд из Арзерума в Павловское*.

По происхождению его, азиатские вкусы не должны быть чужды; не привез ли он какого-нибудь молодого *Чубукчи-Пашу* (податель трубки)?—Это было бы нужно для оправдания его слов. По письму Анны Петровны *(Керн)*, он уже в Петербурге; она одного мнения с тобою в том, что цинизм его увеличивается.

АЛ. Н. ВУЛЬФ—сестре своей Анне Н. Вульф. *Пушкин и его с-ки*, I, 86.

Я чувствую, насколько положение мое было ложно и поведение—легкомысленно. Мысль, что это можно приписать другим мотивам, была бы для меня невыносима. Я предпочитаю подвергнуться самой строгой немилости, чем показаться неблагодарным в глазах того, кому я обязан всем, для кого я готов пожертвовать своим существованием, и это не фраза.

ПУШКИН—графу Бенкендорфу, 10 ноября 1829 г., из Петербурга.

(Окончание главы IX — в III выпуске.)

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
„НЕДРА“

Редакция и контора: уг. Свердловской площ. и Охотного ряда, д. 2/7, помещение 10, телеф. 5-05-98.

Склад: Тверская, Пименовский пер., д. 8, телеф. 2-17-71.

НОВЕЙШАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ангарский, Н.—Времена года в русской поэзии . . . . . 1 р. 50 к.
Бахметьев, В.—На земле, рассказы . . . . . — р. 80 к.
Бибик, А.—К широкой дороге, роман, изд. 6 . . . . . 2 р. 25 к.
„ „—На черной полосе, роман, изд. 6 . . . . . 1 р. 90 к.
„ „—Рассказы, т. 1 . . . . . 1 р. 20 к.
„ „—Рассказы, т. 2 . . . . . 1 р. 20 к.
Булгаков, М.—Дьяволиада, рассказы . . . . . 1 р. 50 к.
Веселый, Артем.—Страна родная, роман, изд. 2 . . . . . 1 р. 40 к.
Вересаев, В.—Аполлон и Дионис (о Ницше), изд. 2 . . . . — р. 90 к.
„ „—Гомеровы гимны, перев. с греч. . . . . 1 р. 10 к.
„ „—Гесиод.—Работы и дни, перев. с греч. . . . . 1 р. 20 к.
„ „—В тупике, роман, издание 4-ое . . . . . 2 р. — к.
„ „—Записки врача, издан. 11 . . . . . 1 р. 60 к.
„ „—Пушкин в жизни. В. 1, изд. 2 . . . . . 1 р. 60 к.
„ „—Пушкин в жизни. В. 2, изд. 2 . . . . . печатается
„ „—Пушкин в жизни. В. 3 . . . . . 1 р. 50 к.
„ „—Пушкин в жизни. В. 4 . . . . . 1 р. 70 к.
„ „—Об обрядах старых и новых . . . . . — р. 25 к.
„ „—Что нужно для того, чтобы быть писателем? . — р. 25 к.
„ „—Два конца, повесть . . . . . печатается
Герасимов, М.—Покос, стихи . . . . . 1 р. 25 к.
Грин, А.—Гладиаторы, рассказы . . . . . — р. 75 к.
Губер, Б.—Соседи, рассказы . . . . . 1 р. 20 к.
Завадовский, Л.—Песнь седого волка, рассказы . . . . . 1 р. 30 к.
„ „—Вражда, рассказы . . . . . 1 р. — к.
Завалишин, А.—Первый блин, рассказы . . . . . — р. 75 к.
Зилов, Л.—Май и Октябрина, сказка в стихах . . . . . распродано

Иванов, Вс.—Сопки, повести. Т. 1 . . . . . распродано
„ „ —Возвращение Будды, рассказы. Т. 2 . . . . . 1 р. — к.
Кириллов, В.—Стихотворения. Книга первая . . . . . распродано
„ „ —О детстве, море и красном знамени, поэма . . — р. 50 к.
Крутиков, Д.—Старый хмель, рассказы . . . . . 1 р. 20 к.
Ляшко, Н.—Повести. Изд. 2 . . . . . 1 р. — к.
„ „ —Железная тишина, рассказы. Изд. 3 . . . . . распродано
„ „ —Радуга, рассказы. Изд. 2 . . . . . — р. 75 к.
Мстиславский, С.—Крыша мира, роман . . . . . распродано
Никандров, Н.—Рынок любви, рассказы. Изд. 3 . . . . . 1 р. 60 к.
„ „ —Любовь Ксении Дмитриевны, рассказы . . . 1 р. 40 к.
Обрадович, С.—Винтовка и любовь, стихи . . . . . — р. 75 к.
Перегудов, А.—Человечья весна, рассказы . . . . . 1 р. 10 к.
Ряховский, В.—Сокращение штатов, рассказы . . . . . — р. 65 к.
Руднев, С.—Под карантинным флагом . . . . . 1 р. 50 к.
Садофьев, И.—Простей простого, стихи . . . . . 1 р. 25 к.
Серафимович, А.—Железный поток, повесть . . . . . распродано
„ „ —Живая тюрьма, рассказы . . . . . распродано
„ „ —Ледоход, рассказы. Изд. 2 . . . . . — р. 90 к.
Сергеев-Ценский, С.—Недра, рассказы . . . . . 1 р. 20 к.
Тренев, К.—Пугачевщина, картины народной трагедии . . распродано
Чапыгин, А.—Плаун, рассказы . . . . . 1 р. 15 к.
Яблочков, Г.—Товарищ Полетаев, повесть . . . . . — р. 40 к.
Яковлев, А.—Повольники, рассказы. Изд. 3 . . . . . 1 р. — к.
„ „ —Без берегов, рассказы . . . . . печатается
„ „ —Счастье, рассказы . . . . . печатается
„ „ —Лесная тайна . . . . . — р. 90 к.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ГОМЕРОВЫ ГИМНЫ

Перевел с древне-греческого В. Вересаев

Цена 1 руб. 10 коп.

ГЕСИОД

РАБОТЫ И ДНИ

Перевел с древне-греческого В. Вересаев

В 1918 Г. ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК ПЕРЕВОД УДОСТОЕН ПОЛНОЙ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМИИ

Цена 1 руб. 20 коп.

ЦЕНА 1 р. 75 к.

ОА

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
„НЕДРА“

Редакция и контора: Уг. Свердловской площ. и Охотного ряда, д. 2/7, пом. 10, телеф. 5-05-98.

Склад изданий: Тверская, Пименовский пер., дом 8, тел. 2-17-71.